

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Ноябрь
Декабрь

6-2023

Современная **ЕВРОПА**



ISSN 0201-7083

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**



Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

6 (120) ноябрь-декабрь 2023 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,

С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬАНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

ZHURAVEL V. Freezing of Russia's Arctic Chairmanship • **NIKITINA Yu.** Habit, Arguing and Emotions in Russia-EU Relations pre-2022: Concepts of Social Actions • **SHIMOV V.** Belarus as an Object of Poland's Foreign Policy • **MIKHALEV O.** Priorities of Poland's Policy Towards Ukraine • **SKRIPKA I.** The Norway's Policy in the Context of the Russia's Special Military Operation in Ukraine • **SHIBKOVA M., SHIBKOVA O.** The Balkan Vector of Italy's Current Foreign Policy • **PROROKOVIĆ D.** Depopulation of the Balkans: how the EU Periphery is Hollowing Out • **GONZÁLEZ-VILLA C., RADELJIĆ B.** Too Little, Too Late: the Catalan Debacle in Light of the Slovenian Attainment of Independence • **GRISHIN Y., ISLAMOV D.** Soft Power in Turkey's Foreign Policy in Europe • **TAYAR V., PONOMAREV E.** European Union Transregional Cooperation with Latin America: Perspectives, Opportunities, Constraints • **PLYUSNIN R., VASILCHENKO A.** Factors of Foreign Trade Resilience on the Example of the North Europe Countries. Ability to Recover • **SYSOYEVA R.** Analysis of the Regional Integration Theory on the Example of the EAEU • **ROZHIN A.** Trade Unions in Germany: Challenges and Solutions • **PARENKOV D., VOROTNIKOV V.** Western Churches and Politics: Frontiers of Ideologic Divergence • **STAROSTIN A., YARKOV A.** Islam in Yamal: Features of Integration in the Arctic Zone • **MEZHEVICH N., NOVIKOVA I.** Finnish–Estonian Defence Cooperation. Lessons of 1939–1940 for the USSR and Their Modern Interpretation • **KHUDOLEY K.** Europe in the Crisis World: Pressing Issues, Unobvious Solutions • **YANBIN U.** China's Investment in EU member-states' Seaports

INHALT

ZHURAVEL V. Einfrieren von dem russischen Vorsitz des Arktischen Rates • **NIKITINA U.** Gewohnheit, Streit und Gefühle in den Russland-EU Beziehungen vor 2022: Konzepte sozialen Handelns • **SCHIMOV V.** Belarus als Gegenstand der Außenpolitik Polens • **MIKHALEV O.** Prioritäten der Politik Polens gegenüber der Ukraine • **SKRIPKA I.** Norwegens Politik vor dem Hintergrund der speziellen Militäroperation Russlands in der Ukraine • **SCHIBKOVA M., SCHIBKOVA O.** Balkanische Richtung gegenwärtiger Außenpolitik Italiens • **PROROKOVITSCH D.** Entvölkerung des Balkans: Wie leert sich die Peripherie der EU • **GONZÁLEZ-VILLA C., RADELJIĆ B.** Zu wenig, zu spät: Katalanisches Debacle angesichts der slowenischen Erlangung der Unabhängigkeit • **GRISCHIN J., ISLAMOV D.** Türkische Außenpolitik in Europa: Faktor der "weichen Macht" • **TAJAR V., PONOMAREV E.** Überregionale Zusammenarbeit der EU mit Lateinamerika: Perspektiven, Möglichkeiten und Einschränkungen • **PLJUSNIN R., VASILCHENKO A.** Resilienzfaktoren des Außenhandels in nordeuropäischen Ländern: Regenerationsfähigkeit • **SYSOEW R.** Entwicklung der Eurasischen Wirtschaftsunion durch das Prisma einer Theorie regionaler Integration • **ROZHIN A.** Gewerkschaften in Deutschland: Forderungen und Lösungen • **PARENKOV D., VOROTNIKOV V.** Westliche Kirchen und Politik: Konturen der ideologischen Gegensätze • **STAROSTIN A., JARKOV A.** Islam in Yamal: Besonderheiten der Integration in der arktischer Zone • **MEZHEVICH N., NOVIKOVA I.** Militärkooperation zwischen Finnland und Estland. Unterrichten der 1939–1940 für die UdSSR und gegenwärtige Interpretation • **HUDOLEJ K.** Europa in der Krise: wachsende Probleme ohne Lösungen • **JANBIN U.** Chinesische Investitionen in Seehäfen von EU-Ländern

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Журавель В.П. «Заморозка» арктического председательства России	5
Nikitina Yu.A. Habit, Arguing and Emotions in Russia-EU Relations pre-2022: Concepts of Social Actions	16
Шимов В.В. Белоруссия как объект польской внешней политики	26
Михалев О.Ю. Приоритеты политики Польши в отношении Украины ...	38
Скрипка И.Р. Политика Норвегии в контексте специальной военной операции РФ на Украине.....	49
Шибкова М.О., Шибкова О.С. Балканский вектор современной внешней политики Италии	59
Пророкович Д.Н. Депопуляция Балкан: как опустошается периферия ЕС	71
Carlos González-Villa; Branislav Radeljić. Too Little, Too Late: the Catalan Debacle in Light of the Slovenian Attainment of Independence	81
Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы»	96

ЕВРОПА – ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Тайар В.М., Пономарев Е.А. Трансрегиональное сотрудничество Евросоюза с Латинской Америкой: перспективы, возможности, ограничения	110
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Плюснин Р.М., Васильченко А.Д. Факторы внешнеторговой резильентности на примере стран Северной Европы. Способность к восстановлению	126
--	-----

<i>Сысоева Р.В.</i> Развитие ЕАЭС через призму теории региональной интеграции	142
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

<i>Рожин А.А.</i> Профсоюзы в Германии: вызовы и решения	154
--	-----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

<i>Пареньков Д.А., Воротников В.В.</i> Западные церкви и политика: контуры идейных противоречий	167
---	-----

<i>Старостин А.Н., Ярков А.П.</i> Ислам на Ямале: особенности интеграции в Арктической зоне	180
---	-----

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Межевич Н.М., Новикова И.Н.</i> Военное сотрудничество Финляндии и Эстонии. Уроки 1939–1940 гг. для СССР и их современная интерпретация	193
--	-----

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

<i>Худолей К.К.</i> Европа в кризисном мире: нарастающие проблемы без однозначных решений	204
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Яньбинь У.</i> Инвестиции Китая в морские порты стран ЕС	217
---	-----

IN MEMORIAM

Элен Каррер д'Анкос	226
----------------------------------	-----

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 327

«ЗАМОРОЗКА» АРКТИЧЕСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

© 2023 **ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович**

Кандидат педагогических наук, доцент

Отдел страновых исследований, Центр арктических исследований

Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: zhvalery@mail.ru

Поступила в редакцию 27.07.2023

После доработки 21.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье подведены основные итоги председательства России в Арктическом совете (АС, Совет) в 2021–2023 гг. и выделены четыре основных его периода. Из-за событий на Украине председательство было заблокировано западными странами. В этих условиях РФ направила усилия на северные территории страны. Россия в условиях санкций и геополитической нестабильности сумела провести большую часть запланированных мероприятий, касающихся развития экономики и социальной сферы, изучения изменения климата, экологии, человеческого капитала, деятельности коренных малочисленных народов, молодежи, туризма, предотвращения чрезвычайных ситуаций. В период председательства в АС руководство страны уделяло внимание совершенствованию функционирования Северного морского пути и социально-экономическому развитию арктических субъектов РФ. Однако из-за деструктивной позиции ряда западных стран России не удалось в полном объеме реализовать запланированные мероприятия. Это наложило негативный отпечаток на деятельность организационного комитета, представителей задействованных министерств, ведомств, арктических регионов страны и научных организаций. В мае 2023 г. Россия в дистанционном формате передала председательство в АС Норвегии. Москва по-прежнему исходит из того, что актуальные проблемы Арктического региона можно решить только путем взвешенной и взаимовыгодной международной кооперации.

Ключевые слова: российская Арктика, Арктический совет, российское председательство 2021–2023, устойчивое развитие, геополитическая нестабильность, санкции, международное сотрудничество, Норвегия

DOI: 10.31857/S0201708323060013

EDN: xxrthg

20 мая 2021 г. председательство в Арктическом совете (АС, Совет) перешло от Рейкьявика к Москве. Министр иностранных дел Исландии Г.Т. Тордарсон передал председательство в АС на двухлетний срок С.В. Лаврову.

Председательство РФ имело ряд существенных особенностей. Оно началось в год 25-летия АС (19 сентября 2021 г.), что накладывало особую ответственность за результаты в социально-экономическом развитии и природоохранной деятельности. Россия возлагала на председательство большие надежды, т. к. оно могло способствовать снижению конфликтного потенциала в мире, в первую очередь в Европе.

Председательство России в АС прошло четыре периода: подготовительный (ноябрь 2020 г. – май 2021 г.), который был наиболее содержательным и планомерным; начальный (май 2021 г. – март 2022 г.); председательство в условиях санкций и бойкота (март 2022 г. – март 2023 г.) и заключительный период, связанный с поиском наиболее приемлемой формы завершения председательства (апрель – май 2023 г.). Эти периоды тесно связаны, но различаются эффективностью.

Замысел председательства России в АС и его бойкот

Заблаговременно был образован Организационный комитет по подготовке и обеспечению председательства РФ в АС в 2021–2023 гг. Председателем комитета стал Ю.П. Трутнев, заместитель председателя правительства Российской Федерации, полномочный представитель президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе¹. В комитете широко обсуждались в ведомственном формате актуальные вопросы председательства РФ в Совете. В 2020–2021 гг. среди представителей российского научного сообщества наблюдался большой интерес к предстоящим событиям [Краснопольский, 2020; Корчунов, 2021; Тишков, 2021; Хусаинова, 2021; Криворотов, 2023].

Россия подготовила обширную, многостороннюю и содержательную программу. В дополнение к ней председатель правительства РФ М.В. Мишустин 30 апреля 2021 г. утвердил план, который включал в себя 116 мероприятий, сгруппированных в 11 разделов. Эти решения были подкреплены финансированием арктических проектов на период 2021–2024 гг. из средств федерального бюджета на сумму более 15

¹ Указ Президента РФ от 25.11.2020 г. № 740 «Об Организационном комитете по подготовке и обеспечению председательства РФ в Арктическом совете в 2021–2023 годах». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=755222&dst=100001#C5iACYTGmHCflpZ1> (дата обращения: 15.07.2023).

млрд руб. Лозунгом председательства стало «Ответственное управление для устойчивой Арктики». Россия приняла решение развивать сотрудничество со странами – участниками межправительственного форума по четырем приоритетным направлениям: население Арктики, включая коренные малочисленные народы Севера; охрана арктической окружающей среды и изменение климата; социально-экономическое развитие региона; укрепление роли Совета как основной площадки многостороннего сотрудничества в высоких широтах [Журавель, 2021].

Направления российской программы¹ были тесно взаимосвязаны и в полной мере учитывали арктическую повестку стран АС. Они своевременно довелись до стран-учредителей, государств-наблюдателей, представителей коренных народов, научной общественности. Россия была намерена продемонстрировать ведущую роль в Арктике.

В марте 2022 г. семь стран Арктического совета (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия и Швеция) в знак протеста против специальной военной операции России на Украине отказались принимать участие во всех заседаниях, проходящих под председательством РФ и на ее территории², несмотря на единый стратегический план АС, принятый в Рейкьявике³. 8 июня 2022 г. бойкотирующие Россию государства приняли решение ограниченно возобновить деятельность Совета без участия РФ⁴. Первоначально эта информация была опубликована на сайте госдепартамента США, что указывает на инициатора этих решений. Все это в конечном итоге выразилось в масштабном бойкоте председательства РФ в Арктическом совете [Журавель, 2022с].

Одновременно ряд крупных европейских и азиатских транснациональных компаний вышли из арктических проектов или пересмотрели планы по инвестированию, несмотря на значительные финансовые и имиджевые потери. Еврокомиссия наложила санкции на программу «Коларктик», играющую важную роль в межрегиональном сотрудничестве. Члены Совета Баренцева/Евроарктического региона

¹ Эти направления нашли отражение в деятельности Центра арктических исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН [Журавель, 2022b]. Сотрудники Центра провели две конференции, подготовили монографию [Журавель, 2022d], опубликовали более 20 статей на эту тему. Центр арктических исследований проанализировал возможные риски, освещал ход и проблемы председательства, информировал об инновационных предложениях России на арктическом направлении в перспективных отраслях экономики [Журавель, 2022a].

² Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. U.S. Department of State. 03.03.2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-ofukraine/> (дата обращения: 05.07.2023).

³ Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. Arctic Council. 20.05.2021. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

⁴ Joint Statement on Limited Resumption of AC Cooperation. U.S. Department of State. 08.06.2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-onlimited-resumption-of-arcticcouncil-cooperation/> (дата обращения: 05.07.2023).

объявили о приостановке сотрудничества с РФ. Было значительно ограничено научное сотрудничество с Международным советом по науке и Международным арктическим научным комитетом. Прекращена деятельность РФ в Совете министров Северных стран. На страновом уровне заморозено арктическое сотрудничество, которое начало приобретать недружественный характер [Громыко, 2022; Журавель, Тимошенко, 2022; Тимошенко, 2022]. Таким образом, была предпринята попытка поставить под сомнение ведущую роль РФ в Арктическом регионе.

Перенос акцента председательства на северные территории России

Март – май 2022 г. стал сложным периодом председательства России. Было принято решение о его продолжении. Основные усилия направлялись на развитие российских арктических территорий.

Решение о переносе акцента председательства на проблемы российских северных регионов позволило уже в 2022 – начале 2023 гг. сделать важные шаги. Например, объем перевозок грузов по Северному морскому пути (Севморпуть, СМП) в 2022 г. составил около 34 млн т, что больше целевого показателя федерального проекта «Развитие Северного морского пути» на 2 млн т¹. Однако транзитные перевозки снизились в 10 раз и составили 200 тыс. т, что стало ожидаемым результатом санкционной внешнеторговой политики западных стран.

В структуре госкорпорации «Росатом» на базе Штаба морских операций в июле 2022 г. создано ФГБУ «Главное управление Северного морского пути». Это решение доказало свою эффективность в улучшении управления судоходством на трассе СМП.

Правительство утвердило план развития Севморпути до 2035 г., который предусматривает реализацию 152 мероприятий. На них планируется направить около 1,8 трлн руб. из разных источников². Мероприятия включают строительство 10 ледоколов, 14 портов и терминалов, 141 транспортного судна ледового класса, 4 аварийно-спасательных центров МЧС и запуск на орбиту 12 спутников. Развитие СМП поставило вопрос о подготовке кадров для работы на ледоколах и судах ледового класса.

Значительный вклад в анализ сложившейся ситуации на арктическом пространстве внес XXV и XXVI Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) в июне 2022 и 2023 гг. Как отметил специальный представитель по вопросам развития Арктики корпорации «Росатом» В.А. Панов в докладе на ПМЭФ-2023, к 2030 г. необходимо 7500 специалистов; например, на один атомный ледокол потребуется 431 человек. В связи с этим Министерству транспорта РФ, «Росатому»,

¹ Сообщение Департамента коммуникаций Госкорпорации «Росатом». 13.01.2022. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/obem-perevezennykh-gruzov-po-severnomu-morskomu-puti-v-2022-godu-sostavil-34-034-mln-tonn/> (дата обращения: 06.07.2023).

² Михаил Мишустин утвердил план развития Северного морского пути до 2035 г. Правительство России. 04.08.2022. URL: <http://government.ru/news/46171/> (дата обращения: 06.07.2023).

грузоотправителям, судоходным компаниям необходимо в кратчайшие сроки разработать программу подготовки специалистов. Важной задачей выступает завершение разработки финансово-экономической модели развития Севморпути для обеспечения его самоокупаемости.

В 2022 г. государство расширило доступ к льготным кредитам для инвесторов, реализующих проекты на Дальнем Востоке и в Арктике в промышленности, транспорте, энергетике, что существенно снизило риски срыва инвестиционных проектов из-за санкционных ограничений. Республике Коми, Архангельской и Мурманской областям и Чукотскому автономному округу выделено более 2,6 млрд руб. из федерального бюджета на развитие социальной, коммунальной и транспортной инфраструктуры, что должно способствовать улучшению социально-экономического положения Арктической зоны¹.

Начата работа по совершенствованию инфраструктуры Мурманской области и комплексному развитию Мурманского транспортного узла. 22 ноября 2022 г. на Балтийском заводе спущен на воду корпус атомного ледокола «Якутия». Второй серийный атомный ледокол проекта 22220 «Урал» успешно завершил программу заводских ходовых испытаний и 3 декабря 2022 г. отправился из Мурманска в Карское море.

В 2022 г. флот Арктического и антарктического научно-исследовательского института пополнился новым уникальным судном – ледостойкой самодвижущейся платформой «Северный полюс». Судно сейчас дрейфует с полярниками на станции «Северный полюс-41» [Фотева, 2023].

В России успешно реализуются проекты «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2». Положительные итоги дает принятая в 2020 г. система преференций в Арктике. На июль 2023 г. в ее рамках реализуются 695 проектов с объемом инвестиций 1,6 трлн руб. (уже вложено 355 млрд руб. и создано более 12 тыс. рабочих мест). Число проектов еженедельно увеличивается. Большая их часть сосредоточена в сфере услуг, строительстве, горнорудной промышленности, логистике и туризме.

Россия инициировала обсуждение вопросов организации медицинского обеспечения жителей Крайнего Севера, ESG-трендов², основ партнерства государства и бизнеса, развития и сохранения наследия коренных народов, работы с отходами и микропластиком, подъема затопленных радиоактивных объектов. Впервые обсудили защиту интеллектуальных прав коренных народов; социальную ответственность предпринимателей; государственно-частное партнерство в сфере устойчивого развития северных этносов. РФ предложила ряд проектов и инициатив, которые касаются цифровизации культурного и языкового наследия коренных народов; развития креа-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2022 № 3603-р (ред. от 23.12.2022) «О распределение иных межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432448/ (дата обращения: 18.01.2023).

² *Environmental, social, and corporate governance, ESG* – экология, социальная политика и корпоративное управление. – прим. ред.

тивных индустрий и традиционной арктической медицины; создания международной арктической научной станции «Снежинка»; обеспечения биобезопасности в регионе; создания единой цифровой музейной платформы. Несмотря на это, после бойкота председательства интерес внутри страны к этим проектам значительно ослаб.

О некоторых итогах председательства России в Арктическом совете

В ходе 13-й сессии Арктического совета 11 мая 2023 г. в Салехарде РФ официально завершила председательство, дистанционно передав его Норвегии, и подтвердила востребованность организации на Крайнем Севере.

По информации Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, в 2021 г. проведено 32 мероприятия, в 2022 г. – 43. По сообщению пресс-службы Ю.П. Трутнева за двухлетний период состоялось порядка 90 различных мероприятий. Среди них – форумы, конференции, круглые столы, чемпионаты, фестивали и спортивные соревнования. Мероприятия прошли в 24 городах и населенных пунктах России, в т. ч. во всех девяти регионах Арктической зоны России¹.

В период российского председательства приоритетом стало обеспечение ответственного управления сбалансированным развитием Заполярья в экономическом, социальном и природоохранном измерениях. В соответствии с планом председательства РФ наиболее продуктивно прошли мероприятия в Архангельской и Мурманской областях и Республике Саха (Якутия). Содержательно рассмотрены вопросы коренных малочисленных народов Севера и привлечения молодежи к арктическим проектам.

Знаковым стало межведомственное учение «Безопасная Арктика – 2023», в котором участвовали 3,5 тыс. человек и 650 единиц техники в 9 арктических регионах. В ходе опытно-исследовательского учения проведены мероприятия по выявлению и анализу рисков возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, выработке способов их предупреждения, совершенствованию мер защиты населения и территорий от различных происшествий.

Основную нагрузку в ходе председательства на себя взяли Минвостокразвития и МИД России. Спикерами выступили министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А.О. Чекунов, руководители субъектов Арктической зоны РФ, а также представители Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерства природных ресурсов и экологии, Министерства транспорта, Министерства науки и высшего образования, Российской академии наук, госкорпорации «Росатом», руководители крупных промышленных предприятий, деловых структур, научных и образовательных организаций, ассоциаций коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Активно участвовали члены Совета Федерации.

Оценку ограничений деятельности РФ в период председательства (2021–2023 гг.) дал С.В. Лавров в видеообращении к участникам сессии Арктиче-

¹ Россия завершила председательство в Арктическом совете. 12.05.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/05/12/rossiya-zavershila-predsdatelstvo-v-arkticheskom-sovete (дата обращения: 05.07.2023).

ского совета 11 мая 2023 г.: «К сожалению, полноформатная деятельность Совета была “временно заморожена” западными странами-членами под абсолютно надуманным предлогом ситуации на Украине, которую они сами и спровоцировали. Считаю такой шаг наших западных коллег политизированным и контрпродуктивным, ведущим к размыванию коллективных подходов к ответственному управлению Арктикой»¹. Газета «Коммерсантъ» по этому поводу написала: «Итоги последних двух лет получились для Москвы неоднозначными: с одной стороны, из-за военной операции на Украине остальные семь приарктических государств отказались от практического сотрудничества с РФ, но с другой – свои обязательства она выполнила и Совет не развалился»².

Председательство РФ постоянно анализировал Центр передового опыта НАТО по стратегическим коммуникациям, используя собранную информацию против России [Рассказова, 2023]. Новым председателем Комитета старших должностных лиц АС стал норвежец Мортен Хеглунд. Председательство Норвегии в Совете будет одним из самых сложных за все время существования организации³, т. к. наладить эффективную работу по изучению изменения климата, защите окружающей среды Арктического региона без участия России будет затруднительно.

Проблемы в работе организации возникли еще в период председательства Финляндии (2017–2019 гг.), когда по итогам министерской встречи в Рованиemi не удалось согласовать и принять общую совместную декларацию из-за позиции США по климату. Это произошло впервые за весь период существования Совета. Тогда это восприняли как техническую ошибку в составлении и оформлении соответствующего документа.

Ситуация в Арктике продолжает динамично развиваться. В некоторых аспектах она сопряжена с повышением рисков и неопределенности. Для системы международных отношений в мире характерным стало стремление некоторых государств вмешиваться во внутренние дела суверенных стран, проводить политику односторонних экономических санкций, подменять международное право своими правилами.

Заключение

России важно наблюдать за началом и ходом председательства Норвегии и взвешенно принимать решения о дальнейшем членстве в АС. По информации российского внешнеполитического ведомства, РФ не планирует замещать Арктический совет новыми структурами и институтами, тем самым предоставляется возможность возвратиться к прежнему составу и функциям АС.

¹ Видеообращение Министра иностранных дел России С.В. Лаврова к участникам тринадцатой сессии Арктического совета. 11.05.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1869388/ (дата обращения: 11.07.2023).

² Черненко Е. Арктику передали викингам. Коммерсантъ. 11.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5979223> (дата обращения: 11.07.2023).

³ Canova E., Pic P. The Arctic Council in Transition: Challenges and Perspectives for the new Norwegian Chairship. 13.06.2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-council-transition-challenges-perspectives-new-norwegian-chairship/> (дата обращения: 10.07.2023).

С 2022 г. начался необратимый процесс переоценки прежних подходов к Арктике. В новой геополитической ситуации арктические вопросы переходят с региональной повестки в глобальную. Если раньше приоритетными направлениями в Арктике были экономика и охрана окружающей среды, то теперь главенствует политика. Сотрудничество носит ограниченный характер и проявляется только через частные связи в основном на уровне научного сообщества.

Будущее и перспективы Арктического совета остается неясным. В этих условиях актуальным является поиск новых механизмов и партнеров для освоения Арктики. Необходимо вырабатывать и внедрять новые формы взаимодействия с арктическими странами и их регионами, общественными объединениями, СМИ и организациями коренных народов. Успешный опыт такой работы в период проведения мероприятий во время председательства РФ в АС показал Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

После решений июльского саммита НАТО в Вильнюсе неизвестно, как долго продлится заморозка и ограничение деятельности АС. России необходимо в большей степени развивать сотрудничество в Арктике в двустороннем формате и опираться на международную организацию «Северный Форум», штаб-квартира которой находится в Якутске. 30-летний опыт деятельности организации – пример того, как при благоприятных обстоятельствах можно быстро наладить конструктивное сотрудничество регионов мирового Севера и Заполярья, осуществлять обмены передовыми практиками, наработанным опытом и компетенциями [Васильев и др., 2023].

России целесообразно усилить взаимодействие в Арктике с внерегиональными странами, в первую очередь с Китаем и Индией, а также с государствами Юго-Восточной Азии, которые проявляют возросший интерес к Заполярию, хотя в основном лишь в сфере освоения нефтегазовых месторождений и транспортировки углеводородов. В отношениях с ними следует тщательно проработать стратегию, основанную на понимании значения каждой страны для российских национальных интересов на арктическом треке. В связи с этим важно продолжить разработку стратегии политики РФ на восточном (азиатском) направлении с привлечением к этой работе ученых Российской академии наук и учреждений Минобрнауки РФ.

Иностранные государства наращивают военное присутствие в Арктике, особенно в ее западной части. Вступление Финляндии в НАТО сильно осложнило ситуацию в регионе, усилило арктический потенциал альянса и представляет угрозу для России на северном направлении. В условиях сложной международной обстановки необходимо иметь запасные варианты развития и финансирования арктических проектов, ускоренно решать задачи по технологической независимости РФ в Арктическом регионе.

Государственной комиссии по вопросам развития Арктики целесообразно детально изучить итоги председательства РФ в АС, поручить Минвостокразвитию получить от министерств и ведомств полные материалы по проведенным мероприятиям для их анализа, использования в работе и архивного хранения.

В сложившихся условиях фронтального санкционного давления Запада на Россию, уменьшения объемов перевозки транзитных грузов необходимо разработать мероприятия по налаживанию взаимодействия с крупными судовладельцами, заин-

тересованными в быстрой перевозке грузов, в т. ч. с использованием российских ледоколов, а также усилить участие стран Евразийского экономического союза, БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества в арктических проектах. В рамках Евразийской экономической комиссии целесообразно разработать отдельную программу кооперации России с евразийскими партнерами в Арктике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.Н., Краснопольский Б.Х., Пилясов А.Н. (2023) *Рожденный объединять (к 30-летию Северного Форума)*. Универсум, Москва; Смоленск. 124 с.

Громько Ал.А. (ред.) (2022) *Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе*. Институт Европы РАН, Москва. 194 с. DOI: 10.15211/report42022-390

Журавель В.П. (2021) Председательство России в Арктическом совете. *Современная Европа*. № 5. С. 90–99. DOI: 10.15211/soveurope520219099

Журавель В.П. (2022а) О председательстве России в Арктическом совете: программа и первые итоги. *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 233. С. 147–167. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-233-1-147-167

Журавель В.П. (2022b) Председательство РФ в Арктическом совете как ориентир для исследований ЦАИ ИЕ РАН. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1. С. 120–124. DOI: 10.15211/vestnikieran12022716

Журавель В.П. (2022с) Чрезвычайное событие в Арктическом совете. Есть ли выход из сложившейся ситуации? *Европейская аналитика 2022*. Под ред. К.Н. Гусева. ИЕ РАН, Москва. С. 27–37. DOI: 10.15211/978-5-98163-197-9. EDN: PIJXTO

Журавель В.П. (ред.) (2022d) *Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического совета)*. Институт Европы РАН, Москва. 150 с.

Журавель В.П., Тимошенко Д.С. (2022) Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности. *Арктика и Север*. № 49. С. 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105

Краснопольский Б.Х. (2020) Координация международных организаций северо-арктических регионов: к программе председательства Российской Федерации в Арктическом совете. *Арктика и Север*. № 41. С. 148–162. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.148

Корчунов Н.В. (2021) О задачах России в период ее председательства в Арктическом совете. *Арктические ведомости*. № 1. С. 8–11.

Криворотов А. К. (2023) Инновационный процесс в Арктике: мировые тенденции и актуальные российские проблемы. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. Т. 26. № 2(80). С. 90–103. DOI 10.37614/2220-802X.2.2023.80.006. EDN: OSUKSX.

Тишков А.А. (2021) Международное сотрудничество в Российской Арктике: вопросы накануне председательства нашей страны в Арктическом совете. *Использование и охрана природных ресурсов в России*. № 2. С. 104–109.

Рассказова И.В. (2023) Председательство России в Арктическом совете. Чрезвычайные мероприятия. *Природные и техногенные риски (физико-математические и прикладные аспекты)*. № 1 (45). С. 94–109.

Тимошенко Д.С. (2022) Современная Арктика: глобальная биполярность или биполярное расстройство? *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 4 (28). С. 77–85. DOI: 10.15211/vestnikieran420227785

- Хусаинова С.С. (2021) Специфика председательства Российской Федерации в Арктическом совете: 2021–2023 годы. *Конфликтология / Nota Bene*. № 4. С. 1–11.
- Фотева И. (2023) Дрейфующие во льдах. *Российская Федерация сегодня*. № 7. С. 68–73.

Freezing of Russia's Arctic Chairmanship

V.P. Zhuravel

*Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
the Department of Country Studies, Head of the Center for Arctic Studies
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009
E-mail: zhvalery@mail.ru*

Abstract. The author overviews the main results of Russia's chairmanship of the Arctic Council (AC, Council) in 2021–2023, analyses its relationship with domestic and international governance. Four main periods of the Russian chairmanship are defined. It is noted that due to the Ukrainian conflict, the Russian chairmanship was boycotted by Western countries. In the conditions of geopolitical instability, the Russian Federation managed to organise most of the planned events. During this period Russia concentrated on the infrastructure of the Northern Sea Route, the socio-economic development of the Arctic regions of the Russian Federation. However, due to the position of the Western countries, it was not possible for Russia to fully achieve and implement the scheduled activities. It negatively affected the work of the Organising Committee, representative ministries, departments, Arctic regions and scientific organisations. The course of the chairmanship was disorganized. May 2023 Russia remotely handed over the chairmanship of the Arctic Council to Norway, hoping to restore the former status. The Russian Federation believes that the problems of the Arctic region can be solved only through balanced and mutually beneficial international cooperation.

Key words: Russian Arctic, Arctic Council, Russian Chairmanship 2021–2023, sustainable development, sanctions, geopolitical instability, international cooperation, Norway

DOI: 10.31857/S0201708323060013

EDN: xxrthg

REFERENCES

- Vasiliev V.N., Krasnopol'sky B.Kh., Pilyasov A.N. (2023) *Rozhdennyi obyedinyat; (k 30-letiyu Severnogo Foruma)* [Born to unite (to the 30th anniversary of the Northern Forum)], Universum, Moscow; Smolensk, Russia. (In Russian).
- Gromyko A.I. (ed.) (2022) *Etap spetsial'noy voyennoy operatsii na Ukraine. Anatomiya anti-rossiyskoy politiki v Evrope* [Stage of a special military operation in Ukraine. Anatomy of anti-Russian policy in Europe], Institute of Europe RAS. Moscow, Russia. DOI: 10.15211/report42022-390 (In Russian).
- Zhuravel V.P. (2021) Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom Sovete [Russian Chairmanship of the Arctic Council], *Sovremennaya Evropa*. 5(105), pp. 90–99. DOI: 10.15211/soveurope520219099 (In Russian).

Zhuravel V.P. (2022a) O predsedatel'stve Rossii v Arkticheskom sovete: programma i pervyye itogi [On Russia's chairmanship of the Arctic Council: program and first results], *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 233, pp. 147–167. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-233-1-147-167 (In Russian).

Zhuravel V.P. (2022b) Predsedatel'stvo RF v Arkticheskom Sovete kak oriyentir dlya issledovaniy CAI IE RAS [Chairmanship of the Russian Federation in the Arctic Council as a guideline for research by the Center for Arctic Studies IE RAS], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 1(25), pp. 120–124. (In Russian).

Zhuravel V.P. (2022c) Chrezvychaynoye sobytiye v Arkticheskom sovete. Yest' li vykhod iz slozhivsheysya situatsii? [Extraordinary event at the Arctic Council. Is there a way out of this situation?], in Gusev K.N. (ed.) *Yevropeyskaya analitika 2022*, IE RAS, Moscow, Russia. pp. 27–37. DOI 10.15211/978-5-98163-197-9. EDN PIJXTO (In Russian).

Zhuravel V.P. (ed.), (2022d) *Politika, ekonomika i bezopasnost' sovremennoy Arktiki (k 25-letiyu Arkticheskogo soveta)* [Politics, economics, and security of the modern Arctic (to the 25th anniversary of the Arctic Council)], Institute of Europe RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. (2022) Rossiyskaya Arktika v period sanktsionnogo davleniya i geopoliticheskoy nestabil'nosti [The Russian Arctic during the period of sanctions pressure and geopolitical instability], *Arktika i Sever*, 49, pp. 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105 (In Russian).

Krasnopolsky B.H. (2020) Koordinatsiya mezhdunarodnykh organizatsiy severo-arkticheskikh regionov: k programme predsedatel'stva Rossiyskoy Federatsii v Arkticheskom sovete [Coordination of international organizations of the North Arctic regions: to the program of the chairmanship of the Russian Federation in the Arctic Council], *Arktika i Sever*, 41, pp. 148–162. (In Russian).

Korchunov N.V. (2021) O zadachah Rossii v period yeyo predsedatel'stva v Arkticheskom sovete [On the tasks of Russia during its chairmanship in the Arctic Council], *Arkticheskie Vedomosti*, 1, pp. 8–11. (In Russian).

Krivorotov A. K. (2023) Innovatsionnyy process v Arktike: mirovye tendentsii i aktualnye Rossiyskie problemy [Innovation process in the Arctic: global trends and current Russian problems], *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka*, 26, 2(80), pp. 90–103. DOI 10.37614/2220-802X.2.2023.80.006 EDN: OSUKSX. (In Russian).

Tishkov A.A. (2021) Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v Rossiyskoy Arktike: voprosy nakanune predsedatel'stva nashey strany v Arkticheskom Sovete [International cooperation in the Russian Arctic: issues on the eve of our country's chairmanship in the Arctic Council], *Ispolzovanie i ohrana prirodnnykh resursov v Rossii*. 2, pp. 104–109. (In Russian).

Rasskazova I.V. (2023) Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom sovete. Chrezvychaynyye meropriyatiya [Russian Chairmanship of the Arctic Council. Extraordinary events], *Natural and technogenic risks (physical, mathematical, and applied aspects)*, 1(45), pp. 94–109. (In Russian).

Timoshenko D.S. (2022) Sovremennaya Arktika: globalnaya bipolyarnost ili bipolyarnoye rastroystvo? The modern Arctic: global bipolarity or bipolar disorder? *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 4(28), pp. 77–85. DOI: 10.15211/vestnikieran420227785 (In Russian).

Khusainova S.S. (2021) Spetsifika predsedatel'stva Rossiyskoy Federatsii v Arkticheskom sovete: 2021–2023 gody [Specifics of the Chairmanship of the Russian Federation in the Arctic Council: 2021–2023], *Konfliktologiya / Nota Bene*, 4, pp. 1–11. (In Russian).

Foteva I. (2023) Dreyfuyushchiye vo ldah. [Drifting in the ice], *Rossiyskaya Federatsiya segodnya*, 7, pp. 68–73. (In Russian).

УДК 328

HABIT, ARGUING AND EMOTIONS IN RUSSIA-EU RELATIONS PRE-2022: CONCEPTS OF SOCIAL ACTIONS¹

© 2023 NIKITINA Yulia Alexandrovna

Candidate of Sciences (Politics)

Leading Research Fellow, Center for Eurasian Studies, Associate Professor

World Politics Department, MGIMO University

76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia, 119454

E-mail: *y.nikitina@inno.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 18.07.2023

После доработки 14.09.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Abstract. The article draws on International Relations theorizing of different logics of social action to provide yet another conceptual interpretation of the dynamics of EU–Russia relations before the deepest crisis started in 2022. The research concentrates on the logics of habit, arguing and affective action. Logics precluding changes in EU–Russia relations are illustrated by foreign policy moves and perceptions of both sides pre-2022 crisis. According to the logic of arguing, Russia refuted the EU’s claim to have the better argument, while the EU did not accept Russia’s self-attributed status of a country belonging to the Western lifeworld with shared political culture and did not take Russian arguments as genuine. Consequently, in the logic of affective action, Russian authorities got frustrated and angry because of the EU’s denial of an important Russian affectual need for belonging. The habits of mutual distrust and the incompatibility of mutual perceptions lead to the routinization of the conflict that is very difficult if not impossible to overcome.

Key words: EU, Russia, logic of social action, conflict, affection, emotions, dialogue, arguing, routinisation

DOI: 10.31857/S0201708323060025

EDN: xwnhqo

Since 2014, the relations between Russia and the EU have been in a deep crisis and reached their lowest level ever in February 2022. The chances for improvement are almost

¹ The reported study was funded by MGIMO-University, Institute for International Studies grant number 2022-02-01.

non-existent from the perspective of both sides. The EU consolidates the lack of positive perspective in mutual relations with regular packages of sanctions, while Russian leadership reorients Russia away from the Western world and shows its firm intent to withstand any sanctions. Both parties persist in their policies, which makes any applied discussion of prospects of a positive change in bilateral relations politically not viable and at least premature, if not senseless. However, from a conceptual perspective, it is important to single out different logics of social action which may lead to change (not necessarily positive) in bilateral relations.

The article is aimed at conceptualizing the empirics of the EU-Russia relations through the concepts of logics of social action beyond realist or geopolitical explanations. Mainstream analysis of conflict dynamic in the EU–Russia relations include alternative or co-existing explanations: clash of interests and/or clash of values. The logics of social action can explain the motivation of actors within both co-existing approaches. Of course, there are multiple conceptual perspectives on the reasons of the crises in the Russia–EU relations briefly presented in the literature overview part below. The present article has an ambition of presenting yet another explanation on the grounds of the so-called emotional turn in International Relations (IR) rarely applied to the case of Russia.

Nature and stages of the EU–Russia relations: Literature overview

The academic literature explaining the EU–Russia relations at different stages describes them in terms of ups and downs and numerous acute crises [Arbatova, 2013], sinusoid between pragmatic cooperation and strategic partnership [Borko, 2014: 4], problematic relations as a steady trend [Busygina, 2013], rivalry and sanctions as the “new normal”, strategic distrust [Fischer, Timofeev, 2018], dialogue without dialogue [Danilov, 2021], and also phases of optimism and pessimism, inclusion/exclusion discourse, growing mutual disappointment.

As Parkhalina and Danilov pointed out in early 2000s, in the international security sphere Russia had been dividing the West into good guys (the EU) and bad guys (NATO / US) who had started an international intervention without a UN mandate in Kosovo in 1999 [Parkhalina, 2002; Danilov, 2004]. However, Russian attitudes changed after the launch of the EU’s Eastern Partnership Program in 2009 and the signing of Association agreements and free trade agreements with Moldova, Georgia and Ukraine in 2014.

After the 2014 crisis, Zagorski wrote that sorting out common interests would not work in case of EU-Russia relations [Zagorski, 2016]. The “five principles” adopted by the EU in 2016 limited the room for cooperation with Russia from prior selective engagement to no prospects of returning to business as usual [Potemkina, 2021]. In 2021, Gromyko described the relationship between Russia and the EU as “dismal” and being probably in their “worst shape since the end of the Cold War” [Gromyko, 2021].

As to the normative dimension, Gromyko and Casier believe that the EU-Russia relations started with asymmetrical cooperation from 1992 to 2003 (the master and the pupil) [Gromyko, 2013; Casier, 2016], because normative power by definition implies asymmetrical relations [Diez, 2013]. By 2021, Russia had less and less incentives to believe in EU’s normative power and EU’s ability to pursue fair play [Gromyko, 2021: 9].

My argument in a way builds upon Casier’s normative approach [Casier, 2013] which is built on the basis of intergroup dynamics and attributional bias concepts.

Logics of social action in IR

I analyze the logics of habit, arguing and affective action to understand the dynamics of bilateral relations between Russia and the EU.

International Relations (IR) scholars conceptualize logics of social action in international relations as sets of menus, often juxtaposing the included models/logics:

- 1) model of rationality; model of historic precedents; habit-driven model (Rosenau);
- 2) logic of consequences; logic of appropriateness (March and Olsen);
- 3) logic of consequences; logic of appropriateness; logic of arguing (Risse);
- 4) logic of consequences; logic of appropriateness; logic of arguing; logic of practices (Pouliot).

Before debates within IR, social action was extensively discussed within philosophy and sociology. Max Weber introduced four types of social actions, all of which were mentioned above under a different terminology adopted in IR: instrumental rationality; value rationality; affectual social action; traditional approach based on habits. Affectual social action is usually not debated by IR scholars alongside with logics of appropriateness, consequences, arguing and practices, but it forms a separate emerging field in IR, mostly related to intergroup relations and conflicts. Hopf concentrates on the study of habits [Hopf, 2010], while affectual social action as one of the logics of behavior remains understudied. The so-called “emotional turn” in IR [Mercer, 1996; 2006; Crawford, 2000; Ross, 2006; Bleiker, Hutchison 2008; Fierke, 2012; Koschut, 2014; Åhäll, Gregory 2015; Ariffin et al., 2016; Clément, Sangar, 2017] might help to introduce affective behavior in IR as the fourth type of social action originally introduced by Max Weber. In this article, this logic will be called the logic of affective action. I analyze the affective actions of social groups like policy-makers and bureaucracies of the EU and Russia who interact at the international arena or are responsible for the development of domestic policies with international outreach.

My claim is that the logic of affective action in relation to other logics works as a hinge, which switches between the logics based on different types of rationality. More frequent explanations for switch between the logics implies changes in the environment/material factors (e.g. global financial crisis, shifts in the global or regional balance of power, COVID-19 pandemic) and/or changes in the social actor itself (for states, those might be domestic reforms; new capabilities; changes in the identity). In addition to the further debated externally-induced and internally-induced changes, the logic of affective action is yet another driver of change in social behavior.

Habits, routinisation of conflicts and possibilities for change

The question about change is crucial to understand the case of enduring conflicts. The concepts of routine and habit are often used as synonyms in social sciences [Clark, 2000]. Hopf situates the concept of habit within the practice turn in IR. The logic of habit, according to Hopf, is mostly present in the routine activities of international organizations like the IMF, or in the durable relations of amity or enmity of states [Hopf, 2010: 547]. Habits and routine tend to preclude change, however, change is still possible.

According to Rosenau, individual habit-driven actors and groups are open to new stimuli and are capable of learning and, thus, changing either through 1) externally-

induced changes (necessity to adapt to new circumstances) or 2) internally-induced changes (development of new skills and capabilities) [Rosenau, 1987]. The readiness to learn might be different for different actors, regrettably, for some of them, only historic traumas can activate this learning mode.

The whole debate between Russia and the EU (and the West in general) can be conceptualized through this two-fold approach of externally-induced or internally-induced changes.

In 2003–2005, after the first wave of the so-called “color revolutions”, Russian political elites started to believe that externally-induced changes especially democracy-promotion, make developments within a country unpredictable and chaotic, thus, external influence over Russia should be limited. Russian authorities in the official discourse use the argument that only internally-induced changes are favorable to national development, which might be illustrated by the Russian arguments on the detrimental role of external forces in the so-called color revolutions or the “subversive nature” of Western soft power aimed at fostering democratic and free market reforms in non-democratic countries. According to Morozov, the Kremlin attempted to redefine democracy as a truly universal value that needed to be liberated from Western hegemonic control [Morozov, 2008]. Since February 2022, Vladimir Putin continues blaming the West of interference in domestic affairs, while denying any expansionist behavior on the Russian part.

The EU believes that externally-induced changes work through the so-called normative power [Manners, 2002] propagated through programmes of cooperation like the “Eastern Partnership”.

Logic of arguing: a missed opportunity in the EU–Russia relations?

In addition to externally and internally-induced changes, the logic of arguing represents a relational approach to change in IR. If actors do not have common understanding of the rules of the game and do not share the interpretations of the rules of the game they are playing, then, arguing should help to: 1) test whether the other actor is genuine in his or her statements (that is to establish trust); 2) agree on the underlying problem; 3) agree on the normative principles to find a mutually satisfying solution [Risse, 2000: 13].

The first dimension of the process of arguing is credibility: to start a truth-seeking process, actors need to trust each other. Arguments of biased or self-interested actors are not credible in comparison to the argumentation of those who are perceived to be neutral or moral [Risse, 2000: 17]. In order to understand whether an actor is credible, the following validity claims developed by Habermas and seconded by Risse can be applied: 1) truth of assertions; 2) moral rightness of the norms underlying the argumentation, 3) authenticity (sincerity) of the speaker. In its relations with the EU, Russia uses all three types of validity claims.

The first claim on the truth of assertions is embodied in the mutual accusations about the fake news phenomenon and so-called post-truth. Such accusations were abundant before 2022 and reached their peak since then. The EU is very much concerned with the issue of external disinformation from Russia. Following the European Council Conclusions from 19 and 20 March 2015, the East StratCom Task Force was created to “address Russia’s ongoing disinformation campaigns”¹. In 2016, the European Parliament (EP)

¹ Questions and Answers about the East StratCom Task Force. 28.04.2021. URL:

adopted a resolution on EU strategic communication to counter propaganda¹, the Action Plan against Disinformation was adopted in 2018² In March 2019, before the elections to the European Parliament, the EP adopted a resolution, condemning Russia's disinformation campaigns³. In Russia, in March 2019, a law on blocking fake news entered into force. In 2022, the EU introduced a media ban against Russian state-owned TV channels, Russia reciprocated by banning several EU / Western media on the territory of Russia.

The second validity claim deals with the moral rightness of the norms. Although that Russia has never openly questioned the universal norms adopted within the UN system, it tried to become a norm entrepreneur at the global level. Russian authorities try to introduce the so-called traditional values as a basis for Russian national identity, and these trends reinforced since 2022 at the legislative level.

Since at least 2009, in international organizations, Russia advocates an idea that human rights and fundamental freedoms should be promoted through traditional values to increase acceptance of universal human rights at the grass-root level. In September 2012, the UN Human Rights Council adopted the Russia-sponsored Resolution "Promoting human rights and fundamental freedoms through a better understanding of traditional values of humankind: best practices"⁴.

In the 2023 Russian Foreign Policy Concept, one of the foreign policy priorities is to "consolidate international efforts to ensure respect for and protection of universal and traditional spiritual and moral values (including ethical norms common to all world religions), and counter the attempts to impose pseudo-humanistic or other neo-liberal ideological views, leading to the loss by the humankind of traditional spiritual and moral values and integrity".

The third validity claim deals with the authenticity of the actors: to what extent they are sincere in their claims. Russian leadership believes that the EU is hypocritical in blaming Russia for lack of democracy. To refute the consistency between the words and deeds of its interlocutors, Russia established in 2007 the Institute for Democracy and Cooperation for monitoring human rights violations in European countries and the US, with offices in Paris and New York.

https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/2116/-questions-and-answers-about-the-east-stratcom-task-force_en (accessed: 05.07.2023).

¹ European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)), Strasburg. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.html (accessed: 05.07.2023).

² Joint communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. Action Plan against Disinformation. Brussels. 05.12.2018.

³ European Parliament resolution of 10 October 2019 on foreign electoral interference and disinformation in national and European democratic processes (2019/2810(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0031_EN.html (accessed: 05.07.2023).

⁴ Study of the Human Rights Council Advisory Committee on promoting human rights and fundamental freedoms through a better understanding of traditional values of humankind (A/HRC/22/71). 2012. URL: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/Session10/A.HRC.22.71_en.pdf (accessed: 05.07.2023).

Another dimension of this validity claim is the attention to the violations of human rights of Russians and Russian-speakers abroad. The most prominent case in early 2000s was the rights of Russian-speaking population in the Baltic states, which in 2004 became members of the EU and NATO. This is another way to demonstrate to the EU that it is not credible in its human rights discourse unless, for example, the situation with the so-called alien's (non-citizen's) passports in Latvia is resolved [Romanova, 2016].

At the current stage of mutual relations since February 2022, the EU does not perceive Russian authorities as a credible actor. Russia reciprocates.

Agreeing on the underlying problem in EU-Russia relations

In order to start arguing about the norms, actors need to agree on the underlying problem. Before the current acute stage of the crisis, both the EU and Russia blamed each other for the lack of cooperation and, thus, suggested that the other actor should change its behavior. The EU believed that the relations with Russia were problematic because of the nature of the political regime in Russia and its expansionist neo-imperial policies in the Eurasian neighborhood. Russia mirrored this perception and believed that the EU interferes with its neighborhood programmes (European Neighborhood Programme and later the Eastern Partnership Programme) to the traditional sphere of Russian influence where Russia has its "privileged interests" rooted in common history. This appears to be a classical realist dilemma related to power projection, however, both actors frame the debates in terms of shared European / OSCE-wide values or integrationist intentions in the format of continent-wide free trade area from Lisbon to Vladivostok. But do we really live in a common space of shared norms and shared culture, or in a common lifeworld in the terminology of the logic of arguing?

One of the preconditions for the process of arguing is that actors need to belong to a common lifeworld [Risse, 2000: 11]. In absence thereof, a common lifeworld can be constructed by referring to common history and memory, and shared experiences. Security communities with shared values and identities like the EU, NATO and Western democracies, or, most generally, international institutions do form common lifeworlds [Risse, 2000: 15]. Pre-2022 Russia wanted to belong to this common lifeworld because such belonging leads to cooperation within the group. Russian membership in the OSCE and the Council of Europe implied such belonging but we know that Russia accuses both organizations of predominantly pursuing the political agenda imposed by the EU / NATO members.

An illustration of the Russian attempt to build a common lifeworld based on common history is the article published in 2016 by the Russian minister of foreign affairs Sergey Lavrov "Russia's Foreign Policy in A Historical Perspective"¹. The major claim of the article is that from a historical perspective, Russia has always been an important actor in European affairs and that Russia belongs to Europe as "one of the branches of European civilization". The EU's understanding of common history would imply that Russia should not present itself as the savior of Europe in World War II, but address such issues as the Molotov-Ribbentrop pact and Soviet domination over Eastern Europe.

¹ Lavrov S. Russia's foreign policy in a historical perspective. *Russia in Global Affairs*. No. 2. 2016. P. 8–19.

Russia tried to build a common lifeworld with the EU on its own initiative by promoting the ideas of the Draft European Security Treaty (2008), a common economic space from Lisbon to Vladovostok and the Greater Eurasia initiative. Of course, not just for the sake of living in a common lifeworld, but to have an equal access to the discourse about norms and their interpretations. All these initiatives failed as the EU was claiming that the already existing formats (both multilateral within the OSCE, European Neighborhood Policy, Eastern Partnership and bilateral relations) worked well enough to look for alternatives.

In its turn, the EU does not want to see its worldviews and interests challenged and assumes that it already has “the better argument” and, thus, other actors have to adopt it. For the EU, it is embodied in the phenomenon of normative power. For Russia, it was not clear why the EU was ready to use the logic of arguing (with joint search of truth by all participating actors) within its own lifeworld, for example, trying to accommodate the interests of illegal migrants and asylum seekers, but is not ready to accommodate the interests of Russia in the process of equal arguing aimed at truth-seeking. Russian leadership perceived this situation as unfair and unjust. And very often, as Müller writes, fairness as an accommodation of competing modes of justice is more important for actors than distributive outcomes [Müller, 2004: 401]. Kaveshnikov develops a somewhat similar argument about the modes of justice in relation to Russian strategy of conflict settlement by using the concepts of reciprocity justice and subject-centered justice [Kaveshnikov, 2023].

In Russian elites, a perceived false promise of the logic of arguing, or, it might be more correct to say, Russian (ungrounded?) expectations about the potential of two-directional changes promised by the logic of arguing, created strong affective reactions of frustration and anger.

The logic of affective action as a spoiler for cooperation

Hopes for a mutual truth-seeking arguing might create frustration and anger for the actor, whose norms are supposed to change more in comparison to other actors involved.

Affective action consists of different emotional reactions. Intergroup emotions theory [Mackie et al., 2008; Sasley, 2011; Mercer, 2014] explains that intergroup emotions derive from self-categorization (belonging) and identification (group identity). Self-categorization makes members of the group act as they think the group members should behave on the basis of their specific shared beliefs. The key question is whether self-attribution of status works or the status is an external reward? As demonstrated in the previous sections, Russian claims that it belongs to Europe, European civilization and shares European values are not really accepted by the EU, which does not extend its lifeworld to Russia, but is ready to extend it to Ukraine, Moldova and Georgia. Russia is not perceived by the EU as a genuine truth-seeker, but is seen as a self-interested actor not deserving a genuine dialogue. After the 2014 Crimean crisis, NATO united by the feeling of anger towards Russia reconstructed its understanding of the Russian identity “from being a partner of the West to becoming a pariah state” with lower status [Koschut 2018: 288].

In the Russia-West status conflict, the prevalent Russian emotion is anger as well, as Heller claims. Grounding her research in the social psychology literature, Heller explains that anger is a reaction to perceived unfair treatment or disrespect towards one’s self-defined identity [Heller, 2010; 2018]. Tsygankov provides a more nuanced explanation of Russian

foreign policy through the emotional shifts from fear to hope to frustration depending on the Western attitudes from low to rising to declining support of Russia [Tsygankov, 2014].

The combination of Russian frustration prior to 2014 followed by anger undermine the prospects for cooperation with the EU unless these emotions are substituted by hope again. In Tsygankov's logic, Russian emotional shifts are reactionary and depend on Western attitudes, thus, the EU should take the lead in trying to switch the conflict mode to the cooperation mode. However, we should remember that parties to the conflict tend to think that the other side has more freedom of choice and room for maneuver. Thus, the EU's power is also largely seen as reactive [Cross, Karolewski, 2021].

Concluding remarks

The interplay of different logics of social action in EU-Russia relations create the following picture which provides one of the possible explanations of the crises in the EU-Russia relations. After the collapse of the USSR, the EU acted towards Russia, on the one hand, on the basis of habit of confrontation and enduring rivalry inherited from the Cold war and, on the other hand, on the basis of amity bias based on the self-attributed status of the external driver of democratic changes, which led to the collapse of Soviet ideology. The basic assumption of the EU within the logic of arguing is that it has a better argument in discussing norms and rules of behavior in the process of truth-seeking, thus, other actors have to adapt their norms and interests to the EU standards.

From Russian official perspective, the situation looks differently. Moscow does not believe that the EU has the monopoly over the better argument. However, Russia believed that the EU was ready to participate in a genuine truth-seeking process to accommodate the competing justice models to find a solution to the underlying problem. Eventually, it turned out that both actors do not want to change: the EU is sure to have the better argument, Russia does not want to be the object of externally-induced changes.

Before getting to this disappointing conclusion, Russia tried to attribute itself a status of a country belonging to the common lifeworld with the EU. In its turn, the EU did not accept Russia's self-attributed status of a country belonging to the Western lifeworld with shared political culture and did not take Russian arguments as genuine. In return, Russian authorities got frustrated because of the EU's denial of an important Russian affectual need for belonging and angry because of the perceived injustice that Russian interests could not be accommodated by the EU in the process of equal debates on norms. As a consequence, Russian frustration and anger reinforced the routinization of the conflict. After 2022, Russian authorities' counter-sanctions strategies of import-substitution, de-Westernization and closure in the domestic political and social spheres make unimportant the factor of belonging to the common lifeworld, thus, the motivation of Russia for change of its behavior is next to zero.

REFERENCES

- Åhäll L., Gregory T. (ed.) (2015) *Emotions, politics and war*, Routledge, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315765068>
- Arbatova N. (2013) Rossiia I ES: vozmozhnosti partnerstva [Russia and the EU: Opportunities for Partnership], in Ivanov I.S. (ed.) *Rossiia-Evropeiskii Soiuz: vozmozhnosti partnerstva*, Spetskniga, Moscow, Russia, pp. 28–39. (In Russian).

Ariffin Y., Coicaud J.-M., Popovski V. (ed.) (2016) *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316286838>

Bleiker R., Hutchison E. (2008) Fear no more: emotions and world politics, *Review of international studies*, 34(S1), pp. 115–135. DOI: <https://doi.org/10.1017/S02602105080007821>

Borko Yu. (2014) Otnosheniia Rossiia-ES: vmesto strategicheskogo partnerstva - kholodnaia voina? [Russia-EU Relations: Cold War Instead of Strategic Partnership?], *Evropeiskaia bezopasnost': sobytiia, otsenki, prognozy*, 33(49), pp. 4–8. (In Russian).

Busygina I. (2013) Otnosheniia Rossii i Evropeiskogo soiuza: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Relations Between Russia and the European Union: Current State and Perspectives of Development], in Ivanov I.S. (ed.) *Rossiia-Evropeiskii Soiuz: vozmozhnosti partnerstva*, Spetskniga, Moscow, Russia, pp. 47–92. (In Russian).

Casier T. (2013) The EU–Russia Strategic partnership: Challenging the Normative Argument, *Europe-Asia Studies*, 65(7), pp. 1377–1395. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137>

Casier T. (2016) From logic of competition to conflict: understanding the dynamics of EU–Russia relations, *Contemporary Politics*, 22(3), pp. 376–394. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1201311>

Clément M., Sangar E. (ed.) (2017) *Researching emotions in international relations: Methodological perspectives on the emotional turn*, Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65575-8>

Crawford N. C. (2000) The passion of world politics: Propositions on emotion and emotional relationships, *International Security*, 24(4), pp. 116–156. DOI: <https://doi.org/10.1162/016228800560327>

Cross M.A.K.D., Karolewski I.P. (ed.) (2021) *European-Russian Power Relations in Turbulent Times*. University of Michigan Press, Ann Arbor, USA. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10202357>

Danilov D. (2004) Rossiia-ES: na puti k obshchemu prostranstvy bezopasnosti ili na perecutie? [Russia-EU: On the Way to Common Security Space or On the Crossroads?], *Evropeiskaia bezopasnost': sobytiia, otsenki, prognozy*, 12, pp. 7–12. (In Russian).

Danilov D.A. (2021) Russia – EU: Dialogue without Dialogue, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, pp. 7–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22021715>

Diez T. (2013) Normative Power as Hegemony, *Cooperation and Conflict*, 48, pp. 194–210. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836713485387>

Fierke K.M. (2012) *Political self-sacrifice: Agency, body and emotion in international relations*. Cambridge University Press, N.Y., USA.

Fischer S., Timofeev I. (2018) *Selective Engagement between the EU and Russia*. EUREN. URL: https://russiancouncil.ru/papers/EU-Russia-Network-Interim-Report_ENG.pdf (accessed: 05.07.2023).

Gromyko A.I.A. (2013) Rossiia i Evrosoiuz: dinamika otnoshenii [Russia and the EU: Dynamics of Relations], in Ivanov I.S. (ed.) *Rossiia-Evropeiskii Soiuz: vozmozhnosti partnerstva*, Spetskniga, Moscow, Russia, pp. 4–17.

Gromyko A. (2021) Intervention by Alexey Gromyko, in Franco M. (ed.) *How to reverse in one-way street*, Egmont Paper 114, Egmont Institute, Brussels, Belgium, pp. 7–9.

Heller R. (2010) *Subjectivity matters. Reconsidering Russia's Relations with the West*. Paper presented at the ICCEES Convention “Prospects for Wider Cooperation”, Stockholm, Sweden. URL: https://ifsh.de/pdf/publikationen/ICCEES%202010_Heller-Subjectivity.pdf (accessed: 05.07.2023).

Heller R. (2018) More Rigor to Emotions! A Comparative, Qualitative Content Analysis of Anger in Russian Foreign Policy, in Clément M., Sangar E. (ed.) *Researching Emotions in International Relations*. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 75–99. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65575-8>

Hopf T. (2010) The logic of habit in International Relations, *European Journal of International Relations*, 16(4), pp. 539–561. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066110363502>

Kaveshnikov N.Y. (2023) Justice in the Process of Regional Conflict Settlement: Analysis of Russia's Strategy, 1992–2021, *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), pp. 215–227. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>

Koschut S. (2014) Emotional (security) communities: The significance of emotion norms in inter-allied conflict management, *Review of International Studies*, 40(3), pp. 533–558. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210513000375>

Koschut S. (2018) Speaking from the Heart: Emotion Discourse Analysis in International Relations, in Clément M., Sangar E. (ed.) *Researching emotions in international relations*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 277–302. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65575-8>

Mackie D.M., Smith E.R., Ray D.G. (2008) Intergroup emotions and intergroup relations, *Social and Personality Psychology Compass*, 2(5), pp. 1866–1880. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2008.00130.x>

Manners I. (2002) Normative power Europe: a contradiction in terms? *JCMS: Journal of common market studies*, 40(2), pp. 235–258. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>

Mercer J. (1996) Approaching emotion in international politics, *International Studies Association Annual Meeting*, San Diego, USA.

Mercer J. (2006) Human nature and the first image: Emotion in international politics, *Journal of International Relations and Development*, 9(3), pp. 288–303. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jird.1800091>

Mercer J. (2014) Feeling like a state: Social emotion and identity, *International Theory*, 6(3), pp. 515–535. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1752971914000244>

Morozov V. (2008) Sovereignty and democracy in contemporary Russia: a modern subject faces the post-modern world, *Journal of International Relations and Development*, 11(2), pp. 152–180. DOI: <https://doi.org/10.1057/jird.2008.6>

Müller H. (2004) Arguing, bargaining and all that: Communicative action, rationalist theory and the logic of appropriateness in international relations, *European journal of international relations*, 10(3), pp. 395–435. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066104045542>

Parkhalina T. (2002) *Vneshniia politika Rossii pri Putine. Otnosheniia Rossii – zapadnaia Evropa* [Russian Foreign Policy Under Putin. Relations Between Russia and Western Europe], Current problems of Europe, 1, pp. 90–93. (In Russian).

Potemkina O. (2021) Countering Transnational Security Threats: Prospects for EU-Russia Cooperation in an Era of Sanctions, in Bossuyt F., van Elsuwege P. (ed.) *Principled Pragmatism in Practice. The EU's Policy towards Russia after Crimea*, Brill | Nijhoff, pp. 257–276.

Risse T. (2000) 'Let's argue!': communicative action in world politics, *International organization*, 54(1), pp. 1–39. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081800551109>

Romanova T. (2016) Russian challenge to the EU's normative power: change and continuity, *Europe-Asia Studies*, 68(3), pp. 371–390. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1155696>

Rosenau J.N. (1987) Learning in east- west relations the superpowers as habit- driven actors, *Australian Journal of International Affairs*, 41(3), pp. 141–150.

Ross A. (2006) Coming in from the Cold: Constructivism and Emotions, *European journal of international relations*, 12(2), pp. 197–222. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066106064507>

Sasley B.E. (2011) Theorizing states' emotions, *International Studies Review*, 13(3), pp. 452–476. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2011.01049.x>

Tsygankov A. (2014) The frustrating partnership: Honor, status, and emotions in Russia's discourses of the West, *Communist and Post-Communist Studies*, 47(3–4), pp. 345–354. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2014.09.004>

Zagorskii A. (2016) Rossiia i ES na pereput'e. Obshchie i raskhodiashchiesia interesy [Russia and the EU on the Crossroads. Common and Diverging Interests], *RSMD*, 31. (In Russian).

УДК 327.8

БЕЛОРУССИЯ КАК ОБЪЕКТ ПОЛЬСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

© 2023 ШИМОВ Всеволод Владимирович

Кандидат политических наук, доцент

Отдел социальных и политических исследований, Центр белорусских исследований

Институт Европы РАН, старший научный сотрудник

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: *vs.shimoff@gmail.com*

Поступила в редакцию 27.07.2023

После доработки 04.09.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье проанализирована эволюция внешнеполитических подходов Польши в отношении Белоруссии и белорусского национализма. Цель статьи – выявление эволюции подходов к Белоруссии в польской политической мысли и практиках польского государства. Показано неоднозначное отношение польских политических деятелей к белорусскому национализму и самой идее белорусской государственности, которое существенно менялось на протяжении времени от активного неприятия к готовности использовать и поддерживать во внешнеполитических интересах Польши. В статье показано, что современные подходы Польши в отношении Белоруссии основаны на доктрине Гедройца-Мерошевского и предполагают установление «мягкого» идеологического, политического, культурного и экономического доминирования Польши на бывших землях Речи Посполитой без формального изменения существующих границ. Успешность методов польской внешней политики в отношении Белоруссии оказывается существенно ниже, чем в отношении Украины. Это связано прежде всего с особенностями политического развития Белоруссии в постсоветский период, а также ограниченностью возможностей Польши воздействовать на целевую аудиторию внутри белорусского общества. Автор обращает внимание на то, что польская политика в отношении Белоруссии должна быть объектом пристального внимания со стороны России, поскольку усиление польского влияния в странах общего соседства может представлять угрозу для российских национальных интересов.

Ключевые слова: Белоруссия, Польша, Восточная Европа, внешняя политика, национализм

DOI: 10.31857/S0201708323060037

EDN: xwqwaw

События последнего времени наглядно демонстрируют возросшие геополитические амбиции Польши, которая стремится к региональному лидерству в Восточной Европе. Политика Варшавы опирается на исторические традиции польской государственности, существование и развитие которой было связано с многовековой экспансией на восток [Евстафьев, Межевич, 2023].

Бывшие земли Речи Посполитой остаются в фокусе внимания польской геополитики. Именно на этих территориях Польша сталкивалась и противоборствовала с Россией, и новый подъем польского геополитического экспансионизма имеет выраженный антироссийский ресентимент. Именно поэтому геополитические притязания Варшавы должны быть объектом пристального внимания. Угрозы, исходящие от современной Польши, не следует недооценивать. Польша является достаточно крупным европейским государством с населением чуть менее 40 млн человек и развитой экономикой.

Представления о дотационности польской экономики и ее зависимости от европейских субсидий не должны вводить в заблуждение. Польша использует получаемые из европейского бюджета средства весьма эффективно, совершенствуя собственную социально-экономическую инфраструктуру и создавая привлекательный образ для восточных соседей.

Обладая безусловной политической субъектностью, Польша использует все имеющиеся у нее возможности, включая европейские дотации или покровительство США, для усиления собственных международных позиций и расширения влияния в восточноевропейском регионе. Учитывая традиционную антироссийскую направленность польской внешней политики, усиление польского влияния в пограничных с Россией странах представляет несомненную угрозу для российских интересов. В этой связи по вполне понятным причинам много говорится о польском присутствии и влиянии на Украине.

Польско-белорусские отношения и влияние Польши в Белоруссии остаются в информационной тени украинского конфликта. Между тем, Белоруссия, как и Украина – это страна, возникшая на бывших восточных окраинах Речи Посполитой и в силу этого являющаяся приоритетным объектом польского экспансионизма.

Отношения Белоруссии и Польши существенно отличаются от польско-украинских как в силу особенностей политического развития Белоруссии в постсоветский период, так и более глубинных исторических обстоятельств [Межевич, Шимов, 2022]. Тем не менее, в своем взаимодействии с Польшей Белоруссия находится в зоне тех же рисков и угроз, которые сыграли важную роль в развитии украинского кризиса.

Цель данной статьи – рассмотрение основных факторов влияния Польши в Республике Беларусь, а также связанных с ними угроз и вызовов.

Польша и белорусский национализм

Отношение Польши к белорусскому национализму и белорусскому государству является ключевым для понимания польской политики на белорусском направле-

нии. Это отношение неоднократно менялось и зависело от текущего политико-исторического контекста.

В XIX в. в польской политической мысли сложилось представление о Белоруссии как об исконном «достоянии» Польши. Этнографические отличия белорусского населения от поляков осознавались, но воспринимались как несущественные. Белоруссия и белорусы рассматривались с точки зрения польской цивилизаторской миссии – полонизация белорусского населения воспринималась как благо приобщения к «более высокой цивилизации». Такие взгляды, в частности, выражены в книге Александра Рыпинского «Białoruś»¹. Распространенности подобных представлений способствовало то, что, хотя поляки составляли меньшинство населения на территории белорусско-литовских губерний, именно они представляли господствующую в социально-экономическом и культурном плане группу. Аристократия края оставалась польской по культуре и языку и католической – по вероисповеданию.

В то же время польское влияние в Белоруссии испытывало все возрастающую конкуренцию со стороны России. В Российской империи постепенно утверждалось представления о белорусских землях как об исконно русских, оказавшихся под многовековым польско-литовским гнетом. Предпринимались меры по «восстановлению русских начал в крае» и ослаблению польского влияния. В 1839 г. в белорусско-литовских губерниях была ликвидирована униатская церковь, что способствовало сильной перемене не только конфессионального, но и общего культурного фона. Однако наиболее последовательно меры по «восстановлению русских начал» начинают предприниматься после польского восстания 1863 г. генерал-губернатором М.Н. Муравьевым и его преемниками [Бендин, 2019]. Это способствует дальнейшему укреплению не только позиций православной церкви, но и русского языка и культуры. В официальном нарративе Российской империи белорусы рассматривались как одна из русских народностей, наравне с великороссами и малороссами.

Соответственно, задачей польской политической мысли становилось противодействие нарастающей русской конкуренции. Для антироссийской агитации поляки все чаще прибегали к сельским белорусским диалектам, чтобы легче донести свои мысли до крестьянского населения. Некоторые романтически настроенные польские литераторы предпринимали попытки литературной обработки белорусских говоров еще в первой половине XIX в. Во время восстания 1863 г. получила распространение политическая пропаганда на белорусском языке, переданном польским шрифтом. Самый известный пример – агитационные листки «Мужицкая правда», авторство которых приписывается одному из лидеров восстания в Литве Викентию Константину Калиновскому. Основная цель этой пропаганды состояла в том, чтобы настроить сельское белорусское население против российских властей и мобилизовать его на поддержку польского восстания.

¹ Борисенок Ю. Александр Рыпинский прорубил для Беларуси окно в Париж. СБ-Беларусь сегодня. 28.05.2020. URL: <https://www.sb.by/articles/marsh-entuziasta44.html> (дата обращения: 25.09.2020).

Подобного рода политическая пропаганда появлялась и после подавления восстания 1863 г. В частности, изданием пропагандистских очерков и стихов занимался Франтишек Богушевич, ныне считающийся одним из основоположников белорусской литературы. По воспоминаниям современников, сам Богушевич признавал, что к опытам на белорусском языке его подтолкнуло стремление не допустить русификации края [Mogoz, 2001: 37].

Таким образом, по мере усиления русского влияния в Белоруссии, в польской среде постепенно появлялось осознание, что вернуть весь регион, особенно его восточную часть, в пространство польской культуры и идентичности вряд ли получится, и одним из инструментов противодействия России может стать поддержка сепаратистского движения, направленного на обособление белорусов от русских.

В этой связи в российском обществе получило распространение убеждение, что сам по себе белорусский национализм, проявившийся в начале XX в. и в ходе революционных событий 1917–1918 гг., был продуктом «польской интриги». О сильном польском влиянии на белорусский национализм и его сепаратистские устремления уже в 1921 г. писал этнограф Е.Ф. Карский, рассматривавший белорусов как русскую народность: ««Белорусское движение» с самого своего зарождения (Богушевич), как это отчасти заметно и у некоторых старых белорусских писателей <...> из поляков, в известном круге своих представителей (обыкновенно католиков) питало сепаратистские тенденции» [Карский, 2007: 646].

Вместе с тем, подобный взгляд представляется верным лишь отчасти. Поляки действительно были готовы использовать белорусский национализм как инструмент в своей борьбе против России. В то же время в польской среде проявлялось и откровенно неприязненное отношение к новому национальному движению. В частности, именно в таком духе выдержаны воспоминания о периоде немецкой оккупации 1915–1917 гг. польского общественно-политического деятеля из Вильно Александра Шкленника [Szklennik, 2019: 549, 562; Киселев, 2023]. Шкленник крайне нелестно отзывался о деятелях белорусского движения (братья Луцкевичи, Вацлав Ластовский), обвиняя их в пронемецкой ориентации. Кроме того, он указывает на слабость белорусского движения, отсутствие у него социальной базы и пророссийскую ориентацию большинства белорусских крестьян.

Белорусские националисты начала XX в., со своей стороны, также зачастую отвечали Польше взаимной неприязнью. Так, в пьесе «Тутэйшыя» классика белорусской литературы Янки Купалы с крайней антипатией выведены два персонажа – польский и русский этнографы, каждый из которых доказывает исконную принадлежность Белоруссии Польше или России, соответственно¹. Таким образом, для Купалы и Польша, и Россия – два одинаковых начала, угрожающих идентичности белорусов.

В межвоенный период, когда Польша контролировала территории западной Украины и Белоруссии, она проводила на них жесткую политику колонизации и противодействовала местным национальным движениям [Шевченко, 2023b]. При-

¹ Янка Купала. Тутэйшыя. Беларускае палічка. URL: https://knihi.com/Janka_Kupala/Tutejsyja.html (дата обращения: 25.09.2023).

чем делалось это путем как прямых репрессий, так и попыток противопоставления и стравливания разных национальных течений и устремлений в восточнославянской среде. Так, на территории Полесского воеводства (территория нынешней Брестской области) польские власти пытались создать отдельную национальность – полешуков, которая была бы противопоставлена как украинцам, так и белорусам [Шевченко, 2019], а на Лемковщине поляки даже ограниченно поддерживали местных москвофилов (т.е. сторонников идеи триединого русского народа), видя в них противовес украинскому движению [Шевченко, 2023а].

После Второй мировой войны польская государственность была радикально перестроена. Польша геополитически сдвинулась на запад за счет утраты «кресов восточных» и присоединения отторгнутых от Германии территорий. В этническом плане Польша стала одной из самых однородных стран Европы, а польское присутствие в Белоруссии и на Украине достигло своего исторического минимума едва ли не со времен Люблинской унии.

Мечта о «кресах восточных» в этой связи никуда не исчезла, но была вынуждена адаптироваться к новой действительности. В 1950-е гг. в среде польской эмиграции появляется доктрина, впоследствии ставшая известной как концепция Гедройца-Мерошевского. В соответствии с этой доктриной, Польше следовало отказаться от территориальных притязаний на «регион ULB» (Украина, Литва, Белоруссия, т.е. восточные земли бывшей Речи Посполитой) и признать субъектность образующих его государств. Вместе с тем Польша должна выступить оператором демократизации государств ULB, а также их переориентации на Запад [Mieroszewski, 1974; Waingertner, 2015]. Данная концепция, несмотря на свой внешний антиимпериалистический пафос, де-факто лишь предлагала отход от жесткого и откровенного польского империализма в пользу системы мягкого экономического, идеологического и культурного доминирования Варшавы на землях Речи Посполитой.

После распада социалистического лагеря эта концепция была фактически взята за основу восточной политики Польши, которая под ширмой борьбы за демократию начала наращивать свое присутствие в регионе ULB. Данная линия оказалась не очень успешной в отношении Литвы, которая сформулировала свои прозападные и «демократические» устремления вполне самостоятельно и сторонилась «братской» опеки Польши. Гораздо больших успехов Варшава добилась на Украине, ради сближения с которой польским властям зачастую приходится закрывать глаза на непростые темы взаимоотношений с украинскими националистами во времена второй Речи Посполитой и кровавые эксцессы типа Волынской резни.

Поддержка Польшей обоих украинских майданов способствовала закреплению пропольских настроений в украинских элитах, а активная работа с общественным мнением через систему НКО, привлечение в Польшу учащейся украинской молодежи обеспечивали широкую общественную поддержку на низовом уровне. В интересах Польши сработала и экономика. Проведя достаточно успешную постсоциалистическую трансформацию и получая щедрые субсидии из ЕС, Польша стала привлекательным направлением для трудовой миграции с Украины, формируя тем самым дополнительные цепочки зависимости. Образ Польши как экономической «истории успеха» также способствовал росту пропольских настроений на Украине.

Успехам Польши на Украине в немалой степени способствовал общий прозападный вектор, избранный Киевом с момента распада СССР. В Белоруссии подобные возможности оказались сильно ограниченными из-за особенностей развития белорусской политической системы после прихода к власти А.Г. Лукашенко. Лукашенко не соответствовал двум основным критериям доктрины Гедройца-Мерошевского – он не был «демократическим лидером» в польском понимании этого слова и, кроме того, не стремился рвать политико-экономические и культурные связи с Россией.

Из-за этого контакты Польши с белорусской элитой оказались сильно ограниченными, а межгосударственные отношения оставались натянутыми весь постсоветский период. Работа польских НКО в Белоруссии также оказалась затруднена, за исключением недолгого периода 2014–2020 гг., поэтому и продвижение пропольских нарративов в Белоруссии происходило труднее и медленнее в сравнении с Украиной. Основными контрагентами Польши стали представители белорусской националистической оппозиции, которые, однако, практически не имели влияния на политику государства.

Начиная с 2009 и особенно после 2014 гг. Польша получает более широкие возможности по воздействию на белорусское общество и элиты. В этот период Минск предпринимает попытки сближения с Западом в рамках политики «многовекторности», что приводит к разрыхлению политического и информационного поля и усилению влияния прозападных сил.

Белорусский этнический национализм весьма восприимчив к пропольским нарративам. Несмотря на то что в период второй Речи Посполитой польское государство подавляло белорусское национальное движение точно так же, как и украинское, здесь не возникло кровавых эксцессов, подобных Волынской резне, память о которой до сих пор омрачает польско-украинские отношения. Сама структура белорусского националистического мифа, основанного на романтизации Великого княжества Литовского, позволяет вбрасывать в общественное сознание образ Речи Посполитой как якобы равноправного союза двух народов и общего отечества белорусов и поляков, что, естественно, становится идеологическим обоснованием возрождения такого союза в будущем.

Уроженцами территории современной Белоруссии были многие видные деятели польской культуры и истории – Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Михаил Огинский и т.п. Почитание их как общих белорусско-польских героев стало довольно распространенной практикой, формирующей представления об общности судеб Белоруссии и Польши.

Таким образом, поддержка белорусского этнического национализма и романтизированного образа Речи Посполитой как общего отечества является важным инструментом «мягкой силы» Польши в рамках доктрины Гедройца-Мерошевского.

После событий 2020 г., связанных с президентскими выборами в Беларуси, возможности Польши по «мягкому» воздействию на своего восточного соседа снова оказались ограниченными, а контакты с официальным Минском – сведены к минимуму. В настоящее время Польша вынуждена работать исключительно с белорусской по-

литической эмиграцией в расчете на то, что при благоприятных обстоятельствах эти силы окажутся у власти в Минске.

Белорусские поляки и Католическая церковь

Важным фактором польской политики в Белоруссии является наличие в республике достаточно крупного польского меньшинства. Согласно переписи населения 2009 г., в Белоруссии проживало 294 тысячи поляков¹. В Гродненской области они являются второй по численности этнической группой, а в некоторых районах их доля составляет 80–90%.

Белорусские поляки – это не переселенцы из Польши, а местное коренное население, которое по своему этногенезу практически не отличается от белорусского окружения и почти не использует польский язык в быту, но усвоило польскую идентичность, прежде всего благодаря принадлежности к Католической церкви. Кроме того, можно предположить, что заметный процент населения северо-западных областей Белоруссии имеет «плавающую», смешанную белорусско-польскую идентичность, которая может сдвигаться в ту или другую сторону.

Естественно, Польша пытается использовать фактор польского этнического меньшинства в своей политике. Защита интересов белорусских поляков является одним из основных направлений польской политики. Варшава активно вмешивалась в деятельность польских организаций в Белоруссии, пытаясь сделать их проводниками своих интересов. Результатом стал раскол белорусского Союза поляков на две организации – официальную, зарегистрированную белорусским Минюстом, и оппозиционную, поддерживаемую Варшавой. В 2005 г. Дональд Туск, бывший тогда вице-маршалом польского Сейма и кандидатом в президенты, даже приезжал в Белоруссию, чтобы поддержать оппозиционный союз поляков². В 2020 г. белорусские власти задержали лидера незарегистрированного союза поляков Анжелику Борис, а также оппозиционного журналиста польского происхождения Анджея Почобута. Это вызвало резкую реакцию со стороны Варшавы и стало поводом для введения санкций против Белоруссии³.

Еще одним инструментом продвижения польских интересов является карта поляка. Белоруссия является мировым лидером по количеству выданных карт поляка – порядка 143 тысяч. Это существенно больше, чем на Украине, где выдано порядка 120 тысяч, при том что общая численность населения в Белоруссии значительно меньше.

¹ Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Население по национальности и родному языку. URL: https://web.archive.org/web/20100918165045/http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.8-0.pdf (дата обращения: 25.09.2023)

² Польская диаспора оказалась за решеткой. Газета.ru. 04.08.2005. URL: https://www.gazeta.ru/2005/08/04/oa_166268.shtml (дата обращения 25.09.2023)

³ Беларусь: журналиста польского телеканала приговорили к 8 годам тюрьмы. Euronews. 08.02.2023. URL: <https://ru.euronews.com/2023/02/08/belarus-andrzej-poczobut-trial> (дата обращения: 25.09.2023)

Карта поляка формализует польскую идентичность ее обладателя и формирует лояльность к польскому государству, давая целый набор прав и привилегий на территории Польши. Особенно удобна она для работы с молодежью, которая получает возможность обучаться в Польше. Понятно, что такие люди с двойной лояльностью даже неосознанно могут становиться проводниками польских интересов на территории государств-соседей. Карта поляка – важный инструмент «мягкой силы» Варшавы на территориях бывлой Речи Посполитой.

Белорусское государство настороженно реагирует на распространение карт поляка среди белорусских граждан и по мере возможностей противодействует этому. Высшим должностным лицам и депутатам парламента на законодательном уровне запрещено иметь карту поляка. Кроме того, в 2023 г. принят закон, обязывающий белорусских граждан уведомлять государственные органы о наличии у них иностранных документов, будь то вид на жительство или карта поляка¹.

В целом попытки Польши задействовать белорусских поляков в качестве инструмента влияния оказались малоэффективными. Во многом это связано с отсутствием напряженности на межнациональной почве в силу слабо выраженной культурной дистанции между белорусскими поляками и, собственно, белорусами. Кроме того, значительная часть белорусских поляков – это жители провинциальной глубинки, которые традиционно не отличаются политической активностью. Отсутствие больших диаспор в крупных городах ведет к слабости польских организаций и отсутствию ярких лидеров, на которых могла бы опереться Варшава.

Католическая церковь рассматривается Польшей как важный проводник влияния в Белоруссии. По разным оценкам, католики составляют от 10 до 15% населения республики, что является второй по численности прихожан конфессией. Традиционно католицизм в Белоруссии воспринимался как «польская вера». В прошлом принятие католицизма становилось важным шагом к усвоению польской идентичности и культуры. Большинство белорусских поляков – это именно «костёльные», а не этнические поляки, принявшие польскую идентичность через католическую церковь. Во многих костёлах Белоруссии (в основном в Гродненской области) по-прежнему ведутся службы на польском языке, а значительная часть клира является уроженцами Польши. Польское стремление задействовать костёл в своих интересах в Белоруссии неудивительно, тем более, внутри самой Польши Католическая церковь остается важным политическим субъектом.

Однако здесь интересы Варшавы сталкиваются с политикой Ватикана, который, по всей видимости, отказался от традиционного представления о Польше как об основном проводнике католического влияния в Белоруссии и предпочитает договариваться с официальным Минском напрямую. Ватикан – одно из немногих западных государств, которое смогло выстроить с Белоруссией достаточно конструктивные отношения и которое А.Г. Лукашенко посетил дважды за время своего нахож-

¹ Как белорусам сообщить о ВНЖ и карте поляка? МВД и МИД опубликовали инструкцию. Мінская праўда. URL: <https://mlyn.by/08082023/kak-belorusam-soobshhit-o-vnzh-i-karte-polyaka-mvd-i-mid-opublikovali-instrukciyu/> (дата обращения: 25.09.2023)

дения у власти¹. Ватикан явно стремится дистанцироваться от конфронтационной линии Варшавы в отношении официального Минска. Святой престол достаточно спокойно смотрит на белорусскую политику по замещению ксендзов-поляков местными уроженцами.

В 2020 г., в разгар политического кризиса в Белоруссии, также проявились существенные расхождения в подходах Ватикана и Варшавы. Тогдашний глава белорусских католиков митрополит Тадеуш Кондрусевич попытался занять сторону оппозиции и мобилизовать Католическую церковь на ее поддержку, однако сначала был заблокирован в Польше (не смог въехать в Белоруссию, т. к. был аннулирован его белорусский паспорт) и впоследствии смещен. Очевидно, это также произошло по согласованию со Святым престолом, который воспринял конфликт митрополита с белорусскими властями без симпатии не высказывался в его поддержку. Ватикан и Варшава, которая деятельно поддерживала белорусские протесты, в том числе антиправительственные выступления католического клира, снова оказались по разные стороны баррикад.

Таким образом, Католическая церковь отнюдь не является таким надежным проводником польских интересов в Белоруссии, как того хотели бы в Варшаве, хотя недооценивать глубинные связи белорусского католицизма с Польшей, конечно, не стоит.

Кризис 2020 г. и СВО

Политический кризис 2020 г. открыл новую главу в отношениях Белоруссии и Польши. Варшава сыграла ва-банк, активно поддержав белорусскую оппозицию и рассчитывая в случае ее победы резко усилить свое влияние в соседней стране. Провал этой тактики закономерно привел к прямо противоположному результату. На данном этапе можно говорить о провале польской политики по «мягкому» вовлечению Белоруссии по заветам Гедройца-Мерошевского. Традиционное неприятие фигуры А.Г. Лукашенко и его политики всегда ограничивало возможности Польши в Белоруссии. Даже во времена максимального сближения Белоруссии с Западом отношения Варшавы и официального Минска отличались холодностью и взаимным недоверием.

Польша практически открыто делает ставку на крах президентства А.Г. Лукашенко, рассчитывая на возобновление своей «мягкой» экспансии после его падения. Этим объясняется крайне жесткая риторика и активная поддержка Польшей санкций против Белоруссии.

¹ Визит в государство Ватикан, Республику Италию и Суверенный Мальтийский орден. Президент Республики Беларусь. 27.04.2009. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-sovershil-vizit-v-italijjanskuju-respubliku-i-gosudarstvo-vatikan-2935> (дата обращения 25.09.2023); Встреча с Папой Римским Франциском. Президент Республики Беларусь. 21.05.2016. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-papoj-rimskim-frantsiskom-13682> (дата обращения: 25.09.2023).

С началом специальной военной операции России на Украине Варшава активно нагнетает тему военной угрозы со стороны Белоруссии, которая якобы может стать российским военным плацдармом для удара по «сувалкскому коридору». Белорусские власти, со своей стороны, говорят о возможности прямой военной агрессии Польши и стремлении Варшавы захватить западные регионы республики¹. Такой сценарий, однако, представляется маловероятным, поскольку чреват военным столкновением Польши не только с Белоруссией, но и с Россией с перспективой перерастания в глобальный конфликт.

Следует также помнить, что, несмотря на очевидный рост своего регионального и международного влияния, Польша остается сравнительно небольшим и несамодостаточным государством с существенно ограниченными возможностями и высокой зависимостью от союзников по ЕС и НАТО. Именно поэтому Варшава вынуждена оставаться в рамках доктрины Гедройца-Мерошевского, т.е. наращивания своего влияния в Белоруссии и на Украине методами «мягкой силы» и при условии сохранения существующих границ.

Президент страны А.Г. Лукашенко и возглавляемая им политическая система стали препятствием в реализации польской стратегии, при этом ресурсов и возможностей для его смещения Варшава не имеет. В силу этого белорусское направление отходит для Польши на второй план и, по сути, ставится на паузу. Однако это не означает, что Варшава отказывается от своих долгосрочных целей в отношении Белоруссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бендин А.Ю. (2019) *Михаил Муравьев-Виленский. Умиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи*. Книжный мир, Москва. 416 с.

Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. (2023) Новое вино в старые мехи. Проект «Междуморье» как очередной виток европейской истории, *Россия в глобальной политике*, Т. 21. № 5. С. 178–190.

Карский Е.Ф. (2007) *Белорусы.*, Т.3, Кн. 2. Беларуская энцыклапедыя, Минск. 704 с.

Киселев А. (2023) Деятели белорусского национального движения на страницах дневника Александра Шкленника (1915–1917). *Наука. Вера. Культура*. URL: <https://naukaverakultjura.com/деятели-белорусского-национального/> (дата обращения: 25.09.2023).

Межевич Н.М., Шимов В.В. (2022) Почему Беларусь не Украина? *Аналитические записки института Европы РАН*. № 291. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/Standarts-2023.pdf> (дата обращения: 25.09.2023).

Шевченко К.В. (2023а) Забытая трагедия на западных рубежах русского мира. Операция «Висла» 1947 г.: как русинов-лемков лишили родины. *Наука. Вера. Культура*. URL: <https://naukaverakultjura.com/забытая-трагедия-на-западных-рубежах/> (дата обращения: 25.09.2023).

¹ Лукашенко: Польша готовит вторжение в Беларусь. Евразия. Эксперт. 31.03.2023. URL: https://eurasia.expert/lukashenko-polsha-gotovit-vtorzhenie-v-bela-rus/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referer=google.com (дата обращения 25.09.2023).

Шевченко К.В. (2023b) «Картина варварства...». Белорусское и украинское меньшинство в Польше в межвоенный период. *Наука. Вера. Культура*. URL: <https://naukaverakuljtura.com/картина-варварства-белорусское-и/> (дата обращения: 25.09.2023).

Шевченко К.В. (2019) «Хитер наш полешук». Русская пресса белорусского Полесья в составе межвоенной Польши как индикатор этнической идентичности. *Западная Русь*. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/2130-khiter-nash-poleshuk-russkaya-pressa-belorusskogo-polesya-v-sostave-mezhvoennoj-polshi-kak-indikator-etnicheskoj-identichnosti.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Mieroszewski J. (1974) Rosyjski 'Kompleks Polski' i obszar ULB. *Kultura* 9, No. 312. P. 3–14.

Moroz M. (2001) „Krynica”. *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*. Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok. 284 p.

Szklennik A. (2019) «Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju». *Dziennik. Wstęp i opracowanie Joanna Gierowska-Kallaur. Część II*. Instytut Historii PAN, Warszawa. 1067 p.

Waingertner P. (2015) Jerzego Giedroycia idea ULB – geneza, założenia, próby realizacji. Zarys 3 problematyki. *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*. No. 15. P. 143–159.

BELARUS AS AN OBJECT OF POLAND'S FOREIGN POLICY

V.V. Shimov

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor

Department of Social and Political Research, Center for Belarusian Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, senior researcher

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: vs.shimoff@gmail.com

Abstract. The article analyzes the evolution of foreign policy approaches of Poland towards Belarus and Belarusian nationalism. The main purpose of the article is to identify the evolution of approaches to Belarus in Polish political thought and practices of the Polish state. The ambiguous attitude of Polish political figures to Belarusian nationalism and the very idea of Belarusian statehood is demonstrated. This attitude has changed significantly over time from active rejection of Belarusian nationalism to readiness to use and support it in the foreign policy interests of Poland. The article shows that Poland's contemporary approaches towards Belarus are based on the Giedroyc-Mieroszewski doctrine and involve the establishment of "soft" ideological, political, cultural and economic dominance of Poland in the former lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth without formally changing existing borders. It is noted that the success of these methods of Polish foreign policy in relation to Belarus is significantly lower than in relation to Ukraine. This is primarily due to the peculiarities of the political development of Belarus in the post-Soviet period, as well as the limited ability of Poland to influence the target audience within Belarusian society. The author draws attention to the fact that Polish policy towards Belarus should be the object of close attention of Russia, since the strengthening of Polish influence in the countries of the common neighborhood may pose a threat to Russian national interests.

Key words: Belarus, Poland, Eastern Europe, foreign policy, nationalism

DOI: 10.31857/S0201708323060037

EDN: xwqwas

REFERENCES

Bendin A.Yu. (2019) *Mihail Murav'ev-Vilenskij. Usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraya Rossijskoj imperii*. [Mikhail Muravyov-Vilensky. Pacifier and reformer of the Northwestern region of the Russian Empire] Knizhnyj mir, Moscow. (In Russian).

Evstaf'ev D.G., Mezhevich N.M. (2023) Novoe vino v starye mekhi. Proekt «Mezhdumor'e» kak ocherednoj vitok evropejskoj istorii [New wine in old wineskins. The Intermarium project as the next round of European history]. *Russia in Global Affairs*, 21(5), pp. 178–190. (In Russian).

Karskij E.F. (2007) *Belorusy* [Belarusians]. Vol. 3(2). Belaruskaya encyklopedyja, Minsk. (In Russian).

Kiselev A. (2023) Deyateli belorusskogo nacional'nogo dvizheniya na stranicah dnevnika Aleksandra Shklennika (1915–1917). [Personalities of the Belarusian national movement on the pages of the diary of Alexander Szklennik] *Nauka. Vera. Kul'tura*. URL: <https://naukaverakuljtura.com/деятели-белорусского-национального/> (accessed: 25.09.2023). (In Russian).

Mezhevich N.M., Shimov V.V. (2022) Pochemu Belarus' ne Ukraina? [Why Belarus is not Ukraine?]. *Analiticheskie zapiski instituta Evropy RAN*. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/Standarts-2023.pdf> (accessed: 25.09.2023). (In Russian).

Shevchenko K.V. (2023a) Zabytaya tragediya na zapadnyh rubezhah russkogo mira. Operaciya «Visla» 1947 g.: kak rusinov-lemkov lishili rodiny [A forgotten tragedy on the western borders of the Russian world. Operation Vistula 1947: how the Rusyn-Lemkos were deprived of their homeland.]. *Nauka. Vera. Kul'tura*. URL: <https://naukaverakuljtura.com/забытая-трагедия-на-западных-рубежах/> (accessed: 25.09.2023). (In Russian).

Shevchenko K.V. (2023b) «Kartina varvarstva...». Belorusskoe i ukrainskoe men'shinstvo v Pol'she v mezhoennoy period. [“A picture of barbarism...” Belarusian and Ukrainian minorities in Poland during the interwar period.] *Nauka. Vera. Kul'tura*. URL: <https://naukaverakuljtura.com/картина-варварства-белорусское-и/> (accessed: 25.09.2023). (In Russian).

Shevchenko K.V. (2019) «Hiter nash poleshuk». Russkaya pressa belorusskogo Poles'ya v sostave mezhoennoj Pol'shi kak indikator etnicheskoy identichnosti. [“Our poleshuk is cunning.” The Russian press of Belarusian Polesie as part of interwar Poland as an indicator of ethnic identity] *Zapadnaya Rus'*. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/2130-khiter-nash-poleshuk-russkaya-pressa-belorusskogo-polesya-v-sostave-mezhoennoj-polshi-kak-indikator-etnicheskoy-identichnosti.html> (accessed: 25.09.2023). (In Russian).

Mieroszewski J.(1974) Rosyjski ‘Kompleks Polski’ i obszar ULB. *Kultura*, 9(312), pp. 3–14.

Moroz M. (2001) „Krynica”. *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*. Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok.

Szklennik A. (2019) *Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju*. *Dziennik. Wstęp i opracowanie Joanna Gierowska-Kalla*. Część II. Instytut Historii PAN, Warszawa.

Waingertner P. (2015) Jerzego Giedroycia idea ULB – geneza, założenia, próby realizacji. Zarys 3 problematyki. *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX Wieku*, 15, pp. 143–159.

УДК 327.8

ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ

© 2023 г. МИХАЛЕВ Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент

*Факультет международных отношений Воронежского
государственного университета*

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1

E-mail: mikhalev2003@mail.ru

Поступила в редакцию 17.04.2023

После доработки 29.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализированы основные факторы, которые определяют политику Польши в отношении Украины как в долгосрочной перспективе, так и в период проведения Специальной военной операции. На основе польских источников автор утверждает, что украинское направление никогда не было для Польши приоритетным, так как главная ее задача – интеграция в евроатлантические структуры. Украина привлекает внимание прежде всего с точки зрения обеспечения безопасности польского государства, поскольку ее независимость и территориальная целостность воспринимается как барьер для «имперских амбиций» России. Чем более активное воздействие на Украину оказывает Москва, тем большее противодействие встречает со стороны Варшавы. После февраля 2022 г. оно выразилось в дипломатических усилиях Польши по сплочению стран Запада в поддержку Украины, оказанию ей военно-технической, финансовой и гуманитарной помощи. Вместе с тем Варшава стремится держаться в рамках общего курса ЕС и НАТО в отношении Украины и не пытается играть самостоятельную роль, понимая ограниченность своих ресурсов. Варшава стремится использовать события на Украине для повышения собственной геополитической роли, но в рамках укрепления своего веса в евроатлантическом блоке.

Ключевые слова: Польша, Украина, внешняя политика Польши, польско-украинские отношения, Специальная военная операция

DOI: 10.31857/S0201708323060049

EDN: xwtgii

Противоположные интересы России и Польши на Украине впервые отчетливо столкнулись во время «оранжевой революции» 2004 г. После нее Москва и Варшава неизменно рассматривали действия противоположной стороны на Украине как

недружественные, что стало одним из важнейших факторов охлаждения отношений между странами. После начала Специальной военной операции РФ на Украине (СВО) 24 февраля 2022 г. напряженность между Россией и Польшей достигла пика.

Недружественными воспринимаются такие действия Варшавы, как усилия по сплочению европейских государств в поддержку Украины, оказание Киеву военной помощи, наращивание численности польских вооруженных сил и войск США на территории Польши, превращение страны в перевалочный пункт для поставки вооружений, отказ от российских энергоносителей, многочисленные высказывания польских политиков, осуждающие СВО как агрессию и требующие искоренить идеологию Русского мира. Однако сложно понять, почему Польша активно защищает Украину, рискуя быть втянутой в вооруженный конфликт напрямую.

В статье выявлены задачи, которые преследует политика Польши в отношении Украины в связи с проведением СВО на основе данных официальных источников, ведущих СМИ и выводов польских исследователей. Понимание мотивов польской политической элиты в украинском вопросе будет способствовать более эффективной реализации российских внешнеполитических целей.

Место Украины во внешней политике Польши

Основные контуры польской политики в отношении Украины после распада Советского Союза описаны как в отечественной [см., напр.: Звягина, 2016: 145–149; Лыкошина, 2015: 113–117; Чернова, 2016: 63–77], так и в польской литературе [см., напр.: Czornik, 2011: 114–121; Fedorowicz, 2011: 163–224; Kuźniar, 2008: 78–79, 161–164, 241–247; Purat, 2011: 113–130]. После падения коммунистического режима в Польше в 1989 г. новые власти приняли на вооружение в проведении восточной политики концепцию, выработанную в эмигрантских кругах вокруг издаваемого в Париже журнала «Культура» (концепция Гедройца – Мерошевского). Она восходит к идеям прометеизма Юзефа Пилсудского¹ и утверждает, что главная угроза безопасности Польши – «империалистические амбиции» России. Для противодействия им необходимо поддерживать суверенитет Украины, Белоруссии и государств Балтии.

Концепция нацелена не против России как государства, а против ее якобы «агрессивных намерений» и предполагает в целях российско-польского примирения отказ Польши от стремления вернуть ранее утраченные на востоке земли и от территориальных претензий к соседям. Украина, исходя из ее геополитического положения, играет ключевую роль в обеспечении безопасности Польши, поэтому польская политическая элита нацелилась на установление более тесных контактов с Киевом. Польша первой признала независимость Украины на следующий день после референдума 1 декабря 1991 г., одной из первых заключила с Украиной Договор о дружбе, сотрудничестве и соседстве (18 мая 1992 г.) и со временем взяла на себя роль «адвоката Украины в Европе». Варшава считала, что в ее интересах помочь Киеву превратиться в стабильное демократическое государство с эффективно развивающейся экономикой, которое может вступить в Евросоюз и НАТО.

¹ Подробнее о прометеизме и других внешнеполитических проектах Пилсудского см.: [Ворожеина, Курганский, 2023: 129–131].

На протяжении 1990-х гг. отношения двух стран развивались нестабильно. Правительства не всегда занимали последовательные позиции и пытались совмещать курс на укрепление взаимного сотрудничества с реализацией других внешнеполитических задач. Однако «оранжевая революция» 2004 г. с новой силой подчеркнула значимость Украины для Польши, продемонстрировала несовпадение интересов Варшавы и Москвы в отношении Украины и подняла вопрос обеспечения безопасности. В условиях возросшего соперничества Польша должна была в еще большей степени заботиться об укреплении связей с Киевом.

Изложенные в таком виде основные цели польской политики могут оставить впечатление о приоритетном характере сотрудничества с Украиной. Для понимания места страны во внешней политике Польши следует рассмотреть проблему в более широком контексте. С тех пор как первое некоммунистическое правительство Т. Мазовецкого в 1989 г. выдвинуло лозунг «возвращения в Европу», понимая под этим не только цивилизационный выбор (возвращение к основам европейской цивилизации, от которых Польша, как считается, была искусственно отторгнута после Второй мировой войны), но и интеграцию в евроатлантические институты, для польского политического мейнстрима не подлежит сомнению, что основные внешнеполитические интересы страны лежат на Западе.

С членством в НАТО и развитием союзнических отношений с США Польша связывает обеспечение безопасности страны; с пребыванием в Евросоюзе – решение задач экономического развития; с ориентацией на западную модель общественного устройства – завершение трансформации политической и социальной систем. Западное направление стоит на первом месте в доктринальных внешнеполитических документах¹, ежегодных отчетах министров иностранных дел в Сейме², международных разделах программ ведущих политических партий³, организации подачи материала в издаваемых Польским институтом международных дел ежегодных обзорах польской внешней политики⁴, в научных исследованиях на соответствующую тему [Kuźniar, 2008; Zięba, 2010], наконец в статье польской Википедии о внешней политике страны⁵. Ориентация на Запад стала образом мышления и восприятия своего места в современном мире не только представителей польской политической элиты, но и общества в целом.

Отношения с восточными соседями играют второстепенную роль, и интерес к ним довольно однокбок: в нем отчетливо преобладают вопросы обеспечения безопасности.

¹ См., напр.: Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej. 2017–2021. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/strategia> (дата обращения: 14.04.2023).

² См., напр.: Minister Jacek Czaputowicz o priorytetach polskiej dyplomacji w 2019 roku. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/minister-jacek-czaputowicz-o-priorytetach-polskiej-dyplomacji-w-2019-roku> (дата обращения: 13.04.2023).

³ См., напр.: Polski model państwa dobrobytu. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019. P. 171–192. URL: https://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ См., напр.: Rocznik polskiej polityki zagranicznej 2016. URL: <https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1009> (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ Polityka zagraniczna Polski. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Polityka_zagraniczna_Polski (дата обращения: 14.04.2023).

Политика в отношении Украины сильно зависит от того, насколько остро ощущается «опасность» со стороны России, которая всегда воспринималась главной угрозой. Именно Москва выступала главным фактором сближения Киева и Варшавы: пиковые моменты их сотрудничества приходились на кризисные периоды в 2004, 2014, 2022 гг.

Место Украины в польской внешней политике находится в диапазоне между глубокой периферией и проблемным соседом, если вынести за скобки российский фактор. Прежде всего, это определяется слабостью экономических связей между странами. С 2015 по 2019 гг. товарооборот Польши с Украиной вырос с 5 до 8,6 млрд долл., однако по экспорту и импорту последняя не вошла в десятку важнейших партнеров Польши (для сравнения: товарооборот Польши с ее главным партнером Германией в 2019 г. превысил 132 млрд долл., с Россией – 24,5 млрд). На конец 2019 г. Польша вложила в украинскую экономику чуть меньше 700 млн долл., что составило около 2% от общего объема зарубежных инвестиций, привлеченных Украиной. Украинские инвестиции в Польшу едва превысили 8 млн долл. и имели тенденцию к сокращению¹. Данные говорят о том, что украинский рынок до недавних пор был мало интересен польским предприятиям.

На этом фоне наиболее важным экономическим фактором в отношениях двух стран стала трудовая миграция украинцев в Польшу. Накануне пандемии *COVID-19* число трудовых мигрантов оценивалось примерно в 1,2 млн человек, но сократилось после введения коронавирусных ограничений. Однако массовый приезд украинцев на заработки трудно считать инструментом сближения двух стран. Польша после Второй мировой войны сложилась как моноэтничное государство. Польское общество гомогенно, монокультурно, с опаской относится к приезжим и воспринимает приток мигрантов очень настороженно. Антимигрантские настроения – одна из причин прихода к власти в 2015 г. националистической партии «Право и справедливость», которая сохраняет электорат во многом за счет обещаний поддерживать традиционные устои польского общества.

Кроме того, отношение поляков к украинцам осложняет сложная история взаимоотношений двух народов. Первые хорошо помнят о деятельности Украинской повстанческой армии и Волынской резне 1943 г. В течение долгого времени Польша с неохотой открывала двери для мигрантов из Украины и стремилась законодательно создать такие условия, которые обеспечивали только кратковременное пребывание «заробитчан». Украинцы, оставшиеся на постоянной основе, должны были полностью ассимилироваться в польское общество, чтобы не создавать угрозу его целостности. Только столкнувшись с нехваткой рабочих рук из-за оттока поляков в страны ЕС, власти Польши были вынуждены смягчить миграционное законодательство [Горизонтов, 2019: 180–183].

Таким образом, польско-украинские отношения развивались волнообразно: как только ослабевало действие сближающего страны фактора безопасности, интерес к Украине ослабевал и на поверхность выходили противоречия. Например, после

¹ Ukraina. Departament Handlu i Współpracy Międzynarodowej. Ministerstwo Rozwoju i Technologii. URL: <https://www.gov.pl/attachment/af4651da-a6ad-4c41-881b-36701f72fd50> (дата обращения: 18.04.2023).

«оранжевой революции» период «романтического партнерства» уже в конце 2005 г. на фоне разочарования в медленном темпе реформ на Украине и распада «оранжевой коалиции» сменился гораздо более реалистическим подходом. В последующих контактах на высшем уровне поднимались такие острые темы, как трудные вопросы истории, визовый режим для украинцев, возможности допуска их на польский рынок труда, энергетическая политика и пр. В польском обществе вызывали отторжение попытки героизации Степана Бандеры и его сподвижников из Организации украинских националистов [см.: Czornik, 2011: 128, 134–144, 154–156].

После событий 2013–2014 гг. Польша с энтузиазмом восприняла смену власти в Киеве, поддержала новое правительство в вопросе о статусе Крыма и действия Украины в конфликте на юго-востоке страны. Варшава обещала разнообразную помощь как на двустороннем уровне, так и через международные институты. Однако эта помощь была весьма скромной. Польша не оказала существенной финансовой поддержки, не поставила вооружения и амуницию, не организовала регулярную отправку гуманитарных грузов и не проявила активности в принятии беженцев. Амбиции польского правительства резко уменьшились, после того как его не пригласили участвовать в нормандском и минском форматах. Польша довольно быстро встала на осторожную позицию непринятия каких-либо действий без ведома ЕС и НАТО, чтобы не вовлечь страну в конфликт [см.: Kowalczyk, 2015: 8–13]. Варшава не столько беспокоится о проблемах Украины, сколько озабочена укреплением собственной безопасности. Для этого Польша старается укрепить восточный фланг НАТО и упрочить двустороннее военное сотрудничество с США.

Приход к власти партии «Право и справедливость», выступавшей за активизацию роли Польши в украинском вопросе, не только не улучшил отношения двух стран, но и, по оценке бывших польских дипломатических представителей, привел к их значительному ухудшению¹. Причинами стали появление комплекса вызовов, возникших перед новым правительством как внутри страны, так и за ее пределами, а также стремление выставить на первый план вопросы исторической политики. На рубеже 2017–2018 гг. разная трактовка событий Второй мировой войны привела к кризису в польско-украинских отношениях, который сопровождался нападениями на трудовых мигрантов, а также на памятники и воинские захоронения, сжиганием флагов соседней страны. Польша ввела запрет на въезд в страну ряда украинских чиновников из-за их антипольских высказываний и приняла новую редакцию закона об Институте национальной памяти, который предусматривает уголовную ответственность за пропаганду «бандеровской идеологии»². С другой стороны, конфликт Варшавы с Евросоюзом ограничил ее возможности выступать в качестве представителя и проводника влияния ЕС, что повлияло на отношения двух стран.

¹ Polityka wschodnia Polski. Raport Konferencji ambasadorów RP. Warszawa, wrzesień 2019 r. P. 13. URL: <https://ambasadorowiedotorg.wordpress.com/2020/01/15/polityka-wschodnia-polski-raport-konferencji-ambasadorow-rp/> (дата обращения: 11.05.2023).

² В Польше вступает в силу «антибандеровский» закон. EurAsia Daily. 01.03.2018. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/03/01/v-polshe-vstupael-v-silu-antibanderovski-y-zakon> (дата обращения: 05.04.2023).

Помощь Украине после начала СВО

Заинтересованность Варшавы в поддержке Киева выше, чем раньше, поскольку она убеждена, что цели России выходят далеко за рамки отношений с Украиной. С точки зрения Варшавы, Москва приступила к ревизии существующего миропорядка, что напрямую касается Польши. Воспринимая безопасность Украины как непеременимое условие собственной безопасности, Варшава старается сделать все возможное, чтобы не допустить поражения Киева в развернувшемся конфликте.

Однако Польша не отошла от ранее выработанной линии действий в рамках ЕС и НАТО, т. к. осознает, что не располагает достаточным потенциалом. Ее основные усилия направлены на сплочение союзников по евроатлантическому лагерю для оказания давления на Москву. Вне многосторонних форматов Варшава действует в случаях, когда это не грозит непосредственным втягиванием в конфликт. Можно выделить следующие основные направления деятельности Польши в поддержку Украины: дипломатические усилия, военно-техническую и финансовую помощь.

Сразу после начала СВО польские политики активно участвовали в формировании блока государств, помогающих Киеву. Они убеждали колеблющихся, требовали предоставить Украине членство в ЕС, передать ей оружие, включая танки и авиацию, ввести как можно более жесткие санкции в отношении России и пр. [Подробнее см.: Михалев, 2022: 36–40]. При поддержке США и Британии подход восточноевропейских «ястребов» (не только Польши, но и стран Балтии, Чехии, Словакии, Румынии) возобладавал в Евросоюзе и продолжает определять его линию в российско-украинском конфликте. Польские дипломаты также стремились укрепить контакты с Киевом и убедить украинское руководство в том, что весь «цивилизованный мир» будет прилагать необходимые усилия для поддержки Украины. С февраля 2022 г. по середину 2023 г. состоялось восемь встреч на высшем уровне: президент Польши А. Дуда пять раз посетил Украину (в апреле, мае, августе 2022 г., январе и июне 2023 г.) и трижды принимал В. Зеленского (в декабре 2022 г., феврале и апреле 2023 г.). Подобной интенсивности контактов не отмечалось с 2005 г. в условиях наиболее «романтического» периода отношений двух стран. На встречах А. Дуда убеждал украинцев, что они защищают не только свою страну, но и всю Европу от «русского империализма», а значит, могут получать политическую, экономическую и гуманитарную помощь со стороны Польши (и других стран Запада при ее поддержке) так долго, сколько это будет необходимо¹.

За год после начала СВО Польша передала Украине военную технику, боеприпасы и снаряжение на сумму в 2,4 млрд евро, выйдя по этому показателю на четвертое место после США, Британии и Германии. Украине доставлены 14 самолетов МиГ-29, 300 танков Т-72М и Т-72М1, оставшихся в польских арсеналах с социалистических времен (почти треть имеющихся у Варшавы танков), 54 гаубицы «Краб» (из 188 имеющихся), 40 боевых машин пехоты, 40 бронетранспортеров, 160 зенитно-ракетных

¹ См., напр.: Łomanowski A. Wizyta prezydenta Dudy w Kijowie. „Nic o Tobie Ukraino bez Ciebie”. Rzeczpospolita. 22.05.2022. URL: <https://www.rp.pl/konflikty-zbrojne/art36345931-wizyta-prezydenta-dudy-w-kijowie-nic-o-tobie-ukraino-bez-ciebie> (дата обращения: 11.05.2023).

комплексов «Пёрун», а также минометы, автоматы, ракеты, снаряды и т.д. Всего Украина получила почти 20% тяжелого вооружения, которым располагала польская армия¹.

Эти цифры выглядят внушительно, однако для оценки польской военно-технической помощи необходимо учитывать следующие факты. Во-первых, все поставки согласуются с союзниками по НАТО. Лишь в начале конфликта польское правительство проявило инициативу и предложило передать Украине самолеты МиГ-29, но было остановлено американцами (передача самолетов состоялась только через год). После этого Варшава не пыталась идти впереди старших партнеров. Во-вторых, поляки не являются лидерами по передаче Украине вооружений в процентном соотношении. Чехия отправила свыше 30% своих запасов, Норвегия – почти 26%, Великобритания – 25,5%². В-третьих, с помощью передачи устаревшего советского вооружения Польша решает задачу модернизации собственной армии, рассчитывая пополнить запасы посредством закупки оружия у США и Южной Кореи. Таким образом, Польша поддерживает Украину в военно-техническом отношении пошагово, не допуская ослабления обороноспособности армии и не выходя за рамки общего курса НАТО.

Затраты на вооружение – только часть расходов Польши на поддержку Украины и украинцев. В 2022 г. общий объем израсходованных средств составил 56,6 млрд злотых (почти 12 млрд евро), что в абсолютном выражении поместило Польшу на третье место после США и Германии, а в относительном достигло 1,9% ВВП страны. Военные расходы занимают примерно четверть общего объема, все остальное – средства, выделенные государством, муниципалитетами, неправительственными организациями и пожертвованные гражданами главным образом для беженцев из Украины³. Задача принятия, размещения и обустройства миллионов вынужденных мигрантов, покинувших Украину после 24 февраля 2022 г., стала для Польши наиболее важной из комплекса проблем, связанных с конфликтом. К весне 2023 г. из Украины в Польшу въехали более 11 млн человек. Из них около 1 млн получили статус беженцев и оформили идентификационный номер *PESEL*⁴, позволяющий пребывать в Польше в течение трех лет и иметь доступ к ряду государственных услуг. Польское государство предоставило беженцам право получения материальной помощи, доступ к системе здравоохранения и рынку труда, возможность обучения детей в школах и пр. Это требует больших расходов, которые легли тяжелым бременем на перегруженный социальными обязательствами бюджет и сокращают способность Польши оказывать Украине другие виды помощи.

¹ Kozubal M. Nasz kraj w światowej czołówce pomocy wojskowej dla Kijowa. Rzeczpospolita. 19.12.2022. URL: <https://www.rp.pl/biznes/art37630121-nasz-kraj-w-swiatowej-czolowce-pomocy-wojskowej-dla-kijowa> (дата обращения: 11.05.2023); Frączyk J. Polska pomoc dla Ukrainy przebiła wszystkich. Oto ile poszło z zasobów armii. Business Insider. 26.02.2023. URL: <https://businessinsider.com.pl/gospodarka/polska-pomoc-dla-ukrainy-przebiła-wszystkich-oto-ile-poszło-z-zasobow-armii/b8296z9> (дата обращения: 11.05.2023).

² Frączyk J. Polska pomoc dla Ukrainy przebiła wszystkich.

³ Там же.

⁴ Аббревиатура от польск. *Powszechny Elektroniczny System Ewidencji Ludności* (Универсальная электронная система регистрации населения). – Прим. ред.

Польское правительство сделало много для решения проблемы беженцев из Украины, но в конце 2022 г. дало понять, что его гостеприимство небезгранично. 14 декабря приняты поправки в закон о помощи украинским гражданам, ужесточающие контроль над ее предоставлением и побуждающие беженцев к выходу на рынок труда и более активной интеграции в польское общество¹. Варшава продемонстрировала, что понесла большие расходы, и беженцы должны сами оплачивать свое содержание. Смене позиции способствовало нарастающее недовольство в малообеспеченных слоях польского общества, которые столкнулись с материальными трудностями и посчитали, что правительство тратит неоправданно много на поддержку Украины и украинцев. Наиболее яркий пример – протесты фермеров с конца 2022 г. против ввоза зерна и другой сельскохозяйственной продукции из Украины. Зерно должно реэкспортироваться в другие страны, однако поступает на польский рынок. Это снижает цены и заставляет местных сельхозпроизводителей нести убытки. После того как протесты достигли больших масштабов, правительству 15 апреля 2023 г. пришлось принять закон, запрещающий до 30 июня ввоз на территорию Польши сельскохозяйственной продукции из Украины. Эта мера вызвала недовольство Киева, однако лидер партии «Право и справедливость» Я. Качиньский заявил, что руководство страны в первую очередь будет защищать интересы собственных граждан². Эти слова характеризуют позицию Польши: она готова оказывать помощь только в тех объемах, которые соответствуют ее интересам.

Вопрос о территориальных претензиях Польши к Украине

В открытых польских источниках тему территориальных претензий к Украине поднимают маргинальные интернет-ресурсы и группировки. Например, в октябре 2022 г. российские СМИ обсуждали статью «Европейские гиены уже начали делить падаль» из интернет-издания «Независимый политический журнал» (*Niezależny Dziennik Polityczny*), к которой прилагалась карта будущего раздела Украины, выдавая ее за позицию польского руководства³. Однако в Польше этот ресурс еще до 2022 г. крупнейшие СМИ характеризовали как источник дезинформации⁴.

Среди системных польских политиков на тему территориальных претензий к Украине высказывался только бывший министр иностранных дел Р. Сикорский.

¹ Theus J. 1800 zł miesięcznie za łóżko. Uchodźcy zapłacą za życie w centrach pomocy. Sejm przegłosował ustawę. OKO.press. 16.12.2022. URL: <https://oko.press/1800-zl-miesiecznie-za-lozko-uchodzcy-zycie-w-centrach-pomocy-sejm> (дата обращения: 24.04.2023).

² Анисимова Н. Киев обвинил Варшаву в нарушении соглашений из-за запрета на импорт зерна. РБК. 15.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2023/643af3a99a794706495ab2fd> (дата обращения: 12.05.2023).

³ См., напр.: В Польше раскрыли план «европейских гиен» по разделу Украины. Известия. 30.10.2022. URL: <https://iz.ru/1418257/2022-10-30/v-polshe-raskryli-plan-evropeiskikh-gien-po-razdelu-ukrainy?ysclid=lhkil2yyxp958548601> (дата обращения: 12.05.2023).

⁴ См., напр.: Rosja atakuje polskie wojsko trollami. TVP.INFO. 15.05.2019. URL: <https://www.tvp.info/42634112/rzeczpospolita-niezalezny-dziennik-polityczny-realizuje-polityke-dezinformacji> (дата обращения: 12.05.2023).

23 января 2023 г. в интервью для радиостанции *ZET* на вопрос, не планировало ли правительство участвовать в разделе Украины, он ответил, что «в первые десять дней войны был момент колебания». Премьер-министр М. Моравецкий решительно опроверг мнение Р. Сикорского¹.

В выступлениях подавляющего большинства политиков и общественных деятелей, в документах политических партий, в материалах крупных СМИ территориальные претензии к Украине не выдвигаются. Польское общество не готово принять идею присоединить украинские земли. Польша связывает с независимостью и территориальной целостностью Украины гарантию собственной безопасности. Участие в разделе Украины встретило бы непонимание со стороны западных партнеров. Кроме того, польская элита не желает менять этнический состав населения, что будет неизбежно в случае перекройки границ. В Польше уже сейчас высоко беспокойство, что из-за притока украинцев страна превращается в двунациональное государство. Большинство поляков считает, что беженцы должны вернуться домой как можно скорее.

* * *

Польша не имела на Украине важных экономических интересов до СВО. Теперь Варшава считает, что ее помощь может распространиться на постконфликтный период. По данным министерства развития и технологии, свыше 1200 польских фирм в сферах строительства, энергетики, химической, фармацевтической, пищевой промышленности и т. д. изъявили желание участвовать в восстановлении Украины². Это призвано не только принести материальные дивиденды Польше и придать новый толчок развитию, но и способствовать росту ее геополитического значения. Польша надеется превратиться в транспортный хаб, точку притяжения и дальнейшего перераспределения зарубежных инвестиций и ключевого военно-политического партнера США.

Таким образом, Польша, активно помогая Украине в конфликте с Россией, решает для себя несколько важных задач, но не ведет самостоятельной игры за рамками политики Запада. С точки зрения польской элиты, поддержка Украины – ключевое условие обеспечения безопасности собственной страны. Однако Польша также намерена использовать сложившуюся ситуацию для увеличения экономического присутствия на Украине и повышения геополитического веса. Это должно, по расчетам Варшавы, упрочить роль Польши в НАТО и ЕС, что является ее наиболее значимой целью.

¹ Klekocki A. Sikorski w ogniu krytyki po rozmowie w Radiu ZET. Jest reakcja Morawieckiego, Radio ZET. 23.01.2023. URL: <https://wiadomosci.radiozet.pl/polska/polityka/sikorski-o-rozbiorze-ukrainy-w-radiu-zet-w-sieci-zawrzalo-morawiecki-reaguje> (дата обращения: 12.05.2023).

² Rudke M. W cieniu wojny w Ukrainie rośnie znaczenie geopolityczne Polski. Tak może zyskać na tym nasza gospodarka. Business Insider. 22.02.2023. URL: <https://businessinsider.com.pl/gospodarka/w-cieniu-wojny-w-ukrainie-polska-moze-zyskac-na-swoim-polozeniu-geograficznym/63prdec> (дата обращения: 12.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ворожеина Я.А., Курганский А.А. (2023) Генезис и эволюция польской геополитической концепции Междуморья. *Современная Европа*. № 1. С. 127–138. DOI: 10.31857/S0201708323010102
- Горизонтов Л.Е. (2019) Миграционная политика постсоциалистической Польши: динамика стратегических установок. *Современная Европа*. № 7. С. 179–185. DOI: 10.15211/soveurope72019179185
- Звягина Д.А. (2016) Польско-украинские отношения: детерминанты прошлого, перспективы будущего. *Вестник Пермского университета. Политология*. № 3. С. 142–154.
- Лыкошина Л.С. (2015) Польша и украинский кризис. *Россия и современный мир*. № 3. С. 113–126.
- Михалев О.Ю. (2022) Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине. *Современная Европа*. № 5. С. 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035
- Чернова А.В. (2016) *Роль Польши в восточной политике ЕС*. Аспект-пресс, Москва. 176 с.
- Czornik K. (2011) Miejsce Ukrainy w polskiej polityce zagranicznej po “pomarańczowej rewolucji”: próba bilansu. *Stosunki Polski z sąsiadami w pierwszej dekadzie XXI wieku*. Ed. by M. Stolarczyk. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice, Poland. P. 113–159. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197745576.pdf> (accessed: 18.04.2023).
- Fedorowicz K. (2011) *Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010*. Wydawnictwo naukowe UAM, Poznań, Poland. 343 p.
- Kowalczyk A. (2015) Polityka polski wobec Ukrainy w 2014 roku – próba bilansu. *Biuletyn OPINIE FAE*. No. 3. 23 p. URL: <https://fae.pl/biuletynopiniefarpukraina2014.pdf> (accessed: 10.05.2023).
- Kuźniar R. (2008) *Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. Wydawnictwo naukowe SCHOLAR, Warszawa, Poland. 335 p.
- Purat A. (2011) Polityka zagraniczna III RP wobec Ukrainy po 1989 roku. *Polityka zagraniczna III RP. 20 lat po przełomie*. Ed. by L. Czechowskiej, M. Bierowiec. Wydawnictwo naukowe UMK, Toruń, Poland. P. 113–130.
- Zięba R. (2010) *Główne kierunki polityki zagranicznej Polski po zimnej wojnie*. Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa, Poland. 251 p.

Priorities of Poland's Policy Towards Ukraine

O.Yu. Mikhalev

Candidate of Sciences (History)

Associate Professor at the Department of International Relations, Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018

E-mail: mikhalev2003@mail.ru

Abstract. The article explores the main factors that determine Polish policy towards Ukraine in the long term and also during special military operation. Based on the analysis of Polish sources, the research points out that the Ukrainian direction has never been a priority for Poland, because its main aim is integration into Euro-Atlantic structures. Ukraine is important primarily from the point of view of ensuring the security of the Polish state because its independence and territorial integrity are perceived as a barrier to Russia's “imperial ambitions”. The more noticeable impact on Ukraine Moscow exerts, the more resistance it meets from Warsaw. After February 2022 Polish diplomatic efforts were aimed at uniting Western countries to support Ukraine, providing it with military-technical, financial and humanitarian assistance. At the same time War-

saw strives to stay within the framework of the common course of the EU and NATO towards Ukraine and does not try to play an independent role, as it understands the limitations of its resources. Poland intends to use the events in Ukraine to increase its own geopolitical role but only within the Euro-Atlantic coalition.

Key words: Poland, Ukraine, Polish foreign policy, Polish-Ukrainian relations, special military operation

DOI: 10.31857/S0201708323060049

EDN: xwtgii

REFERENCES

Chernova A.V. (2016) *Rol' Pol'shi v vostochnoi politike ES* [The role of Poland in the Eastern policy of the EU], Aspect-Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Czornik K. (2011) Miejsce Ukrainy w polskiej polityce zagranicznej po “pomarańczowej rewolucji”: próba bilansu [Ukraine's place in Polish foreign policy after the “Orange Revolution”: an attempt to balance], in Stolarczyk M. (ed.) *Stosunki Polski z sąsiadami w pierwszej dekadzie XXI wieku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice, Poland, pp. 113–159. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197745576.pdf> (accessed: 18.04.2023).

Fedorowicz K. (2011) *Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010* [Polish policy towards Russia, Ukraine and Belarus in 1989–2010]. Wydawnictwo naukowe UAM, Poznań, Poland.

Gorizontov L.E. (2019) Migratsionnaya politika postsotsialisticheskoy Pol'shi: dinamika strategicheskikh ustanovok [Migration Policy of post-Socialist Poland: Dynamics of Strategic Attitudes], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 179–185. DOI: 10.15211/soveurope72019179185 (In Russian).

Kowalczyk A. (2015) Polityka polski wobec Ukrainy w 2014 roku – próba bilansu [Polish policy towards Ukraine in 2014 – an attempt to take stock], *Biuletyn OPINIE FAE*, 3. URL: <https://fae.pl/biuletynopiniefae/pukraina2014.pdf> (accessed: 10.05.2023).

Kuźniar R. (2008) *Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej* [The road to freedom. Foreign policy of the Third Republic of Poland], Wydawnictwo naukowe SCHOLAR, Warszawa, Poland.

Lykoshina L.S. (2015) Pol'sha i ukraïnskii krizis [Poland and the Ukrainian crisis], *Rossiya i sovremennyyi mir*, 3, pp. 113–126 (In Russian).

Mikhalev O.Yu. (2022) Izmenenie mezhdunarodnoi roli Pol'shi posle nachala rossiiskoi spetsoperatsii na Ukraine [Changes in the international role of Poland after the beginning of the russian special operations in Ukraine], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035 (In Russian).

Purat A. (2011) Polityka zagraniczna III RP wobec Ukrainy po 1989 roku [Foreign policy of the Third Republic of Poland towards Ukraine after 1989], in Czechowskiej L., Bierowiec M. (ed.) *Polityka zagraniczna III RP. 20 lat po przełomie*. Wydawnictwo naukowe UMK, Toruń, Poland, pp. 113–130.

Vorozheina Ya.A., Kurganskii A.A. (2023) Genezis i ehvolyutsiya pol'skoi geopoliticheskoi kontseptsii Mezhdumor'ya [Genesis and evolution of the Polish geopolitical concept of Intermarium], *Sovremennaya Evropa*, 1, pp. 127–138. DOI: 10.31857/S0201708323010102 (In Russian).

Zięba R. (2010) *Główne kierunki polityki zagranicznej Polski po zimnej wojnie* [The main directions of Polish foreign policy after the Cold War]. Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa, Poland.

Zvyagina D.A. (2016) Polsko-ukraïnskiye otnosheniya: determinanty proshlogo, perspective budushchegovo, *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologia*, 3, pp. 142–154 (In Russian).

УДК 327

ПОЛИТИКА НОРВЕГИИ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ НА УКРАИНЕ

© 2023 г. СКРИПКА Иван Романович

Младший научный сотрудник, Отдел страновых исследований

Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: iv.skripka@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.07.2023

После доработки 16.09.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье рассмотрена политика Норвегии в контексте специальной военной операции РФ на Украине (СВО). Сделан анализ официальной позиции по данному вопросу; документов, регламентирующих действия Осло; материалов СМИ и общественных опросов. Норвегия не является членом ЕС, поэтому присоединяется к санкциям в отношении России решением собственных органов власти. По некоторым вопросам (например, рыболовство) Осло занимает самостоятельную позицию. Наиболее значимыми вопросами для норвежцев стали гуманитарная и военная помощь Украине, а также антироссийские санкции и их последствия для страны. Это отражено в действиях Стортинга, средствах массовой информации, а также программных документах ведущих политических партий. СВО вызывает негативную реакцию со стороны всех ведущих политических акторов в Норвегии, но в то же время наблюдаются отличия в предлагаемых путях выхода из кризиса. Не все норвежские политики считают необходимым оказывать помощь Киеву в существующих объемах. Особенно остро эта тема возникает в контексте военных поставок в связи с риском ослабления собственной обороноспособности, а также угрозой того, что Норвегия может быть признана участником конфликта из-за помощи Украине. Подробно обсуждаются меры, которые оказывают влияние на внутреннюю жизнь Королевства. К этому можно отнести прием беженцев и их социальное обеспечение на территории Норвегии, а также санкционные акты, которые ограничивают работу компаний, имевших связи с Россией.

Ключевые слова: Норвегия, Россия, РФ, Украина, специальная военная операция, санкции, беженцы, гуманитарная помощь

DOI: 10.31857/S0201708323060050

EDN: xwukmi

24 февраля 2022 г. премьер-министр Норвегии Ю.Г. Стёре заявил, что Осло решительно осуждает действия России на Украине. Глава правительства отметил, что они являются «серьезным нарушением международного права и ставят под угрозу жизни невинных людей»¹. Норвегия призвала Россию прекратить специальную военную операцию (СВО) и уважать территориальную целостность и суверенитет Украины. 3 марта Осло поддержал резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1 «Агрессия против Украины»². Э. Мель, министр юстиции и по чрезвычайным ситуациям Норвегии, заверила граждан, что события на Украине не изменили картину угроз для страны. В марте 2022 г. правительство поддержало антироссийские санкции ЕС и внесло их в законодательство.

Все политические партии Норвегии выразили поддержку Украине и изложили свою точку зрения об украинском кризисе и путях его решения в политических программах, подготовленных к местным выборам 2023 г. Однако не все выступили за всеобъемлющую помощь Киеву. Основными вопросами стали гуманитарная помощь, военная поддержка Вооруженных сил Украины (ВСУ), а также антироссийские санкции и их влияние на Королевство.

Обзор научных публикаций за время СВО показывает основные последствия сложившейся военно-политической ситуации для европейских стран. В частности, зарубежные авторы уделяют внимание проблеме энергетических ресурсов в связи с нестабильной геополитической обстановкой, а также влиянию украинского кризиса на мировые финансовые рынки [Abay et al., 2023; Izzeldin et al., 2023; Kuzemko et al., 2022]. В этом контексте Норвегия упоминается как страна, способная частично разрешить энергетический кризис [Vakulchuk, 2023] и принимающая беженцев из Украины и соседних государств [Hernes et al., 2022]. В то же время в иностранной экспертной дискуссии практически не рассматриваются поиск решения конфликта и оценки действий третьих стран.

Российский дискурс в большей мере нацелен на осмысление хода СВО. Кроме того, предпринимаются попытки оценить реакцию отдельных государств на действия России. В марте 2022 г. опубликована коллективная монография «Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе», в которой сделана первая попытка «проанализировать реакцию органов ЕС, НАТО, Совета Европы, ведущих государств Западной Европы, ряда стран – партнеров РФ по СНГ, руководства РПЦ на признание Российской Федерацией независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики и объявление Президентом РФ специальной военной операции на Украине» [Громыко, 2022]. Авторский коллектив сделал вывод, что Россию ждет затяжной кризис в отношениях с коллективным Западом, но после СВО политика европейских государств приобретет более

¹ Norge fordømmer Russlands militære angrep på Ukraina. Regjeringen. 24.02.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/fordommer-russlands-militare-angrep-pa-ukraina/id2902136/> (дата обращения: 28.08.2023).

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 марта 2022 года, A_RES_ES-11_1-RU. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3965290/files/A_RES_ES-11_1-RU.pdf?ln=ru (дата обращения: 11.10.2023).

прагматичный характер. В.Б. Белов и Е.С. Алексеенкова провели анализ реакции Германии и Италии на специальную военную операцию. Были оценены санкционная политика, угрозы для РФ и последствия ухудшения двусторонних отношений с Россией [Белов, 2022; Алексеенкова, 2022]. В 2022 и 2023 гг. журнал «Восточная аналитика», издаваемый Институтом востоковедения РАН, подготовил выпуск с анализом реакции азиатских стран на СВО. Авторы подчеркивают, что государства Востока не имеют единой линии поведения, а продолжают вести независимую политику. Потенциальный раскол прозападных государств отразил А.А. Гарин [Гарин, 2022]. Он рассмотрел реакцию Австралии и стран Океании на СВО. Автор отметил, что призывы к изменению антироссийской риторики звучат от бывших политиков, военных и дипломатов. В качестве угрозы для Канберры выделено желание малых развивающихся государств найти новых партнеров в случае успеха СВО, что повлечет ослабление геополитических позиций США, а следовательно, и Австралии – главного союзника Вашингтона в регионе.

В связи с небольшим количеством научных публикаций, посвященных политике отдельных государств Европы в отношении СВО, важно расширить область этих исследований. Норвегия не входит в ЕС, но является членом НАТО. Ее политика безопасности в вопросе Украины значительно зависит от общей позиции альянса. В статье рассмотрены значение украинского кризиса для норвежского общества, отличия действий Осло от других европейских государств и направленность политики Норвегии на решение кризиса или снижение экономических и политических последствий для Королевства.

Гуманитарная политика Норвегии на Украине и прием беженцев

Норвегия, как один из мировых лидеров в области гуманитарной помощи, не осталась в стороне от украинского кризиса. Уже в 2014 г. Осло занял принципиальную позицию по вопросу поддержки Украины [Скрипка, 2022]. Правительство Норвегии выступало за увеличение гуманитарной помощи еще до обострения конфликта, поэтому решение о выделении средств (250 тыс. норвежских крон) было принято сразу после 24 февраля 2022 г. 27 февраля премьер-министр объявил об увеличении размера помощи до 2 млрд крон¹. Средства были распределены через ООН (671 млн), Международный комитет Красного Креста (310 млн), норвежские и международные гуманитарные организации (312 млн). Норвегия подчеркивала, что, как признанный гуманитарный донор, она не может игнорировать кризис и должна объединить усилия в его урегулировании.

Основные решения касательно гуманитарной помощи были приняты в 2022 г. 8 марта правительство отправило Украине лекарства на сумму около 43 млн крон. 22 марта было объявлено о передаче четырех машин скорой помощи. В мае и июле Норвегия заявила об увеличении бюджетной поддержки Украины сначала до 300 млн норвежских крон, а 1 июля Й.Г. Стёре сообщил о двухлетнем плане гуманитарной помощи на 10 млрд крон.

¹ 184,1 млн долл. США по курсу на 11.10.2023 (1NOK = 0,09\$).

Дальнейшие действия гуманитарного характера стали приобретать менее комплексный подход и все чаще были направлены на адресную помощь украинскому населению. Например, 13 декабря Й.И. Нюгорд, министр транспорта Норвегии, сообщил о передаче 10 мостов на сумму 30 млн крон для восстановления инфраструктуры¹. Крупное пожертвование было анонсировано после разрушения плотины Каховской ГЭС: Осло передал Киеву 150 млн крон через ООН, а также оборудование для защиты от природных бедствий².

Главное событие 2023 г. в области гуманитарной помощи – Политическое соглашение о поддержке Украины и развивающихся стран, пострадавших от глобальных последствий войны³, т. н. Программа Нансена. Подавляющее большинство в Стортинге согласилось с пятилетней программой стоимостью 75 млрд крон. Она включает военную, гуманитарную и инфраструктурную помощь Украине, поддержку действующей украинской власти, а также помощь развивающимся странам, пострадавшим из-за возникшего кризиса. Последний пункт вызвал недовольство правой Партии прогресса. Финальная версия соглашения была опубликована с пометкой, что «Партия прогресса не согласна с положением о дополнительной помощи пострадавшим государствам Африки и Азии». Члены партии объяснили свою позицию тем, что из бюджета Норвегии традиционно выделяются средства для этих стран и правительства некоторых государств – реципиентов поддерживают Россию или не осуждают ее действия. Несмотря на это, Партия прогресса согласилась с остальными положениями документа.

Помимо финансовой помощи, Норвегия сразу обозначила готовность принять беженцев, пострадавших от конфликта. Премьер-министр Й.Г. Стёре заявил на пресс-конференции 25 февраля, что Осло будет сотрудничать с Брюсселем и содействовать поиску общих решений, в т. ч. помогать в распределении беженцев в рамках европейского сотрудничества. 28 февраля 2022 г. Норвегия получила письменный запрос от Молдовы о переселении беженцев из-за высокой нагрузки, который был утвержден норвежским правительством в результате консультаций с Кишинёвым. 17 марта 2022 г. было объявлено о предложении перевезти 2500 украинских беженцев в Норвегию, а также провести медицинскую эвакуацию 550 пациентов и их родственников. В феврале 2023 г. правительство отчиталось, что с помощью Осло за год удалось эвакуировать на лечение 1000 пострадавших украинцев и их

¹ Norge sender ti bruer til Ukraina. NRK. 13.12.2022. URL: <https://www.nrk.no/nyheter/norge-sender-ti-bruer-til-ukraina-1.16219413> (дата обращения: 01.09.2023).

² Norge støtter flomrammede i Ukraina. Regjeringen. 09.06.2023. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-stotter-flomrammede-i-ukraina/id2983731/> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Politisk avtale om støtte til Ukraina og utviklingsland rammet av krigens globale ringvirkninger. Regjeringen. 16.02.2023. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/dep/smk/pressemeldinger/2023/bred-politisk-enighet-om-flerarig-ukraina-program/politisk-avtale-om-stotte-til-ukraina-og-utviklingsland-rammet-av-krigens-globale-ringvirkninger/id2963375/> (дата обращения: 01.09.2023).

родственников: 300 человек приехали в Норвегию, а 700 были распределены по другим странам при содействии Королевства¹.

Военная поддержка Украины со стороны Норвегии

Если гуманитарная помощь почти не вызывает разногласий в норвежской политике, то отправка вооружений – тема острой дискуссии. Это обусловлено как моральными, так и правовыми вопросами.

С первых дней СВО Норвегия объявила о предоставлении военной помощи в краткие сроки. Например, 27 февраля 2022 г. Й.Г. Стёре сообщил о передаче ВСУ касок и бронежилетов. Это произошло через час после того, как Верховная рада Украины выпустила обращение, в котором народный депутат и военный Роман Костенко попросил мировое сообщество о поддержке². На следующий день правительство приняло решение пожертвовать до 2000 противотанковых средств типа М72³. В июне Украине были переданы 22 артиллерийских орудия М109⁴. Правительство отметило, что эти действия не анонсировались из соображений безопасности, а в будущем информация о такого рода помощи, скорее всего, не будет обнародована. Это стало первым случаем, когда ВСУ получили от Королевства наступательные вооружения. Всего за 2022 г. Норвегия, по данным официального сайта правительства, потратила 4,4 млрд норвежских крон на военную поддержку Украины, передавая денежные средства и оборудование напрямую и по линии НАТО. Для сравнения: в 2022 г. на гуманитарную и гражданскую помощь было выделено 6,3 млрд крон⁵.

Первые три квартала 2023 г. ознаменовали изменение политики Норвегии в отношении распределения средств для помощи Украине. Бюджет военной поддержки – 10 млрд крон – составил 13,3% всех расходов на оборону в этом году и около 55% общих затрат на украинский кризис. В январе Б.А. Грам, министр обороны Норвегии, сообщил о выделении дополнительных 10 тыс. артиллерийских снарядов. Он также заявил, что с весны 2023 г. солдаты ВСУ начнут проходить военную подго-

¹ Over 1000 pasienter og pårørende evakuert med norsk hjelp. VG. 28.02.2023. URL: https://direkte.vg.no/nyhetsdognet/news/over-1000-pasienter-og-paaroeerende-fra-ukraina-evakuert-med-norsk-hjelp.1Kmzhgt_8 (дата обращения: 01.09.2023).

² Sæther T.M. Her trygler den ukrainske soldaten om hjelp – en time senere får han svar fra Norge. Nettavisen. 27.02.2022. URL: <https://www.nettavisen.no/nyheter/her-trygler-den-ukrainske-soldaten-om-hjelp-en-time-senere-far-han-svar-fra-norge/s/5-95-402023> (дата обращения: 02.09.2023).

³ Norge gir våpen til Ukraina. Regjeringen. 28.02.2023. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-gir-vapen-til-ukraina/id2902587/> (дата обращения: 02.09.2023).

⁴ Norge har donert artilleriskyts til Ukraina. Regjeringen. 08.06.2023. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-har-donert-artilleriskyts-til-ukraina/id2917760/> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Norsk støtte til Ukraina og nabolandene. Regjeringen. 05.09.2023. URL: https://www.regjeringen.no/no/tema/utenrikssaker/humanitart-arbeid/naboland_hjelp/id2908141/ (дата обращения: 07.09.2023).

товку в Норвегии под руководством местных инструкторов¹. Второе стало дополнением к участию Норвегии в операции «Интерфлекс» (*Interflex*)² в Британии.

С начала марта 2022 г. некоторые СМИ³ и политические партии⁴ стали поднимать вопрос, правомерно ли считать Норвегию нейтральным государством в украинском конфликте. Дискуссии начались еще до начала поставок наступательного и летального оружия. 14 февраля 2023 г. было объявлено о передаче 8 танков «Леопард 2» (*Leopard 2*) и 4 машин поддержки. 15 февраля Норвегия присоединилась к совместному пакету поддержки Украины, предусматривающему прямые закупки у оборонной промышленности. Фонд, обеспечивающий эти действия, возглавляет Британия. В нем также участвуют Швеция, Дания, Нидерланды, Исландия и Литва. 16-17 февраля была обнародована вышеупомянутая Программа Нансена.

Принятие долгосрочной программы, включающей вооружения для Украины, не имело единогласной поддержки в Стортинге. Партия «Красные» в феврале 2023 г. отказалась присоединиться к коллективному соглашению, т. к. с 1959 г. в Норвегии действует запрет на экспорт оружия в страны, находящиеся в состоянии войны или перед угрозой войны. Это положение закреплено в программных документах партии. Однако противники отвергли этот аргумент: в 1967 г. Стортинг дал разъяснение, что резолюция распространяется только на коммерческую продажу оружия⁵. Передача вооружений Украине была признана некоммерческой, т. к. Норвегия взамен не просила денежные средства.

22 апреля «Красные» после голосования на общенациональном собрании партии приняли решение о поддержке Программы Нансена, включая ее военную часть. Успех кампании за изменение партийных положений о военной помощи был обусловлен рядом внешних факторов. Во-первых, партию раскритиковали СМИ. «Красных» обвиняли в поддержке России. Во-вторых, большинство норвежцев поддерживают поставку оружия (78%). Опросы среди голосовавших за «Красных» в 2021 г. выявили, что 66% респондентов поддерживают военную по-

¹ Tilbyr spesialisttrening i Norge for ukrainske soldater. Regjeringen. 26.01.2023. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/ukrtrening/id2960533/> (дата обращения: 07.09.2023).

² Программа подготовки украинских военных по стандартам Вооруженных сил Британии. Помимо Соединенного Королевства военных инструкторов предоставили Норвегия (75 человек с планом увеличить их число до 150 в 2023 г.), Дания, Швеция, Канада, Австралия, Румыния, Новая Зеландия, Литва, Финляндия, Нидерланды и др.

³ Johnsen A.B. Ekspertene svarer: Er Norge part i en krig nå? Verdens Gang. 01.03.2022. URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/WjBv0L/ekspertene-svarer-er-norge-part-i-en-krig-naa> (дата обращения: 14.09.2023); Hellestveit C. Hva skjer med folkeretten når Norge sender våpen til Ukraina? Aftenposten. 03.03.2023. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/debatt/i/y4n96K/hva-skjer-med-folkeretten-naar-norge-sender-vaapen-til-ukraina> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴ Ukraina-solidaritet, men militær nøytralitet. Rødt. URL: <https://roedt.no/ukraina-solidaritet-men-militaer-noytralitet> (дата обращения: 14.09.2023).

⁵ Pettrem M.T. Norge sender våpen til Ukraina. Aftenposten. 28.02.2023. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/XqBbWr/norge-sender-vaapen-til-ukraina> (дата обращения: 07.09.2023).

мощь Киеву¹. Это могло стать аргументом в дебатах об итоговом решении партии. В-третьих, неприсоединение к коллективному соглашению могло испортить отношения с другими левыми партиями, особенно с правящей Рабочей партией, что значительно уменьшило бы шансы на местных выборах в сентябре 2023 г.

В результате наращивание военной помощи получило всеобщее одобрение. Правительство и лидеры оппозиции не могут выступать против действий правительства в связи с общеевропейской проукраинской политикой, а малые партии рискуют потерять поддержку, выдвигая непопулярные в обществе идеи.

Беспрецедентное выделение бюджетных средств на военную помощь Украины и передача танков не остались без внимания России. 24 октября 2022 г. первый заместитель министра иностранных дел РФ Владимир Титов на встрече с послом Норвегии в Москве Робертом Квиле подчеркнул, что «участие Норвегии в поставках вооружений Киеву только затягивает боевые действия, ведет к новым жертвам и препятствует разрешению конфликта»². В феврале 2023 г. появилась программная статья посла России в Норвегии Теймураза Рамишвили «О военной помощи Украине и рисках эскалации»³. Позднее она была опубликована в норвежских СМИ и вызвала бурную реакцию со стороны журналистов и общественных активистов. В статье Т. Рамишвили особое внимание уделено поставкам летального оружия, в частности танков, а также тому, что в ближайшие годы Норвегия может стать главным донором ВСУ.

Санкционная политика и ее последствия для Норвегии

С началом СВО Норвегия объявила о сокращении контактов с властями РФ и прекращении академического сотрудничества. Одновременно были введены самые масштабные санкции в истории норвежского законодательства⁴. Они почти полностью дублировали третий пакет санкций ЕС. Однако Норвегия оставила возможность пересечения границы российскими рыболовными судами и отказалась от запрета деятельности агентств «Россия сегодня» и «Спутник» на своей территории.

Сложившийся кризис отразился на норвежском бизнесе. Особенно пострадали компании, которые активно сотрудничали с РФ до СВО. Правительство было вынуждено разработать меры поддержки для снижения недовольства населения и сохранения жизнеспособности предприятий. Первый пакет помощи был анонсирован 18 марта в отношении Восточного Финнмарка на границе с Мурманской областью. Правительство выделило 50 млн крон через «Инновейшн Норвеи» (*Innovation Norway*) и «СИВА»

¹ Rashid L. 66 prosent av Rødts velgere vil sende våpen til Ukraina. Altinget. 16.02.2023. URL: <https://www.altinget.no/artikkel/66-prosent-av-roedts-velgere-vil-sende-vaapen-til-ukraina> (дата обращения: 07.09.2023).

² О встрече Первого заместителя Министра иностранных дел России В.Г. Титова с Послом Норвегии в Москве Р. Квиле. МИД РФ. 24.10.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1834817/ (дата обращения: 30.09.2023).

³ Рамишвили Т. О военной помощи Украине и рисках эскалации. Посольство Российской Федерации в Норвегии. 21.02.2023. URL: https://norway.mid.ru/ru/embassy/press-centre/news/o_voennoy_pomoshchi_ukraine_i_riskakh_eskalatsii/ (дата обращения: 07.09.2023).

⁴ Sanksjoner mot Russland innført i norsk rett. Regjeringen 18.03.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/sanksjoner/id2904511/> (дата обращения: 12.09.2023).

(SIVA)¹. Кроме того, были разработаны меры финансовой помощи и льготного кредитования пострадавшим от санкций компаниям. Позднее поддержка бизнеса несколько раз расширилась для компаний из неприграничных регионов. В целом правительство проявило готовность к финансовым потерям в результате санкций.

Последствия украинского кризиса и санкций оказывают влияние на норвежцев. Повышение цен на энергоносители, инфляция, угроза закрытия предприятий на границе с Россией, внеплановое расходование средств из Нефтяного фонда – с этими трудностями столкнулось норвежское общество. В то же время есть силы, которые призывают ужесточить антироссийскую политику². Например, в июле 2022 г. Левая социалистическая партия и Либеральная партия выступили с критикой растущей торговли с Россией. Они предложили полный запрет на импорт без исключений для рыбной отрасли³. Однако правительство Норвегии по-прежнему оставляет свободу маневра в двусторонних отношениях с Россией касательно рыболовной сферы и поисково-спасательных работ в регионе. В то же время по остальным вопросам оно поддерживает все санкции, принимаемые ЕС.

Выводы

Норвегия вкладывает значительные средства в гуманитарную и военную помощь украинцам, принимает участие в общеевропейской санкционной политике против Москвы. Вместе с тем Норвегия теряет прибыль от партнерства с Россией и вынуждена оказывать финансовую помощь компаниям, которые пострадали от снижения или полного прекращения торговли с РФ.

Динамика мер поддержки Украины показывает переход к более милитаризированной политике. В 2022 г. Осло преимущественно поставляла гуманитарную помощь и оборонительные вооружения. Первая половина 2023 г., напротив, отмечена массовыми поставками вооружений, в т. ч. танков, и анонсированием увеличения военной помощи.

Изменение политики в контексте СВО вызвало реакцию со стороны представителей России. Они неоднократно высказывались о рисках роста напряженности в северном регионе из-за политики стран Скандинавии и Финляндии. Кроме того, эти действия лишают Осло возможности сохранять нейтралитет и играть роль посредника в разрешении текущего конфликта.

Политика Норвегии в сложившемся конфликте делает перспективы норвежско-российских отношений более чем туманными, даже после окончания специальной военной операции. После принятия Программы Нансена страна станет одним из

¹ Государственные компании, программы и услуги которых направлены на стимулирование предпринимательства в Норвегии.

² Lindeman B., Dale I. Europa undergraver egne sanksjoner. Aftenposten. 22.05.2023. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/O8qVPE/europa-undergraver-egne-sanksjoner> (дата обращения 12.09.2023)

³ Spence T. SV og Venstre vil stanse import fra Russland. – Enkelt å være bråkjekk, svarer Frp. Aftenposten. 23.07.2022. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/8QeRow/sv-og-venstre-vil-stanse-import-fra-russland-enkelt-aa-vaere-braakjekk-svarer-frp> (дата обращения: 12.09.2023).

основных доноров ВСУ в следующие пять лет. Это осложняет дипломатические контакты и разрывает исторические связи приграничных районов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеевкова Е.С. (2022) Реакция Итальянской Республики на специальную военную операцию России на Украине. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 1(29). С. 63–70. DOI: 10.15211/analytics1920226370

Белов В.Б. (2022) Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 1(29). С. 56–62. DOI: 10.15211/analytics1820225662

Гарин А.А. (2022) Реакция Австралии и стран Океании на специальную операцию ВС РФ на Украине. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Т. 4. № 4(57). С. 176–186. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-176-186

Скрипка И.Р. (2022) Гуманитарная политика Норвегии на примере Афганистана и Украины. *Современная Европа*. № 6(113). С. 194–206. DOI: 10.31857/S0201708322060146

Громыко Ал.А. (рук.) (2022) *Этап специальной военной операции на Украине. Аномалия антироссийской политики в Европе*. Институт Европы РАН, Москва. 194 с. DOI: 10.15211/report42022_390

Abay K.A., Breisinger C., Glauber J., Kurdi S., Laborde D., Siddig K. (2023) The Russia-Ukraine war: Implications for global and regional food security and potential policy responses. *Global Food Security*. Vol. 36. DOI: 10.1016/j.gfs.2023.100675

Hernes V., Deineko O., Myhre M.H., Liodden T., Staver A.B. (2022) *Ukrainian refugees – experiences from the first phase in Norway*. NIBR Report 2022:11. Norwegian Institute for Urban and Regional Research, Oslo, Norway. 117 p.

Izzeldin M., Muradoğlu Y.G., Pappas V., Petropoulou A., Sivaprasad S. (2023) The impact of the Russian-Ukrainian war on global financial markets. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 87. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.102598

Abay K.A., Breisinger C., Glauber J.W., Kurdi S., Laborde Debucquet D., Siddig K. (2022) *The Russia-Ukraine crisis: Implications for global and regional food security and potential policy responses*. MENA RP Working Paper 39. International Food Policy Research Institute, Washington, USA. 23 p. DOI: <https://doi.org/10.2499/p15738coll2.135913>

Kuzemko C., Blondeel M., Dupont C., Brisbois M.C. (2016) Russia's war on Ukraine, European energy policy responses & implications for sustainable transformations. *Energy Research & Social Science*. Vol. 93. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102842

Vakulchuk R. (2023) *Critical Materials for Development: A New Trajectory for Norwegian Foreign Aid Policy*. NUPI Policy Brief 08/2023. Norwegian Institute of International Affairs, Oslo, Norway. 4 p.

The Norway's Policy in the Context of the Russia's Special Military Operation in Ukraine

I.R. Skripka

Junior researcher at the Department for Country Studies

Institute of Europe Russian Academy of Science

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: iv.skripka@yandex.ru

Abstract. The article examines Norway's policy in terms of the special military operation of the Russian Federation in Ukraine (SMO). The author analyses the official position of the Kingdom of Norway on this issue, documents regulating its actions, materials in the media and public polls. Norway is not a member of the EU, therefore it joins sanctions against Russia by decision of its own authorities. Almost all of them coincide, but on

some issues (for example, fishing) Norway takes an independent position. The most significant issues for Norwegians are humanitarian and military assistance to Ukraine, as well as anti-Russian sanctions and their consequences. This is reflected in the actions of the Storting, the media, as well as the policy documents of leading political parties. The SMO evokes a negative reaction of all leading political actors in Norway, but at the same time there are differences in the possible ways out of the crisis. Also, not all Norwegian politicians consider it necessary to provide assistance to Ukraine in current volumes. This topic arises in the context of military supplies due to the risk of undermining own defense capability, as well as the threat that it may be recognised as a military participant in the conflict. Measures that influence the domestic life of the Kingdom are also discussed in detail. This includes the reception of refugees and their social security in Norway, as well as sanctions that harm the work of businesses that had connections with Russia.

Key words: Norway, Russia, Russian Federation, Ukraine, special military operation, sanctions, refugees, humanitarian aid

DOI: 10.31857/S0201708323060050

EDN: xwukmi

REFERENCES

- Abay K.A., Breisinger C., Glauber J., Kurdi S., Laborde D., Siddig K. (2023) The Russia-Ukraine war: Implications for global and regional food security and potential policy responses, *Global Food Security*, 36. DOI: 10.1016/j.gfs.2023.100675
- Alekseenkova E.S. (2022) Reakciya Ital'yanskoj Respubliki na special'nyuyu voennuyu operaciyu Rossii na Ukraine [Reaction of the Italian Republic to Russia's special military operation in Ukraine], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 1(29), pp. 63–70. (In Russian).
- Belov V.B. (2022) Reakciya Germanii na special'nyuyu voennuyu operaciyu RF na territorii Ukrainy [Germany's reaction to the special military operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 1(29), pp. 56–62. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (dir.) *Etap special'noj voennoj operacii na Ukraine. Anatomiya antirossijskoj politiki v Evrope* [The stage of the special military operation in Ukraine. The anatomy of the anti-Russian policy in Europe], In-t Evropy RAN, Moscow, Russia. DOI: 10.15211/report42022_390 (In Russian).
- Garin A.A. (2022) Reakciya Avstralii i stran Okeanii na special'nyuyu operaciyu VS RF na Ukraine [Australia's and Pacific Island Countries' Reaction to the Russian Special Military Operation in Ukraine], *Ugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 4(57), pp. 176–186. (In Russian).
- Hernes V., Deineko O., Myhre M.H., Liodden T., Staver A.B. (2022) *Ukrainian refugees – experiences from the first phase in Norway*, NIBR Report 2022:11, Norwegian Institute for Urban and Regional Research, Oslo, Norway.
- Izzeldin M., Muradoğlu Y.G., Pappas V., Petropoulou A., Sivaprasad S. (2023) The impact of the Russian-Ukrainian war on global financial markets, *International Review of Financial Analysis*, 87. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.102598
- Abay K.A., Breisinger C., Glauber J.W., Kurdi S., Laborde Debucquet D., Siddig K. (2022) *The Russia-Ukraine crisis: Implications for global and regional food security and potential policy responses*, MENA RP Working Paper 39, International Food Policy Research Institute, Washington, USA. DOI: <https://doi.org/10.2499/p15738coll2.135913>
- Kuzemko C., Blondeel M., Dupont C., Brisbois M.C. (2016) Russia's war on Ukraine, European energy policy responses & implications for sustainable transformations, *Energy Research & Social Science*, 93. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102842
- Skripka, I.R. (2022) Gumanitarnaya politika Norvegii na primere Afganistana i Ukrainy [Norway's humanitarian policy on the example of Afghanistan and Ukraine], *Sovremennaya Evropa*, 6(113), pp. 194–206. (In Russian).
- Vakulchuk R. (2023) *Critical Materials for Development: A New Trajectory for Norwegian Foreign Aid Policy*, NUPi Policy Brief 08/2023, Norwegian Institute of International Affairs, Oslo, Norway.

УДК 327

БАЛКАНСКИЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ

© 2023 ШИБКОВА Мария Олеговна

Кандидат политических наук

Доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки

МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: m.shibkova@inno.mgimo.ru

© 2023 ШИБКОВА Оксана Сергеевна

Доктор филологических наук, профессор

Заведующий кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета

355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: oshibkova@ncfu.ru

Поступила в редакцию 10.07.2023

После доработки 22.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье представлены теоретический и практический подходы Италии к Адриатико-Ионическому региону, рассматриваемому как составная часть концепции «расширенного Средиземноморья» (*Mediterraneo Allargato*). Цель работы – определить место Балкан в современной внешнеполитической стратегии Италии на основе анализа программных документов, а также действий нынешнего правительства под руководством Джорджи Мелони. Активность Рима на Балканах в 1990-е гг. сменилась пассивным следованием в кильватере ЕС в 2000-е гг. В настоящее время на фоне отсутствия интереса к региону со стороны ЕС Италия поставила цель восстановить двусторонний формат отношений со странами Западных Балкан, о чем свидетельствовало новое теоретическое осмысление потенциала мягкой силы Рима в регионе для продвижения в нем «Системы Италии» (*Sistema Paese*). На фоне российско-украинского кризиса интерес к Средиземноморью возрос со стороны Брюсселя, что отразилось в принятии Новой повестки для Средиземноморья, а также Стратегического компаса ЕС. Италия стремится стать новым protagonista на Балканах, выступая с партнерами по ЕС (например, в рамках Адриатико-Ионической инициативы) и предпринимая самостоятельные инициативы политического и экономического характера (например, интенсификация двусторонних встреч, организация бизнес-форумов). Недавнее обострение балканской повестки вместе со стремлением правоцентристского

правительства к общей активизации внешней политики, а также поискам дополнительных рынков сбыта и бизнес-партнеров среди ближайших соседей открывают новые возможности для итальянской дипломатии.

Ключевые слова: Италия, ЕС, Западные Балканы, Средиземноморье, Адриатико-Ионический регион, Адриатико-Ионическая инициатива

DOI: 10.31857/S0201708323060062

EDN: xwvcuy

Адриатико-Ионический регион как часть «расширенного Средиземноморья»

На протяжении последнего столетия Балканы ассоциировались в основном с нестабильностью. Исторически этот регион именовался «пороховым погребом Европы». Ситуация здесь стабильно взрывоопасная, и любая искра этно-религиозного конфликта может скомпрометировать хрупкий мир на полуострове. В этой связи главная задача международного сообщества на Балканах – это обеспечение безопасности. Положение в регионе выступает одной из важнейших составляющих безопасности в Европе и Средиземноморье, где одним из ведущих игроков является Италия.

Объект современного балканского вектора внешней политики Италии – Западные Балканы, в которые в соответствии с видением Евросоюза входят пять стран за пределами ЕС (Сербия, Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Черногория), два члена ЕС (Хорватия и Словения) и Косово. Согласно опубликованной в 2022 г. итальянской Стратегии обороны и безопасности в Средиземноморье, Балканы наряду с Ближним Востоком и Африкой составляют т. н. расширенное Средиземноморье. Оно является «стратегической территорией, которая должна находиться под постоянным наблюдением в целях своевременного вмешательства в случае, если интересы страны находятся под угрозой, либо разворачивается кризис, который потенциально может иметь негативные последствия для этих интересов»¹. В документе Балканы упоминаются в рамках участия в многосторонних региональных инициативах. Речь идет о программе регионального сотрудничества Евросоюза в Адриатико-Ионическом регионе *Instrument for Pre-accession Assistance Adriatic-Ionian Programme (IPA Adrion)*, в которой участвуют государства Западных Балкан, Сан-Марино и четыре государства – члена ЕС (Греция, Италия, Словения, Хорватия). Программа утверждена Еврокомиссией в ноябре 2022 г. и финансируется из Европейского фонда регионального развития. Координирующим субъектом выступает итальянская область Эмилия-Романья. Программа основана на четырех опорах: голубой рост (действующая с 2012 г. «долгосрочная стратегия устойчивого роста морских отраслей» [Колесникова, 2017: 83]), качество окружающей среды, интегрированный регион, устойчивый туризм.

¹ Strategia di Sicurezza e Difesa Per il Mediterraneo. Edizione 2022. Ministero della Difesa. P.8. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Strategia%20Mediterraneo%202022.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Италия – активный участник и основатель Адриатико-Ионической инициативы (АИИ) – межправительственного форума сотрудничества стран Адриатико-Ионического евроврегиона, организованного по итогам конференции министров иностранных дел в итальянском городе Анкона в 2000 г. В рамках АИИ была запущена *IPA Adrion*. Рим с самого начала позиционировал себя в качестве лидера организации и рассматривал этот формат как плацдарм для проецирования влияния на Балканы. Об этом свидетельствует тот факт, что Италия «в ноябре 2014 г., во время своего председательства в Совете ЕС, способствовала продвижению Стратегии ЕС для Адриатико-Ионического региона» [Князева, 2021: 186], т. е. предыдущей версии *IPA Adrion*, действовавшей с 2014 по 2020 гг. Кроме того, итальянские политики не раз подчеркивали значение региона для стабильности Евросоюза и Италии. В программном документе *IPA Adrion* регион назван «политической лабораторией для будущей расширенной Европы и площадкой для апробации внешней политики ЕС в отношении проблем, затрагивающих торговлю, энергетику, миграцию, окружающую среду и т. д.»¹.

Эволюция итальянской политики на Балканах

Несмотря на запуск Адриатико-Ионической инициативы, в 2000-е гг. развитие балканского направления внешней политики Италии существенно ослабло. Отношения Рима с балканскими странами, как отмечают итальянские исследователи А. Фронтини и Д. Денти [Frontini, Denti, 2017], прошло несколько этапов. В конце XIX – начале XX вв. Италия приветствовала создание независимых государств на Балканах. В межвоенный период отношения с Королевством Югославия сопровождались всплесками национализма и соперничеством за порт Фьюме и Албанию. Во время и после Второй мировой войны отношения были омрачены фашистско-нацистской оккупацией и этническими чистками. Во время холодной войны Рим рассматривал Югославию как буфер, отделяющий Италию от Организации Варшавского договора, но не как отдельную угрозу. В начале 1990-х гг. Итальянская Республика колебалась между сочувствием балканским народам и поддержкой территориального суверенитета Югославии. Первую позицию выражали католические круги, вторую – МИД во главе с Джанни Де Микелисом. Выбор был сделан в пользу признания независимости Хорватии и Словении, несмотря на то что отношения с обеими странами осложнялись прежде всего проблемой соблюдения прав итальянских меньшинств, что выступало одним из основополагающих факторов, определявших балканскую политику. К другим обстоятельствам можно отнести вопрос целесообразности пересмотра границ, установленных по Озимскому договору 1975 г., стремление препятствовать влиянию Германии в новых государствах, а также проблему хорватских, албанских и боснийских беженцев.

¹ SFC2021 INTERREG Programme. 2022. P. 108. URL: <https://www.adrioninterreg.eu/wp-content/uploads/2022/12/IPA-ADRION-Cooperation-Programme.pdf> (дата обращения: 30.06.2023).

С началом периода т. н. Второй республики, когда страна находилась в поиске нового внешнеполитического курса, ситуация на Балканах ухудшилась, что стало поводом для активизации политики Рима на этом направлении. Однако «основные союзники по НАТО воспринимали Италию не как дополнительную “силу”, на которую может опереться НАТО, а только как “логистическую базу”, “сухопутный авианосец”, которым могут воспользоваться силы НАТО для своих антикризисных операций» [Барабанов, 2011: 142]. Италия предоставила базы странам НАТО, но в 1995 г. не была допущена к переговорам, которые привели к подписанию Дейтонских соглашений. Тем не менее это не привело к осложнению отношений с США, т. к. «великодержавный статус заокеанского партнёра выступает для Рима опорой и гарантией стабильного положения на международной арене в обмен на верность» [Шибкова, 2021: 142]. Более того, через два года Италия сыграла решающую роль в урегулировании вооруженных протестов в Албании, встав во главе многонациональных сил ООН.

Постепенно у Рима установились стабильные отношения со всеми балканскими государствами. Однако из-за косовского конфликта Италии пришлось выбирать между дружбой с Сербией и евроатлантической лояльностью. В странах Западных Балкан был размещен итальянский военный контингент, в 2008 г. Италия признала независимость Косово, однако в целом итальянская стратегия в отношении Балкан стала пассивной. Это совпало с потерей интереса к региону со стороны Евросоюза, где уже после 2004 г. ощущалась усталость от расширений, а со вступления в ЕС Хорватии в 2013 г. процесс дальнейшего расширения приостановился. Несмотря на частичное оживление балканского досье на фоне инициированного Ангелой Меркель Берлинского процесса, существенных подвижек на этом направлении не наблюдалось. Саммит в итальянском Триесте в 2017 г., на котором было учреждено Транспортное сообщество Юго-Восточной Европы (*Comunità dei trasporti dell'Europa sudorientale*), эксперты назвали «вспышкой энтузиазма, не компенсирующей отсутствие широкомасштабной стратегии» [Benazzo, 2020]. Таким образом, в 2010-е гг. Италия не выдвигала в отношении Балкан самостоятельных инициатив.

Новый виток интереса ЕС к Средиземноморью и Балканам наблюдается с 2021 г., когда была принята новая программа «Обновленное партнерство с Южным соседством, новая повестка дня для Средиземноморья» (*Renewed partnership with the Southern Neighbourhood, A new Agenda for the Mediterranean*), в которой сферой приложения усилий ЕС провозглашается продвижение в регионе прав человека, правового государства, гендерного равенства, гражданского общества, образования, цифрового перехода, социально-экономической устойчивости и т. д.¹. В Стратегическом компасе ЕС 2022 г., представляющем общую стратегию обороны и безопасности и отразившем «особенности кризиса адаптации интегрированной Евро-

¹ Joint Communication to The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions. *Renewed partnership with the Southern Neighbourhood. A new Agenda for the Mediterranean*. European Commission. 2021. P. 7-9. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_renewed_partnership_southern_neighbourhood.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

пы к кардинально изменившимся геополитическим условиям» [Неймарк, 2022: 42], отдельный раздел посвящен партнерствам. В этом плане особое значение приобретает сотрудничество с Западными Балканами в таких вопросах, как борьба с терроризмом и дезинформацией, кибербезопасность, взаимодействие с ООН, НАТО, ОБСЕ и участие в операциях под эгидой данных организаций¹. Документ постулирует, что стабильность и безопасность на Западных Балканах не являются данностью². Таким образом, Средиземноморье приобрело особое значение для ЕС после пандемии.

Возвращение к роли протагониста: экономическая составляющая

«“Средняя держава”, опирающаяся на многосторонние диалоговые форматы, все чаще оказывается в заложниках противоречий государств, придерживающихся односторонних подходов в достижении своих национальных интересов» [Алексеевкова, 2022: 88]. Отчасти по этой причине Рим задумался о самостоятельных инициативах на балканском направлении, чтобы заполнить вакуум, оставленный Брюсселем. О разработке соответствующей стратегии свидетельствовало поручение МИД Италии 2020 г. ведущим «мозговым центрам» страны сформулировать предложения по восстановлению отношений со странами Западных Балкан. Результатом этого проекта стал доклад «Политическое, экономическое и культурное процветание Италии в Албании, Сербии и Боснии и Герцеговине: между национальными и европейскими интересами». Работа посвящена самым густонаселенным странам Западных Балкан и «выявлению сильных и слабых сторон в представлении так называемой итальянской “Системы страны” на Западных Балканах на основе оценки совпадения национальных и европейских интересов в регионе» [D’Urso, 2020: 4]. «Система страны» (*Sistema Paese*), или «Система Италия», – это совокупность институциональных, политических, деловых, культурных и социальных инструментов, которые способствуют развитию итальянского государства. В качестве конкретных рекомендаций в докладе предлагаются:

- слияние Центрально-Европейской и Адриатико-Ионической инициатив, которое целесообразно начать с подписания протокола о структурном сотрудничестве двух организаций;
- введение практики регулярной (каждые полгода) координации действий итальянских посольств в странах Западных Балкан;
- проведение ежегодной конференции по продвижению «Системы страны» на Западных Балканах с участием министерства иностранных дел, министерства по делам предприятий, министерства обороны, министерства окружающей среды, а также местных органов власти, предпринимателей, гражданского общества, неправительственных организаций;

¹ A Strategic Compass for Security and Defence. 2022. P. 56. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

² Там же. P. 18.

- возобновление финансирования в рамках Закона № 84 2001 г. для установления партнерств между территориальными единицами Италии и стран Западных Балкан;
- улучшение качества стратегических коммуникаций с целью укрепления позитивного образа Италии как главного игрока на Западных Балканах [D'Urso, 2020: 25].

Новое правительство Италии, сформированное в 2022 г., активно начало реализовывать эти рекомендации. Правоцентристский кабинет в лице председателя совета министров Джорджи Мелони и вице-премьера и министра иностранных дел Антонио Таяни демонстрирует высокую инициативность на международной арене, стремятся «вести политику на нескольких параллельных направлениях, проецируя различные конфигурации и не замыкаясь исключительно на идее войти в “ядро” ЕС» [Маслова, Шебакина, 2023: 27]. В эту логику укладывается активизация не только традиционных для Италии опор – европеизма и атлетизма – но и средиземноморского и балканского векторов. Речь идет о проецировании политического влияния, а также более активном проникновении итальянского бизнеса в регион.

В январе 2023 г. в Триесте состоялась конференция «Италия и Западные Балканы: рост и интеграция», организованная министерством иностранных дел и международного сотрудничества совместно с министерством экономики и финансов. Мероприятие было посвящено в основном теме экономического партнерства Италии и Западных Балкан, роли предпринимательской и производственной систем и инструментам продвижения национальных товаров и интернационализации экономики. Такие меры в Италии представлены различными государственными институтами: Институтом внешней торговли (*Instituto nazionale per il Commercio Estero, ICE*), полугосударственным банком «Касса депозити э престити» (*Cassa depositi e prestiti*), итальянским государственным Экспортно-кредитным агентством (*Export Credit Agency, SACE*), Институтом содействия помощи итальянским компаниям за рубежом (*Simest*), Компанией по интернационализации итальянских фирм северо-восточных областей (*Finest*).

Дж. Мелони на конференции заявила, что цель ее кабинета – обеспечить «больше Италии на Балканах, поскольку этого требуют наши региональные друзья»¹ и что Триест и Фриули-Венеция-Джулия исторически неразрывно связаны с регионом, имеют глубокие экономические и культурные связи². Премьер-министр также отметила, что «ЕС должен незамедлительно выработать новое видение Западных Балкан и поставить расширение ЕС в число своих приоритетов»³. Незадолго до конференции

¹ Meloni e Tajani, 'Più Italia nei Balcani, Entrino in Ue'. ANSA. 24.01.2023. URL: https://www.ansa.it/ansa_4_diplomacy/notizie/2023/01/24/meloni-e-tajani-piu-italia-nei-balcanti-entrino-in-ue_071a1db7-9dcb-4ae2-94ec-24c9047289ff.html (дата обращения: 07.07.2023).

² Meloni all'Ue: "L'allargamento ai Balcani occidentali deve diventare una priorità". RAI News. 24.01.2023. URL: <https://www.rainews.it/articoli/2023/01/meloni-allue-lallargamento-ai-balcanti-occidentali-deve-diventare-una-priorita-88d02298-ecfe-4d43-ac93-28144c6672fe.html> (дата обращения: 07.07.2023).

³ Там же.

в Триесте в таком же ключе Дж. Мелони высказалась на саммите глав государств и правительств ЕС и стран Западных Балкан, состоявшемся в декабре 2022 г. впервые за пределами Евросоюза – в Тиране. Для Италии членство стран Западных Балкан в Евросоюзе – это проблема национальной безопасности.

Статистические показатели свидетельствуют о тесных экономических отношениях: в 2022 г. товарооборот с шестью странами Западных Балкан, а также Словенией и Хорватией совокупно вырос на 40% и составил 33 млрд евро¹, сальдо торгового баланса у Италии положительное. Итальянский союз торговых палат, промышленности, ремесел и сельского хозяйства (*UnionCamere*) ставит цель в дальнейшем нарастить экономические связи. Среди итальянских областей, лидирующих в экспорте на Балканы, фигурируют Ломбардия, Венето, Эмилия Романья, Фриули-Венеция-Джулия, Сицилия. Основные статьи итальянского экспорта – металлы и металлопродукты, очищенные нефтепродукты, продукция индустрии моды, машинное оборудование, продукты химической промышленности. По импорту из балканских стран в Италию лидируют металлы и металлопродукты, продукция текстильной промышленности. В этих секторах отмечен рост в 2022 г. по сравнению с 2021 г.

Малые и средние предприятия – основа итальянской экономики, в связи с этим контакты по линии бизнеса довольно интенсивные, а часть из них институционализирована. Существует Форум торговых палат Адриатико-Ионического региона, в который входят 40 торговых палат разных стран. Кроме того, торговая палата Триеста поддерживает связи с Инвестиционным форумом шести торговых палат Западных Балкан. Региональное сотрудничество играет особую роль в облегчении выхода итальянских компаний на балканский рынок. Например, итальянский регион Апулия имеет тесные связи с Албанией. Италия считает, что ее компании могут помочь балканским странам в борьбе с проблемой эмиграции молодежи.

Другое приоритетное направление – цифровая экономика. Италия предлагает помочь торговым палатам стран Западных Балкан в виде направления экспертов по цифровизации, т. е. экспортирует собственный опыт: итальянские региональные торговые палаты активно пользовались экспертной помощью при переходе на цифровые платформы. Таким образом Италия может внести конкретный вклад в экономический рост Адриатики. В этой сфере настроения бизнеса созвучны общей позиции министерства иностранных дел Италии и ее правительства по повышению роли страны на Балканах.

Политика Италии по продвижению «Страны системы» на Западных Балканах приобретает в настоящее время отчетливые очертания благодаря «Стратегическому плану для Адриатико-Балканского региона»² министерства иностранных дел и международного сотрудничества от февраля 2023 г. Он содержит конкретные прак-

¹ Balcani: grandi opportunità al di là dell'Adriatico MAECI. 17.04.2023. URL: <https://export.gov.it/news-e-media/news/balcani-grandi-opportunita-al-di-la-delladriatico> (дата обращения: 07.07.2023).

² Piano Strategico Regione Adriatico-Balcanica. MAECI. Febbraio 2023. URL: https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2023/02/Piano-Regione-Adriatico-Balcanica_DEF-2.pdf (дата обращения: 27.06.2023).

тические меры и источники их финансирования. Например, среди приоритетных проектов с итальянским участием фигурируют железнодорожная инфраструктура (Тирана – Дуррес, Дуррес – Приштина, Дуррес – Поградец – Лин, участок Восьмого трансевропейского коридора в Северной Македонии и т. д.), энергетический переход (Трансбалканский электрический коридор, черногорский участок Ионическо-Адриатического газопровода), финансовая и консультационная помощь итальянским компаниям в выходе на рынки балканских стран в рамках фонда *Simest 394/81*, активное привлечение компаний с Балкан к участию в итальянских бизнес-мероприятиях, а также продвижение со стороны *ICE* отдельных категорий товаров в торговые точки Хорватии, Черногории, Албании, Косово, Сербии. Важным элементом активизации балканской политики станет традиционный инструмент итальянской мягкой силы – региональная культурная программа по линии посольств и консульств (по типу проведенного в 2022 г. итало-китайского года туризма и культуры). Она, в частности, направлена на обмен, обучение, партнерство с местными институтами, внимание к инновациям, культуре, науке и исследованиям¹. Таким образом, первостепенная роль присвоена стратегическим коммуникациям.

Возвращение к роли протагониста: политическая составляющая

Для реализации политических инициатив Италии сложилась благоприятная международная обстановка: сербско-косовский конфликт обострился летом 2022 г., когда власти Косово заявили, что с 1 августа в северных коммунах, населенных преимущественно сербами, вступит запрет на использование сербских документов. В результате роста напряженности, Сербия и Косово в конце 2022 г. привели вооруженные силы в состояние повышенной боевой готовности. ЕС демонстрирует готовность содействовать разрешению кризиса в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной – выполнить обязательства по интеграции стран Западных Балкан. Италия предпринимает самостоятельные шаги и позиционирует себя как главного медиатора. В ноябре 2022 г. А. Таяни и министр обороны Г. Крозетто посетили Белград и Приштину, где встретились соответственно с сербскими и косовскими коллегами. Министр иностранных дел Италии заявил: «От Балкан и до Африки Италия – протагонист мира»².

В середине марта 2023 г. А. Таяни посетил Хорватию и Словению. В ходе визита А. Таяни дал понять, что Италия – естественный протагонист на Балканах, т. к. она высоко оценивает усилия хорватской полиции по поддержанию порядка на границе с БиГ, всегда поддерживала вхождение Хорватии в Шенгенскую зону, а также тесно сотрудничала со всеми игроками в регионе. В ходе визита А. Таяни также заявил, что для Рима и Загреба важна защита христиан, населяющих Западные Балканы. Кроме того, сообщалось о создании патрулей с итальянским участием для контроля мигра-

¹ Там же. Р. 13.

² Tajani: «Dai Balcani all’Africa l’Italia protagonista di pace» (La Gazzetta del Mezzogiorno). MAECI. 08.11.2022. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2022/11/tajani-dai-balcani-allafrica-litalia-protagonista-di-pace-la-gazzetta-del-mezzogiorno/ (дата обращения: 30.06.2023).

ции на границе БиГ и Хорватии. В Любляне А. Таяни заявил, что Италия будет продолжать налаживать бизнес-контакты со словенскими компаниями, поддерживает идею увеличить число авиарейсов между двумя странами, но обеспокоена миграционными процессами, поскольку «Словения является воротами в Балканский регион»¹.

Италия также тесно сотрудничает с Сербией: 21–22 марта 2023 г. в Белграде прошел научный и деловой форум Италия – Сербия. На нем стороны подчеркнули важность дальнейшего двустороннего экономического сотрудничества. В ходе мероприятия проведено три круглых стола на темы инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства. В общей сложности в форуме приняли участие 150 итальянских и 250 сербских компаний².

Кроме встреч и конференций, заключаются соглашения, направленные на расширение контактов со странами Западных Балкан. На сегодняшний день доступен агрегированный отчет о деятельности итальянского парламента предыдущего созыва (2018–2022 гг.), согласно которому ратифицированы:

- Соглашение о культурном сотрудничестве с Черногорией³;
- Дополнительные соглашения с БиГ, Сербией, Северной Македонией к Европейской конвенции о выдаче⁴;
- Соглашение о сотрудничестве в сфере обороны с Сербией⁵;
- Соглашение о перемещении лиц, приговоренных судом с Косово⁶;

Италия традиционно участвует в ряде миротворческих миссий в балканском регионе⁷. В составе «Сил для Косово» (*Kosovo Force, KFOR*) Италия возглавляет Многонациональную оперативную группировку «Запад», в задачи которой входит защита инфраструктуры вдоль границ с Албанией, Черногорией, Северной Маке-

¹ Tajani in Croatia and Slovenia, migrants and economic cooperation at the center of the talks. Agenzia Nuova. 17.04.2023. URL: <https://www.agenzianova.com/en/news/il-ministro-tajani-oggi-in-missione-a-zagabria-e-lubiana/> (дата обращения: 04.06.2023).

² Enerplan protagonista al Business Forum Italia - Serbia di Belgrado. Confindustria Emilia Romagna. 30.03.2023. URL: <https://www.confindustriaemilia.it/flex/cm/pages/ServeBLOB.php/L/IT/IDPagina/101321> (дата обращения: 04.06.2023).

³ Ratifica ed esecuzione dell'Accordo di cooperazione culturale e di istruzione tra il Governo della Repubblica italiana e il Governo del Montenegro, fatto a Roma il 15 aprile 2014. (19G00010). Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2019;5> (дата обращения: 04.06.2023).

⁴ Ratifica ed esecuzione dei seguenti Trattati. Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2019;9> (дата обращения: 04.06.2023).

⁵ Ratifica ed esecuzione dei seguenti Accordi. Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2019;87> (дата обращения: 04.06.2023).

⁶ Ratifica ed esecuzione dell'Accordo fra il Governo della Repubblica italiana e il Governo della Repubblica del Kosovo sul trasferimento delle persone condannate, fatto a Roma l'11 aprile 2019. (21G00075). Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2021;66> (дата обращения: 04.06.2023).

⁷ Audizione del Ministro degli affari esteri e della cooperazione internazionale, Antonio Tajani, sulla situazione nei Balcani occidentali. Senato. 26.01.2023. URL: <https://documenti.camera.it/Leg19/Dossier/Pdf/ES0020.Pdf> (дата обращения: 04.06.2023).

донией. Итальянский контингент присутствует в командовании в Неаполе, которое поддерживает военную миссию альянса на Балканах, и в резервном батальоне сил НАТО на территории Италии. Всего в миссии на Балканах с итальянской стороны задействованы 1490 человек, 367 боевых машин и 2 летательных аппарата. Затраты Италии составляют 109 млн евро.

В миротворческой операции ЕС в БиГ «Алтея» участвуют 66 итальянцев из числа военного персонала. Затраты – 3,5 млн евро. Италия проводит собственную миссию по оказанию помощи полицейским силам Албании. В ней задействован 71 человек. Сумма расходов составляет 1,5 млн евро. В миссии ЕВЛЕКС (EULEX) в Косово, задачи которой – поддержание общественного порядка и содействие в формировании полицейских структур, участвуют 24 итальянских карабинера (еще 4 присоединились в 2023 г. году на фоне обострения ситуации) и 17 полицейских. В Миссии ООН по делам временной администрации в Косово участвует 1 итальянец.

* * *

Нестабильность в Средиземноморье напрямую затрагивает Италию и доказывает, что Риму необходимо занять свое место в мировой политике. Итальянская Республика подчеркивает, что Балканы стали новой линией разлома системы международных отношений, проекцией расширения российско-украинского конфликта и еще одним вызовом Евросоюзу. Брюссель пребывал с начала нового тысячелетия в иллюзии, что Старый Свет стал пространством мира. События последних лет продемонстрировали ЕС необходимость налаживания более тесного сотрудничества с ближайшими соседями. Итальянское руководство уверено, что в случае неудачи интеграции балканских государств в ЕС внерегиональные акторы будут расширять свое влияние на Балканах. Учитывая вклад в рамках KFOR, а также большой потенциал «мягкой силы», Италия может сыграть важную роль в стабилизации ситуации. Более того, Риму придется выступить протагонистом на Балканах, если он хочет защитить геополитические интересы в «расширенном Средиземноморье» и закрепить статус гаранта баланса сил в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеевкова Е.С. (2022) Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы». *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 1. С. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90

Барабанов О.Н. (2011) Эволюция современной итальянской внешнеполитической идеологии. *На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века*. Под ред. Т.В. Зоной. Весь мир, Москва. С. 135–162.

Князева С.Е. (2021) Проблема вступления в ЕС балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза. *Актуальные проблемы Европы*. № 2. С. 176–193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08

Колесникова М.Л. (2017) Морская политика Европейского союза и ее экономические аспекты. *Современная Европа*. № 4. С. 78–86.

Маслова Е.А., Шебакина Е.О. (2023) «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 25–33. DOI: 10.15211/vestnikieran220232533

Неймарк М.А. (2022) Что показывает «Стратегический компас» Европы. *Обозреватель – Observer*. № 5–6. С. 40–48. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_40

Шибкова М.О. (2021) Альянсы ad hoc как доминанта внешнеполитического инструментария Италии. *Международные процессы*. № 1(64). С. 139–154. DOI 10.17994/IT.2021.19.1.64.4

Benazzo S. (2020) Oltre l'Adriatico: Sono Davanti a Noi, ma li Ignoriamo. Perché l'Italia da anni non si occupa dei Balcani. *Linkiesta*. URL: <https://www.linkiesta.it/2020/04/unione-europea-italia-diplomazia-balceni-serbia-kosovo/> (accessed: 08.07.2023).

D'Urso D. (2020) La Proiezione Politica, Economica e Culturale dell'Italia in Albania, Serbia e Bosnia-Erzegovina: Tra Interesse Nazionale ed Interesse Europeo. *Centro Studi di Politica Internazionale*. 26 p. URL: https://www.cespi.it/sites/default/files/documenti/paper_proiezione_politica_economica_durso.pdf (accessed: 08.07.2023).

Frontini A., Denti D. (2017) Italy and EU Enlargement to the Western Balkans: the Europeanization of National Interests? *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 7. Issue 4. P. 571–589. DOI: 10.1080/14683857.2017.1403153

The Balkan Vector of Italy's Current Foreign Policy

M.O. Shibkova

Candidate of Sciences (Politics)

Associate Professor at the Department of History and Politics of European and American Countries, MGIMO-University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

E-mail: m.shibkova@inno.mgimo.ru

O.S. Shibkova

Doctor of Sciences (Philologics)

Professor, Head of the Department of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences, North Caucasus Federal University

1, Pushkina Street, Stavropol, Russia, 355017

E-mail: oshibkova@ncfu.ru

Abstract. The article analyses Italy's theoretical and practical approach to the Adriatic-Ionian region, viewed as part of the concept of the "enlarged Mediterranean" (Mediterraneo Allargato), a geopolitical space that extends far beyond the Mediterranean basin. The aim of the research is to determine the place of the Balkans in Italy's modern foreign policy strategy, analysing available policy documents as well as the practical actions of the current government under the leadership of Giorgia Meloni. Italian involvement in the Balkans in the 1990s gave way to a passive EU policy in the 2000s. However, at the beginning of this decade, in the absence of a visible EU interest in the region, Italy sought to restore a bilateral format of its relations with the Western Balkans, as shown by a new reflection on Rome's soft power potential to promote the so-called System Italy (Sistema Paese) undertaken by Italian research centres. Against the backdrop of Russia-Ukraine crisis, the EU interest in the Mediterranean has also flared up, which resulted in the adoption of the New Agenda for the Mediterranean as well as the EU Strategic Compass. Italy seeks to become a new protagonist in the Balkans, by acting together with EU partners (e.g. within the Adriatic-Ionian initiative) and by

taking independent political and economic initiatives (e.g. by intensifying bilateral meetings and organising business forums). The recent exacerbation of the Balkan agenda, coupled with the centre-right government's desire for a general intensification of foreign policy and the search for additional markets and business partners among its closest neighbours, offer new opportunities for Italian diplomacy.

Key words: Italy, EU, Western Balkans, Mediterranean, Adriatic and Ionian Region, Adriatic and Ionian Initiative

DOI: 10.31857/S0201708323060062

EDN: xwvcuy

REFERENCES

- Alekseenkova E.S. (2022) Italiya v Sredizemnomor'e: dilemmy «srednei derzhavy» [Italy in The Mediterranean: The "Middle Power" Dilemmas], *World Economy and International Relations*, 66(1), pp. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90 (In Russian).
- Barabanov O.N. (2011) The evolution of modern Italian foreign policy ideology, in Zonova T.W. (ed.) *Na perekrestke sredizemnomor'ja: "Ital'janskij sapog" pered vyzovami XXI veka*. [At the crossroads of the Mediterranean: the "Italian boot" facing the challenges of the 21st century], Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 135–162. (In Russian).
- Knyazeva S.V. (2021) Problema vstupleniya v ES balkanskikh stran i rasshireniya ES v kontekste tsennostnoi modeli Evropeiskogo soyuza [The problem of the EU integration of the Balkan countries and EU enlargement in the context of the value model of the European Union], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2, pp. 176–193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08 (In Russian).
- Kolesnikova M.L. (2017) Morskaya politika Evropeiskogo soyuza i ee ekonomicheskie aspekty. [Maritime policy of the European Union and its economic aspects], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 78–86. (In Russian).
- Maslova E.A., Shebalina E.O. (2023) «Sredizemnomorskaya karta» v evropeiskoi politike Italii. [«Mediterranean Card» In Italy's European Policy], *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2, pp. 25–33. DOI: 10.15211/vestnikieran20232533 (In Russian).
- Neymark M.A. (2022) Chto pokazyvaet «Strategicheskii kompas» Evropy. [What Europe's Strategic Compass shows], *Obozrevatel' – Observer*, 5–6, pp. 40–48. DOI: 10.48137/2074–2975_2022_5-6_40 (In Russian).
- Shibkova M.O. (2021) Al'yansy Ad hoc kak dominanta vneshnepoliticheskogo instrumentariya Italii [Ad hoc alliances as Italian key statecraft tool], *International trends*, 1(64). DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.4 (In Russian).
- Benazzo S. (2020) Oltre l'Adriatico: Sono Davanti a Noi, ma li Ignoriamo. Perché l'Italia da anni non si occupa dei Balcani, *Linkiesta*. URL: <https://www.linkiesta.it/2020/04/unione-europea-italia-diplomazia-balcani-serbia-kosovo/> (accessed: 8.07.2023).
- D'Urso D. (2020) La Proiezione Politica, Economica e Culturale dell'Italia in Albania, Serbia e Bosnia-Erzegovina: Tra Interesse Nazionale ed Interesse Europeo, *Centro Studi di Politica Internazionale*. URL: https://www.cespi.it/sites/default/files/documenti/paper_proiezione_politica_economica_durso.pdf (accessed: 8.07.2023).
- Frontini A., Denti D. (2017) Italy and EU Enlargement to the Western Balkans: the Europeanization of National Interests? *Southeast European and Black Sea Studies*, 7(4), pp. 571–589. DOI: 10.1080/14683857.2017.1403153

УДК 327

ДЕПОПУЛЯЦИЯ БАЛКАН: КАК ОПУСТОШАЕТСЯ ПЕРИФЕРИЯ ЕС

© 2023 ПРОРОКОВИЧ Душан Небойшевич

Старший научный сотрудник и профессор, руководитель Центра евразийских исследований Института международной политики и экономики

Македонска 25, 11000 Белград, Сербия

E-mail: dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Поступила в редакцию 14.08.2023

После доработки 10.09.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье рассмотрен феномен резкой депопуляции Балкан. Этот процесс непрерывно длится три десятилетия, а в последние годы ускоряется. Политические элиты государств региона и Евросоюза не видят в этом серьезной угрозы, т. к. обсуждение депопуляции приведет к дискуссиям о ее причинах. В исследовании показано, что на процесс депопуляции влияет политика ключевых государств – членов ЕС, прежде всего Германии. Они решают проблему нехватки рабочей силы с помощью чрезмерной эмиграции населения из балканских стран, что ускоряет депопуляцию всего региона. Этот процесс может привести к продолжительному отставанию в развитии Балкан по сравнению с Евросоюзом, долгосрочному ослаблению государственных структур, превращению региона в «зал ожидания для мигрантов» на пути в страны ЕС, а также представляет угрозу для коллективных прав балканских народов.

Ключевые слова: Балканы, депопуляция, перепись населения, Европейский союз, европейская интеграция, миграционный кризис

DOI: 10.31857/S0201708323060074

EDN: xxellk

Вопрос депопуляции Балкан в последние годы все чаще привлекает внимание ученых, публицистов и аналитиков [Lukić et al., 2012; Пророковић, 2017; Judah, 2019; Reka, 2019; Vracic, 2019; Judah, Vracic, 2019; Gherasim, 2022; Lutz, Gailey, 2022; Oruč, 2022; Zorpi, 2022]. Главная проблема методологии исследования – неадекватность сведений о численности населения, этнической структуре, категоризации эмигрантов и временно выехавших за рубеж и т. д. [Judah, 2019]. Результаты

переписи, а также информация о численности населения часто становятся предметом манипуляций, поэтому для анализа необходимо сравнивать имеющиеся данные. Цель исследования – рассмотреть феномен депопуляции, причины и эффекты этого процесса. В статье межгосударственные отношения и отношения ЕС и Балкан рассмотрены сквозь призму реалистических теорий. Территориальные рамки исследования представлены Балканским регионом, в который включены Хорватия и Румыния, а временные – охватывают период с 1991 г. до 2023 г. с акцентом на эскалацию миграционного кризиса в 2015 г.

Демография Балкан: непрерывность депопуляции

В таблице 2 представлены данные о численности населения балканских государств (за исключением Турции, которая частично принадлежит к Балканам, но демографические тенденции сильно отличаются от остальных стран региона), полученные по результатам переписи и оценки государственных бюро статистики и международных организаций. Косово / МООНК¹ выделено в таблице, т. к. после установления в 1999 г. международного управления работу по сбору и обработке данных на этой территории проводят местные учреждения с помощью международных организаций.

Численность населения балканских государств, за исключением Черногории, уменьшается. По данным Всемирного банка в стране отмечается стагнация численности населения. Остается открытым вопрос, насколько данные организации точны. При оценке численности отслеживаются параметры потребления, занятое население, кредиты, денежный поток и т. д. В Черногории в секторе туризма заняты рабочие из соседних стран (Сербия, Босния и Герцеговина), не проживающие там постоянно (они проводят в стране максимум шесть месяцев в течение летнего сезона) и не являющиеся гражданами.

Таблица 1

Население в балканских государствах с 1991 по 2021 г.

Государство	1991	2001	2011	2021	разница 2021/1991
Греция	10 259 900	10 964 020	10 816 286	10 432 481	-172 581
Болгария	8 487 317	7 932 984	7 364 570	6 519 789	-1 967 528
Румыния	22 810 035 *	21 680 974 **	20 121 641	19 038 098	-3 771 937
Албания	3 225 417	3 069 225	2 831 741	2 793 592	-431 825
Хорватия	4 784 265	4 492 049	4 456 069	3 871 833	-912 432
Босния и Герцеговина	4 376 403	3.798.953	3 531 189 (2013)	3 229 816 *****	-1 146 587
Черногория	615 035	620 145 ***	620 029	619 211	+ 4 176

¹ Миссия Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово. – прим. ред.

Государство	1991	2001	2011	2021	разница 2021/1991
Северная Македония	2 033 964	2 022 547 (2002)	2 062 294 ****	1 832 696	-201 268
Сербия (без Косова)	8 010 906	7 498 001 **	7 186 862	6 690 887	-1 320 019
Косово/МООНК	1 956 196	1 850 000	1 739 825	1 773 981	-182 215

Примечание: по результатам переписи населения:

*1992 **2002 ***2003 ****2012 *****2023

Составлено по: Population. Republika e Shqipërisë. Tirana. Instituti i Statistikave. 2011. URL: <http://www.instat.gov.al/en/themes/population.aspx> (дата обращения: 27.12.2022); Popis 2013. Sarajevo. Agencija za statistiku BiH. 2016. URL: <https://popis.gov.ba/> (дата обращения: 22.01.2023); Население по местоживеене, възраст и етническа група. София. Национален статистически институт. 2011. URL: <http://censusresults.nsi.bg/Census/Reports/2/2/R7.aspx> (дата обращения: 11.01.2023); *Απογραφή Πληθυσμού-Κατοικιών 2011*. Αθήνα. Hellenic Statistical Authority. 2011. URL: <http://www.statistics.gr/2011-census-pop-hous> (дата обращения: 12.01.2023); Население. Скопје. Државен завод за статистика на Република Македонија. 2011. URL: <http://www.stat.gov.mk/SoopstenijaPoOblasti.aspx> (дата обращения: 30.12.2022); Populația stabilă pe sexe și grupe de vârstă-județe, municipii, orașe, comune. București. Institutul Național de Statistică (România). 2014; Становништво. Београд. Републички завод за статистику. 2011. URL: <http://webzrs.stat.gov.rs/WebSite/Public/PageView.aspx?pKey=162> (дата обращения: 31.12.2022); Census. Emigration from and immigration to Croatia. Zagreb. Croatian Bureau of Statistics. 2012. URL: <https://podaci.dzs.hr/en/statistics/population/> (дата обращения: 31.12.2022); Demography. Monstat. Podgorica. 2015. URL: <http://www.monstat.org/eng/page.php?id=47&pageid=47> (дата обращения: 29.12.2022); Demografia dhe migracioni, Agencia e Statistikave të Kosovës. 2016. URL: <http://ask.rks-gov.net/sq/agjencia-e-statistikave-te-kosoves/sociale/demografia-dhe-migracioni> (дата обращения: 25.12.2022). Данные по сравнению с: First population estimate. Eurostat. 134/2016. URL: <shhttp://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7553787/3-08072016-AP-EN.pdf/c4374d2a-622f-4770-a287-10a09b3001b6> (дата обращения: 21.12.2022). Данные за 2021 г. взяты из: Bosnia and Herzegovina. Population. Worldometers. 2023. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/bosnia-and-herzegovina-population/> (дата обращения: 24.01.2023); Demografia dhe migracioni. Agencia e Statistikave të Kosovës. 2022. URL: <https://ask.rks-gov.net/sq/agjencia-e-statistikave-te-kosoves/sociale/demografia-dhe-migracioni> (дата обращения: 24.01.2023); Hellenic Statistical Authority. 2021 Population-Housing Census. Athens. 2022. URL: <https://www.statistics.gr/2021-census-pop-hous> (дата обращения: 24.01.2023); Halili E. Census of Population Postponed for 2nd Time. Albanian Daily News. 26.08.2022. URL: <https://albaniandailynews.com/news/census-of-albanian-population-postponed-for-2nd-time--1> (дата обращения: 24.01.2023); Instat, Population: Popullsia më 1 janar sipas grup-moshës dhe gjinisë. Tirana. 2022. URL: <http://www.instat.gov.al/en/themes/demography-and-social-indicators/population/#tab2> (дата обращения: 24.01.2023); [Radić, Zebec, 2022: 2–11]; Institutului Național de Statistică, Populația rezidentă* la 1 ianuarie 2022p în scădere cu 163,6 mii persoane. Nr. 210. 30.08.2022. P. 1. URL: https://insse.ro/cms/sites/default/files/com_presa/com_pdf/poprez_ian2022r_0.pdf (дата обращения: 25.01.2023); Население. Национален статистически институт. София. 2022. URL: https://infostat.nsi.bg/infostat/pages/module.jsf?x_2=342 (дата обращения: 11.01.2023); World Bank. Population Total: Montenegro. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 24.01.2023).

В Черногории перепись была отложена по политическим причинам, т. к. после выхода страны из состава Государственного Союза Сербии и Черногории в 2006 г. стал важен этнический и языковой состав населения. По этой причине в обществе произошла острая поляризация. Референдум о независимости в 2006 г. проводился в

спорных условиях, а результат был сомнительным. Возможно, значительное число албанцев в выборных списках, включая проживающих в Западной Европе и США, повлияло на конечный результат [Маркуш, 2007]. Сторонники союзного государства с Сербией подавали жалобы в компетентные органы, но исторический процесс развивался в другом направлении, и на их замечания не обратили внимания (тем более не обратила внимание западная часть международного сообщества, для которой независимость Черногории была геополитическим проектом) [Раковић, 2019]. Неупорядоченные списки с фантомными избирателями и избирателями-туристами остались действительными. Таким образом, база переписи была шире реальной. Можно предположить, что в Черногории развивается тот же процесс, что и в других балканских государствах, и численность населения с 1991 г. значительно уменьшилась.

На этнических албанских территориях обнаруживается демографический отток, который невозможно скрыть манипуляциями. В Северной Македонии и на территории Косово популяция по сравнению с 1991 г. уменьшилась на десятую часть, в Албании – на седьмую. В Румынии и Сербии численность населения в рассматриваемый период времени стала меньше на шестую часть, в Хорватии – на пятую, а в Болгарии и Боснии и Герцеговине – на четверть. Исключением является Греция, на территории которой с 1991 г. по 2001 г. отмечался рост населения (свыше 0,7 млн человек). Однако в 2001 г. в Греции начинается сначала незначительное, а затем все более выраженное снижение. За последние два десятилетия убыль населения составила свыше полмиллиона человек (или 5% от общей численности населения).

Депопуляция Балкан происходит непрерывно. Она весьма выражена (самые яркие примеры – Болгария и БиГ) и, скорее всего, необратима. Балканы в этом отношении схожи с европейскими государствами, но отличаются от мировых тенденций. Население Земли постоянно увеличивается. В 1900 г. в мире проживало 1,65 млрд чел., в 1950 г. – 2,52 млрд [Caselli et al., 2005: 42]. В 2015 г. ООН объявила, что численность населения на планете составляет 7,35 млрд и до 2050 г. в соответствии с существующими показателями и тенденциями может увеличиться до 9,72 млрд [UN, 2015: 1].

Численность населения европейских стран тоже увеличивалась, однако рост в разы меньше, чем в других случаях. Во Франции популяция выросла с 38 млн в 1900 г. до 64,4 млн в 2015 г. В Италии в течение рассматриваемого периода численность практически удвоилась – с 32 до 59,8 млн. В Испании выросла с 18,52 до 46,12 млн, а в Голландии – с 5,61 до 17,13 млн. В то же время население Марокко увеличилось в четыре раза – с 8,1 до 34,37 млн, в Алжире и Тунисе – в десять раз – с 4 и 1,89 млн до 39,66 и 11,25 млн соответственно. В Египте население выросло почти в 11 раз (с 8 до 91,5 млн). Рекорд установлен в Абиссинии, сегодняшней Эфиопии, где численность населения увеличилась в двадцать раз (с 4 до 99,39 млн). Более высокими темпами, чем в европейских странах, росло население США (с 75,99 до 325,15 млн), Канады (с 5,5 до 36,57 млн) и Австралии (с 4 до 24,49 млн)¹. Эмиграция – одна из причин более медленного роста населения в Европе.

¹ Оценки числа жителей по странам на 1900 год взяты по данным, предложенным Ангусом Мэддисоном [Maddison, 2003], а на 2015 г. – по данным ООН [UN, 2015].

В ЕС или вне союза: в чем разница?

Балканы отличаются от Западной Европы более резким сокращением численности населения. Кроме того, разнятся причины уменьшения популяции. Европейские государства – ключевые участники экономики. От роста экономик стран Европы в значительной мере зависит мировой рост, и наоборот: чем динамичнее мировой рост, тем больше растет европейская экономика [Бажан, 2021: 114–116]. Для поддержания высокого уровня экономической деятельности необходимо население, квалифицированная и мотивированная рабочая сила.

Таблица 2

Европейские страны, население которых к 2050 г. сократится

Государство	Ожидаемое сокращение населения (в процентах)	Ожидаемое сокращение численности населения	Государство	Ожидаемое сокращение населения (в процентах)	Ожидаемое сокращение численности населения
Болгария	-27,9	1 996 000	Греция	-11,4	1 249 000
Румыния	-22,1	4 305 000	Португалия	-11,0	1 134 000
Украина	-21,7	9 707 000	Россия	-10,4	14 858 000
Молдавия	-20,3	806 000	Словакия	-9,8	534 000
Босния и Герцеговина	-19,5	742 000	Армения	-9,6	289 000
Латвия	-19,1	377 000	Черногория	-8,2	51 000
Литва	-17,5	503 000	Германия	-7,1	6 176 000
Сербия	-17,2	1 520 000	С. Македония	-6,8	141 000
Хорватия	-16,2	686 000	Албания	-6,4	186 000
Венгрия	-15,6	1 537 000	Словения	-6,1	126 000
Белоруссия	-14,4	1 371 000	Италия	-5,5	3 285 000
Польша	-14,2	5 475 000	Чехия	-5,5	578 000
Эстония	-14,0	184 000	Испания	-2,8	1 282 000
Грузия	-12,9	517 000	Мальта	-1,8	8 000

Источник: [UN, 2015: 26].

Западноевропейские государства не могут долгосрочно поддерживать высокие темпы экономического роста с существующими демографическими показателями. По этой причине страны Западной Европы поощряют миграцию из восточноевропейских стран с целью снижения демографических потерь и поддержания высокого уровня экономической деятельности. В этой ситуации оценка ООН 2015 г., что 19 восточноевропейских стран, географически расположенных от Латвии, Эстонии и Литвы на севере до Албании и Греции на юге, от Чехии на западе до Белоруссии и Украины на востоке, до 2050 г. потеряют свыше 32 млн населения, может оказаться заниженной. Кроме того, среди 43 стран, численность населения которых до 2050 г. сократится, находятся 28 европейских, включая все балканские государства.

Для привлечения рабочей силы из балканских государств власти Германии – самой популярной страны для эмиграции – вводят ряд поощрительных мер¹. В конце 2022 г. кабинет Олафа Шольца предложил инициативу, касающуюся дополнительной либерализации этого процесса. «В Германии до 2035 г. будет не хватать 7 млн рабочих. Поэтому ворота открываются еще шире. Квалифицированным рабочим впредь не нужно доказывать их профессионализм или будут необходимы частичные доказательства. Тем, у кого есть большой опыт, не потребуется даже диплом. Будет обеспечена возможность приезда всем, у кого есть хороший потенциал и кто сможет трудоустроиться в обозримой перспективе. На практике в качестве доказательств, скорее всего, больше не потребуются договор о трудоустройстве, приглашения и нострификация документов, доказывающих квалификацию. Сначала люди будут переезжать в Германию, а затем искать работу» [Пророкович, 2022]. Идея заключается в возможности привлечения рабочей силы из всех балканских государств, независимо от их членства в ЕС. Не исключено, что и другие европейские страны последуют примеру Германии.

Попытки решить вопрос нехватки рабочей силы в Германии с помощью иммигрантов из стран Ближнего Востока и Африки потерпели фиаско после обострения миграционного кризиса в 2015 г. Это привело к разделению как среди стран внутри ЕС (которые занимают противоположные позиции по вопросам приема иммигрантов), так и внутри государств (в Германии вопрос о приеме иммигрантов повлиял на рост популярности партии «Альтернатива для Германии», похожие тенденции наблюдаются в других странах). С другой стороны, существует относительно долгая и позитивная история интеграции рабочих с Балкан в немецкое общество, что не несет политических рисков.

Политический контекст депопуляции: почему ЕС – это не решение?

В существующих условиях оценки ООН выглядят слишком оптимистично. Проблемы Балкан – сложные и многозначные. Феномен депопуляции необходимо рассматривать с разных позиций – в экономическом, социальном и политическом измерениях.

Во-первых, нужно понять, каким целям служит интеграция. Германия и другие западноевропейские государства стремятся ускорить расселение Балкан для решения собственных проблем на рынке труда. Динамичное развитие государств Балкан – не в интересах Германии и Евросоюза. Этот процесс должен находиться под контролем, чтобы обеспечить постоянное отставание Балкан от Западной Европы. Без этого у людей не будет причин эмигрировать. Сегодня балканские страны отстают во многих сферах, но политика европейской интеграции скорее направлена на проектирование постоянного отставания².

¹ Подробнее о состоянии экономики Германии после 2019 г. см.: [Белов, 2021].

² Подробнее о неравномерном развитии членов ЕС см.: [Телюк и др., 2022].

Во-вторых, политика в отношении Балкан может превратить регион в «зал ожидания для мигрантов», направляющихся в Западную Европы. Германский опыт интеграции балканских работников относительно благоприятный, поэтому ФРГ продолжит привлекать рабочую силу именно из этого региона. Численность населения на Балканах будет возмещаться за счет мигрантов из других стран. Однако возникает вопрос, как балканские государства со скромными институциональными возможностями и отсутствием опыта в приеме мигрантов смогут интегрировать прибывающее население и как это отразится на политической стабильности и общественных процессах этих стран.

В-третьих, депопуляция связана с идеологией. Представленная матрица в действительности является частью неолиберальной идеологии [Кондратьева, 2021]. В рамках такого подхода вместо государств, как исторических категорий, существуют рынки и территории с определенным ресурсным потенциалом. Вместо народа, как коллектива с культурой, традициями и обычаями, – потребители и рабочая сила. В среднесрочной и долгосрочной перспективах такие тенденции опасны: отдельно взятый человек не может защитить свои интересы перед крупным капиталом и институтами, которые защищают интересы последнего.

Вывод

Депопуляция балканских государств – это процесс, непрерывно продолжающийся три десятилетия. В последние годы он ускорился из-за новой политики ЕС, прежде всего Германии. Нехватка рабочей силы в западноевропейских странах, вызванная неблагоприятными демографическими тенденциями, компенсируется ввозом работников с Балкан. Катастрофические последствия этого процесса невозможно скрывать даже с помощью манипуляций результатами переписи, которые сегодня направлены на то, чтобы показать, что на Балканах живет больше населения, чем в действительности. Рассмотрение темы депопуляции в качестве приоритетной в общественных дискуссиях, СМИ и государственных институтах повлечет обсуждение содержания и идеологии политики, которая привела к снижению численности населения в балканских государствах. Ускорение депопуляции происходит из-за неблагоприятных последствий европейской интеграции и системных проблем внутри ЕС (неравномерное региональное развитие, ведущее к миграции из более бедных в более богатые страны). Сегодня богатые государства ЕС стремятся улучшить демографические показатели с помощью привлечения населения Балкан. Кроме того, ускорение депопуляции происходит из-за коллапса государства в результате использования неолиберальной модели. Опора исключительно на рыночные механизмы не только приводит к отрицательным результатам, но и создаст более крупные проблемы в будущем.

Балканы могут столкнуться с двумя крупными политическими вызовами. Во-первых, они останутся в статусе отстающих от западноевропейских стран. Во-вторых, балканские страны станут «залом ожидания» для приема иммигрантов из других частей мира. В то же время депопуляция Балкан в долгосрочной перспективе не нужна коллективному Западу, т. к. регион служит первой линией обороны

(среди прочего от иммиграционных волн). В депопуляции Балкан не заинтересовано большинство транснациональных корпораций, т. к. сокращение численности населения означает сокращение рынка, рабочей силы. Однако нет причин полагать, что процесс будет замедляться или эти тенденции в обозримом будущем изменятся. Это можно объяснить отсутствием долгосрочного планирования со стороны политических элит Евросоюза и балканских государств. Другая причина заключается в том, что обсуждение этого вопроса может вызывать полемику о целях европейской интеграции региона. Наряду с геополитическими проблемами, вынесенными на повестку дня региональных отношений и безопасности, тема борьбы с депопуляцией может стать одним из самых серьезных вызовов для Балкан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажан А.И. (2021) Замедление экономического роста и падение производства в ЕС. *Современная Европа*. № 5. С. 113–125.

Белов В.Б. (2021) Коронакризис versus социальное рыночное хозяйство и экономическое пространство Германии. *Современная Европа*. № 4. С. 58–70.

Кондратьева Н.Б. (2021) Неолиберальные подходы в модели европейской экономической интеграции. *Современная Европа*. № 5. С. 126–136.

Маркуш Ј. (прир.) (2007) *Бијела књига. Референдум у Црној Гори 2006. Зборник докумената*. ИИЦ Народна мисао, Подгорица, Црна Гора. 1290 с.

Пророковић Д. (2017) Демографски трендови у европским државама: ка депопулацији периферије континента. *Култура полиса*. XIV (посебно издање). С. 175–184.

Пророковић Д. (2022) Где је ту рачуница: Срби арбајтују по Немачкој, а по Шумадији боровнице беру Кубанци. *Радио Спутник*. 11.12.2022. URL: <https://sputnikportal.rs/20221211/gde-je-tu-racunica-srbi-arbajtuju-po-nemackoj-a-po-sumadiji-borovnice-beru-kubanci-video-1147734181.html> (accessed: 30.01.2023).

Раковић А. (2019) *Црногорски сепаратизам*. Catena Mundi, Београд, Србија. 340 с.

Телюк М., Садовникова Н., Давлетшина Л. (2022) Неравенство между странами Европейского союза в контексте реализации целей устойчивого развития. *Современная Европа*. № 7. С. 135–148.

Caselli G., Wunsch G., Vallin J. (2005) *Demography: Analysis and Synthesis, Four Volume Set: A Treatise in Population*. Academic Press, New York, USA. 2976 p.

Gherasim Ch. (2022) Demographic crisis in the Balkans. *EUObserver*. 10.01.2022. URL: <https://euobserver.com/rule-of-law/154017> (accessed: 10.01.2023).

Judah T. (2019) *Bye-Bye, Balkans: A Region in Critical Demographic Decline*. Institut für die Wissenschaften vom Menschen, Wien, Austria. URL: <https://www.iwm.at/blog/bye-bye-balkans-a-region-in-critical-demographic-decline> (accessed: 11.01.2023).

Judah T., Vracic A. (2019) The Western Balkans' statistical black hole. *European Council on Foreign Relations*. 02.05.2019. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_western_balkans_statistical_black_hole_eu_enlargement/ (accessed: 11.01.2023).

Lukić T., Stojšavljević R., Đurđev B., Nagy I. (2012) Depopulation in the Western Balkan Countries. *European Journal of Geography*. No. 3(2). P. 6–23.

Lutz W., Gailey N. (2022) *Depopulation As a Policy Challenge in the Context of Global Demographic Trends*. UNDP Serbia, Belgrade, Serbia. 36 p.

Maddison A. (2003) *The World Economy. Historical Statistics*. OECD, Paris, France. 274 p.

Oruč N. (2022) Emigration from the Western Balkans. *Bundeszentrale für politische Bildung*. 04.04.2022. URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/laenderprofile/english-version-country-profiles/505179/emigration-from-the-western-balkans/> (accessed: 14.01.2023).

Reka B. (2019) *Integrating a half-empty Balkans into the EU*. GIS. 14.03.2019. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/western-balkans-depopulation/> (accessed: 10.01.2023).

UN (2015) *World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables*. Working Paper No ESA/P/WP.241. UN, New York, USA. 66 p.

Vracic A. (2019) *Can Europe Help the Balkans Keep its Young Emigrants?* Institut für die Wissenschaften vom Menschen, Wien, Austria. URL: <https://www.iwm.at/blog/can-europe-help-the-balkans-keep-its-young-emigrants> (accessed: 11.01.2023).

Zoppi M. (2022) *Futures of the Western Balkans. Fragmentation and Integration in the Region and Beyond*. Springer, Berlin, Germany. 83 p.

Depopulation of the Balkans: how the EU Periphery is Hollowing Out

D.N. Proroković

*Senior Research Fellow and Full Professor, Head of Center for Eurasian Studies
at the Institute of International Politics and Economics*

Makedonska 25, 11000 Beograd, Serbia

E-mail: dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Abstract. The research focuses on the phenomenon of rapid depopulation of the Balkans. Despite the fact that this process has been going on continuously for three decades, and has been accelerating in recent years, it is not recognised by the local political elites and the European Union as an important threat. Declaring this process as an important threat would open up the question of the causes that led to it. The study reveals that one of the underlying causes of depopulation is the policy of the key EU members, primarily Germany. The affluent members of the European Union solve their own labor shortage problems by excessive emigration of population from the Balkans, which accelerates depopulation of the entire region. The author believes that the problems which arise because of this process can lead to a permanent lag in the development of the Balkans compared to the EU. Depopulation can result in the long-term weakening of state institutions and violating the collective rights of the Balkan peoples, and turning the entire region into a “migrant waiting room” for the European Union.

Key words: Balkans, depopulation, population census, European Union, European integration, migrant crisis

DOI: 10.31857/S0201708323060074

EDN: xxellk

REFERENCES

Bazhan A.I. (2021) Zamedlenie ekonomicheskogo rosta i padenie proizvodstva v ES [Slowing economic growth and falling production in the EU], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 113–125.

Belov V.B. (2021) Koronakrizis versus social'noe rynochnoe hozyajstvo i ekonomicheskoe prostranstvo Germanii [Coronacrisis versus social market economy and economic space of Germany], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 58–70.

Kondrat'eva N.B. (2021) Neoliberal'nye podhody v modeli evropejskoj ekonomicheskoy integracii [Neoliberal approaches in the model of European economic integration], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 126–136.

Markush J. (prir.) (2007) *Bijela knjiga. Referendum u Crnoj Gori 2006* [Bijela knjiga. The referendum at Crnoj Gori 2006], Zbornik dokumenata. IIC Narodna misao, Podgorica.

Proroković D. (2017) *Demografski trendovi u evropskim drzhavama: ka depopulaciji periferije kontinenta* [Demographic trends in the European drzhavama: ka depopulation of the periphery of the continent], Kultura polisa, XIV (posebno izdanje), pp. 175–184.

Proroković D. (2022) *Gde je tu rachunica: Srbi arbajtuju po Nemachkoj, a po SHumadiji borovnice беру Kubanci* [Where je tu rachunitsa: Srbi arbajtuju on Nemachkoj, and on Shumadiji borovnica I take Kubantsi], Radio Sputnik, 11.12.2022. URL: <https://sputnikportal.rs/20221211/gde-je-tu-racunica-srbi-arbajtuju-po-nemackoj-a-po-sumadiji-borovnice-beru-kubanci-video-1147734181.html> (accessed: 30.01.2023).

Rakovih A. (2019) *Crnogorski separatizam* [Crnogorski separatism], Catena Mundi, Beograd, Serbia.

Telyuk M., Sadovnikova N., Davletshina L. (2022) Neravenstvo mezhdru stranami Evropejskogo soyuza v kontekste realizacii celej ustojchivogo razvitiya [Inequality between the countries of the European Union in the context of the implementation of the Sustainable Development Goals], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 135–148.

Caselli G., Wunsch G., Vallin J. (2005) *Demography: Analysis and Synthesis, Four Volume Set: A Treatise in Population*, Academic Press, New York, USA.

Gherasim C. (2022) Demographic crisis in the Balkans, *EUObserver*, 10.01.2022. URL: <https://euobserver.com/rule-of-law/154017> (accessed: 10.01.2023).

Judah T. (2019) *Bye-Bye, Balkans: A Region in Critical Demographic Decline*, Institut für die Wissenschaften vom Menschen, Wien, Austria. URL: <https://www.iwm.at/blog/bye-bye-balkans-a-region-in-critical-demographic-decline> (accessed: 11.01.2023).

Judah T., Vracic A. (2019) The Western Balkans' statistical black hole, *European Council on Foreign Relations*, 02.05.2019. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_western_balkans_statistical_black_hole_eu_enlargement/ (accessed: 11.01.2023).

Lukić T., Stojavljević R., Đurđev B., Nagy I. (2012) Depopulation in the Western Balkan Countries, *European Journal of Geography*, 3(2), pp. 6–23.

Lutz W., Gailey N. (2022) *Depopulation As a Policy Challenge in the Context of Global Demographic Trends*, UNDP Serbia, Belgrade, Serbia.

Maddison A. (2003) *The World Economy. Historical Statistics*, OECD, Paris, France.

Oruč N. (2022) Emigration from the Western Balkans, *Bundeszentrale für politische Bildung*, 04.04.2022. URL: <https://www.bpb.de/themen/migration-integration/laenderprofile/english-version-country-profiles/505179/emigration-from-the-western-balkans/> (accessed: 14.01.2023).

Reka B. (2019) *Integrating a half-empty Balkans into the EU*, GIS, 14.03.2019. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/western-balkans-depopulation/> (accessed: 10.01.2023).

UN (2015) *World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables*, Working Paper No ESA/P/WP.241, UN, New York, USA.

Vracic A. (2019) *Can Europe Help the Balkans Keep its Young Emigrants?* Institut für die Wissenschaften vom Menschen, Wien, Austria. URL: <https://www.iwm.at/blog/can-europe-help-the-balkans-keep-its-young-emigrants> (accessed: 11.01.2023).

Zoppi M. (2022) *Futures of the Western Balkans. Fragmentation and Integration in the Region and Beyond*. Springer, Berlin, Germany.

УДК 327

TOO LITTLE, TOO LATE: THE CATALAN DEBACLE IN LIGHT OF THE SLOVENIAN ATTAINMENT OF INDEPENDENCE

© 2023 Carlos González-Villa

*University of Castilla-La Mancha, Faculty of Law and Social Sciences,
Cobertizo de San Pedro Mártir s/n, 45071 Toledo, Spain
E-mail: Carlos.GonzalezVilla@uclm.es*

© 2023 Branislav Radeljić

*United Arab Emirates University, College of Humanities and Social Sciences,
PO Box No. 15551, Al Ain, UAE
Nebrija University, School of Law and International Relations,
27 Calle Santa Cruz de Marcenado, 28015 Madrid, Spain
E-mail: radeljic@uaeu.ac.ae; BRadeljic@nebrija.es*

Поступила в редакцию 30.05.2023

После доработки 28.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Abstract. The failed Catalan sovereignty process, launched in 2012 and then crushed by the intervention of the Spanish central government in 2017, relied to a certain extent on a discursive framework based on the evocation of previous secessionist experiences in Europe. Among these, the case of Slovenia (successfully completed in 1992) stood out. A close examination of these cases outlines the limitations of these analogies, notably through their differences in terms of political and social articulation and, in particular, the diverging success of external engagement. Beyond political and social articulation and the degree of economic development (heterogeneous aspects in many successful statehood processes), the comparison of these cases demonstrates that a sound internationalization strategy is essential for statehood attainment. The success of such a strategy does not solely depend on the secessionist actors' ability to reach out to the relevant international players, but also on the latter's readiness to provide necessary support. While the Slovenes managed to promptly engage with the rapid geopolitical changes in the immediate aftermath of the Cold War, the Catalan bid for secession found receptiveness only among marginal actors within major powers, all together unwilling to push for border changes of a state located in a sensitive area of the Euro-Atlantic security complex.

Keywords: Slovenia, Catalonia, secessionism, post-Cold War, international recognition

DOI: 10.31857/S0201708323060086

EDN: xxjzpd

Introduction

Since the very launch of the Catalan sovereignty process in 2012, its key figures have insisted that they were following a path to liberation, already successfully pursued by some other European peoples who had experienced the yoke of exploitation. They repeatedly referenced the dissolution of Yugoslavia; in particular, the case of Slovenia, which – after its proclamation of independence in 1991 – progressed and secured membership in the EU and NATO in 2004. Between 2012 and 2018, the Slovenian scenario was featured in pro-sovereignty media outlets, civil society platforms and, most importantly, Catalan autonomous institutions, including successive presidents.

For many political and social leaders, analogies represent powerful propaganda tools; they tend to simplify and decontextualize real events, even though the then variables do not serve the explanation of current dynamics [Jervis, 1976]. Here it is worth mentioning the celebration of the Catalan Way in 2013, which directly evoked the Baltic Way of 1989¹ and the screening of documentaries on Catalan public television explaining some recent cases of secession². It also recalled the use of cases such as that of the Russian minorities in the Baltic countries to warn political opponents of possible consequences if not supporting the sovereigntist agenda. The Catalan autonomous institutions also legitimized the sovereignty process through bodies such as the Advisory Council for National Transition (Consell Assessor per a la Transició Nacional – CATN), created in February 2012 with the aim of generating ideas for holding a secession referendum. In its first report, which contained recommendations to the autonomous government, the CATN highlighted the use of cases such as those of Scotland and Quebec to legitimize the consultation on independence of November 9, 2014 as an instrument of an “advanced and cosmopolitan conception of democracy”³. According to the council, the consultation was part of the long list of referenda that were regularly held in different EU countries in order to decide on relevant issues. In this vein, it referenced settings in which a referendum led to the creation of new states, listing the examples of Estonia, Latvia, Lithuania, Slovenia, Macedonia and Montenegro; the failed case of Quebec in 1995; and that of Bosnia and Herzegovina, which was accompanied by the outbreak of civil war. These examples were not chosen arbitrarily. They all pertained to matters in the interest of the Catalan secessionist leadership, even though some of the cited cases were of a contradictory nature [Lo Cascio, 2017].

As it happened, cases of agreed referenda were analyzed, such as the Scottish referendum; those related to international legal compliance, such as the problematic situation in Kosovo; or integration as a model EU state, as in the case of Slovenia. Indeed, the

¹ ARA (2013) ‘Carme Forcadell: “La cadena humana és un gran repte logístic, però l’autèntic repte és polític”’, 2 August. URL: https://www.ara.cat/politica/Carme-Forcadell-repte-logistic-lautentic_0_967103430.html (accessed: 10.03.2023).

² TV3 (2012) ‘La independència pas a pas’, 4 November. URL: <http://www.ccma.cat/tv3/alacarta/programa/La-independencia-pas-a-pas/video/4317930/> (accessed: 20.03.2023).

³ CATN (2013) ‘La Consulta sobre el Futur polític de Catalunya, Consell Assessor per a la Transició Nacional’. URL: https://www.ara.cat/politica/informe-consell-assessor-transicio-nacional_0_1120088191.html (accessed: 14.03.2023).

propagandistic emphasis on similarities (regardless of their largely decontextualized character) between the Catalan case and that of Slovenia's attainment of independence was instrumental at critical junctures of the entire process of Catalan self-determination¹. For example, just before the declaration of independence of October 10, 2017, MEP Ramon Tremosa (PDeCAT, ALDE group) pointed out that, as per the Slovenian path, the Catalan proclamation of independence would also witness an immediate opening of negotiations with the mother state². Moreover, as reported by Sandrine Morel, *Le Monde* correspondent in Spain: "On the night of 10 October, when independence was declared and suspended, my colleague at *Le Monde*, Isabelle Piquer, spoke to some of the demonstrators gathered in front of the parliament. One woman told her then that she trusted Puigdemont [then regional president] because the president had chosen a path 'similar to Slovenia's.' She knew because she had seen it on television: 'Now I understand why TV3 [Catalan public broadcaster] has talked so much about it: it was to prepare us!' This comparison was daring, if not absurd" [Morel, 2018: 122].

However, the evocations of the Slovenian case in Catalonia overlooked the particularities of the Yugoslav disintegration, including their socioeconomic roots, the composition of their ruling classes, and the international context in which they developed. To begin with, it is worth stating that the Yugoslav state was a one-party federation, which incorporated six republics (one of which – Serbia – with two autonomous provinces), which were further divided into communes. Before the 1974 constitution, the state had already become "segmented along republic borders. [...] Yugoslavia's artificial and arbitrary internal, administrative borders were progressively 'upgraded' to national or 'civilizational' fault-lines and increasingly became communications barriers" [Sofos, 1998: 165]. Later, following the 1974 constitution, which provided individual republics with a state-like status, it was a matter of time when federation's peoples or nationalities would exploit internal fragilities and start seeking more independence – a process largely facilitated by the economic and political nationalisms of the 1980s [González-Villa, 2019; Hayden, 1999; Pešić, 1996]. For the most Westernized republics (Slovenia and, to a lesser degree, Croatia), the Yugoslav model had been exhausted; this standpoint was repeatedly tabled during the outbreak of the Yugoslav state crisis and the two republics' attempts to secure international support and recognition [Radeljić, 2012].

In contrast to Yugoslavia, since the adoption of the 1978 constitution Spain has been a nominally unitary state which, through a complex system of devolution of powers, is structured as a "state of autonomies." The system was initially designed with an asym-

¹ La Vanguardia (2016) 'Puigdemont evoca la DUI de Kosovo en el Parlament', 4 May. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20160504/401551083480/dui-kosovo-puigdemont-parlament.html> (accessed: 20.03.2023). La Vanguardia (2018) 'Torra planteja la via eslovena porque "ya no hay marcha atrás" posible', 9 December. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20181209/453445198374/independentismo-via-eslovena-comin-torra-consell-republica.html> (accessed: 10.03.2023).

² La Vanguardia (2017) Tremosa apunta a la vía eslovena: Declarar la independencia y suspenderla un tiempo, 9 October. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20171009/431919589121/ramon-tremosa-eslovenia-independencia-suspenderla-tiempo.html> (accessed: 20.03.2023).

metrical structure, according to which the territories with historical and linguistic specificities (the Basque Country, Catalonia, and Galicia) were to be constituted as autonomous communities by “constitutional delegation” and would have greater powers [Aparicio Pérez, 2010: 74]. However, as a consequence of political developments in the early 1980s, the process was informally homogenized; this gave rise to the creation of up to seventeen autonomous communities with similar competences in a highly decentralized model [Estupiñán Achury, 2011: 116]. The exception was the Basque Country and Navarre, which retain a wide margin of fiscal and tax autonomy protected by the constitution by virtue of their historical rights [De la Hucha Celador, 2004]. The dynamics of decentralization, therefore, did not stop with the approval of the constitution. Later, in 2006, with a second wave of reforms tackling the question of autonomy [Seijas Villadangos, 2008], the Catalan political parties promoted a regulatory change that broke the balance of two decades of autonomous system, insofar as it modified the Spanish legal system unilaterally [Carrillo, 2008], including the constitution [Cruz Villalón, 2006]. The haircut suffered by this reform at the hands of the Constitutional Court in June 2010 ended up being a precedent of the Catalan sovereignty process, and an important element in the discourse on the grievances suffered by Catalonia in Spain.

Beyond the differences in the structure of the state, the Yugoslav drama unfolded at the time of geographical expansion of globalization and enlargement of the Euro-Atlantic security complex. In particular, Lloyd Cox notes the importance of neoliberalism in the weakening of states that were affected by secessionist struggles, and the fact that the change in the distribution of power brought about by the end of the Cold War allowed the involvement of the United States and European powers in favor of some secessionist movements in Yugoslavia and the Soviet Union [Cox, 2008: 43–46]. Local conditions in the former facilitated such dynamics. Decentralization stemmed from the unequal organization of production across Yugoslavia, which reproduced political dilemmas typical of semi-peripheral states. In her study about the link between unemployment and Yugoslav dissolution, Susan Woodward [1995a] identified two economic models, corresponding to (a) the development of export-oriented production processes and close to full employment, as in the Slovenian model, and (b) the production focused on raw materials, energy, and infrastructure, as in the so-called Foča model, which was highly dependent on federal funds to compensate for periods of economic contraction. This involved the adoption of a technocratic style in the 1970s, which gradually facilitated embracement of capitalism with the help of local cultural apparatuses, emblematic of self-managing socialism in the late 1980s [Močnik, 2017: 293]. Such a trend made the relationship between the more developed republics and the federal government, over the control of funds available for investment, increasingly contentious. Nationalism, in those circumstances, became a powerful mechanism of additional economic pressures in the field of production [Močnik, 2009]. Consequently, the crisis of the social coalition and regulated access to public employment sustained the dismantling of the Yugoslav state as a single market [Woodward, 1995a: 371–374]. Most relevantly, in contrast to the context of the Yugoslav case, the Catalan case was closely related to the post-2008 financial crisis developments, including the rise of populism in Western Europe [Veiga et al., 2019: 184–187]. This context was a far cry from the one in which the United States aspired to maintain its unchallenged hegemony through liberal interna-

tionalism in its various forms [Veiga, 2015: 543–552]. Catalan independence, if successful, was to be synthesized during the course of the crisis of the European integration process, the collapse of the European security system established in the Cold War, the articulation of the new transatlantic axis represented by Donald Trump's United States and Brexit in the United Kingdom, and the reaffirmation of Russia and, above all, China as great powers.

Through the analysis of the cases of Slovenia and Catalonia, this paper argues that there is a contrast to aspects such as the composition of the ruling classes or state-society relations; the synthesis between the timing of the secessionist process and the international context are fundamental aspects for understanding the chances of success of secessionist processes in the post-Cold War period. Rather than comparing the two cases through a set of previously established variables, the analysis of their individual nature and space–time context will allow us to contrast different historical settings, in line with critical realism [Jackson, 2010: 108–111]. The level of success of bids for statehood in Slovenia and Catalonia is assessed individually, in terms of their own institutional, ideological, and material consistency. International support emerges as a decisive factor in the success of a secessionist strategy.

A Slovenian mirror?

The Slovenian case was idealized in October 2017 as contradictions characterizing the Catalan sovereignty process emerged. Its democratic profile, its relatively low cost in material and human damage, and its exemplary character in the context of the 2004 EU enlargement made Slovenia an appropriate model to replicate. The idealization of Slovenia, however, had begun in the Yugoslav context from the moment its own sovereignty process took place. As Francisco Veiga put it, “the Slovenes developed a pattern which, to a greater or lesser extent, was applied by the rest of the secessionist factions” in Yugoslavia. This included the use of propaganda aimed at selling their struggle for democracy as a David vs. Goliath battle, a strategy aimed at provoking international involvement [Veiga, 2011: 46–49]. The standardization of the Slovenian model conditioned Croatia's development from the outset, as it struggled unsuccessfully to keep up with the fast pace imposed by Ljubljana and ended up in a bloody armed conflict [Silber, Little, 1996: 149–150].

Roots of the social coalition

Slovenian distinctiveness is rooted in the idea of a community of common interest comprised of local political elites, technical cadres and managers of popular extraction, and the organized working class. This started to gain a fuller shape following the introduction of market economy elements into Yugoslavia in the mid-1960s. Slovenia's unique productive structure, which favored exports of manufactured goods to Western markets and tended to have full employment, was reinforced through the reforms that consolidated the decentralized model [Kirn, 2014: 295]. This helped to underpin differences between the rich northern regions and the poor areas of southern Yugoslavia, with the former enjoying greater funding capacity and, ultimately, benefiting from the low wages of the latter. In this way, the Slovenian political and social forces managed to form a community gathered around common interests that, in the name of competitiveness, opposed the Yugoslav federal authorities' control of economic policy.

Within the above framework, the new managerial class operated hand in hand with the working class (organized through official unions) who played a harmonizing role within companies and between these and political power. The position of unions consolidated throughout the 1960s and 1970s, reaching its peak in the 1980s [Stanojević, 2003: 293]. In this period, conflict within companies reinforced the foundations of the Slovenian political–social coalition considering that the strikes were fundamentally inspired by socioeconomic motivations, rather than political demands. The benefit of such an arrangement was that it slowed down the questioning of the system as a whole at the republican level. At the same time, it facilitated polarization vis-à-vis the federal level and the inclusion of the workers' movement in the independence process. Thus, the dissatisfaction with the economic situation in Slovenia (price- and labor-related) ended up being channeled through accusations of the inefficiency of federal aid and the state's investment in the south (fed to a large extent by Slovenian money). Later, following the attainment of independence, the integration of the labor movement into the system materialized through the act of preserving some aspects of the system of contractual socialism. This included the re-founding of the official Association of Trade Unions, which became the Association of Free Trade Unions in 1991 [Bembič, 2016; Lukšič, 2003].

As a constituent part of the socialist Yugoslavia, Slovenia was the most economically advanced entity and the one that focused on central economic processes, as in Immanuel Wallerstein's (2004) world-systems analysis. Consequently, it was the social coalition to be most interested in consolidating trade relations with Western countries. Still, Slovenia also played a central role in Yugoslavia's semi-peripheral position, as it was able to diversify its trade relations after the 1970s crisis by strengthening its relations with developing countries from 1972 onwards in a clearly exploitative way [Ramšak, 2014: 742]. By 1980, Slovenia had the second largest interregional trade balance in Yugoslavia and the most favorable one externally [Bičanić, 1988: 121–123]. This was helped by its geographical location and autonomy in terms of infrastructural development including electricity, railways, telecommunications, and piping systems [Mencinger, 2014: 15]. Overall, the favorable situation was reflected in the standard of living of the population; by 1975, Slovenia's Gross Social Product was USD 2,782 per capita, which was 202.7% of the Yugoslav aggregate [Zimmerman, 1977: 36]. In fact, the growth of unemployment in Yugoslavia did not affect Slovenia, which continued to enjoy full employment levels throughout the 1980s [Woodward, 1995b: 51–53].

The Slovenian military-like model

Slovene independence materialized thanks to a set of political and military maneuvers, carried out to preserve the position of the ruling class as well as to ensure the continuity of the country's social coalition [González-Villa, 2019]. The institutional phase commenced in September 1989, when the socialist parliament passed a constitutional reform introducing a multiparty system at the republican level, while unilaterally turning the Yugoslav state into a confederation [Hayden, 1999: 35]. This mostly happened in response to the culmination of previous social mobilizations, characterized initially by the action of anti-systemic groups close to the youth branch of the Communist League of Slovenia. Later, this was through the unity of action of those same groups with nationalist and conservative actors in 1988, in the

context of the so-called Ljubljana trial when four Slovenian politicians were imprisoned because of their critical writings about the Yugoslav People's Army [Silber, 1996: 51–56].

Following the spring 1990 elections, Slovenia was presented with a configuration of a collective presidency – with the former communist Milan Kučan at the forefront – and a multiparty parliament dominated by the nationalist Slovenian Democratic Opposition (Demokratska opozicija Slovenije – DEMOS) coalition. Despite the fragmentation of the legislative branch, the sovereignty process was characterized by unity of action, not only because of the fact that all parliamentary parties were included (to some degree) in the government. It was also because of the relations between the executive branch and the collective presidency, which ended up being equivalent to those of a cohabitation [Rupel, 2011]. In the new setting, the presidency controlled the state apparatus; as pointed out by the then Head of Internal Affairs Igor Bavčar [2011], “we [the government] had no political or organizational experience. We discussed hours and hours with fellow writers and academics about what we should do, but no one had much idea at first.” Simultaneously, President Kučan kept embracing the government's proindependence agenda.

A critical point in the process was the secession plebiscite, which took place in December 1990. In preparation for this, a number of steps had been taken including the introduction of a new national anthem and the approval of the Declaration of Sovereignty of the State of the Republic of Slovenia. This went ahead with 187 votes in favor, 3 against, and 2 abstentions [Pesek, 2007: 196]. The plebiscite was driven by internal dynamics, such as the necessity to reinvigorate the political initiative, which had stagnated in the absence of a viable economic program [Woodward, 1995b: 138]. But it was also driven by the fear of the DEMOS group (led by Jože Pučnik) that Slovenia would be left behind in the acceleration of geopolitical changes in Europe [Pesek, 2007: 222]. The plebiscite initiative was adopted by all political forces in the parliament, including the former communists who limited themselves to defending specific provisions for the plebiscite law. These were in relation to census (that all residents in the republic could participate regardless of their origin), the establishment of a minimum percentage of affirmative votes (50%), and the introduction of a six-month negotiation period with the rest of the Yugoslav actors after the event. Those talks, in any case, were to be based on the premise that Slovenia would become an independent state.

Elite consensus was reflected at the ballot boxes, in which secession won by an overwhelming majority. From that moment on, the aforementioned negotiation period only served to ensure the swiftest possible path to statehood. The Slovenian leadership prioritized bilateral talks with other Yugoslav republics and international actors over multilateral talks and initiatives within the federation. During the weeks leading up to the proclamation of independence, the parliament passed a package of thirteen laws aimed at ensuring the successful functioning of the state from the following day [Pesek, 2012: 181]. Throughout the first half of 1991, the republic took full control of the tax system and laid foundations for a free market economy. Moreover, it had formed operational armed forces, flexible enough to allow prompt participation in a conflict against the Yugoslav People's Army. This was achieved through the import of weapons—facilitated by the support of Israel, Singapore, and the United Kingdom [González-Villa, 2019: 155–157] – with the most robust

shipment, consisting of sixteen containers with some 193 tons of weapons, scheduled to arrive just a week before the proclamation of independence [Šurc, Zgaga, 2011: 206].

The war in Slovenia broke out on June 27, 1991, two days after the overwhelmingly supported proclamation of independence [Pesek, 2007: 382]. The confrontation resulted in a limited number of casualties; it consisted of a series of armed confrontations resulting from Slovenia's takeover of airports, federal administration buildings, and border check points with Austria, Italy, and Hungary. Armed clashes lasted for no more than five days and took place in an area equivalent to 2% of Slovenian territory [Kolšek, 2001: 167]. The federal army deployed barely 3% of its air capacity, 15% of the forces of the fifth military region, and a small number of armored vehicles, many of which were without combat ammunition [Bebler, 2003: 139]. These numbers reiterate the fact that the war was carefully contained by Ljubljana and Belgrade, where Slobodan Milošević had already taken effective control of the federal presidency. Violence provoked a swift reaction from the European Community, which negotiated a ceasefire and a three-month moratorium on the declaration of independence that, in practice, consolidated the *faits accomplis*. In January 1992, both the European Community and its twelve Member States—with Germany at the forefront, and pressured by the involvement of other state as well as non-state actors, such as the Vatican and the Western media—recognized Slovenia as an independent state [Radeljić, 2012: 143–145].

The failed Catalan case

Since its inception, after the failed negotiation with the central government in 2012 aimed at achieving greater fiscal autonomy, the Catalan sovereignty process has gone through several milestones. These include (a) the holding of two referenda (in 2014 and 2017) – neither of which had the essential approval of the government; (b) a declaration of independence of October 10, 2017 – suspended by the Catalan president during the very same speech with the aim of opening a dialogue process with the Spanish government; and (c) four autonomous elections as of February 2021. The political complexity of the process is the result of the absence of a social consensus on secession, the profound differences between the secessionist parties, the socioeconomic transformations of the Catalan society after the 2008 crisis, and the lack of international support.

Conditions for the Catalan middle-class uprising

The Catalan sovereignty process has its roots in the decomposition of the social coalition that gave stability to the nationalist governments of Jordi Pujol (1980–2003) between 2003 and 2010. This involved the coalition Convergence and Unity (Convergència i Unió – CiU), and the tripartite governments of the Socialists' Party of Catalonia (Partit dels Socialistes de Catalunya – PSC), Republican Left of Catalonia (Esquerra Republicana de Catalunya – ERC), and the ecosocialists of Initiative for Catalonia Greens (Iniciativa per Catalunya Verds – ICV).

The disintegration of class structure originated in the 2008 economic crisis, a period witnessing “a great step from an industrial society to a post-industrial one” [Sarasa et al., 2013: 81]. The Catalan sovereignty process developed in the middle of the consolidation of this

post-industrial society, which reduced the importance of the secondary sector of the Catalan economy and its construction industry, thereby deepening the lengthy process of tertiarization of the economic structure. The percentage of population classified as industrial labor dropped from 23% to 16% in the period from 2006 to 2011. During this time, the loss of employment opportunities, with the construction sector being affected more than others, was partially mitigated by the creation of jobs in the service sector and the extension of the category of new tertiary managers. All of this coincided with the reduction of social protection and income levels, the spread of poverty, and the widening of inequalities. This was especially within the middle class, between managers and the growing number of self-employed workers, as well as the increasing risk of job losses – a feature that permeated all social classes.

In addition, Catalonia progressively lost its leading role in the Spanish economy. The double crisis, represented by the world economic crisis and the political crisis of the secessionist process, deepened the loss of the Catalan “leading role in the political and economic development of Spain” [Dowling, 2023: 81] – a trend that had begun in the late 1990s. Until then, Catalonia was the genuine economic engine of Spain due to its geographical position and manufacturing specialization, to the point that many observers recognized this region as capable of “boosting industrial production and advancing along the path of internationalization” for the whole of Spain [Maluquer de Motes i Bernet, 1999: 459]. However, this dynamic was completely reversed after the sovereignty process. In comparison with the Catalan trend GDP, its real GDP slowed its growth by 4.6% as a consequence of the sovereignty process [Brunet, 2022: 255]. Far from being a conjunctural loss, this decline has been accompanied by a drop in foreign investment, a fall in exports to the rest of the country, a downgrading of public and private debt ratings, and a reduction in competitiveness.

In the above context of fear and uncertainty, support for the pursuit of Catalan sovereignty was greatest among those who had something to lose. According to different surveys, the main advocates for independence were people in well-paid jobs, the majority of whom were satisfied with the income they had received in the autumn of 2017. Also supporting independence were those who considered that the economic situation of their households was the same or had even improved over the previous year. Opposition to independence was predominant among those whose income was less than EUR 1,200 per month, those who had lost their job, those whose household income had fallen in the previous year, and those whose relatives had become unemployed¹. The presented contradiction was not dealt with accordingly by the trade unions, which, in order to overcome the plurality of views within their bureaucracies, avoided expressing opinions on the question of independence. Still, they did express support for the “right to decide” – an expression used by secessionists to avoid the legally controversial question of right to secession and self-determination – through a negotiation with the state².

¹ Centre d'Estudis d'Opinió (2017) *Baròmetre d'Opinió Política 41, Segunda oleada*. URL: <https://ceo.gencat.cat/es/barometre/detall/index.html?id=6288> (accessed: 20.03.2023).

² Pérez, M. (2017) ‘La clase obrera y el “procés”,’ *La Vanguardia*, 12 March. URL: <https://www.lavanguardia.com/economia/20170312/42801045779/clase-obrera-proces.html> (accessed: 20.03.2023).

The erratic Catalan path

The origins of the Catalan sovereignty process stem from a regional political dispute, following the return of CiU – a coalition that used to represent the traditional interests of the Catalan bourgeoisie – to the regional government in 2010, after seven years of opposition to center-left coalitions. The strategic goal of these governments was to pass a new statute of autonomy that would exacerbate the asymmetries between autonomous communities and change the structure of the Spanish autonomic system by passing a reform of the Spanish constitution [Cruz Villalón, 2006]. The idea initially clashed with the Catalan right-wing vision, which was more interested in the long-term consolidation of a nationalist political culture than in the transformation of the Spanish system as a whole [Amat, 2018: 32; Canal, 2018: 112].

Once in power, CiU noted that leftist parties had shifted the traditional Catalanist discourse to the left. This became particularly relevant in 2011, as the new right-wing government faced criticism over its privatization and austerity measures. Pressure increased dramatically with the emergence of the anti-austerity Indignados Movement (15-M) in Madrid, which soon spread to Barcelona and represented the beginning of a long struggle that ended with a crisis over the Spanish territorial model. Clearly upset, the conservative and nationalist Catalan government ordered the eviction of those camping out by the regional autonomous police on May 27, 2011.

These events inspired a wave of nationalism the following year. Catalan authorities' perspective of the situation was that the radical left was directly threatening their hegemony. At the same time, nationalist movements managed to steer social discontent in the direction to oppose the Spanish Constitutional Court's decision to curtail the statute of autonomy of Catalonia in June 2010. This decision was interpreted as an unacceptable violation of self-government by virtually all regional political actors, with the exception of the People's Party (PP) and Citizens (C). The result was a massive demonstration on September 11, 2012, the National Day of Catalonia, which was carefully planned in order to generate vast nationalist mobilization in response to the Indignados Movement [Amat, 2017: 74].

From then onwards, social mobilization remained active through appeals to emotions and advocacy for economic autonomy [Canal, 2018: 161]. The highly populist character of this approach served to polarize the Catalan society and secure further public support [Canal, 2018: 195]. Accordingly, the nationalist president Artur Mas invested his political capital in calling for a referendum on self-determination. However, his real goal was to negotiate a new financial arrangement as well as investments in infrastructure with the Spanish state, which he could sell in Catalonia as a political victory [García, 2018: 25]. As the central government resisted, pro-sovereignty actors increased their pressure. Mobilizations that carried on into 2013 and 2014 contributed to two major institutional events: the Parliament of Catalan's declaration of sovereignty (on January 23, 2013); and on November 9, 2014, the so-called participatory process – promoted by the regional government following the previous suspension of a referendum convened by the Catalan government by the Spanish Constitutional Court.

The election had a “plebiscitary” character; according to the secessionists, results should have been interpreted as equal to a referendum. The joint list Junts pel Sí (Together for Yes), headed by the independent and civil society figures but politically controlled

by the Republican Left of Catalonia and the Democratic Convergence of Catalonia (previously part of CiU, which was dissolved in 2015), attempted to bring together the secessionist vote. Elections allowed the former to approach the objective of leading the pro-sovereignty space, while the latter saw an opportunity to deepen a long-range strategy of social influence [Amat, 2017: 54], which subsequently required a new electoral brand given the unpopularity of Mas's economic policy between 2010 and 2012 [Canal, 2018: 174]. Junts pel Sí's weak foundations were further eroded by the election results, which were lower than expected; the joint list was left with ten seats of the absolute majority. Given the plebiscitary character that had been attributed to the election, the ten places obtained by the far-left and pan-Catalanist Popular Unity Candidacy (Candidatura d'Unitat Popular – CUP) became vital, despite the fact that the sum of the votes of secessionist options did not reach 50%. However, the CUP's impact was short-lived, including the fall of Mas as a consequence of the revelations about corrupt affairs of CiU's historical leader, Jordi Pujol. An additional fallout was Mas's decision to elect someone he barely knew as the new leader—Carles Puigdemont, then mayor of Girona, who, contrary to Mas, had a clearly independentist profile [García, 2018: 26].

The main feature of Catalan politics in 2016 and 2017 was the preservation of the political coalition formed between secessionist parties, despite the government's insufficient political and social support to carry out far-reaching actions, such as an establishment of a new state. This could be seen through initiatives such as the approval of the November 2015 resolution declaring the start of the sovereignty process, the establishment of so-called state structures (including a new tax agency), and the launch of a commission of studies for the planning of a constituent process, all of which were suspended by the Spanish Constitutional Court. In this context, the fragility of the secessionist institutional bloc became evident once again when the CUP forced a motion of no confidence after the rejection of the 2016 budget proposal. The reaction of the Catalan government was to arrange for a referendum and, subsequently, proclaim unilateral declaration of independence in the autumn of 2017, but without making any preparations for the establishment of a new state, as one member of that very government has recalled [Vila, 2018: 23].

These developments exposed the limited political capital available within the secessionist faction, as observed during the approval of the referendum and transitional laws in early September, and then the proclamation of independence in late October. It was also clear that the Spanish government enjoyed sufficient space of maneuver to suspend Catalan autonomy and impose its authority, largely thanks to the enthusiastic support of the country's population, sound backing from the Brussels administration, and lack of resistance by Catalan civil servants. This was especially evident after the imprisonment of different leaders of pro-sovereignty nongovernmental organizations and the intervention of Spanish anti-riot units in the October referendum through direct control of the Catalan administration, which was not opposed by local civil servants¹.

¹ Juliana, E. (2018) 'Se cumplen cien días de la aplicación del artículo 155', La Vanguardia, 4 February. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20180204/44518036224/se-cumplen-cien-dias-de-la-aplicacion-del-articulo-155.html> (accessed: 14.03.2023).

New regional elections were held soon after the suspension of Catalan autonomy, in December. A new, nationalist-oriented administration was constituted, led by Quim Torra, an exponent of the ethnocentric faction appointed as a representative of Puigdemont who had escaped to Brussels following indictment for rebellion charges. Throughout 2018, the key focus was on the status of members of the government made prisoners and charged with rebellion. Claims for a unilateral pursuit of secession were restated in December, after Torra's visit to Ljubljana, during which he informally met with Slovenian president Borut Pahor¹. A few hours later, at a meeting of the Council for the Republic – a proindependence Brussels-based lobby – Torra brought back in the case of Slovenia, stating that “the Slovenes decided to push forward with all the consequences. Let's do as they did and be ready for anything to live freely”². In addition, he made it clear that “in Slovenia, we were told that they did it and that we can do it, too.”

The internationalization strategy of the Catalan sovereignty process involved a large economic effort to influence international public opinion through dissemination activities of various kinds and to lobby European governments (Cardenal, 2020, position 1.231). However, the complicities gained in this process were not sufficient. The most visible sympathies within the EU came from Slovenia, but they did not have an official character. According to the notes of Pere Aragonès (the then Minister of Economy and Finance of the Catalan government), his trip to Ljubljana in January 2017 served to gain support of the governor of the Bank of Slovenia before the Governing Council of the European Central Bank, and to compile information in order to compare the experiences of both territories³. Two months later the head of international affairs, Raül Romeva, met in the Slovenian capital with the main figures in the country's independence movement [ARA, 2017]. Beyond Slovenia, political support was articulated in the European Parliament through the EU–Catalonia Dialogue Platform, an informal cross-cutting forum with MEPs from regionalist and nationalist parties on the left and right. The Catalan secessionist agenda only came close to a major victory within the EU after the police intervention during the October 1, 2017 referendum, when the issue was debated in the plenary session of the European Parliament. An attempt was made for the European Commission to push for a mediation process between the Spanish central government and the Catalan autonomous government (Cardenal, 2020, position 1.155). The European Commission ended up closing ranks with the Spanish central government.

¹ La Vanguardia (2018) ‘Torra: “La Constitución ya no sirve; es una jaula para muchos catalanes”’, 6 December. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20181206/453395814084/quim-torra-eslovenia-constitucion-jaula-catalanes.html> (accessed: 14.03.2023).

² La Vanguardia (2018) ‘Torra plantea la vía eslovena porque “ya no hay marcha atrás” posible’, 9 December. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20181209/453445198374/independentismo-via-eslovena-comin-torra-consell-republica.html> (accessed: 10.03.2023).

³ Segovia, C. (2018) ‘Las empresas fugadas de Cataluña superan las 4.000’, El Mundo, 28 May. URL: <https://www.elmundo.es/economia/2018/05/28/5b0a93b0e5fdeab2528b4583.html> (accessed: 14.03.2023).

Conclusion

The study of the cases of Slovenia and Catalonia clarifies the limits of the evocations made in the Catalan case. Analogies have their limitations when contrasted with reality, and those made by Catalan political actors are no exception. Analogies were a vehicle for independence through which they sought to compensate at the ideological level for the material shortcomings of the process which, in light of Slovenia, can be viewed through political, socioeconomic, and international dimensions, with the latter being key.

In terms of internal political consistency, the unity among policymakers in Slovenia, including their close collaboration with departments responsible for defense and interior affairs, increased the capacity to withstand external penetration. Moreover, there were no clashes between citizens and security forces. In fact, the only relevant police operation prior to the declaration of independence had taken place in 1989, when the Slovenian authorities sought to prohibit a protest organized by the Serbian leadership as part of the so-called anti-bureaucratic revolution. In the case of Catalonia, a massive anti-independence demonstration took place on October 8, 2017, two days before the failed declaration of independence. Internal divisions could also be seen through the clashes between proindependence activists, who demonstrated against a Spanish far-right gathering in Girona, and the Catalan anti-riot police, which caused internal controversies within the Catalan government about the extent to which police should tolerate political violence¹.

In contrast to the case of Slovenia, where the matter of a solid class coalition served as the driving force for political transformation and timely external approval, the case of Catalonia has experienced different levels of conflict and disapproval. This has prevented proper consolidation and successful statehood attainment; Catalan actors did not receive any relevant support from international actors. In this vein, the analogy selected by the Catalan leadership is based on a biased self-referential analysis of a series of transcendental events, and not on some actual similarity. While in both cases, nationalist movements emerged as vehicles for sociopolitical coalitions in critical stages, the chances of success for each of them depended on their capacity to engage with international actors in their respective contexts. This was only fully achieved in Slovenia. In Catalonia, the decomposition of the social bloc has only been erratically addressed by local policymakers.

With regard to the critical question of internationalization, the Slovenian case seems to have materialized in accordance with the spirit of its age. At the beginning of the 1990s, independence bids – framed around democracy and European values, liberation from the (already dying) socialist world, and right to self-determination of a national group – received immediate attention and international support. Germany, as the key player in the process, had no problems persuading the rest of the European Community to follow suit. In the case of Catalonia, the Brussels administration adopted a radically different position. It decided not to give any kind of legitimacy to the October 2017 declaration of independence.

¹ La Vanguardia (2018) 'Torra quiere llevar las cargas de los Mossos al Consell de Govern del martes', 9 December. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20181209/453462419669/torra-buch-reunion-cargas-mossos-consell-de-govern-martes.html> (accessed: 10.03.2023).

REFERENCES

- Amat, J. (2017) *La conjura de los irresponsables*. Barcelona: Anagrama.
- Aparicio Pérez, M.A. (2010) Reforma constitucional y mutación estatutaria, *Iura Vasconiae*, 7, pp. 55–98.
- Bavčar, I. (2011) Interview given to Carlos González-Villa, Ljubljana, 4 May.
- Bebler, A. (2003) O vojaškopoličnih vidikih osamosvojitve Slovenije, *Acta Histriae*, 11(1), pp. 129–146.
- Bembič, B. (2017) From victory to victory to the final retreat: Changing balance of class forces in the Slovenian transition, *Tiempo Devorado*, 4(2), pp. 363–398.
- Bićanić, I. (1988) Fractured economy, in Rusinow, D. (ed.), *Yugoslavia: A Fractured Federalism*, Washington, DC: The Wilson Center, pp. 120–141.
- Canal, J. (2018) *Con permiso de Kafka*. Barcelona: Península.
- Cardenal, J.P. (2020) *La telaraña: La trama exterior del procés*. Madrid: Kindle edition.
- Carrillo, M. (2008) El nuevo estatuto de autonomía de Cataluña de 2006, en el marco de las reformas estatutarias en España, *Revista de derecho*, 15(1), pp. 61–90.
- Cox, L. (2008) Neo-liberal globalisation, nationalism, and changed ‘conditions on possibility’ for secessionist mobilization, in Pavković, A., Radan, P. (eds.), *On the Way to Statehood: Secession and Globalisation*, Farnham: Ashgate, pp. 33–50.
- De la Hucha Celador, F. (2004) El Concierto Económico del País Vasco y el Convenio Económico de Navarra: relaciones horizontales y conflictos potenciales, *Forum Fiscal de Bizkaia*, 4, pp. 25–44.
- Dowling, A. (2023) The Basque and Catalan questions since 1980. Teaching Nationalism and Conflict in Spain. *Tiempo devorado*, 8(1), pp. 72–91.
- Estupiñán Achury, L. (2011) El Estado autonómico: del Estado unitario al Estado federal. Un ejemplo de la mutación de las formas de Estado, *Diálogos de saberes*, 35, pp. 107–122.
- García, L. (2018) *El naufragio*. Barcelona: Península.
- González-Villa, C. (2019) *Un nuevo estado para un nuevo orden mundial: La independencia de Eslovenia*. Granada: Comares.
- Hayden, R. (1999). *Blueprints for a House Divided: The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Jackson, P.T. (2010) *The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and its Implications for the Study of World Politics*. New York: Routledge.
- Jervis, R. (1976) *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kirn, G. (2014) *Partizanski prelomi in protislovja tržnega socializma v Jugoslaviji*. Ljubljana: Založba Sophia.
- Kolšek, K. (2011) *Spomini na začetek oboroženega spopada v Jugoslaviji, 1991*. Maribor: Obzorja.
- Lo Cascio, P. (2017) In or out? Las políticas de internacionalización del procés catalán y la producción de discurso en torno a la independencia (2012–2016), in Forti, S., González i Vilalta, A., Ucelay-Da Cal, E. (eds.), *El proceso separatista en Cataluña: Análisis de un pasado reciente (2006–2017)*, Granada: Comares, pp. 131–150.
- Lukšič, I. (2003) Corporatism packaged in pluralist ideology: The case of Slovenia, *Communist and Post-Communist Studies*, 36(4), pp. 509–525.
- Maluquer de Motes i Bernet, J. (1999) El papel de Cataluña en la modernización económica de España, *Revista de Historia Económica*, 17(2), pp. 449–462.
- Mencinger, J. (2014) *The Rise and Decline of a Country: Experience of Slovenia*. Barcelona: Eurasian Hub.

- Močnik, R. (2009) Extravagantia II: How much fascism? *Red Thread*, 1, pp. 44–59.
- Močnik, R. (2017) Kakšna država za kakšen svetovni red? Epilogue in González-Villa, C., *Nova država za nov svetovni red: Mednadorni vidiki osamosvojitve Slovenije*, Ljubljana: Založba *cf, pp. 277–306.
- Morel, S. (2018) *En el huracán catalán: Una mirada privilegiada al laberinto del procés*. Barcelona: Editorial Planeta.
- Pesek, R. (2007) *Osamosvijitev Slovenije*. Ljubljana: Nova revija.
- Pesek, R. (2012) *Osamosvojitvena vlada: Kako so gradili državo*. Celovec: Mohorjeva.
- Pešić, V. (1996) Serbian nationalism and the origins of the Yugoslav crisis. *United States Institute of Peace Peaceworks*, 8.
- Radeljić, B. (2012) *Europe and the Collapse of Yugoslavia: The Role of Non-State Actors and European Diplomacy*. London: I.B. Tauris.
- Ramšak, J. (2014) ‘Socialistična’ gospodarska diplomacija: Dejavnost Socialistične Republike Slovenije na področju mednarodnih ekonomskih odnosov 1974–1980, *Annales: Series Historia et Sociologia*, 24(3), pp. 733–748.
- Rupel, D. (2011) Interview given to Carlos González-Villa, Ljubljana, 11 May.
- Sarasa, S., Porcel, S., Navarro Varas, L. (2013) L’impacte social de la crisi a l’àrea metropolitana de Barcelona i a Catalunya, *Papers: Regió Metropolitana de Barcelona*, 56, pp. 10–87.
- Seijas Villadangos, E. (2008) Nuevos retos para la Teoría del Estado tras la segunda ola de reformas estatutarias, *Revista de estudios políticos*, 140, pp. 165–177.
- Silber, L., Little, A. (1996) *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin.
- Sofos, Spyros (1998) Culture, media and the politics of disintegration and ethnic division in former Yugoslavia, in Allen, T., Seaton, J. (eds.), *The Media of Conflict: War Reporting and Representations of Ethnic Violence*, London: Zed Books, pp. 162–174.
- Stanojević, M. (2003) Workers’ power in transition economies: The cases of Serbia and Slovenia, *European Journal of Social Relations*, 9(3), pp. 283–301.
- Šurc, M., Zgaga, B. (2011) *V imenu države: Preprodaja*. Ljubljana: Sanje.
- Veiga, F. (2011) *La fábrica de las fronteras: Guerras de secesión y yugoslavas, 1991–2001*. Madrid: Alianza.
- Veiga, F. (2015) *El desequilibrio como orden: Una historia de la posguerra fría 1990–2008*. Madrid: Alianza.
- Veiga, F., González-Villa, C., Forti, S., Sasso, A., Prokopljevic, J., Moles, R. (2019) *Patriotas indignados: Sobre la nueva ultraderecha en la Posguerra Fría*. Madrid: Alianza.
- Vila, S. (2018) *De héroes y traidores: El dilema de Cataluña o los diez errores del procés*. Barcelona: Península.
- Cruz Villalón, P. (2006), La reforma del Estado de las Autonomías, *Revista d’estudis autonòmics i federals*, 2, pp. 77–100.
- Wallerstein, I. (2004) *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Woodward, S.L. (1995a) *Socialist Unemployment: The Political Economy of Yugoslavia, 1945–1990*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Woodward, S.L. (1995b) *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Zimmerman, W. (1977) The Tito legacy and Yugoslavia’s future, *Problems of Communism*, 26(3), pp. 19–36.

УДК 94, 327

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ЕВРОПЕ: ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ»

© 2023 г. ГРИШИН Яков Яковлевич

Доктор исторических наук, профессор

Института международных отношений Казанского

федерального университета. 420111, Россия, Казань, Пушкина ул., 1/55

E-mail: grishin.42@mail.ru

© 2023 г. ИСЛАМОВ Дамир Римович

Аспирант Института международных отношений Казанского

федерального университета. 420111, Россия, Казань, Пушкина ул., 1/55

E-mail: dam1948@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.03.2023

После доработки 26.05.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В середине 2000-х гг. в период правления Партии справедливости и развития Турция включила концепцию «мягкой силы» во внешнеполитическую повестку. Исходя из позиции турецких официальных лиц, платформой для практической реализации «мягкой силы» выступает публичная дипломатия, которая начала выстраиваться путем создания новых или преобразования существующих государственных структур при партнерстве с негосударственными организациями. Анкара выработала основные направления, на которые должна опираться публичная дипломатия: взаимодействие с соотечественниками за рубежом и родственными тюркскими народами, сохранение и возрождение культурно-исторического и материального наследия эпохи Османской империи, поддержка мусульманского сообщества в разных регионах мира. В последние годы появились относительно новые направления, к которым можно отнести борьбу с организацией Ф. Гюлена и развитие информационного компонента публичной дипломатии при содействии Фонда турецкого радио и телевидения. В рамках турецкой публичной дипломатии Европа условно разделена на три субрегиона: Балканы, Восточную Европу, Западную Европу. Балканские страны традиционно важны для Анкары. Основная цель – слом старых историко-культурных предрассудков и формирование позитивного образа Турции в глазах общественности. В отношении Восточной Европы турецкая сторона, умело используя османское наследие и/или тюркский фактор, оказывает влияние на Венгрию, Молдову и Украину. Деятельность в Западной Европе в большей степени опирается на рабо-

ту с турецкой диаспорой. Цель исследования – рассмотреть основные направления публичной дипломатии Турции в контексте реализации политики «мягкой силы» на европейском континенте.

Ключевые слова: Турция, Балканы, Европейский союз, мягкая сила, публичная дипломатия, гуманитарная дипломатия, Эрдоган, турецкая диаспора

DOI: 10.31857/S0201708323060098

EDN: хуwywi

Роль «мягкой силы» во внешней политике Турции приобрела особую актуальность после прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР). По мнению И. Калына, в начале 2010-х гг. занимавшего пост советника и по совместительству координатора отдела публичной дипломатии при турецком премьер-министре, «мягкая сила» Турции базируется на сочетании истории, географии, культуры, опирающейся на османское наследие и традиции ислама, а также на экономическую мощь и турецкую модель демократии [Kalin, 2011: 7]. К этому списку можно добавить идеи о духовном единстве тюркского мира и Турции как странемиротворце, активно продвигаемые в последние годы Р. Эрдоганом и его окружением. Согласно информации управления по связям администрации президента Турции, публичная дипломатия – это платформа для практической реализации турецкой «мягкой силы», которая предполагает установление позитивных отношений с народами других стран в рамках деятельности государственных и негосударственных акторов¹.

На современном этапе характерной чертой публичной дипломатии Турции является преобладание роли государственных организаций и аффилированных с органами власти фондов, например: Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA*), Управления по предотвращению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций при правительстве Турции (*Afet ve Acil Durum Yönetimi Başkanlığı, AFAD*), Института им. Юнуса Эмре, Управления по делам турок за рубежом и родственных общин (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı, YTB*), Фонда Маариф, Управления по делам религии Турции (Дианет) и др. Стоит отметить, что Анкара ведет публичную дипломатию преимущественно на двусторонней основе [Белоус и др., 2023: 120]. Публичная дипломатия охватывает крупные города и небольшие населенные пункты, где значительная доля жителей – это мусульманские и/или тюркские народы, в частности албанцы, бошняки-мусульмане, турки, гагаузы, крымские татары и др. В то же время Турция прилагает немало усилий, чтобы представить себя в качестве «аполитичного и бескорыстного» донора, приносящего пользу реципиенту [Altunışık, 2022: 11].

Управление по связям администрации президента Турции выделяет следующие направления публичной дипломатии по области применения: образовательную дипломатию, культурную дипломатию, цифровую дипломатию, гастрономическую ди-

¹ Kamu Diplomasisi Nedir? T.C. İletişim Başkanlığı. 2022. URL: https://www.iletisim.gov.tr/images/uploads/dosyalar/Kamu_Diplomasisi_Nedir.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

пломатию, гуманитарную дипломатию, дипломатию здравоохранения, взаимодействие с соотечественниками, спортивную дипломатию, международное вещание¹.

Исходя из этого можно сформулировать следующие основные направления турецкой публичной дипломатии: выстраивание отношений с соотечественниками за рубежом, а также с близкими тюркскими народами; сохранение и защита культурно-исторического и материального наследия османской эпохи; поддержка мусульманского сообщества в разных странах мира и борьба за их права и свободы, что соотносится с желанием Р. Эрдогана играть роль покровителя мусульман; продвижение и популяризация турецкого языка, литературы, истории, культуры, искусства, спорта, кулинарных традиций и национальных продуктов за рубежом. Кроме того, в последние десятилетия Анкара расширяет выделение экстренной и гуманитарной помощи пострадавшим и бедным странам.

В 2016 г. в Турции состоялась попытка государственного переворота, в организации которой Р. Эрдоган обвинил Ф. Гюлена, основателя общественно-религиозного движения «Хизмет». Турецкие власти признали гюленистов террористической организацией под названием «Террористическая организация фетхуллахистов» (*Fethullahçı Terör Örgütü, FETÖ*). Борьба с *FETÖ* отразилась на публичной дипломатии Турции, превратившись де-факто в одно из направлений. Анкара стала вытеснять культурные и образовательные центры, подконтрольные гюленистам.

Для реализации основных направлений публичной дипломатии разрабатываются соответствующие проекты в сферах образования, продвижения турецкой культуры и языка за рубежом, реставрации объектов культурно-исторического наследия, здравоохранения, развития социальной, экономической, гражданской, административной и иной инфраструктуры, транспорта, энергетики и т. п.

После проведения конституционных преобразований в 2017–2018 гг. и перехода контроля над информационной политикой в руки администрации президента Турции предприняты конкретные шаги по экспансии Фонда турецкого радио и телевидения (*Türkiye Radyo Televizyon Kurumu, TRT*) за рубеж, по большей части на европейских языках: *TRT World, TRT Russian, TRT Deutsch, TRT Français, TRT Balkan* [Исламов и др., 2023: 144].

Основные области и направления публичной дипломатии Турции относительно универсальны, но пропорции их применения зависят от страны и региона. Европейский континент в рамках турецкой публичной дипломатии условно разделен на три составляющие: Балканы, Восточную Европу и Западную Европу.

Балканы. В рамках турецкой идеи хаба Балканы играют существенную роль связующего звена Турции и ЕС. Идея хаба заключается в позиционировании Анкары в качестве крупного логистического, энергетического, транспортного, торгово-экономического центра мирового масштаба [Аватков, Сбитнева, 2022: 7]. По этой причине особенность Балкан состоит в том, что в регионе применен весь спектр направлений публичной дипломатии. Ключевыми считаются сохранение османского наследия и поддержка мусульманских народов, прежде всего албанцев и бошняков-мусульман, а также борьба с *FETÖ*.

¹ Там же.

Анкара видит Балканы как неделимый регион от Болгарии до Словении, неотъемлемой частью которого является Турция. Однако главный акцент во внешней политике сделан на партнерах, не являющихся странами-членами ЕС: Албании, Боснии и Герцеговине (БиГ), Сербии, Северной Македонии, Черногории и частично признанном Косово, где Анкара конкурирует с ЕС, США, Россией и КНР. Кроме того, Турция имеет серьезное представительство государственных институтов в сфере публичной дипломатии в Румынии и Хорватии. При этом в Болгарии не представлены значимые турецкие акторы, такие как *TIKA*, Институт имени Ю. Эмре, Фонд Маариф. Наибольшую роль в продвижении турецких ценностей в болгарском обществе играет Управление по делам религии Турции (Дианет).

Возможно, Анкара таким образом пытается превратить турецкий язык в систематически используемый инструмент для коммуникации и сформировать культурное пространство, прежде всего ориентированное на мусульманские народы Балкан [Энтина и др., 2022: 50]. К этому можно добавить стремление сформировать лояльные Анкаре политические элиты путем обучения молодых людей в турецких культурных центрах и образовательных организациях под эгидой Фонда Маариф, Института им. Ю. Эмре, проекта «Стипендии Турции» и др. Ставится цель сломать застарелые историко-культурные представления о Турции среди балканских народов и не допустить формирования какого-либо союза на антитурецкой основе.

Восточная Европа. В турецкой публичной дипломатии в связке с Балканами идут страны Восточной Европы: в отчетах они зачастую объединены в одну группу. К странам региона, в которых ведется публичная дипломатия, относят Венгрию, Молдову, Украину, Беларусь и Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), признаваемую официально только Анкарой.

Развитие отношений Турции с Венгрией основано на том, что часть территории последней входила в состав Османской империи, и там сохранились памятники того периода. В 2018 г. Будапешт получил статус наблюдателя при Организации тюркских государств (ОТГ). Премьер-министр Венгрии В. Орбан не раз заявлял о том, что венгры являются потомками Атиллы и имеют гунно-тюркское происхождение, а венгерский язык родственен тюркским¹.

Проникновение турецких акторов публичной дипломатии в Молдову и на Украину началось благодаря проживанию там родственных тюркских меньшинств – гагаузов и крымских татар. До воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. Анкара активно работала на полуострове и выступала инициатором сохранения/восстановления культурно-исторического наследия Крымского ханства². Меньшее внимание Анкара уделяет Беларуси, где партнерство сфокусировано на проектах в сфере образования и поддержке небольшого мусульманского сообщества страны.

¹ Are Hungarians a Turkic nation? TRT World. 25.01.2022. URL: <https://www.trtworld.com/magazine/are-hungarians-a-turkic-nation-54049> (дата обращения: 10.06.2023).

² 2016 Yılı Merkezi Yönetim Bütçe Kanunu Tasarısı ile 2014 Yılı Merkezi Yönetim Kesin Hesap Kanunu Tasarısı 2'nci Tur Görüşmeleri münasebetiyle. TBMM. 28.02.2016. URL: https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/genel_kurul.cl_getir?pEid=45187 (дата обращения: 10.06.2023).

Таким образом, Анкара активно использует турецкий фактор для осуществления публичной дипломатии в восточноевропейских странах. Венгрия превращается в один из оплотов публичной дипломатии Турции на европейском континенте. Будапешт получает возможность использовать незападные площадки, такие как ОТГ, для донесения позиции по тем или иным внешнеполитическим вопросам.

Западная Европа. По разным данным, более 5,5 млн турок проживают в западноевропейских странах. Из них более 2,7 млн имеют право участвовать в турецких выборах. Наибольшее количество зарегистрированных избирателей на всеобщих выборах 2023 г. было зафиксировано в ФРГ (1,5 млн чел.), во Франции (397 тыс. чел.), в Нидерландах (286 тыс. чел.), Бельгии (153 тыс. чел.), Британии (127 тыс. чел.), Австрии (111 тыс. чел.) и Швейцарии (105 тыс. чел.)¹. Основная работа в Западной Европе ведется с турецкой диаспорой через Управление по делам турок за рубежом и родственных общин. Турецкие власти при Р. Эрдогане первыми стали тесно взаимодействовать с гражданами за рубежом, вовлекая их во внутривластные события. С 2014 г. они получили возможность голосовать не только на таможенных пунктах, но и в зарубежных дипломатических представительствах. Это превратило турецкую диаспору в полноценную электоральную базу, за голоса и лояльность которой Р. Эрдоган и ПСР постоянно борются.

Серьезное беспокойство турецких властей вызывает деятельность сторонников *FETÖ*, поэтому Анкара ожидает от руководства западноевропейских стран большего участия в борьбе с движением, в частности от ФРГ. Соответственно, наиболее приоритетные направления в регионе – тесное взаимодействие с турецкой диаспорой через специальные проекты и гранты и борьба с *FETÖ* посредством распространения культурных и образовательных центров Фонда Маариф, специально созданного для этого.

ТІКА как актор реализации официальной помощи развитию

Турция стремится оказывать официальную помощь в развитии стран, в т. ч. на Балканах и в Восточной Европе, преимущественно через *ТІКА* при содействии *AFAD*, Турецкого Красного Полумесяца (*Türk Kızılay*) и т.п. По данным *ТІКА*, с 2014 г. более половины финансовых средств, выделенных в качестве помощи для развития, направлялись в Сирию, а точнее территориям под контролем Вооруженных сил Турции или сирийских оппозиционных сил, которые поддерживает Анкара [Kanat, Duran, 2020: 348]. С 2016 г. по 2021 г. доля помощи Сирии варьировалась от 80 до 94%².

¹ Dal A. Yurt dışında sandık kurulan ülkelerde en çok seçmen Almanya, en az seçmen Brezilya'da. Anadolu Ajansı. 26.04.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/yurt-disinda-sandik-kurulan-ulkelerde-en-cok-secmen-almanya-en-az-secmen-brezilyada/2881571> (дата обращения: 10.06.2023).

² Подсчитано авторами на основании докладов о помощи Турции в целях развития (Türkiye Kalkınma Yardımları Raporu). *ТІКА*. URL: https://www.tika.gov.tr/tr/yayin/liste/turkiye_kalkinma_yardimlari_raporlari-24 (дата обращения 10.06.2023).

Деятельность *TİKA* в Европе преимущественно направлена на реализацию следующих направлений публичной дипломатии: сохранение и защиту культурно-исторического и материального наследия османской эпохи, поддержку мусульманского сообщества при содействии Дианета, оказание экстренной и гуманитарной помощи. Это прежде всего относится к балканским странам.

По данным за 2014–2021 гг., самый большой объем помощи от *TİKA* на Балканах и в Восточной Европе получили БиГ – 214,5 млн долл., Албания – 193,3 млн долл., Северная Македония – 98,5 млн долл. и Косово – 76,4 млн долл. Далее следуют Сербия – 33,1 млн долл., Украина – 31,6 млн долл., Черногория – 20,5 млн долл., Беларусь – 1,8 млн долл.¹ Помимо этого, почти 689 млн долл. агентство выделило на межрегиональные программы, посредством которых, судя по всему, реализуются проекты в Венгрии, Румынии и Хорватии.

Таблица 1

Количество реализованных проектов при поддержке *TİKA*

Страна-реципиент/сектор, кол-во	Албания	БиГ	Северная Македония	Сербия	Черногория	Косово	Хорватия	Румыния	Венгрия	Украина	Молдова
Образование	124	239	360	77	91	163	9	98	25	138	27
Взаимодействие в секторах культуры, социальной сферы и коммуникации	151	361	340	100	79	260	42	15	47	261	104
Развитие административной и гражданской инфраструктуры	157	98	358	80	56	125	39	13	7	66	59
Здравоохранение	52	57	27	36	43	59	6	5	10	52	35
Реставрация	12	89	24	6	8	12	-	2	10	4	-
Другие проекты	50	147	46	44	29	79	7	2	-	22	70
Реализованные проекты без ранжирования (2018 – 2022) ²	-	-	-	-	более 140	-	-	более 15	-		более 175
Итого	546	991	1155	343	более 450	698	100	более 150	99	543	более 470

Составлено авторами на основе докладов о деятельности *TİKA* (*TİKA Faaliyet Raporu*). URL: https://www.tika.gov.tr/tr/yayin/liste/tika_faaliyet_raporlari-22 (дата обращения 10.06.2023).

Согласно данным *TİKA*, с 1990-х гг. по 2022 г. агентство осуществило более 5500 проектов в обозначенных регионах. Основная часть приходится на три крупных направления: «Образование», «Взаимодействие в секторах культуры, социаль-

¹ Там же.

² Отсутствуют точные данные по Черногории, Румынии, Молдове за 2018–2022 гг.

ной сферы и коммуникации», «Развитие административной и гражданской инфраструктуры».

Первое направление связано прежде всего со строительством/реконструкцией/ремонтom учебных заведений, классов, библиотек, лабораторий и т. п., предоставлением оборудования и учебных материалов, оказанием учебно-методической помощи, организацией семинаров и фестивалей. В его рамках реализовано более 1350 проектов. Наиболее значимые – реконструкция школ имени М.К. Ататюрка в Гостиваре и Пласнице (Северная Македония), одноименных школ в Тиране и Влёре (Албания), проект «100 школ» по оснащению образовательных учреждений оборудованием, компьютерами, материалами¹. Немаловажную роль играет восстановление мусульманских религиозно-просветительских и учебных заведений, таких как медресе. Работа в этом направлении ведется в тесном партнерстве с Дианетом. Агентство активно сотрудничает с университетами Балканского региона и Восточной Европы, например: Государственным университетом в Тетово, Загребским университетом, Университетом Бая-Луки, Комратским государственным университетом, Киевским национальным университетом им. Тараса Шевченко и др.

Первое направление тесно переплетено с «Взаимодействием в секторах культуры, социальной сферы и коммуникации». В рамках двух направлений организовано более 1750 проектов. К ним можно отнести проведение культурно-развлекательных, образовательных, спортивных мероприятий и оснащение культурных, религиозных, спортивных объектов. Один из наиболее известных проектов – этнокультурный фестиваль «Большой курултай венгерского и тюркских народов», который проводится с 2008 г. в венгерском городе Бугац². Особое внимание уделено поддержке детей с ограниченными возможностями. Например, в Румынии были оснащены кабинеты кинезитерапии и сенсорной стимуляции в специальных школах № 2 и 5 в Бухаресте³.

Третье по значимости направление – «Развитие административной и гражданской инфраструктуры». В его рамках агентству удалось выполнить более 1050 проектов. Работа ведется в двух подсекторах: подготовка и обучение служащих органов власти и государственных организаций и ремонт и оснащение административных зданий. Например, ТІКА при содействии Академии правосудия Турции осуществляет повышение квалификации работников судебной системы из стран Балканского региона и Восточной Европы (БиГ, Сербия, Северная Македония, Черногория, Косово, Венгрия, Украина и т. п.)⁴.

¹ Balkanlar. Tanıtım Broşürleri. TİKA. URL:

https://www.tika.gov.tr/upload/2018/BALKANLAR/ikinci_balkan_bulusmasi_kitap.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

² Там же. Р. 43.

³ Там же. Р. 61.

⁴ Organized by TİKA and the Justice Academy of Türkiye, the “Judicial Services Training Program” has been completed. TİKA. 17.11.2022. URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/organized_by_tika_and_the_justice_academy_of_turkiye_the_judicial_services_training_program_has_been_completed-73792 (дата обращения: 10.06.2023).

Наиболее широко СМИ освещают направления деятельности *ТІКА* в сферах здравоохранения и реставрации. В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии *COVID-19*. Анкара оперативно включилась в «ковидную дипломатию» благодаря развитой текстильной и обрабатывающей промышленности [Шерстюков, 2022: 108]. В конце апреля 2020 г. министр иностранных дел М. Чавушоглу объявил, что Турция доставила медицинскую помощь в 57 стран мира, в т. ч. в Албанию, БиГ, Болгарию, Сербию, Северную Македонию, Черногорию, Косово, Венгрию и Молдову. В некоторых из них работа велась с конкретными территориями и даже небольшими населенными пунктами компактного проживания мусульманских и/или тюркских народов, например: с Рашской областью Сербии и частью территории Черногории, именуемых в Турции историческим регионом Санджаком, Автономным территориальным образованием Гагаузия в составе Молдовы, муниципалитетами Центар-Жупа, Пласница, Тетово, Рожая, Сисачко-Мославачка и др. в Северной Македонии, Черногории, Хорватии. Деятельность *ТІКА* в сфере здравоохранения не ограничивалась поставками медицинской помощи и вакцин. До пандемии и во время нее агентство осуществляло реконструкцию и ремонт медицинских учреждений. Например, в 2018 г. состоялось открытие нового корпуса районной больницы в городе Комрат в Гагаузии. В 2021 г. начала работу больница турецко-албанской дружбы «Фиер» (*Fier*) в Тиране, построенная при поддержке *ТІКА*¹.

С 2000-х гг. после завершения острой фазы конфликта на территории бывшей Югославии и по мере выстраивания отношений со странами Восточной Европы Анкара начала реставрационную экспансию главным образом в отношении восстановления мечетей эпохи Османской империи. К концу 2022 г. из 80 мечетей *ТІКА* при содействии Дианет восстановило более 40. Наиболее известные – мечеть Этхем Бей в Албании и мечеть Фатих Султан Мехмет в БиГ². Это направление охватывает восстановление иных объектов культурно-исторического наследия. Можно выделить проведение раскопок при участии венгерских и турецких археологов по поиску места захоронения сердца султана Сулеймана Великолепного в окрестностях Сигетвара, восстановление дома отца М.К. Ататюрка в деревне Коджаджик в Северной Македонии, моста Мехмеда-паши в БиГ, известного по роману И. Андрича «Мост на Дрине»³.

Категория «Другие проекты» включает сферы транспорта, энергетики, сельского хозяйства, водоснабжения, жилья, а также гуманитарную помощь. Агентство, в частности, активно помогало пострадавшим в результате землетрясения в Албании в 2019 г. и занималось раздачей продуктовых наборов и средств

¹ Türkiye-Arnavutluk Fier Dostluk Hastanesi açıldı. Anadolu Ajansı. 21.04.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/saglik/turkiye-arnavutluk-fier-dostluk-hastanesi-acildi/2216146> (дата обращения: 10.06.2023).

² Tarhan M. TİKA, Balkanlar'da Osmanlı mirası tarihi cami ve eserleri ayağa kaldırdı. Anadolu Ajansı. 07.10.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur/tika-balkanlarda-osmanli-mirasi-tarihi-cami-ve-eserleri-ayaga-kaldirdi/2703931> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Balkanlar. Tanıtım Broşürleri.

гигиены мусульманам Балканского региона и Восточной Европы в Священный месяц Рамадан¹.

TİKA охватывает широкий спектр направлений, связанных с публичной дипломатией, при этом существует ряд турецких организаций, чья деятельность сфокусирована на сфере культуры и образования. Институт им. Ю. Эмре, Управление по делам турок за рубежом и родственных общин и Фонд Маариф призваны решать три основные задачи: взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом; продвижение турецкой культуры и турецкого языка; вытеснение образовательных и культурных центров, подконтрольных *FETÖ*.

Управление по делам турок за рубежом и родственных общин как актор взаимодействия с турецкой диаспорой в Европе

Одно из приоритетных направлений публичной дипломатии Анкары – работа с соотечественниками под эгидой Управления по делам турок за рубежом и родственных общин посредством различных грантов и программ поддержки. *YTB* оказывает финансовую помощь неправительственным организациям, курирующим мероприятия. Например, проекты «Часы турецкого языка» и «Культурные путешествия Эвлия Челеби» позволяют детям и молодежи изучать турецкий язык наравне с местным и знакомиться с культурой и историей Турции. Кроме того, реализуются стипендиальные программы, ориентированные на поддержку молодежи, студентов и исследователей, в частности стипендия Ф. Сезгина за выдающиеся успехи в учебе, «Программа поддержки молодежи» и т. д.²

Турция предлагает сеть стипендиальных программ для иностранных студентов под эгидой Совета по высшему образованию, Дианета и т. п. Наиболее известная – проект «Стипендии Турции» (*Türkiye Bursları*), позволяющий иностранным гражданам получить высшее образование или защитить диссертацию в Турции. Согласно докладу *YTB*, за 2019–2022 гг. доля заявок для участия в программе от студентов из Балкан, Восточной и Западной Европы составляла около 2% от общего числа. Например, в 2022 г. из разных регионов поступило почти 166 тыс. заявок. Между тем с 2019 г. по 2022 г. ежегодно выделялось от 3680 до 4730 стипендий, доля студентов, победивших в стипендиальной программе, из балканских стран находилась в диапазоне от 12 до 15%, а из государств Восточной и Западной Европы – от 3 до 5%³. Отсюда можно сделать вывод, что Балканы остаются важным направлением внешней политики по формированию позитивного образа Турции в регионе, особенно среди молодого поколения [Гуськова, 2014: 624].

¹ TİKA's 'Erenler Sofrası' program feeds 1 million people in 82 countries during Ramadan. Yeni Şafak. 27.03.2023. URL: <https://www.yenisafak.com/en/news/tikas-erenler-sofrasi-program-feeds-1-million-people-in-82-countries-during-ramadan-3662742> (дата обращения: 10.06.2023).

² Destek/Burs Programları. Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. URL: <https://ytb.gov.tr/daireler/yurtdisi-vatandaslar/vatandaslik> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Подсчитано авторами на основании Годовых докладов (Yıllık Rapor 2019/2020/2021/2022). Türkiye Bursları. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/hakimizda/yillik-rapor> (дата обращения 10.06.2023).

Институт им. Ю. Эмре как актор комплексного культурного знакомства с Турцией

Главным турецким актором, способствующим продвижению истории, культуры, искусства Турции, а также предоставляющим возможность изучения турецкого языка и литературы за рубежом, является Институт им. Ю. Эмре. Он организует конференции, научные семинары, круглые столы, летние школы для иностранных обучающихся и исследователей. В то время как *TİKA* представлен только в странах Балкан и Восточной Европы, представительства Института им. Ю. Эмре также открыты в странах Западной Европы, где проживает значительная турецкая диаспора¹. По состоянию на май 2023 г. из 85 культурных центров Института 30 располагаются в Европе².

Согласно данным Института, за 2014–2019 гг. среди изучающих турецкий язык в культурных центрах организации доля учеников из стран Балканского полуострова составляла в среднем 30%, а из стран Западной и Восточной Европы – около 10%, т. е. совокупно на европейский континент приходилось около 40% обучающихся³. Институт им. Ю. Эмре сотрудничает с высшими учебными заведениями посредством проекта «Протокол о сотрудничестве в рамках тюркологического проекта», благодаря которому кафедры тюркологии получают необходимую учебно-методическую и материально-техническую помощь. С 2014 г. по 2021 г. количество университетов, подписавших протокол, выросло с 58 до 103. При этом доля учебных заведений из стран Балканского региона, Восточной и Западной Европы постепенно снижалась с 51 до 35%⁴. Это связано с участием в проекте университетов из других регионов, но европейские страны сохраняют лидирующее положение. В проекте участвовали также учебные заведения стран Европы, в которых отсутствовали официальные представительства Института. Среди них – Беларусь, Болгария, Латвия, Литва, Словакия, Чехия, Эстония.

Институт организует мероприятия в сфере искусства и культуры. Их количество с 2009 по 2019 гг. выросло с 15 до 942. Доля мероприятий на Балканах и в странах Западной и Восточной Европы с 2016 г. по 2019 г. варьировалась в диапазоне от 55 до 72%, т. е. по этому показателю европейские страны оставались наиболее востребованным направлением Института⁵. Он также являлся одним из ключевых участников межкультурного диалога Евросоюза и Турции в таких проектах культурной дипломатии, как «Присоединяйся к творчеству», «Будь мобильным.

¹ Амстердам, Берлин, Брюссель, Варшава, Вена, Дублин, Кельн, Лондон, Мадрид, Париж, Рим.

² Yunus Emre Enstitüsü. URL: <https://yee.org.tr/tr/kurumsal/yunus-emre-enstitusu> (дата обращения: 10.06.2023)

³ Подсчитано авторами на основании Докладов о деятельности (Faaliyet Raporu). Yunus Emre Enstitüsü. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/yayinlar?k=23> (дата обращения 10.06.2023).

⁴ Там же.

⁵ Подсчитано авторами на основании Докладов о деятельности (Faaliyet Raporu). Yunus Emre Enstitüsü. URL: <https://www.yee.org.tr/tr/yayinlar?k=23> (дата обращения 10.06.2023).

Давай создавать проекты вместе», «Двигая камни» и т. п.¹ С 2018 г. к ним добавились мероприятия, посвященные Дню демократии и национального единства, в Албании, БиГ, Косово, Румынии, Северной Македонии, Сербии, Хорватии, а также в Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Нидерландах². Этот праздник появился после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. Выборка зарубежных стран, в которых широко проводились мероприятия, связана с серьезным присутствием, по мнению турецких властей, образовательных и культурных центров, подконтрольных гюленистам.

Борьба с FETÖ как актуальное направление турецкой публичной дипломатии в Европе

С 2016 г. борьба с FETÖ – важное направление внешней политике Турции. Для противодействия движению в образовательной среде учрежден Фонд Маариф, уполномоченный открывать учебные заведения за рубежом от имени Турецкой Республики [Свистунова, 2022: 131]. Согласно данным Национальной разведывательной организации Турции, в 2019 г. в Европе действовало более 150 из 767 учебных заведений FETÖ³. По состоянию на май 2023 г. под управлением Фонда Маариф находятся 55 школ, 9 образовательных центров, 1 университет, 1 общежитие, 1 научно-исследовательский центр в 6 странах Балканского полуострова (Албания, БиГ, Сербия, Северная Македония, Румыния, Косово), 4 – Западной Европы (Австрия, Бельгия, ФРГ, Франция) и 2 – Восточной Европы (Беларусь, Венгрия) и ТРСК⁴. В них совокупно обучается 5607 человек. Почти 84% учащихся приходятся на балканские страны. Из 55 школ в европейских странах 50 находятся на Балканах.

По мнению турецких властей, наибольшую активность движение Ф. Гюлена проявляет в США и западноевропейских странах, особенно в ФРГ. По этой причине в дальнейшем для Фонда Маариф приоритетным направлением по расширению присутствия, вероятно, будет Западная Европа. Это относится прежде всего к Германии, Франции, Великобритании, Бельгии, Нидерландам, Австрии, где проживает большая турецкая диаспора. На Балканах наибольшее беспокойство Анкары вызывает широкое присутствие FETÖ в БиГ, Северной Македонии и Косово. Открытие новых образовательных центров Маариф может произойти в Хорватии и Черногории, с которой с 2020 г. Турция динамично наращивает взаимодействие по линии персональной дипломатии Р. Эрдогана с местными политическими элитами, торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

¹ 2021 Faaliyet Raporu... P. 177.

² Там же. P. 186.

³ FETÖ'nün Yurt Dışında Bilinen 549 Aktif Okulu Var. SETA. 16.07.2019. URL: <https://www.setav.org/fetonun-yurt-disinda-bilinen-549-aktif-okulu-var/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Avrupa'da 13 ülkede 55 eğitim kurumu... Türkiye Maarif Vakfı. Twitter. 10.06.2023. URL: <https://twitter.com/TMaarifVakfi/status/1667443990273073152> (дата обращения: 10.06.2023).

Заключение

В публичной дипломатии при реализации «мягкой силы» Турция делает ставку на проекты малого и среднего масштаба, охватывающие различные направления благодаря их количеству. Значительные инвестиции в Европе осуществлялись в пользу реставрационной экспансии для сохранения или возрождения культурно-исторического наследия Османской империи, в частности на Балканах. Однако ухудшающееся экономическое положение Турции во второй половине 2010-х гг. – в начале 2020-х гг. приводит к сокращению свободы маневра в публичной дипломатии и необходимости более качественного освоения ограниченных финансовых ресурсов.

Турция, умело используя османское наследие и/или тюркский фактор, смогла проникнуть в страны Восточной Европы, такие как Венгрия, Украина, Молдова. Деятельность в Западной Европе преимущественно связана с взаимодействием с соотечественниками. Это дает практические результаты действующей турецкой власти во главе с Р. Эрдоганом. С 2014 г. турецкие граждане за рубежом, обладающие активным избирательным правом, получили возможность голосовать в зарубежных диппредставительствах Турции. С каждым новыми выборами их электоральная активность растет и большинство из них отдает голос Р. Эрдогану и его партии.

На последних выборах в 2023 г. действующий турецкий президент в первом и во втором туре получил почти 60% голосов турецких граждан, проголосовавших за рубежом¹. Диаспора выступает инструментом влияния Анкары на внутривнутриполитические события в западноевропейских странах, а Р. Эрдоган стремится сблизиться с европейскими турками. Яркий пример этой тенденции – назначение на должность министра по делам семьи и социальных служб Махинур Оздемир Гёкташ в новом составе правительства 2023 г., которая родилась и выросла в Бельгии.

С расширением вещания *TRT* на европейских языках Анкара предпринимает попытки дальнейшего распространения информационного освещения собственных проектов, в т. ч. осуществляемых в рамках публичной дипломатии при реализации «мягкой силы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А., Сбитнева А.И. (2022) Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары. *Геоэкономика энергетики*. № 3. С. 6–20. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6
- Белоус Ю.А., Кулиева Н.С., Хасанов К.А. (2023) Особенности гуманитарного аспекта внешней политики современной Турции. *Россия и современный мир*. № 1. С. 115–136. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.07
- Гуськова Е.Ю. (2014) Турецкие планы на Балканах в современных геополитических условиях. *Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.* Отв. ред. Р.П. Гришина. Инслав РАН, Москва. С. 621–625.
- Исламов Д.Р., Кулиева Н.С., Мамедов Р.Т., Миронов А.Ю. (2023) Культурно-гуманитарная политика Турции: расширение подходов и диверсификация инструментов. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе. Отв. ред. Е.Г. Энтина. Институт Европы РАН, Москва. С. 131–152. DOI: 10.15211/report12023_398

¹ Seçim 2023. Anadolu Ajansı. 28.05.2023. URL: <https://secim.aa.com.tr/> (дата обращения: 10.06.2023).

Свистунова И.А. (2022) Гуманитарная политика Турции в странах постсоветского пространства. *Россия и новые государства Евразии*. № 2. С. 125–135. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-2-125-135

Шерстюков С.А. (2022) Гуманитарная политика Турции: изменение концептов, масштабов и целей. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 6. С. 102–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-102-111

Энтина Е.Г. (ред.) (2022) Гуманитарная политика ведущих национальных акторов в странах Балканского региона: подходы, инструменты, результаты. Центр средиземноморских исследований НИУ ВШЭ, Москва. 87 с. URL: <https://we.hse.ru/cms/balkans> (дата обращения: 10.06.2023).

Altunışık M. (2022) Humanitarian diplomacy as Turkey's national role conception and performance: evidence from Somalia and Afghanistan. *Southeast European and Black Sea Studies*. P. 1–17. DOI: 10.1080/14683857.2022.2131978

Kalın İ. (2011) Soft Power and Public Diplomacy in Turkey. *Perceptions: Journal of International Affairs*. Vol. 16. No. 3. P. 5–23.

Kanat K., Duran B. (2020) *AK Party Years in Turkey Domestic and Foreign Policy*. SETA Publications, İstanbul, Turkey. 401 p. URL: <https://openaccess.ihs.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12154/1218/B.%20Duran.pdf?sequence> (accessed: 10.06.2023).

Soft Power in Turkey's Foreign Policy in Europe

Y.Y. Grishin

Doctor of Sciences (History), Professor
Institute of International Relations, Kazan Federal University
 1/55 Pushkina, Kazan, Russia, 420008
E-mail: grishin.42@mail.ru

D.R. Islamov

Postgraduate Student
Institute of International Relations, Kazan Federal University
 1/55 Pushkina, Kazan, Russia, 420008
E-mail: dam1948@yandex.ru

Abstract. Since the mid-2000s, under the rule of the Justice and Development Party, Turkey has included the concept of soft power in its foreign policy agenda. Based on the position of Turkish officials, the practical implementation of soft power is based on public diplomacy, with its “infrastructure” being created at the same time by establishing new or transforming existing state structures in partnership with non-governmental organisations. Ankara has developed the main directions for public diplomacy to be based on interaction with its Turkish people living abroad and closely related Turkic peoples, the preservation and revival of the cultural, historical and material heritage of the Ottoman Empire, and the support of the Muslim community in different parts of the world. In addition, in recent years, relatively new directions have emerged, such as struggling against FETÖ and extension of coverage of the Turkish Radio and Television Corporation. One of the regions where the Turkish public diplomacy was implemented was Europe. The latter was divided into three sub-regions: the Balkans, Eastern Europe, and Western Europe. The Balkan countries were traditionally considered important regions for Ankara with the core goal to break old historical and cultural preju-

dices about its image and to form a positive one in the eyes of the public. With regard to Eastern Europe, Turkey, skillfully using the Ottoman heritage and/or the Turkic factor, exerts influence in Hungary, Moldova, and Ukraine. And the activity in Western Europe is more based on interacting with the Turkish diaspora. Therefore, the aim of the study is to reveal the main directions of Turkey's public diplomacy in the context of the implementation of the policy of soft power in Europe.

Keywords: Turkey, Balkans, European Union, soft power, public diplomacy, humanitarian diplomacy, Erdogan, Turkish diaspora

DOI: 10.31857/S0201708323060098

EDN: хуwywi

REFERENCES

- Altunışık M. (2022) Humanitarian diplomacy as Turkey's national role conception and performance: evidence from Somalia and Afghanistan, *Southeast European and Black Sea Studies*, pp. 1–17. DOI: 10.1080/14683857.2022.2131978
- Avatkov V.A., Sbitneva A.I. (2022) Koridory tureckogo vliyaniya: evroaziatskij put Ankary [Corridors of Turkish Influence: Ankara's Euro-Asian Route], *Geoeconomics of Energetics*, 3, pp. 6–20. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6. (In Russian).
- Belous Yu.A., Kuliyeva N.S., Khasanov K.A. (2023) Osobennosti gumanitarnogo aspekta vneshnej politiki sovremennoj Turcii [The features of the humanitarian aspect of modern Turkey's foreign policy], *Rossiia i sovremennyy mir*, 1, pp. 115–136. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.07. (In Russian).
- Entina E.G. (ed.) (2022) *Gumanitarnaya politika vedushchih nacional'nyh aktorov v stranah Balkanskogo regiona: podhody, instrumenty, rezul'taty* [Humanitarian policy of major national actors in the countries of the Balkan region: approaches, tools, results], Center for Mediterranean Studies of the HSE University, Moscow, Russia. URL: <https://we.hse.ru/cms/balkans> (accessed 10.06.2023). (In Russian).
- Guskova E.Yu. (2014) Tureckie plany na Balkanah v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh [Turkey's plans in the Balkans in modern geopolitical conditions], in Grishina R.P. (ed.) *Balkany v evropejskikh politicheskikh proektakh XIX-XXI vv.* [The Balkans in European political projects of the XIX-XXI centuries], Inslav RAS, Moscow, Russia, pp. 621–625. (In Russian).
- Islamov D.R., Kulieva N.S., Mamedov R.T., Mironov A.Yu. (2023) Kulturno-gumanitarnaya politika Turcii: rasshirenie podhodov i diversifikaciya instrumentov [Humanitarian policy of Turkey: expansion of approaches and diversification of tools], in Entina E.G. (ed.) *“Soft power” in the Black Sea – Mediterranean region*, Institute of Europe RAS, Moscow, Russia, pp. 131–152. DOI: 10.15211/report12023_398. (In Russian).
- Kalın İ. (2011) Soft Power and Public Diplomacy in Turkey, *Perceptions: Journal of International Affairs*, 16(3), pp. 5–23.
- Kanat K., Duran B. (2020) *AK Party Years in Turkey Domestic and Foreign Policy*, SETA Publications, İstanbul, Turkey. URL: <https://openaccess.ihs.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12154/1218/B.%20Duran.pdf?sequence> (accessed: 10.06.2023).
- Sherstyukov S.A. (2022) Gumanitarnaya politika Turcii: izmenenie konceptov, masshtabov i celej [Turkey's Humanitarian Policy: Changing Concepts, Scale and Goals], *World Economy and International Relations*, 66(6), pp. 102–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-102-111. (In Russian).
- Svistunova B.A. (2022) Gumanitarnaya politika Turcii v stranah postsovetskogo prostranstva [Turkey's Humanitarian Policy towards Post-Soviet States], *Russia and New States of Eurasia*, 2, pp. 125–135. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-2-125-135. (In Russian).

УДК 339.9, 327

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРОСОЮЗА С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ¹

© 2023 ТАЙАР Виолетта Макариосовна

*Кандидат экономических наук,
Заместитель директора Института Латинской Америки РАН
115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, д.21/16
E-mail: vtayar@mail.ru*

© 2023 ПОНОМАРЕВ Евгений Алексеевич

*Научный сотрудник Института Латинской Америки РАН
115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, д.21/16
E-mail: e.samgreen2015@gmail.com*

Поступила в редакцию 15.08.2023

После доработки 16.09.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье на основе официальных документов, исследований аналитических центров Евросоюза, а также концептуальных разработок латиноамериканской школы (Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, ЭКЛАК) приведены основные направления трансрегионального сотрудничества ЕС и Латино-Карибской Америкой (ЛКА) на краткосрочную и среднесрочную перспективы. В исследовании рассмотрен энергетический переход как одно из направлений трансрегионального сотрудничества в среднесрочной перспективе, которое может стимулировать экономический рост и производственные преобразования в ЛКА. Сделан вывод, что Евросоюз в условиях меняющегося мироустройства пытается привязать к себе латиноамериканский

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

регион через реализацию ряда инвестиционных программ в рамках зеленой повестки на пути к форсированному глобальному энергетическому переходу.

Ключевые слова: Евросоюз, Латино-Карибская Америка, сотрудничество, инвестиции, торговля, энергетический переход

DOI: 10.31857/S0201708323060104

EDN: xxqsiw

В третьем десятилетии XXI в. Евросоюз и Латино-Карибская Америка (ЛКА) находятся в поиске нового баланса сил в международных отношениях в контексте глобальных последствий кризисов, вызванных пандемией *COVID-19* (2019–2021 гг.) и обострением противостояния России и Запада на Украине (с февраля 2022 г.). Посткризисное мироустройство формируется под влиянием таких процессов, как противостояние глобальных игроков, трансформация современных международных отношений, деглобализация, фрагментация и сегментирование в мировой экономике. Деглобализация характеризуется ослаблением неолиберальной модели, разрывом глобальных цепочек создания стоимости, расширением санкционных режимов и протекционизмом, кризисом на энергетических рынках. В международных отношениях постепенно формируется полицентризм. Неолиберализму противостоят идеи защиты национальных интересов, суверенности, национального самосознания и регионализма. Евросоюз под влиянием этих процессов столкнулся с необходимостью формирования новой повестки дня в диалоге с внешними партнерами. Для ЕС меняется характер трансатлантического сотрудничества по линиям Север – Север (с США) и Север – Юг (с ЛКА): укрепляются связи с Вашингтоном в сферах безопасности и обороны, обостряется конкуренция с Китаем на латиноамериканском рынке в области инвестиций и торговли.

В отношениях с партнерами в ЛКА Евросоюз использует межрегионализм, или интеррегионализм. В российской науке о международных отношениях все формы межрегионального сотрудничества интегрированы в понятие трансрегионализма и рассматриваются как качественно иной уровень взаимодействия регионального и глобального [Кузнецов, 2022: 32]. Европейский интеррегионализм многоуровневый и подразумевает двустороннее сотрудничество между интеграционными объединениями и межрегиональный диалог в режиме саммитов. Важным звеном в контексте взаимодействия по линии Север – Юг становится диалог в области устойчивого развития. Однако, по мнению отечественных ученых, события последнего времени в странах ЛКА и Евросоюза не дают оснований для оптимистичных оценок и прогнозов [Яковлев, 2022]. Тем не менее нельзя недооценивать устойчивость ЕС, его умение приспосабливаться к меняющимся условиям развития. Европейская интеграция продолжает преследовать прежде всего геополитические цели и реагирует на изменение мирового порядка [Буторина, Борко, 2022]. Формирующийся миропорядок побуждает Брюссель искать новые инструменты и механизмы решения стоящих перед объединением проблем [Тайар, 2022а]. Это подтверждается тем, что Евросоюз в настоящее время предпринимает дипломатические усилия по возобновлению межрегиональных отношений с ЛКА: в июле 2023 г. в Брюсселе после

восьмилетнего перерыва состоялся третий саммит глав государств ЕС и Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК, исп. Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC).

В статье используется институциональный подход как тип экономического анализа, который делает упор на роль экономических институтов. Серьезный теоретический вклад в осмысление межрегионального сотрудничества ЕС и ЛКА привносят концептуальные разработки Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК, исп. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL) [Тайар, 2022b]. Например, исследование «Возможности для инвестиций и сотрудничества между Латинской Америкой, Карибским бассейном и Европейским союзом», подготовленной ЭКЛАК для третьего саммита, позволяет определить перспективы и ограничения трансрегионального взаимодействия с точки зрения латиноамериканской школы в стратегических секторах, которые служат для обеспечения устойчивого экономического роста [CEPAL, 2023a]. Вклад в осмысление текущих и будущих процессов вносят зарубежные исследования Фонда «Каролина» (Испания) и Фонда ЕС – ЛКА (Германия), посвященные возможностям межрегионального сотрудничества [Bonilla, Sanahuja, 2022].

Межрегиональный диалог и энергетический переход

Эволюция межрегионального уровня взаимодействия связана с проведением с 1999 г. саммитов глав государств ЕС и ЛКА, что выступает особым инструментом для сближения и укрепления взаимопонимания. В период 1999–2015 гг. проведено восемь саммитов на регулярной основе, однако в 2016–2022 гг. произошел откат от межрегиональной экономической ассоциации под влиянием ряда факторов и институциональных изменений в ЕС и в латиноамериканском регионе. В указанный период межрегиональные саммиты не проводились, стороны не подошли к ратификации соглашений ЕС – МЕРКОСУР и модернизированных соглашений ЕС – Мексика и ЕС – Чили. Политический диалог Евросоюза и ЛКА стал характеризоваться отсутствием уверенности в будущем [Quevedo-Flores, 2019]. Брекзит, медленное развитие регионализма в ЛКА, экономический и политический кризис в Венесуэле, ослабление СЕЛАК из-за выхода Бразилии и пожары в лесах Амазонии, а также последствия глобальных кризисов значительно осложнили диалог ЕС с латиноамериканским регионом. Однако идея создания межрегиональной стратегической ассоциации с Евросоюзом в глазах латиноамериканцев рассматривается как реализуемая задача. Большинство охарактеризовали ЕС как влиятельного игрока в международных делах, при этом, согласно мнению 26% респондентов, Евросоюз следует политике США [Romero et al., 2022]. С началом украинского конфликта изменился характер трансатлантических отношений. Эксперты Европейского совета по международным отношениям стали говорить о несамостоятельности ЕС и его вассальной зависимости от США. Евросоюз стал проигрывать североамериканскому партнеру экономически и технологически (американская экономика сейчас на треть крупнее, и эта тенденция усиливается). Инвестиции из ЕС уходят в США, которые предлагают крайне выгодные условия компаниям, работающим в секторе возобновляемой энергетики. Кроме

того, члены Евросоюза сталкиваются с большими трудностями при попытках договориться по вопросам внешнеполитической стратегии, что свидетельствует о геополитической слабости Брюсселя [Puglierin, Shapiro, 2023].

Настоящим прорывом на трансатлантическом треке после долгого перерыва стал третий саммит на уровне ЕС – СЕЛАК 17–18 июля 2023 г. в Брюсселе под девизом «Возобновление двустороннего партнерства для укрепления мира и устойчивого развития». По мнению президента Бразилии Лулы да Сильвы (страна вернулась в СЕЛАК), эта встреча с Евросоюзом самая успешная из всех, в которых он принимал участие¹. Такая оценка отчасти связана с готовностью ЕС профинансировать борьбу с обезлесением в Амазонии в размере 100 млрд долл. На саммите Брюссель проявил большой политический и экономический интерес к ЛКА и готовность инвестировать в латиноамериканские экономики, что является реакцией на возросшее присутствие Пекина в регионе. Эксперты назвали этот саммит «последним для ЕС поездом, уходящим в Латинскую Америку»². На субрегиональном уровне интерес латиноамериканцев сводится к проведению реиндустриализации в МЕРКОСУР, созданию квалифицированных рабочих мест и экспорту продукции обрабатывающей промышленности и товаров с большей добавленной стоимостью. Соглашение между Евросоюзом и МЕРКОСУР, ожидающее ратификации, – ключевой вопрос в межрегиональном диалоге.

По оценке латиноамериканских аналитиков, специальная военная операция на Украине и экспансия Китая вызывают меньше беспокойства в ЛКА, чем в ЕС. Лидеры стран региона сосредоточены на внутренних проблемах, таких как институциональная нестабильность, растущее экономическое неравенство и незащищенность граждан. Государства ЛКА внимательно следят за тем, как международные процессы могут повлиять на цены на сырьевые товары и какие рынки могут открыться для стран региона [Frenkel, 2023]. Тем не менее точка наибольшего притяжения Евросоюза и Латино-Карибской Америки лежит в вопросах преодоления неблагоприятных последствий изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды³.

ЕС делает ставку на сотрудничество с ЛКА в производстве чистой энергии. Опрос Латинобарометр (*Latinobarometro*) показал, что латиноамериканцы в подавляющем большинстве воспринимают Евросоюз как защитника окружающей среды и лучшего партнера в этой области (по сравнению с Китаем и США)⁴. Регион располагает конкурентоспособным резервом в производстве зеленой энергии. Око-

¹ Lula: “La cumbre con Europa fue extremadamente exitosa”. El País. URL: <https://elpais.com/noticias/luiz-inacio-da-silva/> (дата обращения: 20.07.2023).

² Díaz-Granados S. El último tren de Europa hacia la región. El País. 16.07.2023. URL: <https://elpais.com/opinion/2023-07-16/el-ultimo-tren-de-europa-hacia-america-latina-y-el-caribe.html> (дата обращения: 21.07.2023).

³ Declaration of the EU-CELAC Summit 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12000-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 27.07.2023).

⁴ Cómo América Latina ve a Europa. Encuesta de Fundación Friedrich Ebert/ Nueva Sociedad/ Latinobarómetro. Nueva Sociedad. 04.2022. URL: <https://nuso.org/articulo/como-AL-ve-a-europa/> (дата обращения: 10.06.2023).

ло 33% энергии субконтинента поступает из возобновляемых источников, что в несколько раз больше, чем в среднем по миру (13%) [CEPAL et al., 2023: 88]. Например, Чили стремится к 2030 г. произвести самый экономичный в мире зеленый водород и стать одним из ведущих его экспортеров к 2040 г. Бразилия также нацелена на амбициозную программу производства зеленого водорода: к 2050 г. она планирует экспортировать около 4 млн тонн в год¹.

Согласно ЭКЛАК, энергетический переход стимулирует экономический рост и может стать основным двигателем производственных преобразований в латиноамериканском регионе. Комиссия отмечает, что доля установленной мощности возобновляемых источников энергии в ЛКА выше, чем в среднем по миру, а структура производства электроэнергии – одна из самых чистых. По оценке ЭКЛАК, в задачи правительств стран региона входит обеспечение радикального сокращения использования невозобновляемых источников энергии в соответствии с требованиями климатических обязательств. По этой причине одна из задач правительств стран ЛКА – разработка долгосрочной политики, способствующей инвестициям в возобновляемые источники энергии. Это позволит ускорить переходный период и не оставит регион позади других в условиях, когда энергия из чистых источников выступает конкурентным преимуществом. Однако эксперты ЭКЛАК признают, что при энергетическом переходе необходимо учитывать важность сектора невозобновляемых источников энергии в некоторых латиноамериканских странах, который играет важную роль в получении доходов для удовлетворения социальных потребностей, развития производства и энергетической безопасности [CEPAL et al., 2023].

В аналитическом материале «Геополитика энергетического перехода: потенциал для партнерства ЕС-ЛКА» эксперты рекомендуют поддерживать латиноамериканские инициативы по производству зеленого водорода через европейские программы сотрудничества и инвестиций. Авторы документа обосновывают это дефицитом оптимальных технологий для производства в ЛКА [Bosch, Guerra Rondón, 2022].

Евросоюз предоставляет наибольшую официальную помощь в области развития, а Латинская Америка – регион возможных решений по ряду таких вопросов, как защита окружающей среды и биоразнообразие, продовольственная безопасность. В связи с этим существуют предпосылки для перехода на конструктивную модель межрегионального сотрудничества [Тайар, 2020], а также укрепления и расширения синергетических связей по обе стороны Атлантики в среднесрочной перспективе.

Перспективы устойчивого экономического сотрудничества по обе стороны Атлантики

Как отмечают отечественные ученые – европейцы, вследствие отказа от российских энергоносителей и санкций в отношении России в экономиках стран Евро-

¹ Goldfajn I. América Latina es parte de la solución a los grandes desafíos globales. El País. 16.07.2023. URL: <https://elpais.com/opinion/2023-07-16/america-latina-es-parte-de-la-solucion-a-los-grandes-desafios-globales.html> (дата обращения: 16.07.2023).

союза складывается хаотичная и тяжелая ситуация [Громыко, 2022]. Беспрецедентный взлет цен на энергоресурсы и многократное удорожание счетов за электроэнергию грозят деиндустриализацией, что может привести к волне банкротств и значительному снижению уровня жизни европейцев [Громыко, 2022: 7–8]. По мнению член-корр. РАН Ал.А. Громыко, кризисные процессы усугубляет догматический подход ЕС к реализации разработанного до пандемии зеленого курса, требующего огромных капиталовложений и форсированного энергоперехода [Громыко, 2022: 9]. Глобальная зеленая повестка, утвержденная на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2020–2021 гг. и на 26-ой сессии сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго в 2021 г., определила новый мировой порядок, основанный на экологических целях и обязательствах [Ровинская, 2022]. Зеленая политика в тесной взаимосвязи с зеленой экономикой становится определяющим трендом ближайших десятилетий и новой ареной геополитической борьбы. Важным этапом на этом пути стал принятый в 2019 г. Европейский зеленый курс – стратегия ЕС по системной борьбе с изменением климата, направленная на достижение полной климатической нейтральности европейского континента к 2050 г. (промежуточный этап – снижение эмиссии парниковых газов минимум на 55% к 2030 г.).

Диалог в области устойчивого развития – ключевое звено в контексте межрегионального взаимодействия ЕС и ЛКА. В апреле 2019 г. была представлена обновленная версия стратегии Евросоюза по сотрудничеству со странами латиноамериканского региона. В ней приоритет отдан устойчивому росту, устойчивому развитию и укреплению демократии. Таким образом, курс ЕС на пороге XXI в. в отношении стран ЛКА содержал серию конструктивных предложений для устойчивого развития региона – от инвестиций в возобновляемые источники энергии до сотрудничества между университетами и исследовательскими центрами, частными и государственными в наиболее передовых секторах экономик [Давыдов, 2022: 306–320]. Сотрудничество Евросоюза и ЛКА углубляется благодаря Парижскому соглашению по климату и Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Торговые соглашения, по которым ведутся переговоры ЕС и ЛКА, теперь включают экологическую составляющую, механизмы защиты прав трудящихся и здоровья граждан и защищают традиционные сектора национальных экономик. Евросоюз систематически инвестирует в зеленую экономику, цифровизацию и создание рабочих мест.

Согласно оценке перспектив экономических отношений двух регионов Фонда ЕС – ЛКА и французского Института Америк¹, темы в межрегиональном диалоге формируются исходя из общих взглядов на проблему изменения климата. Авторы аналитической работы отмечают, что ЕС и ЛКА оказывают наибольшую политическую поддержку Парижскому соглашению по климату. В рамках программы «Инструмент для соседства, развития и международного сотрудничества – Глобальная

¹ Economic Relations Between the European Union and Latin America and the Caribbean. EU-LAC Foundation, Institut des Amériques. 25.04.2022. URL: <https://eulacfoundation.org/en/economic-relations-between-european-union-and-latin-america-and-caribbean> (дата обращения: 07.06.2023).

Европа» (*The Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe, NDICI – Global Europe*) на 2021–2027 гг. Евросоюз выделил 3,4 млрд евро на нужды стран ЛКА по поддержке зеленого и устойчивого восстановления после пандемии коронавируса. Кроме того, ЕС координирует более 12 млрд евро государственных и частных инвестиций в ЛКА через Европейский фонд устойчивого развития – Плюс (*European Fund for Sustainable Development Plus, EFSD+*). Региональная многогодичная индикативная программа ЕС (*Regional Multi-Annual Indicative Programme, MIP*) для стран ЛКА на 2021–2027 гг. занимается поддержкой зеленого перехода, цифровой трансформации, устойчивого и инклюзивного экономического развития, демократических систем, безопасности, а также социальной сплоченности и борьбы с неравенством в регионе. Европейские эксперты подчеркивают важность развития человеческого потенциала и образования. Более высокие темпы экономического роста, стабильность и безопасность в странах ЛКА могут повысить привлекательность их рынков для европейских компаний, что сулит обоюдные выгоды в торговле и в инвестициях¹.

На латиноамериканский регион также распространяется действие таких инициатив ЕС, как Евроклима – Плюс (*Euroclima+*) и Глобальный альянс по изменению климата – Плюс (*Global Climate Change Alliance Plus, GCCA+*). Евросоюз поддерживает устойчивое развитие ЛКА через деятельность Европейского инвестиционного банка (*European Investment Bank, EIB*). Кроме того, Брюссель оценивает возможность введения так называемого Механизма трансграничного углеродного регулирования (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*). *CBAM* может повлиять на товары латиноамериканского экспорта, производство которых предполагает высокий уровень выделения парниковых газов, – сталь, алюминий, цемент, железо, удобрения и т. д.².

Одна из основополагающих идей дальнейшего партнерства ЕС–ЛКА – сотрудничество по устойчивому развитию – предполагает переориентацию межрегиональных финансовых потоков на экономическую деятельность с низким уровнем загрязнения окружающей среды. В этих условиях должны быть устранены субсидии на добычу ископаемого топлива и введены налоги на производства с высоким уровнем выделения парниковых газов. Согласно экспертам, крайне важно активизировать межрегиональное сотрудничество в сфере управления наземными и морскими экосистемами, поддерживать инициативы по развитию возобновляемых источников энергии, энергоэффективности, электротранспорта, городской мобильности, экономик замкнутого цикла и широкополосных цифровых соединений³.

В июне 2023 г. Еврокомиссия опубликовала Новую повестку дня для отношений ЕС и Латинской Америки и Карибского бассейна⁴. Она предполагает усилен-

¹ Там же. Р. 2.

² Там же. Р. 11–12.

³ Там же. Р. 13.

⁴ New Agenda for Relations between the EU and Latin America and the Caribbean. European Commission. 07.06.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_23_3045 (дата обращения: 20.07.2023).

ное и модернизированное стратегическое партнерство с концентрацией внимания на следующих областях: политическое партнерство, торговля, инвестиции, зеленый переход, цифровая сфера, устойчивый экономический рост для нужд развития человеческого потенциала, безопасность граждан, права человека и верховенство закона, активное взаимодействие на гражданском уровне.

Страны ЛКА и Евросоюз укрепляют партнерские отношения посредством запуска в 2023 г. цифрового альянса. Инициатива направлена на развитие цифрового сотрудничества между регионами через конкретные действия, способствующие развитию цифровой инфраструктуры. Трансрегиональный цифровой альянс с латиноамериканской стороны будет координировать ЭКЛАК в тесной взаимосвязи со странами ЛКА, а с европейской стороны – организациями из Германии, Испании, Эстонии и Франции. Инициатива направлена на ускорение процесса цифровой трансформации в ЛКА за счет наращивания потенциала, способствующего разработке и реализации политики, нормативных актов и механизмов цифрового управления. Кроме того, будет предпринята попытка укрепить пространство для постоянного диалога, институциональный потенциал и поддержать производственные преобразования, основанные на цифровизации и инновациях в ЛКА¹.

Цифровой альянс – неотъемлемая часть международного проекта «Глобальные врата» (*Global Gateway*), выдвинутого Европейской комиссией 1 декабря 2021 г. с целью инвестировать до 300 млрд евро в цифровой, энергетический и транспортный секторы и укрепить системы здравоохранения, образования и научных исследований среди прочего в развивающихся странах – партнерах в период 2021–2027 гг.² По мнению Брюсселя, сотрудничество должно способствовать созданию новых глобальных цепочек поставок, решению задач ЕС в сферах климатической повестки и устойчивого развития, повышения конкурентоспособности. *Global Gateway* полностью соответствует Повестке дня ООН на период до 2030 г. и ее целям в области устойчивого развития, а также Парижскому соглашению по климату.

Приоритеты в торговле и инвестиционный потенциал

Аналитическая работа научно-исследовательской службы Европейского парламента «Взгляд на Латинскую Америку 2023. Отношения ЕС – ЛКА в эпоху геополитических сдвигов»³ содержит тезис о том, что укрепление отношений с латиноамериканскими странами выступает способом ограничить влияние России и реак-

¹ América Latina y el Caribe y la UE refuerzan sus lazos de colaboración con el lanzamiento de la Alianza Digital EU-LAC. CEPAL. 14.04.2023. URL: <https://www.cepal.org/es/notas/america-latina-caribe-la-ue-refuerzan-sus-lazos-colaboracion-lanzamiento-la-alianza-digital-eu> (дата обращения: 23.07.2023).

² Global Gateway. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (дата обращения: 15.07. 2023).

³ Latin America Outlook 2023: EU-LAC relations at a time of geopolitical upheaval. European Parliamentary Research Service. 03.2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_IDA\(2023\)739372](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_IDA(2023)739372) (дата обращения: 09.07.2023).

цией на возросшее присутствие Китая в ЛКА. Регион назван потенциальным стратегическим союзником Евросоюза ввиду общности ценностей и интересов в многосторонней международной политике.

Взаимодействие ЕС и ЛКА среди прочего нацелено на совместное построение стратегической автономии региональных экономик и сотрудничество в соответствии с общими приоритетами в области зеленого перехода, цифровой трансформации и социальной сплоченности. В этой связи в 2022 г. Европейская служба внешних связей (*European External Action Service, EEAS*) подготовила дорожную карту «Дорога 2023» (*Road 2023*), направленную на укрепление отношений с ЛКА¹.

С точки зрения экспертов и политиков ЕС, построение стратегической автономии в экономике тесно связано с сотрудничеством в области добычи лития. При этом подчеркивается неспособность стран ЛКА к самостоятельной реализации проектов по добыче металла, необходимого в производстве высокотехнологичных электронных устройств и товаров. В этом контексте Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель выразил желание строить стратегическую автономию европейской экономики в сотрудничестве с латиноамериканскими партнерами. Учитывая, что ЕС выступает третьим крупнейшим импортером товаров и услуг из ЛКА, а также важным источником инвестиций в регионе, центральное положение лития в торговых соглашениях является закономерным. Например, торговое соглашение ЕС – Чили содержит положения о гарантированных поставках этого металла в Евросоюз. В Аргентине действует единственное в ЛКА европейское предприятие по добыче лития «Эрамет» (*ERAMET*). Начиная с 2023 г. оно должно производить более 20 тыс. т лития ежегодно. В настоящее время действует Партнерство ЕС – ЛКА по сырьевым товарам (*EU-Latin America Partnership on Raw Materials*), призванное продвигать и интенсифицировать сотрудничество Евросоюза и партнеров в латиноамериканском регионе (Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика, Перу, Уругвай) в вопросах цепочек создания стоимости в добывающей промышленности. В ходе поездки в ЛКА в конце января 2023 г. канцлер ФРГ О. Шольц подтвердил желание ЕС инвестировать в добычу и производство лития в Чили. Этот металл критически важен для немецкой автомобильной промышленности и используется в производстве электрических автомобилей².

В 2023 г. внимание ЕС сосредоточено на трех соглашениях со странами ЛКА. Во-первых, речь идет о Передовом рамочном соглашении ЕС – Чили (*EU-Chile Advanced Framework Agreement*), которое представляет собой актуализированную версию Соглашения об ассоциации ЕС – Чили 2002 г. Согласно заявлениям Еврокомиссии, подписание документа может состояться в конце 2023 г. В этом случае Европарламент рассмотрит документ в конце 2023 г. В настоящий момент соглашение проходит через процессы юридической проверки и перевода. Во-вторых, в фокусе внимания ЕС находится вопрос обновления Соглашения ЕС – Мексика об экономическом партнерстве, политической координации и сотрудничестве (*EU-Mexico Economic Partnership, Political Coordination and Co-operation Agreement*), вступив-

¹ Там же. Р. 4.

² Latin America Outlook 2023. Р. 15.

шего в силу в 2000 г. Некоторые договоренности относительно общих положений обновленного соглашения достигнуты в 2020 г. Сейчас перед сторонами стоят технические вопросы сроков, порядка и условий подписания актуализированного документа. В-третьих, Евросоюзу предстоит провести новые обсуждения касательно условий Соглашения об ассоциации ЕС – МЕРКОСУР. В августе 2022 г. Еврокомиссия заявила, что ведется работа над дополнениями, затрагивающими вопросы окружающей среды, в частности проблему обезлесения в Амазонии. Эксперты Евросоюза полагают, что повторный раунд переговоров относительно новых условий соглашения, в т. Ч. вопросов промышленности Бразилии, которые хочет пересмотреть Лула да Силва, потребует много времени. Соответственно, ратификация, скорее всего, не будет проведена в настоящий законодательный период. Помимо этого, она не обозначена в качестве цели в программе работы Еврокомиссии за 2023 г.

По мнению авторов исследования Фонда «ЕС – ЛКА» и Фонда «Каролина»¹, соглашения об ассоциации могут служить гарантией нераспространения в латиноамериканских странах идей экономического национализма и недопущения последующей фрагментации международной торговой системы. ЕС имеет действующие торговые соглашения с 25 странами ЛКА, а в случае ратификации соглашения с МЕРКОСУР – с 29 стран. Это означает, что Евросоюз превратится в партнера с крупнейшей сетью соглашений в регионе². С этой точки зрения, действующие соглашения выступают инструментами достижения стратегической автономии регионов на фоне конкуренции США и Китая. Последние находятся в поиске путей установления стратегической субординации, в которой ЕС и ЛКА, по оценкам экспертов, будет отведена второстепенная роль. Проекты по интеграции двух регионов также имеют политическое значение и не могут рассматриваться только как соглашения о свободной торговле³.

Товарооборот Евросоюза и Латино-Карибской Америки по итогам 2022 г. достиг 305 млрд евро. Он увеличился на 31,4% при росте экспорта из ЕС на 25,3% и импорта в ЕС на 38% (Табл. 1). Объем торговли ЛКА с Евросоюзом ниже, чем с США и Китаем. При этом доля ЕС во внешней торговле Латино-Карибской Америки снизилась с 11,9% в 2018 г. до 10% в 2022 г., в то время как доля Китая с 2001 г. по 2022 г. выросла с 2,2 до 16,7%. Торговый обмен характеризуется заметной асимметрией в поставках промышленной продукции. В 2019–2022 гг. на сырьевые товары и продукцию первичной обработки приходилось почти три четверти стоимости регионального экспорта в ЕС, на средне- и высокотехнологичные изделия – две трети стоимости от объема импорта региона из ЕС [CEPAL, 2023a: 12].

¹ The European Union, Latin America and the Caribbean: Cartography of the Association Agreements. EU-LAC Foundation, Fundación Carolina. 19.10.2022. URL: <https://eulacfoundation.org/en/european-union-latin-america-and-caribbean-cartography-association-agreements-0> (дата обращения: 01.08.2023).

² CEPAL identifica espacios y áreas de oportunidad para la colaboración y la inversión en la antesala de la Cumbre entre América Latina y el Caribe y la Unión Europea. CEPAL. 14.07.2023. URL: <https://www.cepal.org/es/comunicados/cepal-identifica-espacios-areas-oportunidad-la-colaboracion-la-inversion-la-antesala-la> (дата обращения: 10.08.2023).

³ The European Union, Latin America and the Caribbean... P. 279.

Таблица 1

Динамика торговли товарами между ЕС и ЛКА, млрд евро (2019–2022 гг.)

	2019	2020	2021	2022	% роста 2022/2021
Экспорт	122,579	95,918	121,160	151,828	25,3
Импорт	105,346	91,702	111,446	153,789	38,0
Товарооборот	227,925	187,620	232,606	305,617	31,4

Составлено по: Trade Map. URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения 20.06.2023).

Иностранные инвестиции – важный источник финансирования и технологий для латиноамериканского региона. По данным ЭКЛАК, в 2022 г. в ЛКА поступило 224,5 млрд долл. прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что на 55,2% больше, чем было зарегистрировано в 2021 г. Этот результат в основном объясняется увеличением ПИИ в некоторые страны, реинвестированием прибыли, увеличением потока инвестиций в сектор услуг. В объеме привлечения прямых иностранных инвестиций лидирует Бразилия (на нее приходится 41% от общего объема региональных инвестиций, она занимает пятое место по объему ПИИ в мире). За ней следуют Мексика (17%), Чили (9%), Колумбия (8%), Аргентина (7%) и Перу (5%). По оценке исполнительного секретаря ЭКЛАК, задача привлечения и удержания ПИИ, которые эффективно способствуют устойчивому и инклюзивному производственному развитию региона, остается очень актуальной, поскольку эпоха реконфигурации глобальных производственно-сбытовых цепочек и географического перемещения производства открывает новые возможности [CERAL, 2023b]. США (38% от общего объема) и Евросоюз (17%, за исключением Нидерландов и Люксембурга) были основными инвесторами в регионе, в то время как внутрирегиональные ПИИ выросли с 9 до 14% от общего объема. Однако инвестиционные инициативы ЕС в 2022 г. продемонстрировали небольшое восстановление и не достигли уровня до пандемии [CERAL, 2023b]. Основными инвесторами выступали Германия, Франция и Испания. В объеме объявленных проектов ПИИ в ЛКА впервые с 2010 г. лидировал углеводородный сектор (уголь, нефть и газ), который составляет 24% от общего объема. За ним следуют автомобильный сектор (13%) и возобновляемые источники энергии (11%). По оценке ЭКЛАК, в силу высокой глобальной зависимости от невозобновляемых источников энергии, инвестирование в разведку и добычу углеводородов останется привлекательным в краткосрочной перспективе.

Зарубежные эксперты приводят некоторые факторы и пути решения возникающих проблем в экономических отношениях обоих регионов. Например, отмечается важность европейского рынка для агропромышленных экспортеров ЛКА, что подталкивает правительства стран к осуществлению инициатив для защиты окружающей среды и трудовых прав. В контексте институциональных препятствий и вызовов протекционизма аналитики видят решение в большей либерализации торговли в соответствии с правилами Всемирной торговой организации. Эксперты ЕС полагают, что к благоприятному развитию экономических отношений регионов могут привести соглашения о свободной торговле, расширение участия малых и средних

предприятий во внешней торговле, инвестиции в логистические связи. К последним относится инициатива *Global Gateway*, призванная помочь преодолеть логистические ограничения на пути к экономической интеграции. В ходе круглого стола третьего саммита ЕС – ЛКА в Брюсселе 17 июля 2023 г. Урсула фон дер Ляйен озвучила намерение инвестировать 45 млрд евро в латиноамериканский регион до 2027 г.¹ В рамках этой инициативы будут реализованы финансирование портов, аэропортов, дорог, железных дорог, иной инфраструктуры для содействия торговле и инвестирование в развитие информационно-коммуникационных технологий. Двусторонние и субрегиональные торговые соглашения должны в большей степени согласовываться с программами технического и финансового сотрудничества².

Выводы

Переходный и неустойчивый характер взаимодействия стран ЕС и ЛКА (стран Севера и Юга) сегодня ассоциируется с многовекторной трансформацией глобальной экономической системы и мирового порядка. Отношения характеризуются стремлением ЕС следовать глобальному партнерству на пути к реализации Целей устойчивого развития (ЦУР). На развитие межрегиональных взаимодействий Евросоюза и Латино-Карибской Америки в среднесрочной перспективе будет влиять то, в какой мере латиноамериканский регион войдет в поток технологического обновления в рамках устойчивого развития. Иначе ЛКА традиционно окажется в фазовом запаздывании относительно более развитых стран глобального Севера.

Можно привести три сценария развития региона в предстоящие десятилетия. Согласно первому, ЛКА немного повысит рейтинг в мировой иерархии благодаря группе успешных стран, таких как Бразилия, Мексика, Чили. Во втором сценарии развитие и глобальное позиционирование региона будет зависеть от укрепления собственной стратегической автономии в условиях поиска баланса в сотрудничестве с внешними игроками. Третий сценарий предполагает, что некоторые страны ЛКА останутся в стороне от технологического обновления и будут по-прежнему играть роль поставщиков сырьевых ресурсов и продовольствия. Стратегически важное сырье для ЕС – литий. Чили, Боливия и Аргентина или удержат государственный контроль над его добычей, или передадут этот технологический процесс транснациональным компаниям, в частности из стран Евросоюза.

В краткосрочной перспективе ЕС не оставит настойчивых попыток привязать к себе латиноамериканский регион путем сотрудничества, нацеленного на поиск в ЛКА инвестиционных возможностей для зеленого перехода в экономике и для цифровой трансформации. Евросоюз постепенно осознает, что он должен позиционировать себя в регионе как противовес Китаю, но для этого требуется аккумуля-

¹ La Comisión presenta la Agenda de Inversiones de Global Gateway con América Latina y el Caribe. European Commission. 17.07.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/es/ip_23_3863 (дата обращения: 29.07.2023).

² Economic Relations between the European Union and Latin America and the Caribbean. P. 9.

ция дополнительных финансовых ресурсов и стратегическое видение партнерства. В рамках инвестиционных инициатив (включая *Global Gateway*) финансирование из Евросоюза будет направлено в такие сферы латиноамериканских экономик, как возобновляемые источники энергии, производство зеленого водорода, добыча стратегически важных сырьевых ресурсов, декарбонизация, проекты транспортной инфраструктуры, развитие сетей 5G, цифровизация государственных услуг, устойчивое управление лесными ресурсами, выпуск медицинских товаров, образование. Благодаря соглашениям ЕС и ЛКА может быть сформировано общее пространство для диалога и проведена координация политики и регуляторных механизмов, необходимых для производственного перехода и изменения экономической модели. Таким образом, Евросоюз нацелен на переход к новому воспроизводству мирохозяйственной системы в развитии трансрегионального сотрудничества с ЛКА.

Инвестиционная и технологическая поддержка привлекательна для ЛКА. Однако латиноамериканцам придется пойти на уступки. Европейцы заинтересованы в доступе к ресурсам и создании политической опоры в Латино-Карибской Америке. Однако США стремятся использовать экономические возможности Евросоюза для того, чтобы добиваться единой геополитической позиции региона в отношении Китая и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буторина О.В., Борко Ю.А. (2022) Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции. *Современная Европа*. № 1. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016

Громыко Ал.А. (отв. ред.) (2022) *Европа в кризисном мире* (2022) ИЕ РАН; Весь мир, Москва, Россия, 376 с.

Кузнецов Д.А. (2022) *Теория и практика международного трансрегионализма*. Аспект-Пресс, Москва. 160 с.

Давыдов В.М. (ред.) (2022) *Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям*. Весь мир, Москва. 448 с.

Ровинская Т.Л. (2022) Новые очертания экологической политики в контексте пандемии COVID-19 (Продвижение «зеленой» повестки Евросоюзом и США). *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 7. С. 66–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-7-66-80

Тайар В.М. (2022а) Евросоюз и Латинская Америка: основные формы и направления межрегионального сотрудничества. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 44–66. DOI: 10.312249/ape/2022.03.02

Тайар В.М. (2022b) Латинская Америка и Евросоюз: концептуальные подходы и практика экономического сотрудничества. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 22. № 3. С. 520–536. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-520-536

Тайар В.М. (2020) ЕС-Латинская Америка: переход на конструктивную модель сотрудничества. *Современная Европа*. № 6. С. 90–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6202090100>

Яковлев П.П. (2022) Европа и Латинская Америка: неоднозначное прошлое, проблемное настоящее, неясное будущее. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 15–43. DOI: 10.312249/ape/2022.03.01

Bonilla A., Sanahuja J.A. (ed.) (2022) *The European Union, Latin America and the Caribbean: Cartography of the Association Agreements*. EU-LAC Foundation, Hamburg, Germany; Caro-

lina Foundation, Madrid, Spain. 299 p. URL: <https://eulacfoundation.org/en/european-union-latin-america-and-caribbean-cartography-association-agreements-0> (accessed: 15.06.2023).

Bosch F., Guerra Rondón L. (2022) *Geopolitics of the Energy Transition: Potentials for EU-LAC Partnerships*. EU-LAC Foundation, Hamburg, Germany; Groupe d'études géopolitiques, Paris, France; Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales, Laval, Argentina. URL: <https://eulacfoundation.org/en/geopolitics-energy-transition-potentials-eu-lac-partnerships> (accessed: 15.06.2023).

CEPAL (2023a) *Comisión Económica para América Latina y el Caribe. Oportunidades para la inversión y la colaboración entre América Latina y el Caribe y la Unión Europea (LC/TS.2023/78)*. Santiago, Chile. 83 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48984-oportunidades-la-inversion-la-colaboracion-america-latina-caribe-la-union> (accessed: 20.07.2023).

CEPAL (2023b) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe 2023*. Santiago, Chile. 213 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48978-la-inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-2023> (accessed: 20.07.2023).

CEPAL, OCDE, CAF, Unión Europea (2023) *Perspectivas económicas de América Latina 2022: hacia una transición verde y justa*. OECD Publishing, Paris, France. 374 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/f2f0c189-es>

Frenkel A. (2023) La Cumbre UE-CELAC: un acercamiento sin acuerdos? *Nueva Sociedad*. 07.2023. URL: <https://nuso.org/articulo/ue-celac/> (accessed: 25.07.2023).

Puglierin J., Shapiro J. (2023) The art of vassalisation: How Russia's war on Ukraine has transformed transatlantic relations. *European Council on Foreign Relations*. 04.04.2023. URL: <https://ecfr.eu/publication/the-art-of-vassalisation-how-russias-war-on-ukraine-has-transformed-transatlantic-relations/> (accessed: 25.07.2023).

Quevedo-Flores J.A. (2019) Las relaciones Unión Europea-América Latina y el Caribe 1999–2019. Veinte años de Asociación Estratégica Birregional Eurolatinoamericana. *Latin American Journal of International Affairs*. Vol. 9. No. 3. P. 48–74.

Romero C.A., Tocatlian J.G., Luján C., González G.G., Hirst M. (2022) Cómo América Latina ve a Europa. *Nueva Sociedad*. 04.2023. URL: <https://www.nuso.org/articulo/como-AL-ve-a-europa/> (accessed: 26.07.2023).

European Union Transregional Cooperation with Latin America: Perspectives, Opportunities, Constraints

The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

V.M. Tayar

Candidate of Sciences (Economics),

Deputy Director of Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

21/16, Bolshaya Ordynka Street, Moscow, Russia, 115035

E-mail: vtayar@mail.ru

E.A. Ponomarev

Researcher of Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

21/16, Bolshaya Ordynka Street, Moscow, Russia, 115035

E-mail: vtayar@mail.ru, e.samgreen2015@gmail.com

Abstract. The article focuses on modern development of the transregional cooperation between the European Union and Latin America and the Caribbean (LAC). The study is based on official documents, on the European think tanks' studies, as well as the conceptual vision of the United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). The research provides the main directions of short-term and medium-term transregional interaction between the EU and LAC. The authors consider the energy transition as one of the promising areas of transatlantic cooperation for the near future which can stimulate economic growth and production transformations in the LAC region. The article addresses the issue of building the strategic autonomy of the European Union and Latin America and the Caribbean. The authors describe three scenarios of LAC's development in terms of transregional cooperation with the EU. It is concluded that the European Union in the context of a changing world order is trying to make Latin America and the Caribbean economically and technologically dependent through the implementation of investment programs as part of the green agenda on the way to an accelerated global energy transition.

Key words: European Union, Latin America and the Caribbean (LAC), cooperation, investment, trade, energy transition

DOI: 10.31857/S0201708323060104

EDN: xxqsiw

REFERENCES

- Butorina O.V., Borko Ju.A. (2022) Vygody regional'noj integracii: peresmotr koncepcii, *Sovremennaja Evropa*, 1, pp. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016 (In Russian).
- Bonilla A., Sanahuja J.A. (ed.) (2022) *The European Union, Latin America and the Caribbean: Cartography of the Association Agreements*, EU-LAC Foundation, Hamburg, Germany; Carolina Foundation, Madrid, Spain. URL: <https://eulacfoundation.org/en/european-union-latin-america-and-caribbean-cartography-association-agreements-0> (accessed: 15.06.2023).
- Bosch F., Guerra Rondón L. (2022) *Geopolitics of the Energy Transition: Potentials for EU-LAC Partnerships*, EU-LAC Foundation, Hamburg, Germany; Groupe d'études géopolitiques, Paris, France; Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales, Laval, Argentina. URL: <https://eulacfoundation.org/en/geopolitics-energy-transition-potentials-eu-lac-partnerships> (accessed: 15.06.2023).
- CEPAL (2023a) *Comisión Económica para América Latina y el Caribe. Oportunidades para la inversión y la colaboración entre América Latina y el Caribe y la Unión Europea (LC/TS.2023/78)*, Santiago, Chile. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48984-oportunidades-la-inversion-la-colaboracion-america-latina-caribe-la-union> (accessed: 20.07.2023).
- CEPAL (2023b) *La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe 2023*, Santiago, Chile. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48978-la-inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-2023> (accessed: 20.07.2023).
- CEPAL, OCDE, CAF, Unión Europea (2023) *Perspectivas económicas de América Latina 2022: hacia una transición verde y justa*, OECD Publishing, Paris, France. DOI: <https://doi.org/10.1787/f2f0c189-es>
- Gromyko A.I. (ed.) (2022) *Evropa v krizisnom mire* [Europe in a Crisis World], IE RAN; Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Frenkel A. (2023) La Cumbre UE-CELAC: un acercamiento sin acuerdos? *Nueva Sociedad*, 07.2023. URL: <https://nuso.org/articulo/ue-celac/> (accessed: 25.07.2023).

Kuznecov D.A. (2022) *Teoriya i praktika mezhdunarodnogo transregionalizma*. [Theory and practice of international transregionalism], Aspekt-Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Davydov V.M. (ed.) (2022) *Perspektiva ustojchivogo razvitiya. Apelljacija k obshhemirovym i latinoamerikanskim realijam* [Sustainability perspective. Appeal to global and Latin American realities], Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Puglierin J., Shapiro J. (2023) The art of vassalisation: How Russia's war on Ukraine has transformed transatlantic relations, *European Council on Foreign Relations*, 04.04.2023. URL: <https://ecfr.eu/publication/the-art-of-vassalisation-how-russias-war-on-ukraine-has-transformed-transatlantic-relations/> (accessed: 25.07.2023).

Quevedo-Flores J.A. (2019) Las relaciones Unión Europea-América Latina y el Caribe 1999–2019. Veinte años de Asociación Estratégica Birregional Eurolatinoamericana, *Latin American Journal of International Affairs*, 9(3), pp. 48–74.

Romero C.A., Tocatlian J.G., Luján C., González G.G., Hirst M. (2022) Cómo América Latina ve a Europa, *Nueva Sociedad*, 04.2023. URL: <https://www.nuso.org/articulo/como-AL-ve-a-europa/> (accessed: 26.07.2023).

Rovinskaja T.L. (2022) Novye ochertaniya jekologicheskoy politiki v kontekste pandemii COVID-19 (Prodvizhenie “zelenoj” povestki Evrosojuzom i SSHA) [New outlines of environmental policy in the context of the COVID-19 pandemic (Promotion of the “green” agenda by the European Union and the USA)], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 66(7), pp. 66–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-7-66-80 (In Russian).

Tayar V.M. (2022a) Evrosojuz i Latinskaja Amerika: osnovnye formy i napravlenija mezhhregional'nogo sotrudnichestva [The European Union and Latin America: the main forms and directions of interregional cooperation], *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 44–66. DOI: 10.312249/ape/2022.03.02 (In Russian).

Tayar V.M. (2022b) Latinskaja Amerika i Evrosojuz: konceptual'nye podhody i praktika jekonomicheskogo sotrudnichestva. [Latin America and the European Union: Conceptual approaches and practice of economic cooperation], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, 22(3), pp. 520–536. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-520-536 (In Russian).

Tayar V.M. (2020) ES-Latinskaja Amerika: perehod na konstruktivnuju model' sotrudnichestva [EU-Latin America: Transition to a constructive model of cooperation], *Sovremennaja Evropa*, 6, pp. 90–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6202090100> (In Russian).

Yakovlev P.P. (2022) Evropa i Latinskaja Amerika: neodnoznachnoe proshloe, problemnoe nastojashhee, nejasnoe budushhee [Europe and Latin America: Ambiguous past, problematic present, unclear future], *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 15–43. DOI: 10.312249/ape/2022.03.01 (In Russian).

УДК 327

ФАКТОРЫ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ. СПОСОБНОСТЬ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ

© 2023 г. ПЛЮСНИН Роман Михайлович

Кандидат экономических наук

Научный сотрудник Отдела страновых исследований

Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

E-mail: *senterix@yandex.ru*

© 2023 г. ВАСИЛЬЧЕНКО Александр Дмитриевич

Младший научный сотрудник Отдела экономических исследований

Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

E-mail: *vasilchenko.ad7@gmail.com*

Поступила в редакцию 12.08.2023

После доработки 07.09.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу факторов внешнеторговой резильентности (жизнестойкости), а также их количественной оценке на примере стран Северной Европы. Факторы разделены на две большие группы: отражающие устойчивость страны и характеризующие ее способность к восстановлению. Описанные в статье факторы разделены на врожденные (эндогенные) и приобретенные (экзогенные). Исследование посвящено анализу только тех факторов, которые характеризуют способность к восстановлению. В качестве врожденных выделены взаимная торговая зависимость и гибкость структуры экономики региона базирования экспортера. В качестве приобретенных – диверсификация торговых связей, избыточность в торговой сети, ее модулярность. Показатели, помогающие охарактеризовать эти факторы, рассчитаны для стран Северной Европы.

В результате получена картина внешнеторговой резильентности с точки зрения способности к восстановлению после шоков. Импортная и экспортная позиции Финляндии, Швеции и Дании оказались достаточно сильными, что стало возможным благодаря их широкой специализации, высокой диверсификации торговых сетей, а также высокой избыточности торговой сети ЕС-27. Ситуация в Норвегии и Исландии менее устойчивая в силу того, что они имеют ярко выраженную внешнеторговую специализацию. Обозначенные факторы теоретически должны способствовать относительно высокой скорости восстановления внешней торговли рассматриваемой страны после шоков. Это подтвердил коэффициент корреляции и эластичности внешней торговли.

Ключевые слова: резильентность, жизнестойкость, факторы резильентности, Северная Европа, способность к восстановлению

DOI: 10.31857/S0201708323060116

EDN: xyulwq

В настоящее время в экономической науке не сложилось общепринятого понимания внешнеторговой, или торговой, резильентности (жизнестойкости). Более того, до сих пор не существует четкого перечня определяющих ее факторов. В статье под внешнеторговой резильентностью понимается устойчивость внешней торговли страны к внешним экономическим шокам и способность к восстановлению объемов и структуры этого показателя после них. Часть факторов внешнеторговой резильентности рассчитана и представлена на примере стран Северной Европы. Остальные ввиду объемности их расчетов и интерпретации в статье только описаны.

Во многом внешнеторговую резильентность с точки зрения устойчивости внешней торговли можно рассматривать как низкую эластичность изменения внешней торговли страны по сравнению с изменением общемирового объема торговли за аналогичный период. Например, можно считать, что внешнеторговая резильентность страны высокая, если коэффициент эластичности изменения ее внешней торговли по сравнению с совокупной торговлей всех стран мира в кризисный период составил менее единицы. Таким образом, этот показатель мы будем считать одной из мер внешнеторговой резильентности.

В исследовании под факторами, определяющими внешнеторговую резильентность, понимаются характеристики структуры внешней торговли страны, торговой сети мира или региона в целом, а также экономической специализации страны. Данные факторы можно условно разделить на врожденные, или эндогенные (*innate*, т. е. обусловленные особенностями структуры экономики и ее специализацией), и приобретенные, или экзогенные (*acquired*, т. е. являющиеся результатом формирования структуры внешней торговли страны и мировой торговой сети в значимых для данной страны секторах) (Табл. 1).

Таблица 1

Классификация факторов внешнеторговой резильентности

Характеристика	Факторы внешнеторговой резильентности				
	Врожденные (<i>innate</i>)		Приобретенные (<i>acquired</i>)		
	Гибкость структуры экономики региона базирования экспортера	Взаимная торговая зависимость	Диверсификация торговых связей	Избыточность в торговой сети	Модулярность торговой сети
Сущность	Способность национальных производителей реорганизовывать цепочки поставок и производственные процессы	Взаимная потребность в продукции, на которой партнер имеет специализацию	Разнообразие товарных позиций в структуре экспорта страны	Наличие резервных ресурсов в торговой сети (например, дублирующие пути снабжения)	Связанность торговых партнеров внутри локальных сообществ (например, в форме интеграционных объединений)
Значение	Возможность оперативно создать новые торговые связи или воссоздать нарушенные	Ожидается, что предпочтительные торговые связи будут восстанавливаться относительно быстрее	Диверсификация экспортной корзины снижает риски, связанные с отдельными группами товаров	Резервные ресурсы позволяют быстро перенаправить товарные потоки	Предполагается, что торговля внутри союза восстанавливается быстрее за счет преимуществ интеграции
Примеры трудов	Смординская, Катукон, 2021; Martin, Sunley, 2015; Neffke et al., 2014	Hoang, 2018; Khadan, Hosein, 2013; Liu et al., 2019	Cadot et al., 2007; Salinas, Muñoz, 2021	Kharrazi et al., 2017; Ivanov, Dolgui, 2020	Nematzadeh et al., 2014

Составлено авторами.

Врожденные факторы**1.1. Взаимная торговая зависимость**

Способность внешней торговли страны быстро восстанавливаться после потрясения зависит в немалой степени от того, насколько высока степень взаимного дополнения между экспортом данной страны и импортом ее основных торговых партнеров. Другими словами, насколько импортеры зависят от импорта той продукции, на которой страна имеет относительную экспортную специализацию.

В литературе широкое распространение получили индекс выявленного сравнительного преимущества (экспортной специализации) Балаши и индекс импортной специализации. Сравнение значений данных показателей может отражать торговую комплементарность торгующих партнеров. Например, можно предположить, что страны имеют торговую комплементарность в некоторой группе товаров, если индекс экспортной специализации для одной страны и индекс импортной специализации для другой выше единицы.

В таблице 2 приведен анализ взаимной торговой зависимости стран Северной Европы. В частности, исследуется, в какой степени они зависят от импорта продукции, на которой Финляндия имеет экспортную специализацию. Можно заметить, что коэффициент импортной специализации в части непродовольственного сырья выше единицы у Норвегии и Исландии, что свидетельствует об их торговой зависимости от Финляндии по данной группе товаров. В то же время Швеция, Норвегия и Дания демонстрируют взаимность в торговле с Финляндией в секторе промыш-

ленных товаров. Таким образом, страны Северной Европы в достаточной степени зависят от экспорта Финляндии, что повышает степень устойчивости их торговли с этой страной.

Таблица 2

Значения экспортной и импортной специализации в торговле выбранными группами товаров с остальным миром в 2022 г.

Товарная группа	Финляндия (RCA экспорт)	Швеция (RCA импорт)	Норвегия (RCA импорт)	Дания (RCA импорт)	Исландия (RCA импорт)
Сырье непродовольственное, кроме топлива (МСТК ¹ 2)	2,77	0,60	1,59	0,64	2,09
Промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала (МСТК 6)	2,04	1,12	1,10	1,21	0,97

Составлено авторами по данным UNCTADStat.

Степень торговой взаимозависимости двух партнеров часто интерпретируется в рамках категории «торговая комплементарность» (*trade complementarity*). В свою очередь, категория торговой комплементарности – один из блоков популярной, но спорной парадигмы «естественных торговых партнеров» (*natural trading partners*) [Schiff, 2001].

В статье Дж. Хадана и Р. Хосейна предлагается подход к измерению торговой комплементарности на основе индекса интенсивности торговли (*trade intensity index*) [Khadan, Hosein, 2013]. Индекс интенсивности торговли есть произведение индекса торговой комплементарности и индекса торговой избирательности (*trade bias index*):

$$I_{ij} = C_{ij} + B_{ij} = \sum_k \left\{ \frac{X_i^k}{X_i} * \frac{M_j^k}{M_j} * \frac{M_w - M_i}{M_w^k - M_i^k} \right\} + \frac{X_{ij}}{\bar{X}_{ij}}, \quad (1)$$

где $\bar{X}_{ij}$ – ожидаемый объем экспорта из страны i в страну j , посчитанный на основе их конкурентного преимущества.

По нашей гипотезе, торговля партнеров, имеющих высокую взаимность торговли, в меньшей степени подвержена влиянию кризисных явлений, т. к. взаимная привлекательность экономик формирует прочную систему связей контрагентов двух стран, которые в процессе своей деятельности вырабатывают устойчивые практики, а также могут лоббировать создание особых торговых режимов, упрощающих торговлю друг с другом. В данном случае речь идет именно о внешних (экзогенных) по отношению к данным партнерам шоках. При этом высокая взаимозависимость усиливает обоюдную передачу шоков, возникающих у одного или обоих партнеров в данной торговой паре.

¹ МСТК – Международная стандартная торговая классификация. – прим. ред.

1.2. Гибкость структуры экономики региона базирования экспортера

Одним из параметров, определяющих потенциал восстановления торговых связей страны после шока, выступает гибкость структуры региональной экономики. Анализ торговой резильентности страны должен учитывать особенности реакции локальных экспортеров на изменение внешней конъюнктуры. В этом контексте пространство возможных действий экспортеров во многом зависит от специфических условий факторов производства, финансового рынка, а также промышленной структуры региона их базирования. Таким образом, гибкость региональной экономики может рассматриваться как один из факторов внешнеторговой резильентности.

Н.В. Смородинская и Д.Д. Катуков отмечают, что гибкость выражает способность системы к восстановлению траектории роста благодаря адаптации своей структуры и ресурсного потенциала к изменениям окружающей среды, последовавшим после кризиса [Смородинская, Катуков, 2021]. Как отмечается в ряде исследований, региональная резильентность базируется на нескольких крупных блоках параметров [Martin, Sunley, 2015] (Рис. 1).

Рисунок 1

Ключевые составляющие региональной экономической резильентности



Источник: [Martin, Sunley, 2015].

Совокупность указанных ранее факторов отвечает за способность региона адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды в длительной перспективе. Такая способность именуется в литературе адаптивностью, а категория «адаптация» чаще применяется к процессу единовременной подстройки к отдельному внешнему шоку. Адаптивность предполагает качественную перестройку промышленного комплекса региона, поиск новых моделей развития и трансформацию региональных институтов. Некоторые авторы отмечают, что адаптация может порождать адап-

тивность и наоборот в случае участия фирм региона в глобальных производственных сетях [Hu, Hassink, 2019].

В литературе подчеркивается, что адаптивность региона базирования экспортера должна также проявляться в структурных изменениях, которые находят свое выражение в т. н. несвязанной диверсификации экономической деятельности (т. е. усилении производства и экспорта в отраслях, в которых ранее регион не имел специализации) [Neffke et al., 2014]. При этом в большинстве случаев процессы структурной трансформации в регионе порождаются приходом в него новых фирм.

Логичным представляется анализ индикаторов отдельных блоков данной аналитической конструкции. Например, с помощью калькуляции индексов специализации и диверсификации, а также различных рейтингов инновационного развития и состояния деловой среды можно получить целостное представление о промышленной и деловой структуре региона. В то же время, к примеру, оценка механизмов принятия решений бизнес-лидерами в регионе может производиться на основе опросного метода или выборочного кейс-стади. Таким образом, изучение гибкости структуры экономики региона базирования экспортера позволяет оценить возможности локальных субъектов внешнеторговой деятельности по своевременному изменению экспортной стратегии и продолжению экспорта своей продукции в прежних объемах.

Приобретенные факторы

1.3. Диверсификация торговых связей

Согласно базовому принципу диверсификации в экономике, величина негативного эффекта от единичного контрагента будет тем ниже, чем меньше его доля в структуре взаимодействий агента с другими партнерами. Применительно к внешнеторговой резильентности негативное влияние, вызванное резким сокращением экспорта в конкретную страну, будет невысоким, если доля данного импортера в структуре поставок анализируемой страны небольшая. Аналогичную закономерность можно применить к товарной структуре экспорта.

В рамках сетевой теории постулируется, что диверсификация, как атрибут структуры сети, включает в себя три основных компонента. Первый – разнообразие как мера множественности объектов системы, принадлежащих к разным группам или типам. Второй – баланс, предполагающий равномерность участия объектов сети в структуре отношений. Третий компонент – это неравенство (непохожесть) как категория, отражающая степень различия между самими объектами [Kharrazi et al., 2017]. При этом до сих пор не существует единой метрики, инкорпорирующей все три атрибута диверсификации в сети. Одновременно с этим широкое распространение получил индекс Шеннона-Винера, который отражает первые два компонента – разнообразие и баланс (формула 2):

$$H = - \sum_{i=1}^n p_i \ln(p_i) \quad (2)$$

где p_i – доля некоторого объекта i в общей структуре объектов.

В случае внешнеторговой резильентности под такими объектами можно понимать как группы товаров в экспортной или импортной корзине страны, так и торговых партнеров анализируемой экономики. Этот показатель будет использоваться нами как численное выражение степени диверсификации торговых связей рассматриваемой экономики.

Минимальное значение индекса – 0. При этом в системе взаимно торгующих стран отсутствует разнообразие: торговлю там осуществляет только одна из них или торгуется только одна группа товаров. Верхний предел значений этого показателя не задан. Индекс Шеннона-Винера принимает максимальное значение, когда все группы элементов включают в себя одинаковое количество агентов. В нашем случае – когда все группы товаров занимают равную долю в структуре экспорта и все страны в выделенной группе в равной степени торгуют между собой. Для рассмотренного в статье примера максимальное значение будет 2,3.

Как показано в таблице 3, весь рассматриваемый период времени Норвегия и Исландия имели низкие значения индекса Шеннона-Винера в связи с доминированием в их ценовой структуре экспорта определенных групп товаров¹. Для Норвегии – это энергоносители, а для Исландии – морепродукты. Понижение индекса для Норвегии в 2022 г. связано как с ростом цен на энергоносители, так и с повышением объема их экспорта (например, в Финляндию).

Остальные страны Северной Европы демонстрируют схожие тенденции, когда ни одна из экспортных товарных групп существенно не выделяется на фоне других. С этой точки зрения эти страны имеют большую степень резильентности, чем Норвегия и Исландия.

В таблице 4 представлен тот же показатель для структуры импорта рассматриваемых стран. Финляндия к 2022 г. стала обладать наивысшим значением индекса Шеннона-Винера в данных условиях. В целом для стран Северной Европы было характерно увеличение степени диверсификации ввоза товаров, которое началось в условиях коронакризиса в 2020 г. На этом фоне выделяется только Финляндия, для которой диверсификация импортных поставок оставалась неизменно высокой начиная с 2014 г.

Классически диверсификация экспорта понимается именно как диверсификация товарной структуры поставок. Однако в случае оценки внешнеторговой резильентности страны корректнее будет оценить именно степень разнообразия «потребительской» структуры экспорта, т. е. долей, которые приходятся на крупных импортеров продукции страны. Таким образом, традиционный индекс диверсификации Фингера-Крейнина можно представить в следующем виде:

$$DX = \frac{\sum(|m_i - m_{iw}|)}{2}, \quad (3)$$

где m_i – доля i импортера в импорте из анализируемой страны, m_{iw} – доля i импортера в общемировом импорте. Индекс принимает значения от нуля до едини-

¹ Дополнительные материалы к статье таблицы 3, 4, 5, 6 размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

цы. Чем ближе его значение к нулю, тем более сбалансированной является структура экспортных поставок в части потребителей продукции.

Диверсификация торговых связей противоположна концентрации торговли вокруг одного или нескольких партнеров. Классическим индексом, отражающим степень рыночной концентрации, принято считать индекс Херфиндаля-Хиршмана:

$$HHI = \sum_{i=1}^n S_i^2, \quad (4)$$

где S_i – доля экспорта анализируемой страны, приходящаяся на i импортера.

1.4. Избыточность в торговой сети

Потенциал восстановления стоимостного объема экспорта в немалой степени зависит от уровня издержек на поддержание сети контрагентов разного уровня (т. е. резервных ресурсов обслуживания внешнеторговых операций: экспедиторы и экспортные менеджеры). В случае если подобные издержки находятся на низком уровне, экспортер сможет в сравнительно сжатые сроки переориентировать поставки своей продукции на новые рынки, тем самым снизив негативный эффект внешнего шока.

В информационной теории категория избыточности определяется как условная энтропия сети, т. е. объем информации, необходимый для описания результата случайной величины X при известной случайной величине Y (формула 5):

$$H(X/Y) = - \sum_{x \in X, y \in Y} p(x, y) \log \frac{p(x, y)}{p(x)}, \quad (5)$$

Приведенную формулу можно также записать в следующем виде (формула 6):

$$\psi = - \sum_{i,j} \frac{T_{ij}}{T_i} \ln \frac{T_{ij}^2}{T_i T_j}, \quad (6)$$

где T_{ij} – поток из узла i в узел j (например, экспорт из страны i в страну j), T_i – общий поток из узла i (совокупный экспорт страны i), T_j – общий поток в узел j (совокупный импорт страны j), T – сумма всех потоков в системе (совокупный экспорт всех стран).

Например, данный индекс можно рассчитывать по тем группам товаров, в экспорте которых страна имеет сравнительную специализацию. На рисунке 4 приведены значения индекса избыточности для торговли внутри ЕС в рамках продуктовых групп, в экспорте которых страны Северной Европы имеют сравнительные преимущества. Финляндия специализируется на экспорте непродовольственного сырья (раздел 2 МСТК), Швеция – машин и транспортного оборудования (раздел 7

МСТК), Норвегия – минерального топлива (раздел 3 МСТК), Дания – химических веществ (раздел 5 МСТК), Исландия – пищевых продуктов и живых животных (раздел 0 МСТК).

Данный индекс показывает степень свободы, или разнообразие связей между агентами в сети (в данном случае среди ЕС-27). Его минимальное значение – 0. Оно соответствует наихудшей ситуации, когда только одна страна концентрирует на себе весь экспорт данного товара или товаров внутри изучаемой группы стран. Максимальное значение индекса равно числу рассматриваемых стран (в нашем случае – 27) и характеризуется равномерным распределением экспорта данного типа продукции между всеми участниками группировки.

Исходя из полученных данных (таблица 5), можно сделать вывод о том, что в наиболее уязвимой позиции находится экспорт Норвегии (энергоресурсы, раздел 3 МСТК), а наиболее устойчивая позиция – у Швеции (транспорт, раздел 7 МСТК). Экспортная специализация Финляндии (непродовольственные товары, раздел 2 МСТК) находится в одной группе с Данией и Исландией, но за последние годы устойчиво теряет избыточность сети, что говорит об уменьшении внешнеторговой резильентности последние 10 лет.

Избыточность можно также анализировать с позиции отдельной экономики с точки зрения ее обеспеченности резервными ресурсами различного рода торговых посредников. К примеру, относительную избыточность торговых посредников можно оценить, сравнивая долю расходов на экспортное консультирование и экспедирование в общих торговых расходах страны и мира в целом (формула 7):

$$R = \frac{IC_e / TC_e}{IC_w / TC_w} \quad (7)$$

1.5. Модулярность торговой сети

В сетевой науке степень связанности локальных сообществ внутри сети часто именуется модулярностью. В случае внешнеторговой резильентности под такими сообществами можно понимать макрорегионы или интеграционные объединения. Повышение связанности сообществ внутри торговой сети повышает возможности стран оперативно переориентировать поставки и тем самым восстанавливать предкризисный объем торговли (рисунок 2).

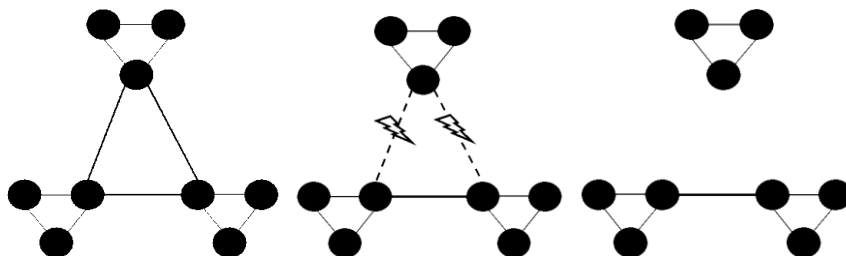
Принятой формулой расчета показателя модулярности сети является следующая (формула 8):

$$P = \frac{1}{T_-} [T_{ij} - \frac{T_i T_j}{T_-}] \delta_{eij}, \quad (8)$$

где δ – дельта Кронекера, принимающая значение 1, если узлы i и j принадлежат к одной группе в сети, и 0 в противном случае.

Рисунок 2

Принцип модулярности в сети: предкризисное состояние, обрыв связей и фрагментация сети (слева направо)



Составлено по: [A. Kharrazi et al., 2017].

При опоре на идею модулярности как ресурса локального подмножества узлов, с которыми установлены тесные связи, альтернативным индикатором, отражающим данные закономерности, может стать доля внутрирегиональной торговли стран регионального экономического объединения в структуре валового объема их внешней торговли [Андреева, Ратнер, 2015] (формула 9):

$$SH = \frac{\frac{E_{int} + I_{int}}{2}}{\left(\frac{E_{int}}{E_{tot}} + \frac{I_{int}}{I_{tot}} \right) - \frac{E_{int} + I_{int}}{2}}, \quad (9)$$

где E_{int} (I_{int}) – экспорт (импорт) в (из) страны-партнеры по объединению, E_{tot} (I_{tot}) – экспорт (импорт) в (из) мир (а).

Минимальное значение данного показателя, равное 0%, соответствует ситуации, при которой страны – члены некоторой группы торгуют данным типом товаров исключительно со странами, не входящими в нее. Максимальное значение 100% возникает в ситуации, когда вся торговля этим товаром осуществляется только внутри группировки.

В таблице 6 приведены значения данного показателя для ЕС-27 за период 2011–2021 гг. Аналогично с индексом избыточности торговой сети более слабая позиция с точки зрения внешнеторговой резильентности у Норвегии, торгующей энергоносителями (раздел 3 МСТК). В то же время наибольшая внешнеторговая резильентность будет относиться к продовольственным товарам (раздел 0 МСТК), а значит к Исландии. Остальные группы товаров и страны, специализирующиеся на них, обладают схожими значениями данного показателя: 40–43%. Соответственно, исходя из этих данных, внешнеторговую резильентность Финляндии, Швеции и Дании можно оценивать как среднюю.

Эластичность внешней торговли Северной Европы: связь с факторами резильентности

Как отмечено ранее, внешнеторговую резильентность можно охарактеризовать, в частности, как устойчивость внешней торговли страны в период кризисов. Данная устойчивость может быть определена в относительном выражении как ситуация, при которой снижение внешней торговли страны в процентном выражении в кризисный период по абсолютной величине меньше, чем снижение внешней торговли всех стран мира в целом в аналогичном выражении. Наиболее подходящей числовой характеристикой подобной устойчивости может быть коэффициент эластичности внешней торговли страны по отношению к внешней торговле всего мира (формула 10):

$$FTE = \frac{\Delta T_i / T_i}{\Delta T / T}, \quad (10)$$

где ΔT_i – изменение внешней торговли страны i за некоторый период, T_i – величина внешней торговли страны i на начало периода, ΔT – изменение внешней торговли всех стран мира за некоторый период, T – величина внешней торговли всех стран мира на начало периода.

В широком контексте коэффициент эластичности отражает, в какой степени колебания внешней торговли страны следуют за колебаниями мировой торговли. Таким образом, внешнеторговая резильентность в настоящей работе рассматривается с точки зрения устойчивости внешней торговли к внешним шокам как степень реагирования внешней торговли страны на колебания совокупной торговли всех стран мира. Следовательно, высокая внешнеторговая резильентность может характеризоваться низкой эластичностью внешней торговли страны, и наоборот.

Таблица 7

Коэффициент эластичности внешней торговли, рассчитанный для выбранных стран Северной Европы (2015-2022 гг., год к году)

Год	Дания	Финляндия	Исландия	Норвегия	Швеция
2011	0,84	0,61	0,79	1,12	0,88
2012	-8,01	-10,09	-7,29	0,46	-10,57
2013	1,61	0,79	-0,51	-1,36	-1,12
2014	-15,10	8,54	-64,00	412,61	100,34
2015	1,13	1,54	0,51	2,20	1,17
2016	-0,04	1,31	1,91	4,51	0,15
2017	0,68	1,62	0,91	1,29	0,92
2018	0,67	1,16	1,36	2,02	0,82
2019	-0,44	1,12	2,09	5,39	1,14
2020	0,39	1,42	1,77	2,93	0,50
2021	0,63	0,90	1,13	3,54	0,84
2022	0,29	0,49	2,10	5,89	0,36

Составлено авторами по данным UNCTADStat.

В таблице 7 представлены значения эластичности внешней торговли для анализируемых стран. Для иллюстрации был оставлен только интервал 2015–2022 гг., поскольку в 2014 г. значения показателя эластичности для стран Северной Европы являлись экстремально высокими или низкими и существенно выбивались из генеральной тенденции. Как можно заметить, наибольшие значения показателя эластичности, рассчитанного к предыдущему году, наблюдаются у Норвегии. Следом за ней располагается Исландия. Наименьшие значения характерны для Дании, Швеции и Финляндии, т. е. эти три страны должны обладать большей внешнеторговой резильентностью.

В целях проверки значимости выбранных факторов, как параметров, объясняющих степень торговой резильентности стран Северной Европы, было проведено эконометрическое моделирование. В качестве результирующего фактора выбран показатель эластичности внешней торговли (год к году). Объясняющие переменные включали индекс Шеннона-Винера для экспорта и импорта, индекс избыточности и долю внутрирегиональной торговли.

Интервалом построения модели выбран период 2015–2022 гг. из-за наличия существенных колебаний индекса эластичности в 2014 г. По причине наличия гетероскедастичности в наборе данных было решено использовать модель МНК с поправкой на гетероскедастичность, которая использует стандартные ошибки в форме Уайта. В результате моделирования получены следующие результаты (таблица 8).

Таблица 8

**Результаты регрессионного моделирования зависимости эластичности
внешней торговли стран Северной Европы от выбранных факторов
внешнеторговой резильентности**

Фактор \ модель	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Индекс Шеннона-Винера для экспорта	2,93 (4,03)	-1,54 *** (0,43)	-2,90 *** (0,79)	-3,14 *** (0,86)	-1,29 *** (0,44)
Индекс Шеннона-Винера для импорта	-0,54 (0,37)	3,15 * (1,75)	3,43 * (2,02)	-	-
Индекс избыточности	-1,36 *** (0,42)	-1,49 *** (0,46)	-	-	-1,35 *** (0,42)
Доля внутрирегиональной торговли	-0,35 (2,07)	-	-	-	-
R2	0,45	0,55	0,30	0,26	0,46
Исп. R2	0,37	0,51	0,26	0,24	0,43
F-статистика	6,02 ***	14,64 ***	7,75 ***	13,28 ***	15,45 ***

*** - значимость на уровне 1%, ** - значимость на уровне 5%, * - значимость на уровне 10%.

Значение в скобках – стандартная ошибка.

Как следует из результатов моделирования, статистически значимыми факторами являются индекс Шеннона-Винера для экспорта, а также индекс избыточности. Незначимый фактор – доля внутрирегиональной торговли, частично значимый (значимый на уровне 10%) – индекс Шеннона-Винера для импорта. Введение доли внутрирегиональной торговли в модель существенно ухудшает оценки при отдель-

ных факторах, а также общее качество модели. Наилучшей объясняющей способностью обладает модель № 2.

Следовательно, в интервале 2015–2022 гг. для стран Северной Европы внешне-торговая резильентность определялась степенью диверсификации экспортных поставок, а также избыточностью в торговых сетях, в продукции которых страны имеют экспортную специализацию. Отрицательная оценка при данных факторах свидетельствует о том, что с ростом значений факторов величина эластичности внешней торговли снижается, что в настоящей работе рассматривается как повышение внешнеторговой резильентности.

* * *

Таким образом, выделены следующие факторы внешнеторговой резильентности, способствующие восстановлению внешней торговли после шоков: взаимная торговая зависимость, гибкость структуры региональной экономики (врожденные факторы), а также диверсификация торговых связей, избыточность в торговой сети и ее модулярность (приобретенные факторы). Часть показателей, характеризующая их, была рассчитана для стран Северной Европы. В результате получена картина внешнеторговой резильентности с точки зрения способности к восстановлению после шоков. Импортная и экспортная позиции Финляндии, Швеции и Дании в этом плане оказались достаточно сильными. Подобная ситуация стала возможна благодаря их широкой специализации, высокой диверсификации торговых сетей, а также высокой избыточности торговой сети ЕС-27. Ситуация в Норвегии и Исландии оказалась менее устойчивой в силу того, что они имеют ярко выраженную внешнеторговую специализацию. Это может быть важно для выстраивания внешнеторговой стратегии. Россия, которая традиционно также имеет подобную специализацию. Регрессионная модель, построенная для эластичности внешней торговли и выделенных факторов внешнеторговой резильентности, показала, что они в достаточной мере характеризуют способность восстановления внешней торговли страны после шоков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Е.Л., Ратнер А.В. (2015). Эффекты и тенденции развития международного экономического сотрудничества на этапе интенсивной глобализации. *Известия УрГЭУ*. № 3(59). С. 117–125.

Замятина Н.Ю. (ред.) (2023) *Жизнестойкость арктических городов: теория, комплексный анализ и примеры трансформаций*. Издательские решения, Екатеринбург. 206 с.

Плюснин Р.М., Васильченко А.Д. (2022) Резильентность внутрирегиональной торговли ЕС в ходе кризисов 2008 и 2020 гг. *Современная Европа*. № 6(113). С. 140–155. DOI: 10.31857/S0201708322060109. EDN: KTWHQQ.

Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д. (2021) Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 5. С. 93–115.

Blackhurst J., Dunn K. J., Craighead C. W. (2011) An empirically derived framework of global supply resiliency. *Journal of Business Logistics*. No. 32(4). P. 374–391. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0000-0000.2011.01032.x>

Cadot O., Carrère C., Strauss-Kahn V. (2007) Export Diversification: What's behind the Hump? *Review of Economics and Statistics*. No. 93. P. 590–605.

Hoang V.T. (2018) Assessing the agricultural trade complementarity of the Association of Southeast Asian Nations countries. *Zemědělská Ekonomika*. No. 64(10). P. 464–475. DOI: <https://doi.org/10.17221/253/2017-agricecon>

Hu X., Hassink R. (2020) Adaptation, adaptability and regional economic resilience: a conceptual framework. *Handbook on Regional Economic Resilience*. Ed. by G. Bristow, A. Healy. Edward Elgar Publishing eBooks. P. 54–68. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781785360862.00009>

Ivanov D., Dolgui A. (2020) Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability. A position paper motivated by COVID-19 outbreak. *International Journal of Production Research*. No. 58(10). P. 2904–2915. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1750727>

Kim Y., Chen Y., Linderman K. (2014) Supply network disruption and resilience: A network structural perspective. *Journal of Operations Management*. No. 33–34(1). P. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jom.2014.10.006>

Khadan J., Hosein R. (2013) New Empirical Insights into the “Natural Trading Partner” Hypothesis for CARICOM Countries. *MPRA Paper*. No. 50493. October 2013. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/50493/> (accessed: 11.08.2023)

Kharrazi A., Rovenskaya E., Fath B.D. (2017) Network structure impacts global commodity trade growth and resilience. *PLOS ONE*. No. 12(2). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0171184>

Liu C., Xu J., Zhang H. (2019) Competitiveness or Complementarity? A Dynamic Network Analysis of International Agri-Trade along the Belt and Road. *Applied Spatial Analysis and Policy*. No. 13(2). P. 349–374. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09307-5>

Martin R., Sunley P. (2015) On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation. *Journal of Economic Geography*. No. 15(1). P. 1–42. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbu015>

Neffke F., Hartog M., Boschma R., Henning M. (2017) Agents of Structural Change: The role of firms and entrepreneurs in regional diversification. *Economic Geography*. No. 94(1). P. 23–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/00130095.2017.1391691>

Nematzadeh A., Ferrara E., Flammini A., Ahn Y. (2014) Optimal network modularity for information diffusion. *Physical Review Letters*. No. 113(8). DOI: <https://doi.org/10.1103/physrevlett.113.088701>

Salinas G., Muñoz S. (2021) *Proximity and Horizontal Policies: The Backbone of Export Diversification*. IMF Working Papers. WP/21/64. 45 p. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781513571614.001>

Schiff M. (2001) Will the real “natural trading partner” please stand up? *Journal of Economic Integration*. No. 16(2). P. 246–261. DOI: <https://doi.org/10.11130/jei.2001.16.2.246>

Tukamuhabwa B., Stevenson M., Busby J., Zorzini M. (2015) Supply chain resilience: definition, review and theoretical foundations for further study. *International Journal of Production Research*. No. 53(18). P. 5592–5623. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207543.2015.1037934>

Factors of Foreign Trade Resilience on the Example of the North Europe Countries. Ability to Recover

R.M. Plyusnin

Candidate of Sciences (Economic)

Scientific Researcher of the Institute of Europe

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: senterix@yandex.ru

A.D. Vasilchenko

Junior Scientific Researcher of the Institute of Europe

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: vasilchenko.ad7@gmail.com

Abstract. The article analyses the factors of foreign trade resilience of countries, as well as makes their quantitative assessment on the example of the North Europe countries. These factors are divided into two large groups: reflecting the country's resilience and characterising its ability to recover. The factors described in this article are divided into congenital and acquired. This article is devoted to the analysis of only those factors that characterise the ability to recover. Mutual trade dependence and flexibility of the structure of the economy of the exporter's home region are identified as innate. And as acquired – diversification of trade relations, redundancy in the trading network, its modularity. Indicators to help characterise these factors are calculated for the North Europe countries. As a result, a picture of foreign trade resilience was obtained in terms of the ability of these countries to recover after shocks. The import and export positions of Finland, Sweden and Denmark in this regard turned out to be quite strong. This situation has become possible due to their wide specialisation, high diversification of trade networks, as well as the high redundancy of the EU-27 trade network. The situation in Norway and Iceland appeared to be less stable due to the fact that they have a pronounced foreign trade specialisation. These factors should theoretically contribute to a relatively high rate of recovery of foreign trade of the country in question after shocks. This was confirmed by the correlation coefficient calculated for them and the elasticity of a foreign trade.

Key words: resilience, resilience factors, Northern Europe, ability to recover

DOI: 10.31857/S0201708323060116

EDN: xyulwq

REFERENCES

Andreeva E.L., Ratner A.V. (2015) *Effekty i tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva na etape intensivnoy globalizatsii* [Effects and trends in the development of international economic cooperation at the stage of intensive globalization], *Izvestiya UrGEU*, 3(59), pp. 117–125. (In Russian).

Plyusnin R.M., Vasilchenko A.D. (2022) Resil'entnost vnutriregionalnoy trgovli ES v khode krizisov 2008 i 2020 gg. [The resilience of intraregional EU trade during the crises of 2008 and 2020], *Sovremennaya Evropa*, 6(113), pp. 140–155. DOI 10.31857/S0201708322060109. EDN KTWHQQ. (In Russian).

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. (2021) Resil'entnost ekonomicheskikh sistem v epokhu globalizatsii i vnezapnykh shokov [Resilience of economic systems in the era of globalization and

sudden shocks], *Herald of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, pp. 93–115. (In Russian).

Zamyatina N.Y. (ed.) (2023) *Zhiznestoykost' arkticheskikh gorodov: teoriya, kompleksnyi analiz i primery transformatsiy* [Resilience of Arctic cities: theory, complex analysis and examples of transformations], Izdatelskiye resheniya, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Blackhurst J., Dunn K.J., Craighead C.W. (2011) An empirically derived framework of global supply resiliency, *Journal of Business Logistics*, 32(4), pp. 374–391. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0000-0000.2011.01032.x>

Cadot O., Carrère C., Strauss-Kahn V. (2007) Export Diversification: What's behind the Hump? *Review of Economics and Statistics*, 93, pp. 590–605.

Hoang V.T. (2018) Assessing the agricultural trade complementarity of the Association of Southeast Asian Nations countries, *Zemědělská Ekonomika*, 64(10), pp. 464–475. DOI: <https://doi.org/10.17221/253/2017-agricecon>

Hu X., Hassink R. (2020) Adaptation, adaptability and regional economic resilience: a conceptual framework, in Bristow G., Healy A. (ed.) *Handbook on Regional Economic Resilience*, Edward Elgar Publishing eBooks, pp. 54–68. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781785360862.00009>

Ivanov D., Dolgui, A. (2020) Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability. A position paper motivated by COVID-19 outbreak, *International Journal of Production Research*, 58(10), pp. 2904–2915. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1750727>

Kim Y., Chen Y., Linderman K. (2014) Supply network disruption and resilience: A network structural perspective, *Journal of Operations Management*, 33–34(1), pp. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jom.2014.10.006>

Khadan J., Hosein R. (2013) New Empirical Insights into the “Natural Trading Partner” Hypothesis for CARICOM Countries, *MPRA Paper*, 50493, October 2013. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/50493/> (accessed: 11.08.2023)

Kharrazi A., Rovenskaya E., Fath B.D. (2017) Network structure impacts global commodity trade growth and resilience, *PLOS ONE*, 12(2). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0171184>

Liu C., Xu J., Zhang H. (2019) Competitiveness or Complementarity? A Dynamic Network Analysis of International Agri-Trade along the Belt and Road, *Applied Spatial Analysis and Policy*, 13(2), pp. 349–374. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09307-5>

Martin R., Sunley P. (2015) On the notion of regional economic resilience: conceptualization and explanation, *Journal of Economic Geography*, 15(1), pp. 1–42. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbu015>

Neffke F., Hartog M., Boschma R., Henning M. (2017) Agents of Structural Change: The role of firms and entrepreneurs in regional diversification, *Economic Geography*, 94(1), pp. 23–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/00130095.2017.1391691>

Nematzadeh A., Ferrara E., Flammini A., Ahn Y. (2014) Optimal network modularity for information diffusion, *Physical Review Letters*, 113(8). DOI: <https://doi.org/10.1103/physrevlett.113.088701>

Salinas G., Muñoz S. (2021) *Proximity and Horizontal Policies: The Backbone of Export Diversification*. IMF Working Papers. WP/21/64. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781513571614.001>

Schiff M. (2001) Will the real “natural trading partner” please stand up? *Journal of Economic Integration*, 16(2), pp. 246–261. DOI: <https://doi.org/10.11130/jei.2001.16.2.246>

Tukamuhabwa B., Stevenson M., Busby J., Zorzini M. (2015) Supply chain resilience: definition, review and theoretical foundations for further study, *International Journal of Production Research*, 53(18), pp. 5592–5623. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207543.2015.1037934>

УДК 327

РАЗВИТИЕ ЕАЭС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

© 2023 г. СЫСОЕВА Ригина Валерьевна

PhD, постдокторант, Международный Университет «Астана»

010000, Кабанбай батыра 8, Астана, Казахстан

E-mail: dra.syssoyeva@outlook.com

Поступила в редакцию 22.03.2023

После доработки 23.07.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. Статья посвящена анализу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) через призму либерального интерговернментализма Эндрю Моравчика. Использование этой теории внесет вклад в исследования ЕАЭС, т. к. этот подход используется для анализа интеграционных сообществ по всему миру. Э. Моравчик выделяет три этапа интеграционного процесса: формирование национальных предпочтений (приоритетов), межправительственные переговоры и реализация договоренностей на институциональном уровне. На третьем этапе институты наделяются наднациональными полномочиями, что становится возможным за счет объединения или делегирования суверенитетов. Посредством применения этой теоретической модели описаны причины, по которым страны делают выбор в пользу интеграции, такие как общая потребность в развитии транснациональной кооперации, расширение рынка для местных производителей, защита от третьих стран и позиционирование Союза как самостоятельного актора на мировой арене. В статье приведены примеры кейсов переговорного процесса при подписании Договора о ЕАЭС и объединении вопросов, которые связываются на основе асимметричной взаимозависимости внутри интеграционного объединения. Кроме того, сделан анализ институциональной имплементации межгосударственных договоренностей и деятельности Евразийской экономической комиссии, которая наделена полномочиями по регулированию различных аспектов интеграционных процессов на общих рынках товаров, услуг, капитала и труда. Исследование доказывает, что либеральный интерговернментализм применим для изучения евразийской интеграции.

¹ Информация о финансировании: статья подготовлена по результатам исследований, финансируемых Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP13268711 «Евразийский Экономический Союз: достижения и препятствия на пути к созданию регионального сообщества безопасности»).

Ключевые слова: теория региональной интеграции, Эндрю Моравчик, либеральный интергосударственный интеграционизм, интеграционные объединения, ЕАЭС, постсоветская интеграция

DOI: 10.31857/S0201708323060128

EDN: xxusxo

Теории интеграции, разработанные для исследования Евросоюза, используются для изучения региональных объединений по всему миру. В данной статье применен либеральный интергосударственный интеграционизм Эндрю Моравчика для анализа Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – наиболее успешного проекта интеграции на постсоветском пространстве.

Либеральный интергосударственный интеграционизм объясняет интеграционный процесс через концептуализацию трех составляющих: формирование национальных предпочтений, межгосударственные переговоры и создание общих институтов [Moravcsik, Shimmelfennig, 2009: 66]. Согласно данному подходу, участников объединения побуждают к сотрудничеству национальные интересы, вызовы и угрозы на внутреннем и внешнем уровнях. Если преимущества интеграции перевешивают возможные риски и издержки, страны переходят на уровень межправительственных переговоров, на котором определяют ответственность, вовлеченность и выгоды сторон. На наиболее продвинутом уровне интеграции для закрепления достигнутых договоренностей государства создают институты сотрудничества и передают часть суверенитета наднациональным органам. Э. Моравчик не отрицает другие теоретические наработки, а инкорпорирует их в соответствии с двумя базовыми идеями: государства выступают главными акторами интеграции на основании своего рационального выбора, конечная цель их действий – достижение собственной выгоды [Moravcsik, 1998: 18–19].

Подход Э. Моравчика ранее использовался для исследования других интеграционных инициатив в общем контексте изучения либеральных концепций и ограничено для анализа объединений на постсоветском пространстве и [Байков, Дымова, 2017; Чеботарев, 2018]. Доказательство применимости данной теории к ЕАЭС окажет позитивное влияние на продвижение изучения и теоретическую концептуализацию евразийской интеграции.

Национальные предпочтения

Национальные предпочтения – отправная точка в решении государства участвовать в интеграции для достижения абсолютных и относительных выгод. В отличие от национальных интересов они могут изменяться в зависимости от внешней и внутренней конъюнктуры [Moravcsik, 1998: 24–25].

С экономической точки зрения интеграция обусловлена необходимостью регулирования торгово-финансового сотрудничества в условиях взаимозависимости, кото-

рая чаще всего носит асимметричный характер. Таможенные тарифы, государственные субсидии, протекционистская политика, девальвация валюты и нестабильные обменные курсы создают барьеры для торговли и свободы передвижения капитала внутри интеграционного сообщества, что заставляет государства реформировать законодательство и идти на взаимные уступки. Другая причина продвижения интеграции – это стремление защитить внутренний региональный рынок от третьих стран, т. к. отечественные производители заинтересованы в конкурировании друг с другом внутри интеграционного сообщества, но не с производителями вне его [Moravcsik, 1998: 35–39].

Предпочтения государств-членов ЕАЭС включают создание благоприятных условий для национальных производителей и поставщиков услуг через расширение рынка в рамках объединения и зон свободной торговли, стимулирование экспорта и инновационно-технического развития, привлечение взаимных и иностранных инвестиций, реализацию совместных транснациональных проектов и диверсификацию структуры торговли. Помимо этого, Союз создавался и развивается в условиях мирового экономического кризиса с целью защиты внутреннего рынка от более развитых конкурентов из третьих стран, минимизации последствий волатильности на внешних рынках и повышения конкурентоспособности на мировой арене¹.

У каждой страны ЕАЭС свои причины участвовать в интеграции. Например, для Кыргызстана, который входит в пятерку стран со средним или низким уровнем дохода и зависит от денежных переводов трудовых мигрантов², членство в Союзе предполагает ряд преимуществ благодаря общему рынку труда. Одна из выгод вступления – значительная финансовая помощь агропромышленному сектору и развитию промышленности. Армению к вступлению в ЕАЭС подталкивали такие преимущества, как дешевые энергоресурсы и возможность превращения страны в перекресток взаимодействия ЕАЭС и ЕС. Для Беларуси, экономика которой основана на промышленном производстве с высокой добавленной стоимостью, важен доступ на 180-миллионный рынок Союза для сбыта продукции. Для Казахстана участие в интеграционном объединении предполагает гарантию транзита нефти через территорию России, возможность наращивания многостороннего сотрудничества на выгодных условиях с третьими странами-партнерами ЕАЭС, а также путь реализации внутренних программ развития, например стратегии «Казахстан 2050». Для России Союз – инструмент продвижения «Большой Евразии», в которой РФ играет основополагающую роль [Тесленко, Чекушов, 2019: 30]. Экономические приоритеты также включают гарантии продовольственной безопасности и обеспечения товарами первой необходимости, что актуально для Казахстана, Кыргызстана и Армении и достигается благодаря сотрудничеству с Российской Федерацией.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 13.05.2023).

² На поступления из-за рубежа от трудовых мигрантов приходится 31% ВВП Кыргызстана. KNOMAD – World Bank Group. Remittances Remain Resilient but Are Slowing. 06.2023. P. 3. URL: https://www.knomad.org/sites/default/files/publication-doc/migration_and_development_brief_38_june_2023_0.pdf (дата обращения: 4.08.2023).

Национальные предпочтения направлены не только на материальные блага. Согласно Э. Моравчику, геополитические причины играют важную роль и взаимозависимы с экономическими. Государства, связанные обязательствами коллективной безопасности или другими военно-политическими соглашениями, активнее выступают за углубление сотрудничества в сфере торговли и инвестиций, а экономическая взаимозависимость – один из наиболее полезных и широко используемых рычагов воздействия на политические решения [Moravcsik, 1998: 27].

Э. Моравчик на примере европейской интеграции выделяет четыре концепции, которые осмысливают сближение с геополитической точки зрения. Во-первых, взятый из реализма подход баланса сил объясняет интеграцию как ответ на общую угрозу со стороны Советского Союза и распространение коммунистических идей внутри и за пределами европейского региона. Второе объяснение основано на стратегии балансирования, согласно которой европейское сообщество пыталось оставаться независимым от двух сверхдержав. Третий подход – институционалистский – рассматривает региональную интеграцию в терминах коллективной безопасности и подчеркивает важность политического и военного сотрудничества не для противодействия внешним угрозам, а для урегулирования споров внутри альянса, особенно главных игроков — Великобритании, Франции и Германии. Четвертое объяснение, основанное на конструктивистских идеях, фокусируется на проевропейской идеологии, которая, по мнению ее представителей, находит общественную поддержку, а также одобрение национальных элит [Moravcsik, 1997: 29–31].

Для ЕАЭС применимы все четыре концепции. После 1991 г. активизировалась деятельность внешних игроков, таких как ЕС, США и Турция, по разделению территории бывшего Советского Союза на несколько регионов. Евросоюз подразделяет постсоветское пространство на четыре блока: Россия; страны, которые стали частью Евросоюза; страны, входящие в Восточное партнерство, и центральноазиатские республики. США на европейском и кавказском направлениях вовлекают бывшие республики СССР в тесное сотрудничество с НАТО, а на азиатском – пытаются отделить их от РФ, используя военные и финансовые рычаги давления. Турция использует сотрудничество тюркоязычных народов для укрепления влияния в регионе. Исходя из этого, евразийская интеграция – это попытка позиционирования региона не как арены противостояния великих и региональных держав, а как один из полюсов формирующегося многополярного мира. Другими словами, евразийская интеграция – это ответ на внешние вызовы и выбор независимого пути развития региона, что соответствует моделям баланса сил и балансирования по Э. Моравчику.

Для объяснения геополитических предпочтений Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана подходит модель коллективной безопасности. Эти страны обладают весьма ограниченными военными, демографическими и оборонительными ресурсами, которые недостаточны для защиты территории. Коллективная безопасность, институционально основанная на сотрудничестве в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, имеет для них высокую значимость. Кроме того, военно-политическое сотрудничество с Россией в рамках ОДКБ позволяет обеспечить «политическое выживание» конституционного строя в этих республиках [Solingen, 2007: 760]. Наиболее показательный пример – миротворческая операция в январе

2022 г. в Казахстане, который запросил помощь организации для сохранения конституционного строя.

В рамках конструктивистского подхода идеологические предпочтения актуальны для всех стран постсоветского пространства, сделавших евразийский выбор.

Межправительственные переговоры

Э. Моравчик выделяет две теории переговорного процесса – наднациональную и межгосударственную. Первая подчеркивает роль наднациональных чиновников в переговорном процессе, которые стремятся к достижению эффективных результатов для интеграционного сообщества, а не к распределению выгод между государствами-участниками. Либеральный интерговернментализм объясняет интеграцию как межправительственный процесс, поэтому Э. Моравчик склоняется в сторону второго подхода [Moravcsik, 1998: 55; 2005: 8].

Теория межгосударственных переговоров имеет три главные составляющие. Во-первых, государство-нация рассматривается как единый актор в переговорном процессе и участвует в интеграции на добровольной основе в соответствии со своим рациональным выбором, т. к. блага интеграции перевешивают возможные выгоды от автономной односторонней политики или участия в альтернативном интеграционном объединении. Во-вторых, стороны в равной степени осведомлены о национальных предпочтениях друг друга, возможных сценариях договоренностей и прогнозируемой роли создаваемых совместных институтов. В-третьих, каждое государство взаимодействует на основании своей переговорной позиции [Moravcsik, 1993a: 48; 1998: 61].

Переговорная позиция определяется контурами асимметричной взаимозависимости государств, которая выступает причиной увязки вопросов в рамках переговорного процесса. Асимметричная взаимозависимость – это состояние межгосударственных отношений, когда стороны в разных сферах зависят друг от друга. Увязка происходит, когда государства имеют разные предпочтения в двух или более переговорных аспектах, но соглашаются пойти на уступки в одном из них, чтобы получить выгоду в другом [Moravcsik, 1993b: 506]. После того как позиции сторон определены и известны каждому участнику, переговоры проведены и государства приходят к наименьшему общему знаменателю, они закрепляют достигнутые договоренности подписанием соответствующих соглашений [Moravcsik, 1991: 25].

Использование положений теории Э. Моравчика позволяет сделать глубокий анализ, т. к. подход нацелен на рассмотрение переговорного процесса, в рамках которого позиции согласуются между собой и на национальном уровне. Однако существует ряд сложностей: в свободном доступе мало информации о переговорном процессе, общественности предоставляются только итоговые документы. Для исследования необходимо обращаться к таким источникам, как протоколы заседаний, монографии и мемуары участников переговорного процесса [Мясникович, 2021; Глазьев, 2021].

На основе вышеупомянутых источников можно привести ряд примеров согласования переговорных позиций при создании Союза, процесса корреляции позиций, прихода к общему знаменателю и закреплению договоренностей в Договоре о ЕАЭС¹.

При принятии решения о правовом статусе Союза Беларусь трактовала ЕАЭС как международную организацию. Российская сторона считала определение статуса нецелесообразным, т. к. это могло повлиять на позиционирование организации в ВТО. Казахстан поддерживал белорусскую позицию, настаивая на экономической природе Союза. В процессе переговоров три государства склонялись в сторону казахстанской переговорной позиции, и статус ЕАЭС был закреплён как международной организации экономической интеграции [Мясникович, 2022: 28].

Другой пример – отсутствие межпарламентского взаимодействия в рамках ЕАЭС. В данном вопросе российская сторона приняла позицию Беларуси и Казахстана, которые выступали против парламентского сотрудничества, т. к. оно выходит за пределы экономической интеграции. В итоге межпарламентское взаимодействие осуществляется странами-членами Союза на двусторонней основе².

В случае с иерархией актов принята российско-белорусская позиция, согласно которой наивысший приоритет имеют решения Высшего Евразийского экономического совета, за ними следуют решения Евразийского межправительственного совета и далее – решения Евразийской экономической комиссии [Мясникович, 2022: 30]³.

Примером увязки вопросов и ассиметричной взаимозависимости выступает сотрудничество в энергетической сфере. России интеграция даёт возможность транспортировки энергоресурсов через территорию Казахстана и Беларуси. Для Беларуси, Кыргызстана и Армении сотрудничество – это путь получения нефти и газа из РФ, необходимых для индустриального развития и поддержки экономической и социальной стабильности. В то же время 80% казахстанской сырой нефти транспортируются через российскую территорию⁴. В настоящее время в рамках ЕАЭС страны-участницы пытаются нарастить энергетический потенциал через создание общих рынков газа, электроэнергетики, нефти и нефтепродуктов, которые заработают к 2025 г. и ассиметрично будут выгодны всем странам Союза⁵.

¹ Несмотря на то что ЕАЭС объединяет пять государств, в переговорах при его создании участвовали только Россия, Казахстан и Беларусь, которые являются членами-основателями организации. Армения и Кыргызстан присоединились к Союзу уже после подписания Договора о ЕАЭС в январе и августе 2015 г. соответственно. См.: История создания Евразийского экономического союза. QazTrade. URL: <https://qaztrade.org.kz/rus/istoriya-sozdaniya-eaes/> (дата обращения: 13.06.2023).

² О развитии Евразийского экономического союза (ЕАЭС/ЕВРАПЭЭС). МИД РФ. 13.01.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-strukturnye-prostranstva-sng/1472199/ (дата обращения: 12.06.2023).

³ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

⁴ Более 80% экспорта казахстанской нефти пришлось на КТК. Kazakhstan Today. 02.03.2023. URL: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/bolee_80_eksporta_kazahstanskoy_nefti_prishlos_na_kt_k_1377947343.html (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Наднациональная теория переговоров также применима к ЕАЭС, когда Союз выступает как единое целое в переговорах с третьими сторонами, ориентируясь на выгоды для всего интеграционного сообщества. Позиция организации основана на следующих принципах: 1) географическая ориентация на Восточное полушарие; 2) приверженность сотрудничеству с историческими партнерами, с которыми активно взаимодействовали в эпоху СССР; 3) либерализация торговли не с главными торговыми партнерами, такими как ЕС и Китай, а со странами с незначительным торговым балансом, которые отличаются быстрым ростом экономики; 4) использование политических рычагов в экономических взаимоотношениях; 5) дифференцированный подход к открытию внутреннего рынка для разных партнеров; 6) стремление к повышению позиционирования ЕАЭС как торгового хаба в мировой торговле [Зуев и др., 2021].

Сотрудничество на институциональном уровне

Для объяснения сотрудничества на институциональном уровне, которое принимает в развитых интеграционных проектах наднациональный характер, Э. Моравчик инкорпорирует в свой подход теорию либерального институционализма Роберта Кеохейна. Согласно этой теории, институты создают режим сотрудничества, который позволяет государствам коллективно находить решения общих проблем, повышать национальное благосостояние за счет снижения операционных издержек сотрудничества, предоставлять равный доступ к информации о национальных предпочтениях друг друга и укреплять доверие внутри сообщества к властям и к странам-союзницам [Moravcsik, Schimmelfennig, 2009: 72]. Институты не создаются *de novo*, а чаще всего трансформируются из предыдущих институциональных договоренностей [Keohane, 1988: 390].

Согласно Э. Моравчику, наднациональные органы образуются путем объединения суверенитетов или путем делегирования. В первом случае государства соглашались, что вопросы будут решаться не консенсусом, а другим способом, например голосованием большинством. Делегирование суверенитета – это ситуация, когда государства наделяют наднациональных должностных лиц правом самостоятельно принимать решения в определенной области интеграции без предварительного голосования. Государства прибегают к объединению суверенитетов для гармонизации законодательства и процедуры принятия решений, а к делегированию – для обеспечения имплементации принятых решений и достигнутых обязательств, т. е., с технократической точки зрения, наднациональные структуры координируют интеграционные процессы эффективнее национальных [Moravcsik, 1993b: 510; Moravcsik, Nicolaïdis, 1999: 76].

Несмотря на важность наднациональных институтов, интеграция выступает разновидностью межгосударственного сотрудничества. Наднациональные органы эффективны для облегчения и управления сотрудничеством. Они являются единственным новым способом политической организации со времен Вестфальской системы, когда появился институт суверенитета, но не заменяют национальные государства [Moravcsik, 2005b: 359].

Что касается евразийской интеграции, ЕАЭС успешно прошел стадии зоны свободной торговли, таможенного союза и единого экономического пространства. Также функционирует общий рынок фармацевтики и медицинских изделий. К 2025 г. планируется запустить единые рынки нефти и нефтепродуктов, газа и электроэнергии¹.

ЕАЭС – продуманный интеграционный проект, основанный на анализе мирового опыта. Нормативные корни организации имеют почти двадцатилетнюю историю: В середине 1990-х годов Казахстан, Россия и Беларусь пытались создать Таможенный союз, но Азиатский финансовый кризис сильно ударил по основному локомотиву интеграционных процессов – российской экономике [Golovnin et al., 2013: 119]. После неудачного опыта стороны выбрали более поступательную модель развития. В 2000 г. была образована зона свободной торговли ЕврАзЭС. В 2010 г. с целью защиты внутреннего рынка введен единый таможенный тариф и начал функционировать Таможенный союз, в 2012 г. – Единое экономическое пространство. В 2015 г. в силу вступил Договор о ЕАЭС². На сегодняшний день наиболее продвинутый уровень интеграции достигнут в сферах свободного передвижения товаров и трудовой силы, потенциал которых реализован на 65 и 70% от заявленного в Договоре о ЕАЭС соответственно. Единый рынок услуг охватывает 55% услуг, предоставляемых в государствах-членах. Потенциал рынка капитала реализован на 40% [Мясникович, 2021: 279–281].

Исходя из модели Э. Моравчика, передача суверенитета в ЕАЭС основана на делегировании. Это позволяет постоянно действующему наднациональному исполнительному органу Союза – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – эффективно имплементировать договоренности государств-членов организации и принимать решения, обязательные к исполнению на национальном уровне в более чем двадцати областях [Глазьев, 2021: 260; 265]. В принятии решений прослеживаются наднациональный и межгосударственный принципы. ЕЭК обладает имплементационными наднациональными полномочия в работе с единым таможенным тарифом, разработке режимов торговли с третьими странами и таможенном тарифном и нетарифном регулировании. Кроме того, Евразийская экономическая комиссия выступает площадкой взаимодействия государств-членов в сферах координации макроэкономической, конкурентной, энергетической и валютной политик и регулирования в работе с естественными монополиями, транспортом и перевозками, субсидиями, трудовой миграцией, обращением лекарственных средств и оборудования, ИКТ и в других сферах, в которых государства ЕАЭС делегировали полномочия ЕЭК³. В общей слож-

¹ Казахстан в ЕАЭС: преимущества, результаты и доходы. Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. 02.02.2023. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/kazakhstan-v-eaes-preimushchestva-rezultaty-i-dokhody-22880> (дата обращения: 11.08.2023).

² История создания Евразийского экономического союза.

³ Общая информация о ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/about/> (дата обращения: 5.06.2023).

ности ЕЭК правомочна по 180 аспектам государственного регулирования [Мясникович, 2021: 23].

В рамках анализа механизма наднационального управления можно привести пример работы ЕЭК с третьими странами. Эта отрасль регулируется соглашением «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями», решениями об основных направлениях международной деятельности на каждый год, Договором о ЕАЭС и другими нормативными правовыми актами¹. ЕЭК выступает в переговорах от всего Союза, снижая операционные издержки переговорного процесса и создавая режим сотрудничества в виде зоны свободной торговли, соглашений об экономическом партнерстве или меморандумов о взаимопонимании. На сегодняшний день зоны свободной торговли созданы с Вьетнамом, Сингапуром, Ираном, Сербией и Черногорией. Ведутся переговоры с Сирией, Египтом и Индией². Более сорока стран и международных организаций проявляют интерес к сотрудничеству с ЕАЭС [Глазьев, 2021: 172; 262].

Заключение

Либеральный интергouverнментализм Э. Моравчика – один из наиболее известных теоретических подходов в изучении региональной интеграции. В ЕАЭС экономические предпочтения государств-членов заключаются в необходимости расширения рынка сбыта для отечественных производителей, развития транснациональных связей, гарантирования продовольственной безопасности и защиты внутреннего рынка Союза посредством единого таможенного тарифа. Каждая страна имеет собственные предпочтения, нацеленные на решение внутренних и внешнеполитических проблем. Геополитические предпочтения включают позиционирование ЕАЭС как единого независимого актора международных отношений и поддержание коллективной безопасности, необходимой для защиты территории и конституционного строя.

Правовой статус Союза как международной организации экономической интеграции предложен Казахстаном. Отсутствие межпарламентского взаимодействия в ЕАЭС отражает предпочтения Астаны и Минска, а иерархия приоритетности актов органов принята на основании российско-белорусской позиции. В рамках наднациональных переговоров у Союза вырабатывается общая позиция. Она основана на по-

¹ Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» от 14 мая 2018 года. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=e1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762eddda&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l=8a412e96-924f-4b3c-8321-0d5e767e5f91&EntityID=17729> (дата обращения: 13.08.2023).

² Торговые соглашения Евразийского экономического союза. ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotp/torgovye-soglasheniya/> (дата обращения: 13.08.2023).

зиционировании объединения как торгового хаба в международной торговле в Восточном полушарии и на взаимодействии с историческими союзниками, которые показывают наибольшие темпы роста.

На развитых стадиях интеграции институты наделены наднациональными полномочиями через объединение или делегирование странами-членами части суверенитета. Евразийской экономической комиссии делегированы полномочия в более чем двадцати областях по 180 аспектам регулирования интеграционных процессов на общих рынках товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байков А.А., Дымова Л.А. (2017) От утопии к теории. Вклад Э. Моравчика в развитие либерально-идеалистического подхода к изучению международных отношений. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2017. № 1. С. 3–23.

Глазьев С.Ю. (2021) *За горизонтом конца истории*. Проспект, Москва. 416 с.

Зуев В.Н., Островская Е.Я., Скрябина В.Ю., Калачигин Г.М. (2021) Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ. *Экономический журнал Высшей Школы Экономики*. Т. 25. № 1. С. 42–64. DOI: 10.17323/1813-8691-2021-25-1-42-64

Мясникович М. (2021) *Практические вопросы евразийской экономической интеграции*. Белорусская наука, Минск, Беларусь. 294 с.

Тесленко И.Б., Чекушов А.А. (2019) Продовольственная безопасность ЕАЭС: проблемы и пути согласования интересов стран-участниц. *Вестник Академии*. № 4. С. 28–34.

Чеботарев Ю.А. (2018) Либеральный межправительственный подход в контексте современных региональных исследований на примере Латинской Америки. *Мировая политика*. № 2. С. 26–34. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.26333

Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. (2013) Is the USSR dead? Experience from the financial and economic crisis of 2008–2009. *Communist and Post-Communist Studies*. No. 46(1). P. 109–122.

Keohane R.O. (1988) International Institutions: two approaches. *International Studies Quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 379–396.

Moravcsik A. (1991) Negotiating the Single European Act: national interests and conventional statecraft in the European Community. *International organization*. Vol. 45. Issue 1. P. 19–56.

Moravcsik A. (1993a) Idealism and interest in the European Community: The case of the French Referendum. *French Politics and Society*. Vol. 11. No. 1. P. 45–56.

Moravcsik A. (1993b) Preferences and power in the European Community: a liberal intergovernmentalist approach. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 31: 30th Anniversary Edition, No. 4. P. 473–521.

Moravcsik A. (1997) Liberalism and localism in the world economy. *A Vision of a New Liberalism? Critical Essays*. Ed. by K. Yamamura. Stanford University Press, Stanford, USA. P. 82–113.

Moravcsik A. (1998) *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. UCL Press Limited, UK. 528 p.

Moravcsik A., Nicolaïdis K. (1999) Explaining the treaty of Amsterdam: interests, influences, institutions. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 37. No. 1. P. 59–85.

Moravcsik A. (2005a) Introduction. Europe without illusions. *Europe without illusions*. Ed. by A. Moravcsik. University Press of America, Lanham, USA. P. 3–44.

Moravcsik A. (2005b) A too perfect Union? Why Europe said “No”. *Current History*. Vol. 104. No. 685. P. 355–359.

Moravcsik A., Shimmelfennig F. (2009) Liberal intergovernmentalism. *European integration theory*. Ed. By T. Diez, A. Wiener. Oxford University Press, Oxford, UK. P. 67–87.

Solingen E. (2007) Pax Asiatica versus Bella Levantina: the foundations of war and peace in East Asia and the Middle East. *American Political Science Review*. Vol. 101. No. 4. P. 757–780. DOI: 10.1017/S0003055407070487

Analysis of the Regional Integration Theory on the Example of the EAEU

R.V. Syssoyeva

PhD, postdoc fellow, Astana International University

010000, Kabanbai batyr str. 8, Astana, Kazakhstan

E-mail: dra.syssoyeva@outlook.com

Abstract. The article is dedicated to the analysis of liberal intergovernmentalism by Andrew Moravcsik. It is applied to study integration communities all around the world and is relevant for examining the EAEU. A. Moravcsik distinguishes three stages of the integration process: formation of national preferences (priorities), intergovernmental bargaining and realisation of its commitments at the institutional level. At the third stage institutions are endowed with supranational authority, which becomes possible through pooling or delegation of sovereignties. Applying this model, the author describes the reasons for making the Eurasian choice. They include the common need to develop transnational cooperation, enlarge the market for local producers and protect it from third parties, present the Union as an independent actor of international relations. The author gives examples of cases of the negotiation process around signing the Treaty on the EAEU and demonstrates issue-linkages based on asymmetrical interdependence within the Union. The study analyses the institutional implementation of interstate agreements and activities of the Eurasian Economic Commission, which is the supranational body of the EAEU. The Commission regulates different aspects of integration processes in the common markets for goods, services, capital and labor. The article proves that liberal intergovernmentalism is applicable to the case of Eurasian integration.

Key words: theory of regional integration, Andrew Moravcsik, liberal intergovernmentalism, integration communities, EAEU, post-soviet integration

DOI: 10.31857/S0201708323060128

EDN: xxusxo

REFERENCES

Baykov A.A., Dymova L.A. (2017) Ot utopii k teorii. Vklad E. Moravchika v razvitie liberal'no-idealisticheskogo podkhoda k mezhdunarodnym otnosheniyam [From Utopia to theory: Andrew Moravcsik's contribution to liberal paradigm of international relations], *Lomonosov World Politics Journal*, 1, pp. 3–23. (In Russian).

Chebotařov Y.A. (2018) Liberalniy mezhpriavitelstvenniy podhod v kontekste sovremennyh regionalnyh issledovaniy na primere Latinskoi Ameriki [Liberal Intergovernmentalism in context of

modern regional studies on the example of Latin America], *Mirovaya politika*, 2, pp. 26–34. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.26333 (In Russian).

Glazyev S.Yu. (2021) *Za gorizontom konza istorii* [Behind the end of the history], Prospect, Moscow, Russia. (In Russian).

Golovnin, M., Libman, A., Ushkalova, D., Yakusheva, A. (2013) Is the USSR dead? Experience from the financial and economic crisis of 2008–2009, *Communist and Post-Communist Studies*, 46(1), pp. 109–122.

Keohane R.O. (1988) International institutions: two approaches, *International Studies Quarterly*, 32(4), pp. 379–396.

Moravcsik A. (1991) Negotiating the Single European Act: national interests and conventional statecraft in the European Community, *International organization*, 45(1), pp. 19–56.

Moravcsik A. (1993a) Idealism and interest in the European Community: the case of the French referendum, *French Politics and Society*, 11(1), pp. 45–56.

Moravcsik A. (1993b) Preferences and power in the European Community: a liberal intergovernmentalist approach, *Journal of Common Market Studies*, 31(4), pp. 473–521.

Moravcsik A. (1997) Liberalism and localism in the world economy, in Yamamura K. (ed.) *A vision of a new liberalism? Critical Essays*, Stanford University Press, Stanford, USA, pp. 82–113.

Moravcsik A. (1998) *The Choice for Europe. Social purpose and state power from Messina to Maastricht*, UCL Press Limited, UK.

Moravcsik A., Nicolaïdis K. (1999) Explaining the treaty of Amsterdam: interests, influences, institutions, *Journal of Common Market Studies*, 37(1), pp. 59–85.

Moravcsik A. (2005a) Introduction. Europe without illusions, in Moravcsik A. (ed.) *Europe without illusions*, University Press of America, Lanham, USA, pp. 3–44.

Moravcsik A. (2005b) A too perfect union? Why Europe said “No”, *Current History*, 104(685), pp. 355–359.

Moravcsik A., Shimmelfennig F. (2009) Liberal Intergovernmentalism, in Diez T., Wiener A. (ed.) *European integration theory*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 67–87.

Myasnikovich M. (2021) *Prakniticheskiye voprosy evraziyskoi ekonomicheskoi integratsii* [Practical issues of eurasian economic integration], Belorussian Sciences, Minsk, Belarus. (In Russian).

Solingen E. (2007) Pax Asiatica versus bella levantina: the foundations of war and peace in East Asia and the Middle East, *American Political Science Review*, 101(4), pp. 757–780. DOI: 10.1017/S0003055407070487

Teslenko I.B., Chekushov A.A. (2019) Prodoval'stvennaya bezopasnost' EAES: problemy i puti soglasovaniya interesov stran-uchastnits [EAEU food security: problems and ways of agreement of interests of participant], *Academy Herald*, 4, pp. 28–34. (In Russian).

Zuev V.N., Ostrovskaya E.Y., Skryabina V.Y., Kalachyhin G.M. (2021) Osobennosti strategii EAES po formirovaniyu seti ZST [Features of the EAEU Strategy for the Formation of an FTA Network], *Higher School of Economics Economic Journal*, 2(1), pp. 42–64. DOI: 10.17323/1813-8691-2021-25-1-42-64 (In Russian).

УДК 331.105.44

ПРОФСОЮЗЫ В ГЕРМАНИИ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

© 2023 г. **РОЖИН Александр Александрович**
Младший научный сотрудник Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3
E-mail: iulanov1@gmail.com

Поступила в редакцию 20.07.2023

После доработки 26.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. Профсоюзы в Германии традиционно играют важную роль в обеспечении справедливых условий работы и достойной оплаты труда, которые устанавливаются коллективными договорами. Тем не менее в XXI в. они столкнулись с серьезными испытаниями, вызванными эффектами глобализации, изменениями структуры занятости и др. Остро встала проблема снижения членства в профсоюзах и соответственно уменьшения их ресурсной базы. Необходимость привлечения новых членов побуждает их к целому ряду действий, начиная с увеличения протестной активности и заканчивая трансформацией моделей их деятельности. Автор проанализировал на примере немецких профсоюзов различные подходы к решению указанных проблем и их взаимосвязь с забастовками. Сделан вывод, что структурные трансформации рынка труда имели большее значение для кризиса профсоюзных объединений, чем перемены в общественном мнении. Кооперация внутри рабочего движения затруднена противоречивыми мнениями по ключевым вопросам и недостатком солидарности в реализации совместных планов. Несмотря на указанные тенденции, объединения рабочих сохраняют актуальность в социально-политическом поле.

Ключевые слова: профсоюзы, Германия, Европейский союз, солидарность, тарифные договоры

DOI: 10.31857/S020170832306013X

EDN: xxxazw

В Германии профсоюзы стали заметной социально-политической силой в конце XIX в., и на протяжении следующего столетия (за исключением периода с 1933 по 1946 гг., когда деятельность профсоюзов была запрещена правительством Германии) им удавалось добиваться существенных результатов в борьбе за права рабочих и улучшение социального обеспечения. Законодательной основой формирования профсоюзов и заключения коллективных договоров является 9 статья Основного закона ФРГ. Ее дополняют Закон о представительных органах рабочих на предприятии (Betriebsverfassungsgesetz, 1952, с изменениями 2001 г.) и Закон о коллективных договорах (Tarifvertragsgesetz, 1949, с изменениями 1969 и 2020 гг.). Последний закрепил за профсоюзами право переговоров по тарифным ставкам (на данный момент в основном регулируются на уровне отраслей) с работодателями и предприятиями. Также они участвуют в работе предприятий и компании на уровне наблюдательных и производственных советов. Последние представляют собой проявление социального партнерства на практике. Оно заключается в том, что, хотя между предприятиями профсоюзами и существуют разные точки зрения, например, на размер оплаты труда или продолжительность рабочего времени, в принципе, обе стороны разделяют взаимный интерес к конкурентоспособности своего производства [Gumbrell-McCormick, Hyman, 2013; Rüb et al., 2013].

Отдельные профсоюзы, входящие в Объединение немецких профсоюзов, во многих отношениях уникальны: *IG Metall*¹ и *ver.di*² возглавляют список ассоциаций трудящихся с наибольшим количеством членов в мире. Как независимые от партии унитарные профсоюзы, их политическое влияние не ограничивается левоцентристскими правительствами, а их признание в качестве общественных деятелей отражено в широком спектре институциональных позиций за пределами экономической сферы. Благодаря сохраненной и широко признанной организационной мощи немецких профсоюзов их социальный статус оставался в значительной степени неизменным даже тогда, когда уровень безработицы резко рос до двузначных цифр вслед за падением темпов роста [Sabel, Simon, 2017]. Хотя профсоюзы потеряли почти половину своих членов с 1991 г., их роль в защите прав трудящихся и отстаивании их интересов с помощью заключения тарифных договоров нельзя недооценивать. Данная деятельность не только обеспечивает достойные зарплату и условия труда для членов профсоюзов, но и задает стандарты трудоустройства для рабочих в целом.

Диалог – это не единственное средство ведения переговоров в арсенале профсоюзов. В случае отказа работодателей пойти на уступки протесты и забастовки могут успешно стимулировать поиск взаимовыгодного компромисса [Lehndorff et al., 2017]. Право на организацию забастовок не прописано в Основном законе ФРГ; оно определяется прецедентным правом и принадлежит профсоюзам и только в случае необходимости изменения или заключения тарифного соглашения. Индивидуального права на забастовку не существует; госслужащие (учителя, полиция, органы власти) лишены права на забастовку. Всеобщие или политические забастовки, как,

¹ Industriegewerkschaft Metall – Профсоюз работников металлургической промышленности

² Vereinte Dienstleistungsgewerkschaft – Профсоюз работников сферы услуг

например, забастовки, которые прошли во многих европейских странах (в Испании, Греции, Португалии, Италии) в рамках протестов против антикризисной политики европейских правительств, в Германии с правовой точки зрения не допустимы. Не допустимыми считаются все забастовки, которые направлены против мероприятий правительства, а также существующего или планируемого законодательства. Профсоюзы, которые призывают к недопустимым с правовой точки зрения забастовкам, обязаны возместить ущерб.

*DGB*¹ – крупнейшая зонтичная организация для профсоюзов в Германии², которая занимается координацией действий своих членов для обеспечения взаимопонимания и формирования общей позиции по острым вопросам³. Возникнув в 1949 г., она координирует совместные требования и деятельность в немецком профсоюзном движении, представляет профсоюзы-члены в контакте с государственными органами, политическими партиями и организациями работодателей. Однако зонтичная организация не участвует напрямую в коллективных переговорах и не заключает коллективных трудовых договоров⁴. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. произошло множество слияний профсоюзов, например, крупнейшее в ГДР *FDGB*⁵ приняло решение в 1990 г. войти в состав *DGB*⁶. В последнем состоит на данный момент 6 профсоюзных организаций, все из которых крупные. Тенденция к укрупнению первичных профсоюзных организаций усилила их позиции и в то же время привела к уменьшению влияния зонтичной *DGB*. Иначе обстоят дела в остальных зонтичных профсоюзных организациях. Второй по величине *DBB*⁷ объединяет 39 организаций и 1,2 млн человек. Третье и самое небольшое *CGB*⁸ включает в себя 16 профсоюзов и 283 тысячи членов. Существуют и профсоюзы, которые не входят в национальные объединения – общее число их членов не превышает 270 тысяч человек.

В профсоюзах состоит 16,3% работающих граждан ФРГ. Для сравнения в 2010 г. доля составляла 18,9%, в 2000 г. – 24,6%, а в 1991 – 36%. Статистика по членству в *DGB*: в 1991 г. общее число рабочих, состоящих во всех профсоюзах *DGB* составляло 11,8 млн человек, а на конец 2022 г. – только 6 млн человек: *IG Metall* – 2 169 183, *ver.di* – 1 893 920, *IG Bergbau, Chemie, Energie*⁹ – 591 374, *Gewerkschaft Erziehung und*

¹ Deutsches Gewerkschaftsbund – Объединение немецких профсоюзов

² *DGB-Gewerkschaften in Zahlen 2023*. URL: <https://www.samuel-greef.de/gewerkschaften/> (дата обращения: 20.10.2023).

³ Grundsatzprogramm des *DGB*. URL: <https://www.DGB.de/themen/++co++article-mediapool-a9fa09863177d704d88ed62e1ae6fc5>, (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Там же.

⁵ Freie Deutsche Gewerkschaftsbund – Объединение свободных немецких профсоюзов

⁶ Entschließung des 14. Ordentlichen Bundeskongresses des *DGB* zur deutschen. Einheit vom 22. Mai 1990.

⁷ Beamtenbund und Tarifunion – Союз государственных служащих и тарифный союз

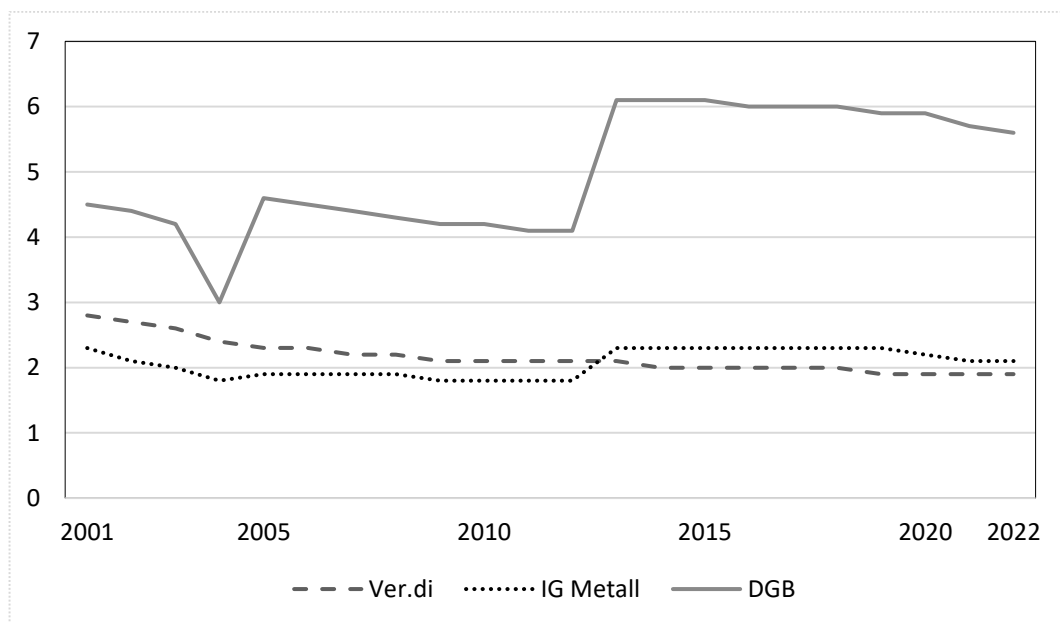
⁸ Christliche Gewerkschaftsbund Deutschlands – Христианское объединение профсоюзов

⁹ Industriegewerkschaft Bergbau, Chemie, Energie – Профсоюзы работников горнодобывающей, химической и энергетической промышленности

*Wissenschaft*¹ – 276 264, *IG Bauen-Agrar-Umwelt*² – 221 519, *Gewerkschaft der Polizei*³ – 201 712, *Gewerkschaft Nahrung-Genuss-Caststätten*⁴ – 189 908, *EVG*⁵ – 186 301. На рисунке 1 представлены тенденции членства в крупнейших профсоюзах Германии: *ver.di* и *IG Metall*, а также в самом большом объединении профсоюзов – *DGB*.

Рисунок 1

Членство в крупнейших профсоюзах Германии 2001–2022 гг. (в млн человек)



Составлено автором на основе данных статистики *DGB*. URL: <https://www.DGB.de/uber-uns/DGB-heute/mitgliederzahlen> (дата обращения: 08.09.2023).

Таким образом, за последние 20 лет наблюдалось постепенное (0,5–1% в год), но неуклонное снижение численности членов в профсоюзных организациях. Рано или поздно данная тенденция должна поднять вопрос о репрезентативности ассоциаций рабочих и о том, имеет ли смысл продолжение работы по заключению коллективных договоров в текущем формате. Однако значительного свертывания их деятельности на данный момент не наблюдается, а, скорее, даже наоборот – мы видим увеличение количества протестов и забастовок рабочих в Германии, инициированных профсоюзами.

¹ *Gewerkschaft Erziehung und Wissenschaft* – Профсоюз работников воспитательных и научных учреждений

² *IG Bauen-Agrar-Umwelt* – Профсоюзы работников строительной, сельскохозяйственной промышленности и лесного хозяйства

³ *Gewerkschaft der Polizei* – Профсоюз служащих полиции

⁴ *Gewerkschaft Nahrung-Genuss-Caststätten* – Профсоюз работников пищевой промышленности.

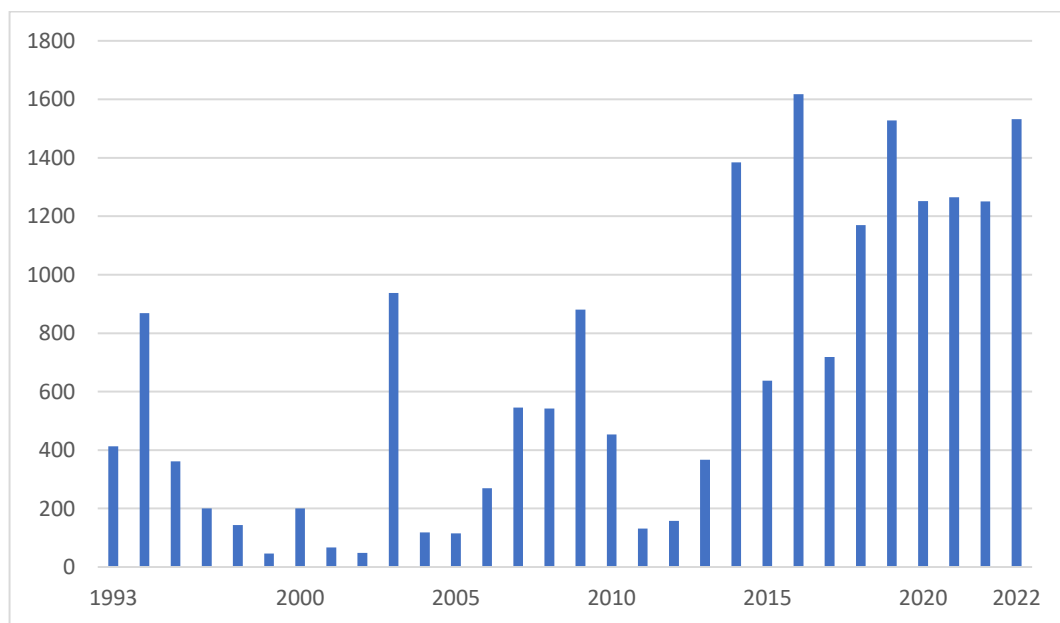
⁵ *Eisenbahn- und Verkehrsgewerkschaft* – Профсоюз железнодорожников

Рост профсоюзных протестов

Исторически забастовки в Германии в отношении тарифных переговоров вели к прерыванию работы предприятий во многих сферах производства, однако в конце XX – начале XXI вв. многочисленные протесты стали скорее исключением, чем правилом. В последнее же десятилетие крупнейшие протесты, сильно влияющие на повседневную жизнь граждан, превратились в норму (Рис. 2). В первую очередь профсоюзам удалось мобилизовать своих членов в транспортной сфере.

Рисунок 2

Количество предприятий, приостановивших свою работу в связи с забастовками



Составлено автором на основе статистики *Anzahl der von Streiks betroffenen Betriebe in Deutschland von 1993 bis 2022*, подготовленной Statista Research Department. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/218785/umfrage/anzahl-der-von-streik-betroffenen-betriebe-in-deutschland/> (дата обращения: 10.09.2023).

Одной из основных проблем для немецких профсоюзов является недостаток координации действий и целеполагания среди организаций, действующих в различных секторах экономики. Низкий уровень солидарности и отсутствие единого мнения по ключевым вопросам затруднили выработку нового подхода к постепенной модернизации модели социально-экономического развития Германии [Лобок, 2020]. Особенно ярко это проявляется, когда проблемы затрагивают профсоюзы из разных зон-

тичных организаций. Данную тенденцию можно проследить на примере национальной железнодорожной забастовки Германии 2021 г. Тогда с протестом выступили работники *Deutsche Bahn*, и забастовка продолжалась с августа по сентябрь. В ходе коллективных переговоров *GDL*¹ потребовала повышения заработной платы на 3,2% в течение 28 месяцев, а также бонуса за COVID-19 в размере 600 евро в 2021 г. С другой стороны, *Deutsche Bahn* предложила растянуть общее повышение заработной платы на 3,2% на 40 месяцев, а также отказаться от каких-либо бонусов за COVID-19².

После того как 95% рабочих проголосовали «за» при явке 70%, *GDL* объявила, что начнет забастовку вечером 10 августа, – первую забастовку железнодорожников в Германии с 2018 г. и первую крупную забастовку железнодорожников с 2015 г. Протесты вызвали много дискуссий о причинах конфликта и его значении как для бизнеса, так и рабочих. По мнению *Deutsche Bahn*, это была попытка профсоюзов привлечь к себе внимание с целью привлечения новых членов и укрепления своего влияния. Однако точки зрения на проблему внутри профсоюзного движения разнились. 4 сентября председатель Немецкой конфедерации профсоюзов, с которой *GDL* не была связана, обвинил *GDL* в разделении работников, заявив, что «в данном случае одна группа персонала, такая как машинисты поездов, отстаивает свои особые интересы за счет коллективных интересов всех других сотрудников *Bahn*»³. Забастовка закончилась 16 сентября, когда сторонам удалось достичь соглашения, включающего повышение заработной платы на 3,3% в течение 32 месяцев, две единовременные премии в течение месяцев, а также гарантии в отношении пенсий. Необходимо отметить, что одной из основных проблем для немецких профсоюзов является достижение согласия между разными секторами экономики для выработки совместного подхода к постепенной модернизации модели социально-экономического развития Германии.

В 2022 г. в протестах приняли участие почти 930 тыс. человек. В общей сложности было пропущено почти 674 тыс. рабочих дней, что превышает показатели за 2021 г., когда аналогичные цифры составили 910 тысяч и 596 тыс. соответственно. Пока рано подводить итоги за текущий год, но он уже ознаменовался крупной забастовкой в марте 2023, скоординированной совместными усилиями *EVG* и *ver.di*. Забастовка общественного транспорта Германии 2023 г. была общенациональной забастовкой рабочих, произошедшей в марте 2023 г. Забастовку организовали *ver.di* и *EVG*, два крупных транспортных профсоюза, потребовавших повышения заработной платы своих членов на 10,5% для компенсирования растущих расходов на продукты питания и энергию. Забастовка стала одной из крупнейших в Германии за последние десятилетия и затронула аэропорты, в том числе в Мюнхене, Франкфурте-на-Майне и

¹ Gewerkschaft Deutscher Lokomotivführer – Профсоюз немецких машинистов

² Alle Infos zum GDL-Streik. URL:

https://www.deutschebahn.com/de/presse/pressestart_zentrales_uebersicht/Presse-Blog-Alle-Infos-zum-GDL-Streik-6865098 (дата обращения: 19.10.2023).

³ “Trade unions clash as German rail strike rolls on”. URL: <https://www.dw.com/en/trade-unions-clash-as-german-rail-strike-rolls-on/a-59085509> (дата обращения 04.07.2023). 28 марта 2022 г. Deutsche Welle (Германия, Kurt-Schumacher-Strasse 3, 53113 Bonn) включено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. – Прим. ред.

Гамбурге, общественный транспорт и крупнейший морской порт страны. Железнодорожное сообщение, а также региональное и пригородное железнодорожное сообщение приостанавливалось по всей стране¹.

В забастовке приняли участие более 400 тыс. работников транспорта, что делает ее крупнейшей акцией транспортников со времен забастовок в 1990-х гг. Ставилась цель предупредить правительство и работодателей о потенциальных последствиях неспособности договориться о повышении заработной платы, которое соответствовало бы темпам инфляции. В целом, общественное мнение оказалось на стороне протестующих². Хотя Карин Велге, представитель VKA³, назвала забастовку «неспровоцированной эскалацией», профсоюзы утверждали, что необходимо дать понять работодателям, что работники поддерживают требования⁴. Забастовка прошла в основном мирно, но вызвала значительные перебои в графике работы поездов и в торговле. Забастовка членов *ver.di* продлилась до конца апреля, когда профсоюз пошел на компромисс, рекомендованный арбитражем. В результате удалось добиться существенного повышения заработной платы в железнодорожной отрасли в среднем на 11% к началу 2024 г. В то же время переговоры *EVG* с *DB* продлились до конца августа текущего года и завершились существенными уступками рабочих: вместо повышения заработной платы на 650 евро произойдет увеличение на 410 в два этапа до середины 2024 г. Но рабочие получают также единовременную выплату в размере 2850 евро.

В 2023 г. ключевой стала инициатива *IG Metall* по сокращению рабочей недели до 4 дней (с 35 часов до 32), что, по мнению Кнут Гислер (ведущего переговорщика *IG*), не только предотвратит потерю рабочих мест, ожидаемую в результате осуществления зеленого перехода, но и сделает сталелитейную отрасль более привлекательной для молодежи⁵. Данное предложение возможно осуществить лишь в долгосрочной перспективе, так как оно подразумевает изменение тарифных и рабочих планов. С другой стороны, Профсоюз работников сферы услуг (*ver.di*) и Немецкий профсоюз государственных служащих (*DBB*) считают необходимым повышение зарплат государственным служащим на 10,5% (500 евро) уже сейчас⁶. Требование является логичным продолжением стратегии, направленной на рост заработной платы для сотрудников сферы

¹ Streiks an den Flughäfen Köln/Bonn und Düsseldorf kommende Woche. URL: <https://nrw.verdi.de/presse/pressemitteilungen/++co++d39c37b0-b3be-11ed-8ef9-001a4a160100> (дата обращения: 04.07.2023).

² Knappe Mehrheit zeigt Verständnis für Streik, Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/warnstreik-im-nah-und-fernverkehr-und-auf-flughaefen-knappe-mehrheit-zeigt-verstaendnis-fuer-streik-a-56f34c1e-872e-4b41-b3af-b0f53e767296> (дата обращения: 10.10.2023)/

³ Vereinigung der kommunalen Arbeitgeberverbände – Объединение работодателей муниципального сектора

⁴ Tageschau Kommunalpräsidentin kritisiert Warnstreiks deutlich. URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/warnstreiks-kommunen-werfen-gewerkschaften-uebertreibung-vor-101.html> (дата обращения 04.07.2023).

⁵ Tarifrunde: *IG Metall* will Viertagewoche in Stahlindustrie durchsetzen, Zeit, 05.04.2023. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/unternehmen/2023-04/ig-metall-vier-tage-woche-stahlindustrie-lohn-verhandlungen> (дата обращения: 20.10.2023).

⁶ Tarifverhandlungen: Gewerkschaften fordern 10,5 Prozent mehr Lohn für Länder-Beschäftigte.

услуг. Она была обозначена еще в апрельском коллективном договоре, и станет ключевым на предстоящих в конце октября тарифных переговорах. Согласно соцопросам, предложенные преобразования вызывают неоднозначную реакцию в обществе. По данным NDR почти три четверти населения выступают за четырехдневную рабочую неделю, учитывая позитивные результаты ее внедрения в других странах ЕС¹. Особенно большую поддержку она находит среди молодежи. В то же время опрос журнала *Stern* в начале апреля текущего года показал, что более 55% общества не считают преобразования практичными и реалистичными. Преимущественно скептического мнения придерживаются жители на востоке Германии². Противоречивость общественного настроения по данному вопросу не упрощает работу профсоюзов, для которых солидарность рабочих – это ключевой фактор успеха их работы.

Данные примеры указывают на несколько характеристик современного немецкого профсоюзного движения и его положения в системе отношений с государственной властью и бизнесом. Во-первых, серьезный организационный потенциал позволяет профсоюзам собирать значительное число рабочих для проведения своих акций, что в свою очередь заставляет частные компании принимать во внимание их требования. Во-вторых, широко поддерживаются действия профсоюзов как среди их членов, так и общественности. Однако нельзя игнорировать и факты соперничества и определенного размежевания внутри самого профсоюзного движения, что ставит под вопрос перспективы кооперации данных организаций по широким вопросам. В-третьих, систему социального партнерства ФРГ характеризует скорее принцип тарифной автономии, то есть в переговорах о заключении тарифных договоров как правило участвуют только представители профсоюзов и работодателей без вмешательства государственных органов или органов местного самоуправления, даже несмотря на то, что некоторые протесты выходят за рамки отношений профсоюзов и бизнеса.

Основные проблемы рабочего движения и профсоюзов

Ключевые вызовы для профсоюзов были сформулированы еще в 1990-е гг. К факторам, на которые обычно ссылаются исследователи [Избиенова, 2023; Гришин и др., 2023], относят структурные изменения в профсоюзных организациях, эффекты глобализации, изменения форм занятости (увеличение мобильности ра-

Zeit, 11.10.2023? URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2023-10/tarifierverhandlungen-laender-verdi-beamtenbund-gewerkschaften> (дата обращения: 20.10.2023).

¹ Umfrage: Große Mehrheit für Vier-Tage-Woche, NDR, 27.04.2023, URL: <https://www.ndr.de/ndrfragt/Umfrage-grosse-Mehrheit-fuer-Vier-Tage-Woche,ergebnisse1192.html> (дата обращения: 20.10.2023); Kund 81 Prozent der vollzeitbeschäftigten wollen vier-tage-woche, grosse Mehrheit wünscht Lohnausgleich, Hancs Böckler Stiftung, 08.05.2023. URL: <https://www.boeckler.de/de/pressemitteilungen-2675-rund-81-prozent-der-vollzeitbeschäftigten-wollen-vier-tage-woche-49242.htm>, (дата обращения: 20.10.2023).

² Weniger Arbeit für das gleiche Geld? 55 Prozent der Deutschen sind gegen Vier-Tage-Woche, Stern, 24.04.2023. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/forsa-umfrage--55-prozent-der-deutschen-gegen-vier-tage-woche-33405122.html> (дата обращения: 20.10.2023).

ботников и волатильности рынка труда), особенности цифровизации, децентрализация переговорного процесса между профсоюзами и работодателями. В период 2022–2023 гг. последствия пандемии COVID-19 только усилили существующие противоречия. Ввиду ограничения контактов и перехода на формы удаленной работы способность профсоюзов отстаивать интересы своих членов существенно снизилась. Без угрозы забастовки бизнесу гораздо легче игнорировать запросы и требования организаций¹.

Следует подчеркнуть и другие грани современного состояния профсоюзов. Их лидеры признают, что им сложно работать с молодежью и привлекать к участию в работе организаций². Отчасти это может быть связано с серьезным межпоколенческим разрывом между лидерами ассоциаций и их потенциальными новыми рядовыми членами. На руководящих постах в профсоюзах подавляющее большинство составляют люди в старшем возрасте: главой *IG Metall* до 2022 г. был Райнер Хоффман (66 лет); сейчас профсоюз возглавляет Ясмин Фахими (54 года).

Гендерный аспект имеет также большое значение: доля женщин растет во всех сферах труда, и их особые предпочтения и потребности учитываются все больше. Однако нельзя не согласиться с мнением В. Шрёдера, который еще десять лет назад указывал на то, что «культура труда в Германии ориентирована преимущественно на мужчину-работника, как и профсоюзные интересы» [Keller, 2014]. Данная характеристика до сих пор кардинально не изменилась.

Имеет место существенная неоднородность рабочего движения [Шемякин, Избинова, 2022; Seeliger, 2019]. Наличие противоречий в нем подтверждают не только примеры на национальном уровне, но и на общеевропейском. Так, мнение о Директиве о минимальной заработной плате разделилось. Идея об установлении минимальной заработной платы законодательным путем во всех странах ЕС обсуждается уже давно. В скандинавских странах она не вызывает энтузиазма у представителей профсоюзного движения, так как потенциально подрывает их переговорные позиции. Следствием может стать установление более низких зарплат, чем те, которые устанавливаются в ходе коллективных переговоров [Tricart, 2019]. С другой стороны, большинство стран Центральной и Восточной Европы, где позиции профсоюзов значительно слабее, видят в данной директиве и законодательном подходе единственный способ предотвратить обнищание рабочих [Furåker, Larsson, 2020].

Самой серьезной проблемой на сегодняшний день является снижение членства в профсоюзах. Она тесно связана с уменьшением человеческих и финансовых ресурсов, которые объединения трудящихся могут использовать для отстаивания интересов своих членов. К причинам возникновения данной проблемы можно отнести также

¹ Wir erleben einen Digitalisierungsschub Zwischen Selbstbewusstsein und Sorge: *ver.di*-Vorstand Frank Werneke über die Auswirkungen der Krise auf die Angestellten und neue Perspektiven durch onlinebasiertes Lernen. URL: https://about.google/intl/de_ZZ/stories/verdi/ (дата обращения: 10.02.2023).

² Empfehlungen für die Einbeziehung junger Menschen in Gewerkschaften, ETUC. URL: https://www.etuc.org/sites/default/files/publication/file/2021-03/ETUC-Youth%20guide_DE.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

общие тенденции снижения доверия к общественным институтам, которые сложились в Европе еще с начала 1980-х гг. Однако более убедительны исследования, которые показывают, что дело обстоит наоборот: по мере потери веры в государственные органы и политические партии возрастает убежденность в том, что именно профсоюзы могут представлять и отстаивать интересы граждан [Cardoso, 2018]. Таким образом, показатели социальной легитимации деятельности профсоюзов значительно не изменились за 40-летний период. Причины проблем профессиональных объединений имеют скорее организационную природу, чем идеологическую.

Эту идею подтверждают и мнения представителей самих профсоюзов, которые убеждены в том, что реорганизация их деятельности и поиск новых подходов к функционированию объединений – наиболее перспективный способ преодоления текущего кризиса¹.

Численность членов профсоюза зачастую определяет его организационные возможности, поэтому ее снижение привело ко множеству дискуссий о введении новых организационных стратегий. Среди самых популярных идей получила распространение американская «организационная модель», которая подразумевает передачу власти непосредственно членам профсоюза. Ее противопоставляют традиционной европейской «рядовой модели» и «модели обслуживания», при которой профсоюзы стремятся удовлетворить требования членов в отношении разрешения жалоб и получения пособий с помощью методов, отличных от прямого давления на работодателей со стороны широких масс [Vandaele, 2012]. Существует мнение, что такая организационная модель с опорой на «демократический экспериментализм» позволит найти ресурсы и энергию, необходимые для трансформации профсоюзов внутри них самих и соответственно вовлечет их членов в работу сильнее, чем традиционные подходы [Platzer, 2013]. Кроме того, молодежь может быть заинтересована гораздо более именно в таком формате членства в профсоюзе. В то же время есть определенный скепсис в перспективах внедрения такой модели, ведь кризисные тенденции в работе профсоюзов наблюдаются и в странах, где она является основной [Шестакова, 2021]. Помимо этого, к ее недостаткам относится существенная затратность как в плане человеческих ресурсов, так и капитала, и большая зависимость от мотивации участников профессионального объединения [Heery et al., 2000].

Ограничение ресурсной базы профсоюзов создало ситуацию, когда несмотря на эту негативную тенденцию в Германии наблюдается существенное увеличение протестов и забастовок. Это можно объяснить двумя разными идеями. С одной стороны, профсоюзы всеми силами пытаются доказать свою востребованность, а увеличение количества и масштабов протестов – это способ привлечь внимание к себе общественности и новых потенциальных членов. С другой стороны, подобная наступательная тактика переговорного процесса с работодателями может свидетельствовать о высоком профессионализме управленческого звена, которое в трудных условиях способно мобилизовать имеющиеся средства и успешно добиваться поставленных целей. Поиск

¹ The role of trade unions in a rapidly changing world, Reiner Hoffman, IPS Journal, 2018. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/europe/the-role-of-trade-unions-in-a-rapidly-changing-world-2837/> (дата обращения: 07.03.2023).

ответа на вопрос, какая же гипотеза верна, представляет перспективное направление для дальнейших исследований в области профсоюзного движения.

* * *

Профсоюзы во всем мире испытывают множество трудностей ввиду изменений форм занятости, различных эффектов глобализации. Лидеры профсоюзных организаций Германии наиболее перспективными считают реорганизацию структур и расширение форматов взаимодействия со своими членами. Тем не менее внутри рабочего движения можно наблюдать расхождения во мнениях по поводу целей и способов их достижения. Наличие противоречий как на общеевропейском уровне, так и на национальном мешает профсоюзам выступать единым фронтом по ключевым вопросам. Самое тяжелое испытание – ограничение ресурсной базы для ассоциаций трудящихся. Несмотря на медленное, но уверенное снижение членства в профсоюзах Германии (что совпадает с общеевропейскими тенденциями), их протестная деятельность только набирала обороты в 2010-е гг. Профсоюзы организуют все больше забастовок, и почти полторы тысячи предприятий каждый год вынуждены приостанавливать свою работы по этой причине. Кризисы последних лет обострили уже существующие социальные и экономические противоречия, что естественным образом усилило необходимость бороться за достойные условия труда и заработную плату. Профсоюзы чувствуют свою уязвимость и снижение заинтересованности населения в них (ввиду появления и распространения новых форм занятости и усиления мобильности населения), а потому используют забастовки также для обоснования важности и нужности своей работы в глазах общественности. Успешная наступательная переговорная политика демонстрирует способность профсоюзных организаций даже в ограниченных условиях действовать масштабно и эффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гришин О.Е., Канушкин А.В. (2023) Цифровая трансформация экономики как социально-политический вызов для немецких профсоюзов. *PolitBook*. № 2. С. 107–119. EDN: OIASVA.
- Избиенова Т. А. (2023) Коллективный (тарифный) договор в эпоху цифровизации в Германии. *Вопросы трудового права*. № 4. С. 240–245. DOI: 10.33920/pol-2-2304-08. EDN: ODSBLV.
- Лобок (рук.) (2020) *Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт)*. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург. 240 с.
- Шемякин Р. К., Избиенова Т.А. (2022) Неаффилированные забастовки в Германии. *Вопросы трудового права*. № 10. С. 660–663. DOI: 10.33920/pol-2-2210-06. EDN: JSETVU.
- Шестакова Е. (2021) Социальная защита до и в эпоху пандемии: проблемы старые и новые. *Общество и экономика*. № 1. С. 81–99. DOI: 10.31857/S020736760013403-2. EDN: VJKBPP.
- Cardoso A. (2018) Collective bargaining and extension in Brazil. *Collective Agreements: Extending Labour Protection*. Ed. by S. Hayter, J. Wisser. International Labour Organization, Geneva, Switzerland. P. 159–174.
- Furåker B., Larsson B. (2020) *Trade Union Cooperation in Europe*. Palgrave Pivot, Cham, Switzerland. 157 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-38770-9>

- Gumbrell-McCormick R., Hyman R. (2013) *Trade Unions in Western Europe: Hard Times, Hard Choices*. Oxford University Press, Oxford, UK. 242 p.
- Heery E., Simms M., Simpson D., Delbridge R., Salmon J. (2000) Organizing unionism comes to the UK. *Employee Relations*. Vol. 22 No. 1. P. 38–57. DOI: 10.1108/eum000000005307
- Keller B. (2014) Gewerkschaften und Interessenverbände im System der Arbeitsbeziehungen des öffentlichen Dienstes. *Handbuch Gewerkschaften in Deutschland*. Ed. by W. Schroeder. Springer Fachmedien, Wiesbaden, Germany. P. 309–335.
- Lehndorff S., Dribbusch H., Schulten T. (ed.) (2017) European Trade Unions in a Time of Crises—An Overview. *Rough Waters: European Trade Unions in a Time of Crises*. ETUI, Brussels, Belgium. P. 7–38.
- Rüb S., Platzer H-W., Müller T. (2013) *Transnational Company Bargaining and the Europeanization of Industrial Relations. Prospects for a Negotiated Order*. Peter Lang, Oxford, UK. 316 p.
- Sabel C., Simon W. (2017) Democratic Experimentalism. *Searching for contemporary legal thought*. Ed. by J. Desautels-Stein, Ch. Tomlins. Cambridge University Press. P. 477–498. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316584361.026>
- Seeliger M. (2019) *Trade Unions in the Course of European Integration: The Social Construction of Organized Interests*. Routledge, London, UK. 288 p.
- Tricart J.P. (2019) *Legislative Implementation of European Social Partner Agreements: Challenges and Debates*. ETUI, Brussels, Belgium. 68 p.
- Vandaele K. (2012) Youth representatives' opinions on recruiting and representing young workers. *European Journal of Industrial Relations*. Vol. 18. Issue 3. P. 203–218.

Trade Unions in Germany: Challenges and Solutions

A.A. Rozhin

Junior Research Associate of Department of Social and Political studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: *iulanov1@gmail.com*

Abstract. German trade unions traditionally play critical role in securing fair work conditions and wages. However, in the XXI century they are facing significant challenges, caused by effects of globalization, structural changes in the labor market and others. The most prominent problem is gradually declining membership and therefore shrinking resource capacity. Necessity to attract new members encourages them to undertake many different actions: from increasing protest activity to altering their work models. Author considers the cases of German trade unions and how they react to the acute issues and their connection to the protests. Author draws a conclusion that structural transformations of the labor market have been more impactful than changes in their public perception. Worker unions have remained a significant and influential force in political and social fields. Nevertheless, format of their work requires significant modifications to strengthen them as organizations that truly represent workers interests.

Key words: Trade unions, Germany, European Union, social partnership, social legitimacy

DOI: 10.31857/S020170832306013X

EDN: xxxazw

REFERENCES

- Cardoso A. (2018) Collective bargaining and extension in Brazil, in Hayter S., Wisser J. (ed.) *Collective Agreements: Extending Labour Protection*, International Labour Organization, Geneva, Switzerland, pp. 159–174.
- Furåker B., Larsson B. (2020) *Trade Union Cooperation in Europe*. Palgrave Pivot, Cham, Switzerland. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-38770-9>
- Grishin O., Kanushkin A. (2023) Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki kak sotsial-no-politicheskiy vyzov dlya nemetskikh profsoyuzov [Digital transformation of the economy as a socio-political challenge for German trade unions], *PolitBook*, 2, pp. 107–119. EDN: OIASVA (In Russian).
- Gumbrell-McCormick R., Hyman R. (2013) *Trade Unions in Western Europe: Hard Times, Hard Choices*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Heery E., Simms M., Simpson D., Delbridge R., Salmon J. (2000) Organizing unionism comes to the UK, *Employee Relations*, 22(1), pp. 38–57. DOI: 10.1108/eum0000000005307
- Izbiyenova T. (2023) Kollektivnyy (tarifnyy) dogovor v epokhu tsifrovizatsii v Germanii. [Collective agreements in Germany], *Voprosy trudovogo prava*, 4, pp. 240–245. DOI: 10.33920/pol-2-2304-08. EDN: ODSBLV (In Russian).
- Keller B. (2014) Gewerkschaften und Interessenverbände im System der Arbeitsbeziehungen des öffentlichen Dienstes, in Schroeder W. (ed.) *Handbuch Gewerkschaften in Deutschland*, Springer Fachmedien, Wiesbaden, Germany, pp. 309–335.
- Lehndorff S., Dribbusch H., Schulten T. (ed.) (2017) European Trade Unions in a Time of Crises—An Overview, in *Rough Waters: European Trade Unions in a Time of Crises*, ETUI, Brussels, Belgium, pp. 7–38.
- Lobok D. (ed.) (2020) *Modeli profsoyuznogo dvizheniya: istoriya i sovremennost (zarubezhnyy opyt)*. [Trade unions Models; history and present (foreign experience)], Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov, Sankt-Peterburg, Russia. (In Russian).
- Rüb S., Platzer H-W., Müller T. (2013) *Transnational Company Bargaining and the Europeanization of Industrial Relations. Prospects for a Negotiated Order*, Peter Lang, Oxford, UK.
- Sabel C., Simon W. (2017) Democratic Experimentalism, in J. Desautels-Stein J., Tomlins Ch. (ed.) *Searching for contemporary legal thought*, Cambridge University Press, pp. 477–498. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316584361.026>
- Seeliger M. (2019) *Trade Unions in the Course of European Integration: The Social Construction of Organized Interests*, Routledge, London, UK.
- Shemyakin R., Izbiyenova T.A. (2022) Neaffilirovannyye zabastovki v Germanii. [Legal status of “unaffiliated” strikes in Germany], *Voprosy trudovogo prava*, 10, pp. 660–663. DOI 10.33920/pol-2-2210-06. EDN: JSETVU (In Russian).
- Shestakova E. (2021) Sotsialnaya zashchita do i v epokhu pandemii: problemy staryye i novyye. [Social protection programs before and during the pandemic: old and new challenges], *Obshchestvo i ekonomika*, 1, pp. 81–99. DOI: 10.31857/S020736760013403-2. EDN: VJKBBP. (In Russian).
- Tricart J.P. (2019) *Legislative Implementation of European Social Partner Agreements: Challenges and Debates*, ETUI, Brussels, Belgium.
- Vandaele K. (2012) Youth representatives’ opinions on recruiting and representing young workers, *European Journal of Industrial Relations*, 18(3), pp. 203–218.

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

УДК 261.7

**ЗАПАДНЫЕ ЦЕРКВИ И ПОЛИТИКА:
КОНТУРЫ ИДЕЙНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ¹**

© 2023 **ПАРЕНЬКОВ Даниил Алексеевич**
*научный сотрудник Центра европейских исследований
ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76;
E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru*

© 2023 **ВОРОТНИКОВ Владислав Владиславович**
*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки,
директор Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76;
ведущий научный сотрудник
отдела исследований Центральной и Восточной Европы,
Институт Европы РАН
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 22.07.2023

После доработки 22.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье проанализированы конфликтные линии во взаимодействии религиозных институтов и политических акторов в Европе. Политика в отношении церквей на Западе рассматривается как практическая реализация неосекularного подхода, который подразумевает снижение роли религиозных институтов и церковных элит при сохраняющейся религиозности и квазирелигиозности. Показано, что противоречия государственно-конфессиональных отношений в странах Запада несут в себе как угрозу ценностной автономии религиозных орга-

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта ИМИ МГИМО МИД России №1921-01-03 «Элитные взаимодействия в современном мире: возможности влияния на внешние и внутренние политические процессы в условиях кризиса больших идеологий, популистской волны и растущей роли проблематики безопасности».

низаций, так и усиление тренда на инструментализацию религии во внешней политике. Показано, что попытки ценностного давления на традиционные церковные институты способствуют формированию враждебной среды, способствующей усилению внутрицерковных противоречий. В результате религиозные организации оказываются в ситуации множащихся идейных размежеваний и искусственно подталкиваемой внутренней конкуренции. Возрастают риски снижения институциональной устойчивости традиционных церквей, опирающихся на единство вероучения и стремящихся к внутреннему единству. В этой связи в статье дан анализ возможных внутренних и внешних реакций церковных институтов на усиливающееся давление. В качестве возможных сценариев рассматриваются усиление процессов идейно-региональной автономизации и нарастание все более открытых конфликтов со светскими властями в ряде стран по актуальным вопросам политической повестки дня. При любом из сценариев прогнозируется усиление линии разломов между европейскими странами в вопросах, имеющих сильную религиозную окраску, что может привести к росту социального напряжения и углублению размежеваний среди электората в странах Запада.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религия и политика, секуляризация, религиозность в Европе

DOI: 10.31857/S0201708323060141

EDN: xygsui

В статье рассматриваются перспективы дальнейшего усиления противоречий между традиционными религиозными институтами и светскими элитами в странах Запада. Текущий вектор европейской политики по отношению к религиозным институтам в долгосрочной перспективе работает на создание конфликтных линий, которые выходят за рамки идеологических размежеваний и носят системный характер. Идейные расхождения создают внешние и внутренние институциональные точки напряжения, которые будут подталкивать церковные элиты либо ко все более интенсивному конфликту со светскими властями, либо приведут к радикальной внутренней перестройке. При этом стратегии церковных элит по позиционированию церковных институтов в условиях идейных противоречий будут значимы с точки зрения принятия политических решений и разворачивающихся вокруг них баталий за смыслы и интерпретации [Алексеева и др., 2021].

«Практичный» неосекуляризм

В Европе отношение к роли религии и церковным институтам остается значимым фактором размежеваний как во внутривнутриполитическом пространстве, так и между государствами. Так, специальное исследование «Ценности и идентичности» проекта «Евробарометр» 2020 г. зафиксировало, что респонденты в ЕС разделились поровну в отношении важности религии. По 36% респондентов сказали, что религия для них важна, или выбрали противоположный ответ, а оставшиеся 28% опрошенных заняли промежуточную позицию. При этом существуют большие различия между государствами-членами. Респонденты на Кипре (80%), в Румынии (73%),

Греции (72%), Болгарии (60%), Мальте (58%) и Польше (54%) придают большое значение религии. Респонденты в Швеции (16%), Дании и Люксембурге (по 18%), Чехии (19%), Эстонии (22%), Бельгии и Германии (по 24%), Франции и Нидерландах (по 26%), Австрии и Словении (по 28%), Испании (29%) в меньшей степени оценивают религию как важную составляющую их жизни¹.

Дополнительную динамику ценностным и идейным размежеваниям придает конфессиональная и региональная специфика. В странах с православным большинством взаимосвязь между религиозной и национальной идентичностью сильнее, чем в государствах с католическим большинством. В странах, где православные христиане составляют большинство, значительная доля населения считает, что православное вероисповедание является важной составляющей национальной идентичности: например, грек по национальности – последователь Греческой православной церкви (медиана – 70%). В то же время в четырех странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) с католическим большинством доля респондентов, придерживающихся того же мнения в отношении католичества, ниже (медиана – 57%)², но также существенно с точки зрения общественно-политических процессов³.

Стратегии большинства государственных акторов в Европе по отношению к религиозным институтам долгое время концептуально вписывались в рамки классического секуляризма. Церкви имели свою относительно автономную сферу функционирования, хотя границы этой сферы и становились предметом дискуссий разной степени интенсивности.

COVID-19 стал катализатором изменения институциональных границ между государством и церковью, а вторжение политических акторов в религиозные практики спровоцировало внутренние вызовы легитимности религиозных институтов [Мчедлова, 2021].

Во время коронакризиса религиозные организации почти в четверти стран мира столкнулись с жестким давлением, включая аресты и решения о тюремных сроках, в рамках государственных мер по имплементации связанных с коронавирусом ограничений на отправлении богослужений и иных религиозных собраний. В 74 странах в связи с распространением COVID-19 были зафиксированы случаи обвинений в адрес религиозных организаций со стороны государственных органов и различных негосударственных акторов. Причем в Европе религиозные институты столкнулись с этим в 44% государств, хотя основным источником давления и критики выступали негосударственные структуры⁴.

¹ Values and identities of EU citizens. European Union. 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2230> (дата обращения: 30.05.2023).

² В странах Западной Европы меньшее число респондентов – например, 23% во Франции и 30% в Германии – считают, что принадлежность к христианству «очень важна» или «довольно важна» для их национальной идентичности.

³ Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. Pew Research Center. 10.05.2017. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-FULL-REPORT.pdf> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Majumdar S. How COVID-19 Restrictions Affected Religious Groups Around the World in 2020. Pew Research Center. 29.11.22. URL:

Ковидные конфликты и взаимодействия наложились на все более заметные ценностные расхождения традиционных конфессий и продвигаемых светскими элитами неолиберальных нарративов. Как фиксирует ряд авторов, мировоззренческие позиции неолиберального антиидентизма находятся в очевидной конфронтации с традиционализмом [Лункин, Филатов, 2018].

Наблюдаемая смена подхода к взаимодействию с религиозными институтами вписывается в концептуальную матрицу неосекуляризма. Складывается впечатление, что светские акторы перешли к использованию пришедших на смену классическому секуляризму теорий в качестве «практичного знания». В рамках неосекуляризма происходящие в обществе процессы рассматриваются не как упадок религии, а как уменьшение сферы действия религиозной власти. Процессы секуляризации описываются как снижение влияния религиозных институтов, а не религии и религиозности как таковой. При этом выделяются три плоскости, в которых фиксируются эти процессы: институциональная, организационная и индивидуальная. В рамках неосекуляризма подчеркивается, что секуляризация представляет собой процесс снижения способности религиозных элит осуществлять власть над другими институциональными сферами, ослабления контроля религиозной власти над организационными ресурсами в религиозной сфере и уменьшения роли религиозного контроля за индивидуальными действиями [Yamane, 1997].

Представляется, что ценностно-идейное давление на традиционные конфессии и усиливающиеся попытки использования церкви в политических интересах отражают переоценку роли религиозных институтов со стороны светской власти. В странах Запада именно государство стремится определять допустимый уровень влияния церкви на ее собственные организационные и идейные возможности.

Как справедливо отмечают Р.Н. Лункин и С.Б. Филатов, «идеология антиидентизма – ключевого элемента нового либерализма – не может принять традиционную религиозность – она ему враждебна» [Лункин, Филатов, 2021]. Действительно, традиционные ценности тесно связаны с религиозностью. Например, исследования показывают наличие связи между значимостью религии среди населения и уровнем поддержки однополых браков. Чем выше уровень значимости религии, тем ниже поддержка нетрадиционных форм отношений. И, напротив, наибольшее одобрение однополых браков присутствует там, где значительная часть населения не придает значение религии. Так, в Нигерии, в которой 99% взрослого населения заявляет о значимости религии в их жизни, всего 2% высказываются в поддержку однополых браков. Для сравнения, в Швеции однополые браки поддерживают 92% взрослых, а о значимости религии говорят лишь 20%¹.

В отдельных государствах и религиозных группах, безусловно, присутствует своя специфика. Так, в США за однополые браки выступают в своих речах и като-

<https://www.pewresearch.org/religion/2022/11/29/how-covid-19-restrictions-affected-religious-groups-around-the-world-in-2020/> (дата обращения: 30.05.2023).

¹ Poushter J., Gubbala S., Huang C. How people in 24 countries view same-sex marriage. Pew Research Center. 13.06.2023. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/06/13/how-people-in-24-countries-view-same-sex-marriage/> (дата обращения: 15.06.2023).

лики. Однако, учитывая демографические тенденции, для традиционных христианских конфессий выбор оказывается вдвойне сложным: либо подстраиваться под активно поддерживаемые со стороны западных государств ожидания и терять поддержку среди наиболее религиозной паствы в демографически значимых регионах, либо сохранять ее, но при этом вступать в конфликт с формирующимися политико-правовыми практиками и сокращать возможности политического участия.

Долгосрочные демографические тенденции указывают на перспективу изменения регионального распределения религиозных групп. К 2060 г. прогнозируется рост доли населения Африки к югу от Сахары в численности всех христиан с 26 до 42% из-за высокой рождаемости в регионе. В то же время смена религии и снижение рождаемости приведут к снижению доли христианского населения, проживающего в Европе и Северной Америке¹.

Идейные расхождения имеют вполне практические эффекты. Так, противоречия между светскими правовыми нормами, предписывающими применять практики эвтаназии, и жестким религиозным запретом на эти действия вынудили католических «Бельгийских братьев» выбирать между лояльностью церковному руководству и предписаниями светских властей. Конечные решения вынудили орден разорвать в публичном поле идентифицирующие связи со своим основным институциональным ресурсом – сетью медицинских учреждений².

Эрозия ценностной автономии

Западные элиты видят в традиционных церковных институтах и ценностях ограничитель для продвигаемой на внутреннем и внешнем политическом рынке неолиберальной парадигмы. Как отмечает британский правовед Р. МакКри, сегодня «Европа более секулярна, чем когда бы то ни было, поскольку сохранившееся влияние религии относительно законов, регулирующих сексуальную этику, неуклонно снижается» [McCrea, 2013: 231].

Внутренние противоречия между традиционными религиозными нормами и неолиберальными политическими ориентациями современных демократий четко фиксирует Р. Инглхарт в своей работе 2020 года «Неожиданный упадок религиозности в развитых странах». Более того, Инглхарт отмечает, что «традиционные религии могут вызывать опасные разногласия в современном мире» и, «чтобы позитивно функционировать в условиях глобализации, религия нуждается в универсальной перспективе» [Инглхарт, 2020].

В качестве такой универсальной перспективы западные элиты видят перестройку традиционных религий и церковных институтов в рамках несвой-

¹ Hackett C., Stonawski M., McClendon D. The Changing Global Religious Landscape. Pew Research Center. 05.04.2017 URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/> (дата обращения: 30.05.2023).

² Gagliarducci A. Belgian Brothers of Charity fight for their name after CDF decision. Catholic News Agency. 08.05.2020. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/44472/belgian-brothers-of-charity-fight-for-their-name-after-cdf-decision> (дата обращения: 30.05.2023).

ственных для них идейных установок. Все более активно предпринимаются попытки «воспитания религии» в соответствии с неолиберальными установками [Лункин, Филатов, 2021].

Активность религиозных организаций и запросы верующих, которые зачастую не вписываются в рамки новых ценностей, трактуются как девиация. Наблюдается отход от установки на отделение церкви от государства и автономизацию религиозной жизни. Более того, все более заметен тренд на вмешательство во внутрицерковные вопросы со стороны политических акторов. Что важно, речь идет не просто о попытках влияния на конфигурацию отношений внутри религиозных организаций, а о нарастающем стремлении форматировать вероучительные установки и религиозную повестку дня.

Вместо формулы взаимного невмешательства, родившейся в результате многовековой истории конфликтов светской и религиозной власти в Европе, предлагается внешнее определение границ веры со стороны внерелигиозных политических субъектов. Светские власти примеряют на себя роль судебной и контролирующей инстанции в определении «хороших» и «плохих» религиозных взглядов, трактовок вероучения [Пареньков, Воротников, 2023].

Одной из отличительных черт современного секулярного общества становится замещение религиозно регламентируемых паттернов поведения «светскими функциональными эквивалентами» [Смирнов, 2023]. В условиях заметной маргинализации влияния вероучительных смыслов на установки и поведение [Андреева и др., 2021: 182] светские акторы активно включаются в конкуренцию за формирование мировоззренческих установок среди верующих.

Под предлогом деидеологизации религии и этической переоценки верований оказывается давление на церкви и иерархов, не вписывающихся в доминирующий нарратив. Это заметно и в научной литературе. Так, в опубликованном в 2022 г. справочнике издательства *Routledge* «Религия, политика и идеология» отдельный раздел посвящен вопросам соотношения религиозных верований, идеологии и этики. Оценки в тексте выходят за рамки светских исследований. Например, утверждается, что «понтификаты Иоанна Павла II и Бенедикта XVI загнали в угол и до некоторой степени свели на нет богословские и пастырские достижения, установленные Вторым Ватиканским собором» [Haynes, 2022].

Риторика западных официальных лиц также подтверждает тренд на попытку вписать религиозную систему в доминирующий нарратив. Например, это заметно по принятой 3 мая 2022 г. резолюции Европарламента о «преследовании меньшинств по признаку убеждений или религии». Изначально документ был нацелен на защиту религиозных меньшинств и включал в себя упоминания опасной тенденции преследования христиан. Однако из итогового варианта резолюции исключили упоминания преследований христиан на Ближнем Востоке и в Африке и сфокусировали внимание на угрозах, которые представляют религии для «современного» видения брака, прав женщин, представителей ЛГБТ+ сообщества и «репродуктивных прав»¹.

¹ European Parliament resolution of 3 May 2022 on the persecution of minorities on the grounds of belief or religion (2021/2055(INI)). URL: <https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA->

Политическая конъюнктура в странах Запада формирует враждебную по отношению к традиционным религиям среду, что провоцирует внутрицерковные противоречия. В 2017 г. конфликт между Римско-католической церковью (РКЦ) и властями Бельгии по вопросу эвтаназии в католических учреждениях и его последствия для отношений между Святым Престолом и «Бельгийскими братьями» воспринимался как тревожный, но нестандартный сигнал о провоцируемых внешними политическими условиями внутрицерковных конфликтах. Сегодня такие конфликты становятся частью повседневной практики.

Ярким примером ценностных противоречий в церковной среде стал подготовительный этап Синода епископов Римско-католической церкви по вопросам синодальности. В ходе так называемого «Синодального пути» епархии, а затем и конференции католических епископов с октября 2021 г. собирали предложения к итоговому этапу Синода в октябре 2023 г. в Риме. Результаты предварительных обсуждений на уровне отдельных стран спровоцировали заметное напряжение внутри РКЦ. В ряде католических епархий, включая Испанию, Францию, Германию, прозвучали призывы к отмене целибата, рукоположению женщин и пересмотру отношения к однополым бракам¹. Наиболее острую реакцию вызвала поддержка подобных идей Католической церковью Германии, в адрес которой звучали обвинения вплоть до уклонения в раскол. Святой Престол заявил, что «“Синодальный путь” в Германии не имеет власти принуждать епископов и верующих к принятию новых способов управления и новых подходов к доктрине и морали» и что «до достижения согласованного понимания на уровне вселенской Церкви было бы недопустимо инициировать новые официальные структуры или доктрины в епархиях, что нанесло бы ущерб церковному общению и создало бы угрозу единству Церкви»².

Политический аспект проблемы точно высветил епископ Кордовы Деметрио Фернандес Гонсалес, который подчеркнул, что синодальный процесс нельзя приравнивать к тому, как светские правительства разрабатывают свои законы: «синоды и собрания не должны противоречить тому, что Дух говорит своей Церкви, как если бы Церковь была гражданским парламентом, который меняет законы по требованию избирателей»³.

9-2022-0137_EN.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

¹ См., например, итоговый документ архиепархии Люксембурга: «En route vers une Église vivante des peuples de Dieu au Luxembourg»: Contribution de l'Archidiocèse de Luxembourg à la consultation synodale universelle. Église catholique à Luxembourg. 2022. URL: https://cathol.lu/IMG/pdf/rapport_v10_comb_red.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

² Holy See Statement, 21.07.2022. Holy See Press Office. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2022/07/21/220721e.html> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Nicolás de Cárdenas. Spanish bishop warns that the Synod on Synodality can't re-invent the mission of the Church. Catholic News Agency. 29.07.2022. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/251907/spanish-bishop-warns-that-the-synod-on-synodality-can-t-re-invent-the-mission-of-the-church> (дата обращения: 30.05.2023).

Внешинополитическая инструментализация религии

Во внешней политике западных стран также наблюдается установка на попытки ценностно перестроить традиционные религии. Религиозные группы, оппонирующие доминирующему нарративу, подвергаются давлению, а некоторые и вовсе включаются в список политических противников. Ситуация осложняется усилением конфронтации на международной арене. На ценностном уровне от церкви требуют вписаться в «порядок, основанный на правилах». Одновременно США и ряд западноевропейских государств стремятся ко все более политизированной инструментализации религии.

Западные официальные инстанции умело пользуются религиозной и правозащитной тематикой. В документах ЕС приоритизируются либо права верующих, либо групп, якобы подвергающихся «негативному воздействию» религиозных организаций. В одних случаях оппоненты подвергаются критике за «преследование» религиозных групп, в других – атаке подвергаются сами религиозные группы либо характер их отношений со светскими властями.

«Мессианские» установки стран Запада и в особенности США фиксируют стремление использовать правозащитную риторику в религиозной сфере для давления на международной арене. Так, сенатор-республиканец от штата Флорида Марко Рубио заявлял, что «свобода вероисповедания – это священное право, предоставляемое всем мужчинам и женщинам, и Соединенные Штаты обязаны защищать его»¹. Доклады о религиозной свободе, публикуемые Госдепартаментом США, и схожие европейские документы манипулируют понятием «религиозная свобода» для поддержки радикальных политических групп, включая сторонников экстремистских и террористических организаций. Так, Комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ обращала внимание на текст доклада Госдепа за 2021 г. Из него следует, что, «в действительности, США волнуют права организаций, запрещенных в Российской Федерации за попытки внести раскол в общество, угрозу территориальной целостности нашей страны, а также за пропаганду национальной и религиозной вражды; неоднократно высказывается поддержка деятельности террористической организации “Хизб ут-Тахрир” и запрещенного экстремистского объединения “Таблиги Джамаат”²». Одновременно неугодные религиозные органи-

¹ Menendez, Risch, Rubio, Colleagues' Bill to Reauthorize United States Commission on International Religious Freedom Passes Senate. United States Senate Committee on Foreign Relations. 21.07.2022. URL: <https://www.foreign.senate.gov/press/chair/release/menendez-risch-rubio-colleagues-bill-to-reauthorize-united-states-commission-on-international-religious-freedom-passes-senate-> (дата обращения: 30.05.2023).

² Официальный телеграмм-канал Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ. URL: <https://t.me/suverenitetSF/342> (дата обращения: 30.05.2023).

зации обвиняются в нарушении прав отдельных групп граждан или в сопротивлении распространению западных ценностей.

Отдельно необходимо отметить попытки ограничить роль православия и Русской православной церкви, в частности. Отчасти это объяснимо широкой ролью РПЦ и православия в европейских государствах (оно является вторым по распространенности вероисповеданием в Европе). При этом в странах с преимущественно православным населением медианное значение поддержки тезиса о том, что «сильная Россия необходима как противовес влиянию Запада», составляет 66% (в Греции, к примеру, 70%)¹. Страны Запада исторически рассматривают давление на РПЦ как элемент стратегии по сдерживанию России. Такие оценки, например, предложены в резолюции Европейского парламента «Об иностранном вмешательстве в демократические процессы в Европейском союзе, включая дезинформацию» от 9 марта 2022 г. В этом тексте Европарламент отмечает, что «обеспокоен попытками Православной Церкви в таких странах, как Сербия, Черногория и Босния и Герцеговина, особенно в ее образовании Республика Сербская, продвигать Россию как защитницу традиционных семейных ценностей и укреплять отношения между государством и церковью»².

Дополнительное напряжение создает втягивание государством религиозных институтов в собственные внешнеполитические конфликты. Так, антироссийскую политическую позицию заняла Церковь Англии. В рамках продвигаемого британскими властями нарратива Синод Церкви Англии 11 июля 2022 г. принял заявление, в котором фактически оправдывает попытки смены действующей российской власти, призывая молиться «о том, чтобы российский народ получил передышку от авторитарного правительства»³.

Частью политических стратегий стран Запада также стали технологии управления расколами и внутрицерковными конфликтами. Наиболее явный пример – ситуация вокруг Украинской православной церкви в 2018-2019 годах. После начала специальной военной операции на Украине тема управляемого раскола актуализировалась в связи с событиями в Литве, которые повлияли на включение главы РПЦ патриарха Кирилла в список «нежелательных лиц» и привели к запрету на въезд на территорию Литвы. В этом же контексте стоит рассматривать и введение в отношении патриарха Кирилла персональных санкций Британией, Канадой и Чехией. Санкции против главы РПЦ стали первым случаем подобных ограничений исключительно по признаку принадлежности к религиозной организации.

¹ Religious Belief and National Belonging ...

² European Parliament resolution of 9 March 2022 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation (2020/2268(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0064_EN.html (дата обращения: 30.05.2023).

³ Synod hears of suffering of Ukrainian citizens as it votes to condemn Russian invasion. The Church of England. 11.07.2022. URL: <https://www.churchofengland.org/media-and-news/press-releases/synod-hears-suffering-ukrainian-citizens-it-votes-condemn-russian> (дата обращения: 30.05.2023).

Поддержка расколов усиливается идейными установками на поддержку максимально религиозного многообразия и «демонтаж “угнетательных” ценностей и стереотипов, выработанных христианской религией и закрепленных в традиционной культуре». [Лункин, Филатов, 2021]. В результате раскольнические группы описываются в рамках фрейма о поддержке меньшинств или уникальных самобытных групп.

Заключение

Идейные расхождения неолиберализма с ценностными установками традиционных конфессий провоцируют все более углубляющиеся институциональные противоречия между церковными и светскими элитами. Агрессивное продвижение антиидентистского нарратива и продолжающиеся попытки жесткой инструментализации религиозных институтов провоцируют структурные внутрицерковные проблемы. Речь идет как об усилении внутрицерковных идейных размежеваний, так и о поддерживаемой извне внутренней борьбы.

Это несёт в себе очевидную угрозу институциональной выживаемости традиционных церквей, опирающихся на единство вероучения и стремящихся к внутреннему институциональному единству. В какой-то момент напряжение внутри церковных институтов на фоне внешнего давления приведет либо к внутренним, либо к внешним реакциям. В первом случае можно прогнозировать усиление процессов идейно-региональной автономизации, слабо отличимой от расколов. Во втором случае – церковные элиты вынуждены будут усиливать ответную риторику и идти на все более открытые конфликты со светскими властями в ряде стран по актуальным вопросам.

При любом из сценариев, в конечном счете, это будет усиливать линии разломов между европейскими странами в вопросах, имеющих сильную религиозную окраску. Наблюдается мультипликация эффектов неосекуляризации. Теоретическое осмысление динамики религиозных процессов с использованием неосекулярного подхода и теории религиозной экономики привело к переоценке стратегий светских политических акторов по отношению к религии (хотя и с заметным опозданием в сравнении с развитием внутринаучных дискуссий).

Во внутренней политике религия с ее развитыми институтами, ресурсами в образовании, культуре, здравоохранении и других сферах воспринимается западными правительствами как потенциальный конкурент в сфере общественно-политического влияния. Во внешней – как препятствие на пути экспансии западных ценностей и «порядка, основанного на правилах».

Попытки политических элит контролировать религиозную сферу бросают вызов универсальности христианской церкви. Давление на традиционные религии с целью перекройки их ценностных установок под «новые» реалии создают угрозу размежеваний внутри церквей по страновому принципу и между различными группами епископата. Стремление поставить неолиберальные ценности выше традиционных христианских ценностей также ведет к локализации европейской религиозной повестки. Европейские церковные институты, в первую очередь Римско-

католическая церковь, оказываются перед сложным выбором: вписаться в диктуемые политической конъюнктурой ценностные рамки и потерять поддержку консервативно настроенных верующих или пойти на конфликт с доминирующими на Западе установками и сохранить свою глобальную ориентацию.

Нацеленность Запада на выхолащивание церковного мировоззрения в рамках продвигаемого им морально-этического нарратива снижает доступность механизмов снятия «экзистенциальных опасений», и так усилившихся на фоне сложной международной обстановки и отголосков коронакризиса. Результатом данного процесса станет рост социального напряжения и углубление размежеваний среди электората в странах ЕС, Британии и США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.А., Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А. (2021). Дилеммы современной теории политических элит: что дальше? *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.06

Андреева Л.А., Следзевский И.В., Смирнов М.Ю. (ред.) (2021) Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений. Владимир Даль, Санкт-Петербург. 551 с.

Лункин Р.Н., Филатов С.Б. (2018) Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния. *Современная Европа*. № 3 (82). С. 102–114. DOI: 10.15211/soveurope32018102114

Лункин Р.Н., Филатов С.Б. (2021) Христианские церкви и антиидентистская революция. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 8. С. 97–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108

Мчедлова М.М. (ред.) (2021) Религия, общество, политика: изменение институциональных границ. *Религия в современной России: события и дискурсы пандемии*. Под ред. М.М. Мчедловой. РУДН, Москва. С. 13–22.

Воротников В.В. Пареньков Д.А., (2022). Церковь и политика: испытание новой реальностью. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/031/wvn2ijxtec9eb4nqv490ayus4d0pgjj/church-politics.pdf?ysclid=lbz0z44i280475851> (дата обращения: 19.05.2023).

Смирнов М.Ю. (2023). Экуменизм в современной Европе: адаптация к секулярному обществу. *Современная Европа*. № 4 (118). С. 157–169. DOI: 10.31857/S0201708323040095

Haynes J. (ed.) (2022). *The Routledge handbook of religion, politics and ideology*. Routledge. Abingdon, UK; New York, USA. 385 p.

Inglehart R.F. (2021). *Religion's sudden decline: What's causing it, and what comes next?* Oxford University Press, New York, USA. 208 p.

McCrea R. (2013) Religious contributions to law and policy-making in a secular political order. The approach of European institutions. In: Leustean L. (ed.) *Representing Religion in the European Union: Does God Matter?* London&New York: Routledge. P. 217–236.

Yamane D. (1997) Secularization on trial: In defense of a neosecularization paradigm, *Journal for the scientific study of religion*, Vol. 36. No. 1. P. 109–122.

Western Churches and Politics: Frontiers of Ideologic Divergence

The study was carried out within the framework of the research project of MGIMO University's Institute of international studies №1921-01-03 "Elite interactions in the modern world: the possibilities of influencing external and internal political processes in the context of the crisis of big ideologies, populist waves and the growing role of security issues".

D.A. Parenkov

Research Fellow at the Institute of International Studies of MGIMO-University.

76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

V.V. Vorotnikov

Candidate of Sciences (History),

Associate Professor, Department for European and American Studies;

Director of Center for European Studies

at the Institute of International Studies, MGIMO-University,

76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454;

Leading Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Abstract. The article deals with conflict lines in the interaction of religious institutions and political actors in Europe. Church policy in the West is seen as a practical implementation of the neo-secular approach, which implies a reduction in the role of religious institutions and church elites while remaining religiosity and quasi-religiousness. It is shown that the contradictions of state-confessional relations in Western countries pose both a threat to the value autonomy of religious organizations and an increasing trend towards the instrumentalization of religion in foreign policy. It is shown that attempts of value pressure on traditional church institutions contribute to the formation of a hostile environment that contributes to the strengthening of intra-church contradictions. As a result, religious organizations find themselves in a situation of multiplying ideological divisions and artificially pushed internal competition. The risks of reducing the institutional stability of traditional churches based on the unity of the doctrine and striving for internal unity are increasing. In this regard, the article offers an analysis of possible internal and external reactions of church institutions to the increasing pressure. As possible scenarios, the strengthening of the processes of ideological and regional autonomy and the increase in increasingly open conflicts with secular authorities in a number of countries on topical issues of the political agenda are considered. Under any of the scenarios, it is predicted that the fault line between European countries will strengthen on issues with a strong religious connotation, which may lead to an increase in social tension and deepening of divisions among the electorate in the Western states.

Key words: church-state relations, religion and politics, secularisation, religiosity in Europe.

DOI: 10.31857/S0201708323060141

EDN: xygsui

REFERENCES

- Alekseeva T.A., Loshkarev I.D., Parenkov D.A. (2021) Dilemmy sovremennoi teorii politicheskikh ehlit: chto dal'she? [Dilemmas of the Modern Theory of Political Elites: What's Next?], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 78–93. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.06 (In Russian).
- Andreeva L.A., Sledzevskij I.V., Smirnov M.Yu. (ed.) (2021) Transformatsii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen “parallel'nykh” obshchestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij [Transformations of Global Confessional Geospatial space: the phenomenon of “parallel” societies in the system of international political relations], Vladimir Dal', Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).
- Haynes J. (ed.) (2022). *The Routledge handbook of religion, politics and ideology*. Routledge. Abingdon, UK; New York, USA.
- Inglehart R.F. (2021). *Religion's sudden decline: What's causing it, and what comes next?* Oxford University Press, New York, USA.
- Lunkin R.N., Filatov S.B. (2021) Khristianskie tserkvi i antiidentistskaya revolyutsiya [Christian Churches and the Antiidentist Revolution], *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(8), pp. 97–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108 (In Russian).
- Lunkin R.N., Filatov S.B. (2018) Mezhekongfessional'nye razlichiya v Evrope i novye ideologicheskie protivostoyaniya [Interconfessional Differences in Europe and New Ideological Withstandings], *Sovremennaya Evropa*, 3(82), pp. 102–114. DOI: 10.15211/soveurope32018102114 (In Russian).
- MacCrea R. (2013) Religious contributions to law and policy-making in a secular political order. The approach of European institutions. In: Leustean L. (ed.) *Representing Religion in the European Union: Does God Matter?* London&New York: Routledge, pp. 217–236.
- Mchedlova M.M. (2021) Religion, Society, Politics: Changing Institutional Boundaries, in Mchedlova M.M. (ed.) *Religiya v sovremennoi Rossii: sobytiya i diskursy pandemii* [Religion in Modern Russia: Pandemic Events and Discourses], RUDN, Moscow, Russia. pp. 13–22. (In Russian).
- Vorotnikov V.V. Parenkov D.A., (2022). Tserkov' i politika: ispytanie novoj real'nost'yu [Church and Politics: the Challenge of a new Reality]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/031/wvn2ijxtec9eb4nqv490ayus4d0pgjj/church-politics.pdf?ysclid=lbenz0z44i28047585> (In Russian), (accessed: 19.05.2023).
- Smirnov M.YU. (2023). Ehkumenizm v sovremennoj Evrope: adaptatsiya k sekulyarnomu obshchestvu [Ecumenism in Modern Europe: Adaptation to Secular Society], *Sovremennaya Evropa*. 4(118), pp. 157–169. DOI: 10.31857/S0201708323040095 (In Russian).
- Yamane D. (1997) Secularization on trial: In defense of a neosecularization paradigm, *Journal for the scientific study of religion*, 36(1), pp. 109–122.

УДК 297.17

ИСЛАМ НА ЯМАЛЕ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ¹

© 2023 **СТАРОСТИН Алексей Николаевич**

Кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО Уральский государственный горный университет

620144, Россия, Екатеринбург, Куйбышева ул., 30;

Старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный

лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

603000, Россия, Нижний Новгород, Минина ул., 31А

E-mail: alisheria@mail.ru

© 2023 **ЯРКОВ Александр Павлович**

Доктор исторических наук

Ведущий эксперт ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет

625003, Россия, Тюмень, Володарского ул., 6

E-mail: ayarkov@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.04.2023

После доработки 14.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. На основе анализа источников и исследований, интервью, включенного наблюдения проанализированы особенности ислама в Ямало-Ненецком автономном округе. Археологические находки указывают, что в период средних веков этот регион через Меховой путь участвовал в торговле со странами Востока. С середины XX в. территория Ямало-Ненецкого автономного округа стала привлекать мигрантов. Они создали общины в городах и вахтовых поселках. Большинство верующих, несмотря на различие мест исхода, придерживаются традиционного для России ислама (ханафитского и шафиитского мазхабов), выстраивая отношения с органами власти, представителями иных конфессий и мировоззрений. Мусульмане полагают, что только в диалоге можно гармонизиро-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг. при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

вать отношения, и уважают традиции и нормы, сложившиеся в регионе. В статье также рассмотрена специфика исповедания ислама в условиях Заполярья. В вопросах безопасности в регионе, имеющем стратегическое значение в политическом и экономическом отношении, должны учитываться как особенности организации местного социума, так и опыт противодействия экстремизму.

Ключевые слова: Ямал, ЯНАО, история и современность, мусульмане, специфика функционирования ислама, полярный ислам, противодействие экстремизму

DOI: 10.31857/S0201708323060153

EDN: xyizdg

В исламоведении существует термин «арктический / полярный ислам». Его теоретическое обоснование приводит А.К. Магомедов: «Здесь нужно назвать такие особенности, как суровые климатические условия, территориальная удаленность от исторических исламских ареалов, индустриальный характер арктических городов. К этому необходимо добавить нехватку халяльных животных для совершения предписанных ритуалов во время мусульманских праздников, полярную ночь и полярный день, которые влияют на различные исламские обязательства верующих мусульман. Совокупность данных обстоятельств формируют новый климатический и социальный ландшафт, в котором живут мусульманские общины российской Арктики» [Магомедов, 2022: 115].

«Российский случай ... не уникален, – отмечает А.К. Магомедов. – В Канаде провинция Альберта стала домом для растущей мусульманской общины: в городе Калгари построена крупнейшая мечеть в стране, а в городе Форт Мак-Мюррей, который является центром эксплуатации месторождений нефтяных песков, открыта мусульманская школа. На российском Севере это явление еще более заметно: здесь круглый год работают сотни тысяч выходцев из Центральной Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. К этому добавились азербайджанцы, российские татары и башкиры, работавшие здесь с советских времен, а также быстро растущие общины внутренних мигрантов с Северного Кавказа» [Магомедов, Омаров, 2020: 105].

В публикациях о полярном исламе часто упоминают Мурманскую, Магаданскую и Архангельскую области, Республики Коми и Саха (Якутию), Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), Красноярский и Камчатский края [Магомедов, Омаров, 2020: 107; Laruelle, Hohmann, 2020: 328]. Фактором развития ислама на этих территориях выступает миграция.

Отдельные полярные мусульманские общины Ямала (Ярсале, Новый Уренгой) и этнические мусульмане (татары Салехарда) рассмотрены в научных работах [Селезнёв, Малхасьян, 2003; Опарин, 2016; Yarlykarov, 2020]. В них проанализированы ситуации, связанные с исповеданием. Отдельно изучались вопросы деятельности радикальных, экстремистских и террористических групп и их влияние на мусульманское сообщество региона, проблемы противодействия радикальной идеоло-

гии [Попов, Старостин, 2014; Малащенко, Старостин, 2015; Силантьев, 2008: 449–450]. Цель данного исследования – реконструировать историю и современное состояние ислама на ямальской земле.

К приметам исламской культуры

В Средневековье на Ямале появились приметы ближневосточной культуры. В это время исламский Ренессанс на два столетия обогнал европейское Возрождение в научных познаниях и ремеслах. На основе коранических воззрений и преданий о Зуль-Карнайне (Искандере Двурогом, т. е. Александре Македонском) сложилось представление о племенах яджудж и маджудж (библейские Гог и Магог). Они обитали «где-то на севере», за высокими горами, «в седьмом климате» вплоть до «моря Мрака»¹. Яджудж и маджудж внушали ужас: «...по четыре глаза, два на лбу; два на груди; их тело покрыто шерстью, у некоторых уши свисают до плечей; они не говорят, но издают своим голосом звуки, похожие на змеиное шипение и птичий свист». На карте мира из Лондонской псалтири (1260-е гг.) среди представителей 14 рас указаны яджудж и маджудж [Нурминен, 2017: 54].

О таинственном крае повествовали арабские и персидские авторы [Григорьев, Фролова, 2002: 261–280.], чьи оценки были весьма причудливы. Несмотря на суровый климат и жуткое описание аборигенов, они не были изолированы от другой части ойкумены [Ярков, Перцев, 2018: 25–32].

Жители Ямала не стали союзниками мусульман Поволжья, Средней Азии и Сибирского юрта, но обменивались продукцией [Бауло, 2007: 145–146]. На халмерах (наземных могильниках ненцев) археологи находят предметы исламского экспорта. Меховой путь, по которому доставлялись изделия из восточных стран, являлся продолжением Волжско-Камского торгового пути. По нему, как правило, происходил натуральный товарообмен аборигенов и приезжих. Возможно, купцы-мусульмане были на Ямале, т. к. бухарский след обнаружен в самодийской лексике [Аникин, Хелимский, 2007: 125–127].

В имперский период мусульмане были немногочисленны. В Обдорске (Салехард с 1933 г.) в 1897 г. из 500 жителей упомянуты только два татарина. К 1912 г. число мусульман увеличилось, а в инородческом приюте среди угров и ненцев (которых обучали церковному пению) упомянуто: «лучшая певица хора – маленькая татарка из-под Тобольска» [Селезнёв, Малхасьян, 2003: 10]. Маловероятно, что она могла в тех условиях исполнять установки ислама, даже если сохранила знания.

Гражданская война привела на Ямал вместе с отрядами противоборствующих сторон верующих разных конфессий, но остались там немногие. Численность изменилась в 1930-е гг. О присутствии представителей этносов, традиционно исповедующих ислам, достоверно известно начиная с конца 1920-х гг., когда их стали ссылать, а также вербовать на рыбные промыслы, фактории и суда. В основном это были уроженцы Поволжья, Урала и Сибири. Например, в окружном стройучастке трудились татары – ссыльные первой категории. На местном рыбокомбинате работали пять татарских се-

¹ Северный Ледовитый океан. – прим. авт.

мей кулаков. Там же трудились завербованные татары [Селезнёв, Малхасьян, 2003: 11–12]. Как сообщил авторам старожил татарской общины Салехарда Равиль Салихович Ниязов, татары жили вокруг предприятия, образовав компактный «микрорайон»¹.

На Ямал стали высылать верующих (раскулаченных и осужденных за преступления) и служителей культа. Власти продолжали преследовать за убеждения: бывшего муллу Тимергали Нафикова, ставшего истопником больницы в Яр-Сале, арестовали в мае 1938 г. По Оби и Иртышу его привезли на суд в Омск, где спустя два месяца расстреляли². Приводили в исполнение высшую меру и на местах. Так произошло с бывшим муллой Ахметшой Шиховым, возчиком салехардского горкомхоза, высланным из-под Тобольска. Он был осужден выездной «тройкой» Омского УНКВД в марте 1938 г. А. Шихова обвинили в антисоветской пропаганде, но основанием послужила его прежняя духовная деятельность³.

В 1939 г. на Ямале проживало 1 636 татар (в то время основных носителей исламской идентичности в регионе), или 3,4% от общего числа жителей. Также насчитывалось 399 казахов, 5 башкир, 2 киргиза, по 1 адыгейцу и чеченцу. Таким образом, общее количество этнических мусульман на Ямале составляло 2 044 чел., или 4,5 % от общего числа жителей⁴.

Интервью с рожденными в 1930-е гг. ямальцами свидетельствуют: верующие стремились держать пост, накрывали стол на Ураза-Байрам и Курбан-Байрам. Это делалось тайно. Обряды жизненного цикла соблюдались, но с учетом мест исхода. Большинство делали имянаречение новорожденным и никах при вступлении в брак. Единоверцев хоронили в соответствии с традициями, но на общих погостах⁵.

Что повлияло в дальнейшем на интерференцию культур? Фиксируются браки татар и башкир с коренными жителями, что отражает сложившийся половой дисбаланс приезжих (в основном мужчин). Неизвестно, сопровождались ли браки обращением женщин в ислам, но некоторые элементы исламской культуры проникли в быт смешанных семей. В то же время занявшиеся рыболовством и оленеводством мусульмане восприняли не только тип хозяйствования, но и знали священные места ненцев, селькупов и ханты, куда посторонние не допускались.

В 1940–1950-е гг. на Ямале находились спецпереселенцы и заключенные подчинения НКВД. С 1949 г. в Салехарде и Старом Уренгое базировалось Управление 501-й стройки железной дороги. На работах были заняты 60 тыс. чел., из них 80% – заклю-

¹ Полевые материалы авторов. Интервью с Ниязовым Равилем Салиховичем. Салехард. 11.05.2022.

² Нафиков Тимергали. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/423444/> (дата обращения: 15.01.2023).

³ Шихов Ахметша Мухвимович. URL: [https://ru.openlist.wiki/Шихов_Ахметша_Мухвимович_\(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Шихов_Ахметша_Мухвимович_(1897)) (дата обращения: 15.01.2023).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (дата обращения: 15.01.2023).

⁵ Полевые материалы авторов. Интервью с Ниязовым Равилем Салиховичем. Салехард. 11.05.2022; Какаковым Гибратом Саидовичем. Салехард. 13.05.2022; Минязовой Махинур Фаттахитдиновной. Салехард. 11.05.2022.

ченные, в т. ч. мусульмане [Гриценко, Калинин, 2010]. В отличие от появившихся в 2000-е гг. «зеленых зон», там не соблюдались права верующих.

Мало известно о практиках свободных граждан. Пожилые совершали никах, давали детям имена, проводили Коран-аш. Поскольку летом солнце практически не заходит за горизонт, то пост в месяц Рамадан соблюдали, ориентируясь на живущих южнее единоверцев, но в одном с ними часовом поясе¹.

Полярный ислам в НАО (Ненецком автономном округе) и ЯНАО стал различаться, однако ненцы оставались государствообразующим народом в этих субъектах РФ. В ходе промышленного освоения Ямала увеличилась общая численность населения (за 1959–1989 гг. – с 62,3 до 494,9 тыс. чел., т. е. в 7,94 раза). При этом удельный вес коренных жителей неуклонно уменьшался: 1970 г. – 32,1%, 1979 г. – 16,1%, 1989 г. – 6%. Также вырос удельный вес русских: с 44,6% (1959) до 59,2% (1989), украинцев – до 17,2%, а татар – до 5,3%, но это не свидетельствует об усилении религиозности.

Показательны данные о браках на Ямале. В 1951–1960 гг. из 333 браков, заключенных татарами в окружном ЗАГС, 87 (26,13%) – смешанные. В 1971–1980 гг. из 440 браков 271 (61%) носили смешанный характер. В 1980-е гг. доля браков с татарами в Салехарде увеличилась до 74,2% (423 брака из 570) [Селезнёв, Малхасьян, 2003: 15–28].

Выделено несколько волн миграции этнических мусульман: 1950–1960-е гг.; 1970–1980-е гг.; 1990–2000-е гг. Первые две связаны со стройками века, на которые государство посылало специалистов из Азербайджана, Башкирии, Дагестана, Татарстана и Чечено-Ингушской АССР. Их «различия нивелировались общностью профессиональной культуры, потребностями, жизненными стратегиями и общей идеологией», – отмечала Г.А. Хизриева [Хизриева, 2008: 82–83]. Мигрантов первой волны относят к старожильческому населению, а имена ряда мусульман (по происхождению) запечатлены в названиях многих объектов. Конфессиональные особенности не были важны². Более того, поздних мусульман-мигрантов ненцы именовали обобщенно «черными русскими».

Анализ переписей 1989–2010 гг. показал, что численность исповедующих ислам или принадлежащих к мусульманской культуре за 20 лет возросла в 1,6 раза, что согласуется с общеевропейскими тенденциями. Их доля в населении составила 12,35%. Но примечательны различия с процессами в соседнем НАО, где число этнических мусульман никогда не достигало 3%. В ЯНАО, напротив, количество выходящих из Средней Азии и Кавказа указывает на растущую динамику: от 2,4 до 9,4 раз (например, численность уроженцев Средней Азии в 1989 г. – 3 126, в 2010 г. – 29 630 чел.). За последние 10 лет ситуация изменилась: количество этнических мусульман по данным переписи 2020/2021 гг. сократилось с 64 598 до 50 605 чел., а доля от общего числа населения уменьшилась до 9,9%. Основная убыль пришлась

¹ Там же.

² Шиит по происхождению Фарман Салманов, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, член-корреспондент РАН, заслуженный геолог Российской Федерации, почетный гражданин ЯНАО, не отказывал в финансовой помощи ни суннитам, ни шиитам.

на татар, башкир и азербайджанцев, количество которых сократилось примерно на треть¹.

Число активно практикующих мусульман в 1990-е гг. достоверно неизвестно, но потребность в знаниях по исламу очевидна. Так, при опросе салехардцев-татар в 2001 г. выявлено: 80% респондентов заявили о принадлежности к исламу, но только 7,4% часто посещали мечеть или молитвенный дом (зал), 11,3% – только по пятницам. Чаще всего мечеть посещали молодежь до 30 лет и люди старше 61 года. Это отражает изменения в установках и ценностях [Селезнёв, Малхасьян, 2003: 32].

О современной ситуации

Первые общины на Ямале в 1990-е гг. создавались по инициативе татар, башкир и азербайджанцев, к которым впоследствии присоединились выходцы с Кавказа и Средней Азии. Общины в ЯНАО развивались относительно автономно, поддерживая связи с организациями ХМАО – Югры и юга Тюменской области. Первой ЦРО² в регионе стал Ямало-Ненецкий казыят ДУМ АЧР³, учредительный съезд которого прошел 19 мая 1999 г. На втором съезде в июле 2000 г. председателем был избран З.Р. Сагитов. В его подчинении оказались «Нур Ислама» в Новом Уренгое; «Умма» в Губкинском, «Иман-Вера» в Салехарде и одноименная организация в Ноябрьске, «Ислам» в Старом Уренгое, а также «Даоват» в Коротчаеве. Затем в состав вошли такие МРО⁴, как «Инам» в Тарко-Сале, «Ислам» в Лабытнанги, «Иман» в Муравленке, «Ислам» в Пурпе, «Ийман» в Лимбяхе и Вынгапуровская община. 22 сентября 2001 г. прошла презентация Ямальского казыята. Его центром стала мечеть Ноябрьска. Появились воскресные школы и собственные СМИ.

Не все общины вошли в состав Казыята. На базе трех МРО (Салехард, Муравленко, Надым) 19 июня 2001 г. было создано РДУМ ЯНАО⁵ юрисдикции ЦДУМ России⁶. Первым руководителем стал Р.Ш. Шагапов. В 2002–2005 гг. РДУМ возглавлял Х.А. Хайдаров, с 2006 г. пост муфтия занимал Х.Т. Хафизов, председателя – А.Х. Загидуллин. С 2014 г. по настоящее время обе должности занимает Х.Т. Хафизов.

Между РДУМ ЯНАО и окружным казыятом ДУМ АЧР диалог отсутствовал. Кроме того, действовал Надымский мухтасибат – подразделение Омского муфтията (ДУМ Сибири⁷). Он включал МРО микрорайона «Правобережный» Надыма, «Соборную мечеть “Азат Сафа”» Надыма и Надымского района, МРО «Рамазан» в поселке Пангоды [Сафин, 2008: 90–93].

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Таблица 1. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 15.04.2023).

² ЦРО – централизованная религиозная организация. – прим. авт.

³ ДУМ АЧР – Духовное управление мусульман Азиатской части России. – прим. авт.

⁴ МРО – местная религиозная организация. – прим. авт.

⁵ РДУМ ЯНАО – Региональное Духовное управление мусульман Ямало-Ненецкого автономного округа. – прим. авт.

⁶ ЦДУМ – Центральное духовное управление мусульман. – прим. авт.

⁷ ДУМ – Духовное управление мусульман. – прим. авт.

При поддержке властей произошло объединение: общины, входившие в казыят, к середине 2010-х гг. были ликвидированы по решению суда или перешли в РДУМ. В 2017 г. в состав РДУМ вошел Надымский мухтасибат. Выступая в октябре 2022 г. на IV съезде мусульман ЯНАО Верховный муфтий, Председатель ЦДУМ России Т.С. Таджуддин заметил, что на сегодняшний день умма Ямала едина¹. РДУМ ЯНАО объединяет 17 местных организаций.

Общины полиэтничны. Среди служителей культа в 2013 г. на Ямале 10% были выходцами из Средней Азии, 15% – с Кавказа, остальные – татары и башкиры. Сегодня в мечетях больше выходцев с Кавказа и Средней Азии. В этом регион мало отличается от других районов европейской части страны.

Многие имамы не могут заниматься только делами уммы. Например, имамы Ярале И.Х. Мансуров и Уренгоя С.С. Аюпов работают на месторождениях и именуют себя «муллами-вахтовиками»². Благодаря харизме руководителей активно решаются вопросы создания исламской инфраструктуры, такие как употребление халяля из оленины, обустройство кладбищ (в условиях вечной мерзлоты возникли сложности в погребении по шариату). Умение лидеров выносить суждения, исходя из возможного; согласовывать установки и условия; мирно разрешать споры и объяснять догматические положения; договариваться с властями – все это придавало религиозным лидерам авторитет в глазах верующих и светской власти [Хикматуллин, 2008]. Благодаря помощи спонсоров в ЯНАО появились 12 мечетей, в т. ч. в необычном для Сибири облике.

В Новом Уренгое и Салехарде строительство культовых сооружений осуществляла турецкая фирма. Инициатором строительства мечети «Азат-Сафа» стало Общество тюркских народов «Васият» во главе с предпринимателем А.Н. Сафиним, а заказчиком выступило ОАО «Артикнефтегазстрой». Мечеть является достопримечательностью Надыма, ее украшает минарет, стилизованный под факел.

В ЯНАО также есть несколько молитвенных домов и комнат. В поселках Яр-Сале, Ханымей (с 2007 г., ныне не действуют) и Тазовский (с 2008 г.) они объединили уроженцев Средней Азии, Кавказа, Поволжья и юга Западной Сибири. В Яр-Сале, Харпе, Аксарке власти выделили участки, но общины не нашли средств для строительства.

На Ямале ислам имел городской облик, пока в окрестностях Тазовского под влиянием «поселковых» 20 ненцев-оленьеводов не стали мусульманами. Об этом в 2013 г. рассказал имам Салават Баймухаметович Муразымов. Им понравилось, что в исламе запрещено употреблять алкоголь, а для коренных жителей пьянство – серьезная проблема. Двое из новообращенных обучались в Российском исламском университете в Уфе³.

¹ В Новом Уренгое состоялся IV съезд мусульманских религиозных организаций Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://cdum.ru/news/44/11446/> (дата обращения: 15.01.2023).

² Полевые материалы авторов. Интервью с Мансуровым Ильфатом Канафиевич. Новый Уренгой. 27.02.2013; Аюповым Салманом Салтановичем. Новый Уренгой. 26.02.2013.

³ Полевые материалы авторов. Интервью с Муразымовым Салаватом Баймухаметовичем. Новый Уренгой. 27.02.2013.

К истокам экстремистских деяний и их оценке

В ЯНАО в 2006 г. (с поправками в 2015 г.) определены пределы пограничной зоны, которая требовала повышенных мер безопасности. Например, иностранцы, приглашенные на строительство порта Сабетта и обустройство месторождений, могли осуществлять культовую практику, но были объектом особого внимания силовых структур. Слишком тяжелы были последствия деятельности эmissаров радикальных организаций в 1990-е гг.

Большинство верующих выстраивают отношения с органами власти, представителями иных конфессий и мировоззрений. Мусульмане полагают, что только в диалоге можно гармонизировать отношения, и уважают традиции и нормы региона. В 2008 г. на Курбан-Байрам в Яр-Сале в Дом культуры пришел каждый шестой житель райцентра, выражая уважение традициям соседей-мусульман. Есть смешанные браки, где супруги остаются в своей вере. Ранее мусульманки (даже по происхождению) соблюдали запреты родных, но в современных условиях они малозначимы¹. Не отмечено конфликтов при совместных обрядах представителей разных масхабов, суннитов и шиитов. Вопрос о халяле разрешили, когда в некоторых общинах баранину заменили олениной. Она даже стала импортироваться туда, где зародился ислам. Около пятой части жителей округа считали себя последователями ислама [Квашнин, 2010], что достаточно близко к данным переписи населения (по происхождению), но расходится с числом активно верующих, большинство которых отвергают радикальные идеи.

Некоторое время был замечен рост числа ямальцев, примкнувших к незаконным формированиям на Кавказе и в Центральной Азии и выезжавших на Ближний Восток. Истоки этого явления лежат в истории общин, в которых слаба позиция традиционного (адатного) ислама. Другая причина заключалась в том, что некоторые мигранты привнесли идеи радикализма, не получив отпора со стороны местных имамов и прихожан.

Вопросы у правоохранительных органов возникали к общинам в юрисдикции ДУМ АЧР. В 2011 г. по иску прокуратуры окружной суд ликвидировал организации в городе Муравленко, поселке Пурпе. 28 января 2012 г. председателем казьята вместо З. Сагитова поставлен М. Давлатов, но последнему тоже не удалось наладить отношения с единовѣрцами и властью. В этом году закрыты организации в Ноябрьске и Губкинском. МРО «Инам» из казьята перешла в юрисдикцию РДУМ ЯНАО.

В центре внимания правоохранительных органов с 2009 г. оказалась МРО «Нур ислама» в Новом Уренгое, также находившаяся в ведении ДУМ АЧР. Разыскиваемый в Узбекистане по обвинению в терроризме имам-хатыб И.С. Акбаров возглавлял общину до его убийства в 2010 г. Правоохранительные органы неоднократно привлекали выходцев из этой мечети к ответственности за преступления террористической направленности [Малашенко, Старостин, 2015: 10]. Сподвижни-

¹ Некоторые имамы требуют принять ислам только при совершении никаха.

ки И.С. Акбарова не признавали ошибок, заявляя: «Мы не несем ответственность за каждого, кто появился в мечети»¹.

Имамом мечети Ноябрьска служил А. Хуранов. В 2010 г. он попытался избежать ареста, совершив с супругой подрыв на самодельном устройстве. А. Хуранов выжил и, отсидев срок, в 2013 г. уехал «на джихад» в Сирию². Там же оказался его воспитанник А. Землянка, бывший скинхед и неонацист. После объединения общин под эгидой РДУМ случаи проявления экстремизма носят единичный характер благодаря профилактической работе. По данным УМВД по ЯНАО выявлено около 150 сочувствующих радикалам [Колосов, 2016]. Большинство не совершают правонарушений, «предпочитая оставаться наедине со своими мыслями».

Специфична ситуация с отбывающими наказание за преступления террористической и экстремистской направленности в ИК-3 в Харпе и СИЗО-1 в Лабытнанги. Осужденных посещает имам из Салехарда Абдул-Малик хазрат Базанов. Для того чтобы исключить конфликты, в СИЗО-1 в Лабытнанги преобразилась общая для всех молельная комната.

Отдельно нужно сказать о «Полярной сове» (ФКУ ИК-18 УФСИН России по ЯНАО). Как и ИК-3, она находится в Харпе, но с 2005 г. имеет другой статус и контингент – 400 осужденных на пожизненное лишение свободы, прибывших из европейской части страны. Журналисты создали немало телесюжетов и статей о заключенных, демонстрирующих раскаяние во взглядах и поступках. Среди них – Н. Кулаев, участвовавший в захвате школы № 1 в Беслане.

Выводы

К концу XX в. Ямал стал важным источником энергетической стабильности России и мира в целом. В развитии региона активно участвуют мигранты, что привело к новому явлению под названием «полярный ислам». При дальнейшем освоении побережья и шельфа Карского моря, развитии Северного морского пути, строительстве Северного широтного хода все большая роль будет отводиться безопасности. По этой причине необходимы как выверенная политика по гармонизации этноконфессиональных отношений, так и сохранение культурных особенностей каждой группы населения.

В течение 50 лет ислам прошел на Ямале путь, на который в европейских регионах понадобились столетия. Благодаря взаимодействию уммы и государства произошла консолидация мусульманского сообщества, что положило конец раздробленности и деятельности представителей радикальных исламистских организаций. Это позволило аккумулировать средства на строительство мечетей, вывести на качественно новый уровень диалог с властью и обществом.

¹ Глава «Нур ислама»: мы не несем ответственность за каждого, кто появился в мечети Нового Уренгоя. Муслим-инфо. № 29. 12.2010. URL: <https://muslim-info.ru/news.php?id=128> (дата обращения: 15.01.2023).

² Прием А. Имамов Ямала рассадят за парты. Независимая газета религии. 06.04.2018. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-06-06/13_443_yamal.html (дата обращения: 15.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А.Е., Хелимский Е.А. (2007) *Самодийско-тунгусо-маньжурские лексические связи*. Языки славянской культуры, Москва. 256 с.
- Бауло А.В. (2007) Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1(29). С. 145–150.
- Григорьев А.П., Фролова О.Б. (2002) Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. *Тюркологический сборник: Золотая Орда и ее наследие*. Под ред. С.Г. Кляшторного, В.В. Трепавлова, Д.М. Исакова. Военная литература, Москва. С. 261–280.
- Гриценко В., Калинин В. (2010). *История «Мёртвой дороги»*. Баско, Екатеринбург. 240 с.
- Квашнин Ю.Н. (2010) Современные этнополитические процессы в Ямало-Ненецком автономном округе. *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология*. № 4/3. С. 101–108.
- Колосов Д. (2016) Справедливость должна быть и в СИЗО. *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Региональное отделение в Ямало-Ненецком автономном округе. 19.04.2016. URL: <https://yamal.spravedlivo.ru/13611110> (дата обращения: 15.01.2023).
- Магомедов А.К. (2022) Феномен полярного ислама: формирование и особенности новой мусульманской идентичности на российском Крайнем Севере. *Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации*. Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань. С. 113–116.
- Магомедов А.К., Омаров М.А. (2020) Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этно-социальной мобильности. *Вестник Московского государственного областного университета*. № 4. С. 103–113.
- Малашенко А.В., Старостин А.Н. (2015) *Ислам на современном Урале*. Рабочие материалы Карнеги. Московский центр Карнеги, Москва. 30 с.
- Селезнёв А.Г., Малхасьян А.В. (2003) Татары Салехарда: городская этническая группа на современном этапе. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 6: этносоциология*. Красный Север, Салехард. 44 с.
- Нурминен М.Т. (2017) *Мир на карте. Географические карты в истории мировой культуры*. Паулсен, Москва. 352 с.
- Опарин Д.А. (2016) «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта. *Сибирские исторические исследования*. № 4. С. 108–130.
- Попов Д., Старостин А. (2014) *Ислам и мусульмане Уральского федерального округа: риски и угрозообразующие факторы (аналитический доклад)*. Российский институт стратегических исследований. Екатеринбург. 88 с.
- Сафин А. (2008) Словом и делом. *Экономические стратегии*. № 8. С. 90–93.
- Силантьев Р. А. (2008) *Ислам в современной России. Энциклопедия*. Алгоритм. Москва. 576 с.
- Хизриева Г.А. (2008) Профессиональные сообщества мигрантов-мусульман в Западной Сибири. *Этнографическое обозрение*. № 3. С. 82–89.
- Хикматуллин М. (2008) Ислам и «Газпром» на Ямале. *Медина аль-Ислам*. № 68. С. 7.

Ярков А.П., Перцев Н.В. (2018) Исламский импорт на Великом меховом пути. *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* № 1. С. 25–32. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.25

Laruelle M., Hohmann S. (2020) Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. *Problems of Post-Communism.* No. 67(4–5). P. 327–337.

Yarlykapov A. (2020) Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community. *Problems of Post-Communism.* Vol. 67. Issue 4–5. P. 338–347.

Islam in Yamal: Features of Integration in the Arctic Zone

A.N. Starostin

*Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Ural State Mining University*

*30, Kuibysheva street, Yekaterinburg, Russia, 620144;
Senior Researcher*

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
31A, Minina street, Nizhny Novgorod, Russia, 603000*

E-mail: alisheria@mail.ru,

A. P. Yarkov

Doctor of Sciences (History)

Leading Expert University of Tyumen

6, Volodarsky street., Tyumen, Russia, 625003

E-mail: ayarkov@rambler.ru

Abstract. On the basis of the analysis of sources, works of researchers, interviews, field studies, participant observation, features of the Islamic religion in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug are traced. During the Middle Ages the territory of Yamal was included in trade with the countries of the East through the “fur route”, as evidenced by a significant number of archaeological finds of oriental objects, and later it was formally part of such Muslim states as the Tyumen and Siberian Khanates, but the presence of Muslims in Yamal was minimal. However, since the middle of the 20th century the territory of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug began to attract migrants who created communities in cities and in shift camps. The majority of believers, despite the difference in places of exodus, adhere to Islam traditional for Russia (Hanafi and Shafi'i madhhabs), building relationships with authorities, representatives of other faiths and worldviews. They believe that it is only through dialogue that relations can be harmonized, while respecting the traditions and norms that have developed in the district. The specificity of the confession of Islam in the conditions of the Arctic is also obvious. The radicals tried to instill into the minds of fellow believers that extremist ideology and terrorist acts should become a tool in building a caliphate. For such propaganda and crimes, other Islamists are serving sentences (including life imprisonment), having different conditions for observing rituals. Security in the district, which is of strategic importance in political and economic terms, should take into account both the peculiarities of the organization of the local society and its experience in

countering extremism. The article explores how Islam in Yamal passed a path in a short time that took centuries for other regions of the world.

Key words: Yamal, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, history and modernity, Muslims, the specifics of functioning of Islam, Polar Islam, countering extremism

DOI: 10.31857/S0201708323060153

EDN: xyizdg

REFERENCES

- Anikin A.E., Khelimsky E.A. (2007) *Samodiysko-tunguso-man'zhurskiye leksicheskiye svyazi* [Samoyed-Tungus-Manzhur lexical connections Languages of Slavic culture], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia. (In Russian).
- Baulo A.V. (2007) Srednevekovyye izdeliya iz serebra na severe Zapadnoy Sibiri: novyye nakhodki [Medieval silverware in the north of Western Siberia: new finds], *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 1(29), pp. 145–150. (In Russian).
- Grigoriev A.P., Frolova O.B. (2002) Geograficheskoye opisaniye Zolotoy Ordyy v entsiklopedii al-Kalkashandi [Geographical description of the Golden Horde in the encyclopedia of al-Qalqashandi], in S.G. Klyashtornyj, V.V. Trepavlov, D.M. Iskhakov (ed.) *Turkological collection: The Golden Horde and its heritage*, Voennaya literatura, Moscow, Russia, pp. 261–280 (In Russian).
- Gritsenko V., Kalinin V. (2010) *Istoriya "Mertvoi dorogi"* [Dead road story], Basko, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).
- Hikmatullin M. (2008). Islam i "Gazprom" na Yamale [Islam and Gazprom in Yamal], *Medina al-Islam*, 68, p. 7. (In Russian).
- Khizrieva G.A. (2008) Professional'nye soobshchestva migrantov-musul'man v Zapadnoi Sibiri [Professional communities of Muslim migrants in Western Siberia], *Ethnographic review*, 3, pp. 82–89. (In Russian).
- Kolosov D. (2016) Spravedlivost' dolzhna byt' i v SIZO [There must be justice in pretrial detention centers too], *Sotsialisticheskaya politicheskaya partiya «Spravedlivaya Rossiya – Patrioty – Za pravdu». Regional'noe otделение v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge*, 19.04.2016. URL: <https://yamal.spravedlivo.ru/13611110> (accessed: 15.01.2023). (In Russian).
- Kvashnin Yu.N. (2010) Sovremennyye etnopoliticheskiye protsessy v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Modern ethno-political processes in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug], *Izvestiya of Altai State University Journal*, 4/3, pp. 101–108. (In Russian).
- Laruelle M., Hohmann S. (2020) Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities, *Problems of Post-Communism*, 67(4–5), pp. 327–337.
- Magomedov A.K. (2022) Fenomen polyarnogo islama: formirovanie i osobennosti novoi musul'manskoi identichnosti na rossiiskom Krainem Severe, in Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. (ed.) *Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii* [Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation], Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Kazan, Russia, pp. 113–116. (In Russian).
- Magomedov A.K., Omarov M.A. (2020) Polyarnyj islam v postsovetsoj Rossii: rozhdenie fenomena v kontekste "novoj" etno-social'noj mobil'nosti [Polar Islam in post-Soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of the "new" ethno-social mobility], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 4, pp. 103–113. (In Russian).

Malashenko A.V., Starostin A.N. (2015) *Islam na sovremennom Urale* [Islam in the modern Urals], Rabochie materialy Karnegi. Moskovskii tsentr Karnegi, Moscow, Russia. (In Russian).

Malkhasyan A.V., Seleznev A.G. (2003) Tatars Salekharda: gorodskaya etnicheskaya gruppa na sovremennom etape [Tatars of Salekhard: an urban ethnic group at the present stage in the Scientific Bulletin], *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*, Issue 6: ethnosociology, Krasnyi Sever, Salekhard, Russia. (In Russian).

Nurminen M.T. (2017) *Mir na karte. Geograficheskiye karty v istorii mirovoy kul'tury* [World on the map. Geographical maps in the history of world culture], Paulsen, Moscow, Russia. (In Russian).

Oparin D.A. (2016) “Mestnye” i “priezzhie” na Yamale: social'nye granicy i variativnost' migracionnogo opyta [“Locals” and “newcomers” in Yamal: social boundaries and variability of migration experience], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 4, pp. 108–130. (In Russian).

Popov D., Starostin A. (2014) *Islam i musul'mane Ural'skogo federal'nogo okruga: riski i ugrozobrazuyushchie faktory (analiticheskij doklad)* [Islam and Muslims of the Ural Federal District: Risks and Threats (Analytical Report)], Rossijskij institut strategicheskikh issledovanij, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Safin A. (2008) Slovom i delom [Word and deed in the book], *Economic strategies*, 8, pp. 90–93. (In Russian).

Silantiev R. A. (2008) *Islam v sovremennoj Rossii. Enciklopediya*. [Islam in modern Russia. Encyclopedia], Algorithm, Moscow, Russia. (In Russian).

Yarkov A.P., Pertsev N.V. (2018) Islamskii import na Velikom mekhovom puti [Islamic Imports on the Fur Route], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1, pp. 25–32. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.25

Yarlykapov A. (2020) Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community, *Problems of Post-Communism*. 2 September, 67(4–5), pp. 338–347.

УДК 93/94

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФИНЛЯНДИИ И ЭСТОНИИ. УРОКИ 1939–1940 ГГ. ДЛЯ СССР И ИХ СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2023 **МЕЖЕВИЧ Николай Маратович**

*Доктор экономических наук, профессор
Главный научный сотрудник Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3
E-mail: mez13@mail.ru*

© 2023 **НОВИКОВА Ирина Николаевна**

*Доктор исторических наук, профессор
Декан факультета международных отношений СПбГУ
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: irina-nowikowa@mail.ru*

Поступила в редакцию 05.05.2023

После доработки 12.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В исследовании проведен анализ проблематики двусторонних отношений Эстонии и Финляндии в 1920–1930-е гг. в контексте современного внешнеполитического и военного сотрудничества двух стран. Эти отношения рассмотрены в рамках современных угроз безопасности России на северо-западном направлении и вступления Финляндии в НАТО. Внимание уделено современной военно-политической ситуации в регионе. Использована совокупность методов компаративистики как в политологическом, так и историческом измерениях. Цель исследования – показать преемственность моделей военно-политического сотрудничества в Балтийском регионе. Авторы пришли к выводу, что в условиях третьего десятилетия XXI в. возможно не только возобновление прежней модели сотрудничества Эстонии и Финляндии, но и качественное развитие в рамках стратегии НАТО на Балтийском театре военных действий. Единственное препятствие для углубления финско-эстонского сотрудничества в военно-политической сфере – это позиция России. Актуализация дискуссий об историческом опыте взаимодействия с Москвой неизбежно будет способствовать

фиксации уроков событий 1939–1948 гг. для Таллина и Хельсинки. В долгосрочной перспективе это может обеспечить прагматизацию отношений Эстонии и Финляндии с Россией.

Ключевые слова: Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, СССР, Германия, Первая мировая война, Вторая мировая война, Балтийское море

DOI: 10.31857/S0201708323060165

EDN: хујqzc

Современная военно-политическая ситуация – предмет серьезных дискуссий среди исследователей, изучающих Европейский регион. Ее анализ поднимает вопрос об оригинальности: не было ли ранее схожего соотношения военно-политических и экономических условий, создающих угрозы для России, с корректировкой на современное техническое и информационное развитие?

СССР в начале 1930-х гг. столкнулся с необычной проблемой: Эстония и Финляндия, обладая несопоставимым с Советским Союзом социально-экономическим и военным потенциалом, при объединении ресурсов создавали угрозу безопасности. Попыток комплексного анализа указанного вопроса немного, особенно со стороны зарубежных исследователей [Åselius, 2005].

В регионе Балтийского моря международные отношения к середине 1930-х гг. определялись следующими факторами:

- политика Германии, направленная на экспансию в Скандинавию и Прибалтику;
- окончательный крах попыток построения системы европейской коллективной безопасности (в настоящее время ситуация аналогичная);
- разрушение нейтральной модели внешнеполитического позиционирования так называемой Балтийской Антанты.

Перед Второй мировой войной не существовало тесного политического сотрудничества северо-западной и юго-восточной частей Балтики, новых независимых государств и старых малых стран региона. В межвоенный период шел интенсивный, но безуспешный поиск подходящей конфигурации военного сотрудничества скандинавских, балтийских стран и Польши [Jaanson, 2001]. Сегодня все указанные страны, пока кроме Швеции, – члены НАТО.

Эти обстоятельства влияли на выстраивание модели международных отношений в регионе [Новикова и др., 2016]. Крайне напряженная ситуация на востоке Балтики допускала высокую вероятность военного столкновения. В настоящее время ситуация схожая, однако риск балтийского генезиса конфликта стал существенно выше.

Историко-географические предпосылки построения модели финско-эстонского сотрудничества

По итогам Первой мировой войны произошло масштабное территориально-политическое переустройство Восточной Европы. Европейские историки уделяли больше внимания событиям в Западной Европе, рассматривая франко-германские

противоречия как важнейшую причину возникновения следующего мирового конфликта. Однако восточная граница также не устраивала Германию. При этом фактор Польши придавал международным отношениям в Восточной Европе дополнительную непредсказуемость. Что касается Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, то Берлин никогда не скрывал, что не только имеет в регионе экономические интересы, но и готов подождать, когда доминирование Германии станет очевидным.

Литва, Латвия, Эстония и Финляндия после обретения независимости ориентировались на Соединенное Королевство и Францию. Однако в середине 1930-х гг. новые государства не только переориентировали внешнюю торговлю на Германию, но и выбрали именно этот внешнеполитический вектор. Одна из причин этих изменений – провал попыток создания регионального альянса, в частности из-за позиции Финляндии.

Географическая локализация первых переговоров стран-лимитрофов связана с Хельсинки. В январе 1920 г. там состоялась первая конференция с участием Польши, Финляндии и трех прибалтийских стран [Lehti, 1999: 243–259]. Идея создания военного блока субрегионального характера антисоветской (антироссийской) направленности была очевидна. Участники Хельсинской конференции 1920 г. формально имели единую цель – укрепление военной и политической безопасности в регионе. В качестве угрозы в этот период рассматривалась исключительно Советская Россия. Однако согласование практических шагов выявило неразрешимые противоречия.

Финляндия рассматривала только Швецию в качестве партнера. Желание Таллина заключить политический и экономический союз с Хельсинки не встретило финской поддержки в начале 1920-х гг. В 1930-е гг. позиция Финляндии изменилась, однако акцент был сделан на военном сотрудничестве. В начале 1920-х гг. Хельсинки не рискнул связать себя со слабым и уязвимым союзником, даже находящимся в этническом родстве. Как следовало из трудных эстонско-финских переговоров, Финляндия всеми силами стремилась избежать принятия каких-либо обязательств. Это мнение разделяют ученые, однако совместные военные приготовления в течение долгого времени оставались вне поля зрения исследователей.

Финляндия, Эстония, и Латвия закономерно не считали себя участниками польско-литовского конфликта в начале 1920-х гг. и не собирались занимать сторону в нем. Соответственно, вопрос о военно-политическом союзе в 1920-е гг. не перешел в практическую плоскость.

Для Эстонии была очевидна необходимость в альтернативном проекте. В октябре 1923 г. в Таллине открылась эстонско-латвийская конференция, итогом работы которой стало подписание в ноябре двусторонней конвенции о сотрудничестве и координации сроком на десять лет. Однако обе стороны оценивали новые договоренности очень скромно.

Относительная стабильность польско-литовских отношений в конце 1920-х – начале 1930-х гг. создала предпосылки для новой попытки формирования региональной системы безопасности. Подписанный 12 сентября 1934 г. в Женеве трехсторонний договор Эстонии, Латвии и Литвы был амбициозно провозглашен Балтийской Антантой. Тройственный союз означал провал идеи Большого Балтийского

союза – объединения пяти (Балтии, Польши и Суоми) или четырех государств (Польши и стран Прибалтики). Осознание слабости нового союза заставило военных Эстонии и Финляндии искать способы сотрудничества, в ряде случаев минуя политическое руководство.

Развитие военного сотрудничества двух государств повлияло на то, что прибалтийские страны к концу 1930-х гг. оказались во внешнеполитической изоляции. Лига Наций утратила влияние, идея Большого Балтийского союза потерпела неудачу, и ни одно крупное европейское государство не было готово рисковать ради стран региона.

Для понимания сложившейся к осени 1939 г. ситуации следует ответить на вопрос о возможности сопротивления государств Прибалтики. Как писал эстонский историк Магнус Ильмярв, «перспективы самозащиты стран Балтии от немецкой или советской агрессии в Швеции считали ничтожными» [Ильмярв, 2009: 159]¹. Российский исследователь Р.Х. Симонян уточняет: «У Прибалтийских республик не было, по существу, никакой реальной альтернативы, кроме принятия советских требований или сопротивления, как это сделала Финляндия» [Симонян, 2011: 112].

Рассуждая о возможностях сопротивления, финский историк М. Туртола утверждает, что совокупная мощь вооруженных сил стран Прибалтики зимой 1939–1940 гг. в некоторых областях превосходила финские. М. Туртола и его латвийский коллега – эмигрант Э. Андерсон приводят следующие данные: в 1940 г. страны Прибалтики располагали более чем 900 орудий, 107 танками, 410 самолетами [Andersons, 1984: 211]; в составе объединенного военно-морского флота трех государств числились 4 подводных лодки, 8 ледоколов и 5 вспомогательных судов для подводного плавания, 1 торпедный катер, 8 минных заградителей, 8 канонерок, 8 военно-транспортных судов и проч. [Turtola, 2002: 181]. Охрану границ обеспечивали 6 тыс. военных, полиция насчитывала 8 тыс. чел., в добровольческих отрядах самообороны (на подобие финского шюцкора) состояло около 200 тыс. юношей и девушек. В случае всеобщей мобилизации Латвия, Литва и Эстония теоретически могли призвать до 0,6 млн чел. (для сравнения: Финляндия выставила от 0,25 до 0,270 млн чел.).

В советской историографии широко распространены обвинения Эстонии в нарушении договора с СССР и несоблюдении нейтралитета. Приводились не только свидетельства участия эстонских добровольцев в Советско-финской войне [Partei Ajaloo Instituut, 1963], но и назывались конкретные цифры – 2–3 тыс. чел. В постсоветских исследованиях эти факты были уточнены. Исходя из штатной численности армии и военизированных организаций [Мельтюхов, 1999], убыль наличного состава должна была достигать 15%, что невозможно. Кроме того, из-за блокады финского побережья Балтийским флотом СССР 2–3 тыс. человек не смогли бы десантироваться. В политических кругах Эстонии к концу 1939 г. возобладала концепция невмешательства. Это означало отсутствие правительственной поддержки добровольцев и сводило эстонское участие в конфликте к частной инициативе. Подтверждением может служить запись дипломатической беседы А. Рея и В.М. Молотова от 4 марта 1940 г. В ней упоминается запрос об эстонских добро-

¹ См. подробнее: [Ильмярв, 2012].

вольцах и отмечается, что Молотов «...в этом отношении не имеет никаких претензий» [Министерство иностранных дел СССР, 1990].

Для более полного представления о формах и характере эстонско-финского сотрудничества полезно обратиться к стенограмме обсуждения предложений советского правительства по поводу заключения договора о взаимопомощи на совместном заседании правительства, Государственной думы и Государственного совета Эстонии 26 сентября 1939 г. Опасения Советского Союза в связи с возможностью союза Финляндии и Германии были признаны справедливыми. Высказанная СССР обеспокоенность отсутствием пространства для маневра в бассейне Балтийского моря инициировала обсуждение возможных вариантов развития ситуации и способов реагирования. Большинство участников заседания сошлись во мнении, что Эстония не должна прямо или косвенно становиться стороной конфликта. В документе присутствуют ссылки на давно существовавшие планы совместной блокады Финского залива и способы их реализации [Арьякас и др., 1990: 157].

На фоне этих идей военно-политическое сотрудничество Эстонии и Финляндии в конце 1930-х гг. было довольно интенсивным. В финской литературе встречаются упоминания по меньшей мере трех встреч высшего военного руководства двух государств между июлем 1938 г. и летом 1939 г. В конце января 1939 г. главнокомандующий эстонской армией Йохан Лайдонер совершил визит в Хельсинки в сопровождении командующего Союзом обороны (Кайтселийт – *Kaitseliit*) генерал-майора Йоханнеса Орасмаа, главы военной разведки Ричарда Маасинга и начальника оперативного отдела эстонского генштаба Йоханнеса Соодла. Официально поездка была посвящена 20-летию финско-эстонского братства по оружию в «освободительной борьбе против Советской России». Й. Лайдонер во время своего визита встретился с президентом Финляндии Кюести Каллио, маршалом Карлом Густавом Маннергеймом и министром иностранных дел Элиасом Эркко. Финская пресса характеризовала отношения последнего и Й. Лайдонера как общение старых друзей. Э. Эркко в молодости служил дипломатом в Таллине и уже тогда предлагал военно-морское сотрудничество двух стран против возможной угрозы со стороны СССР [Turtola, 2002: 165].

Выступая на праздничных мероприятиях, Й. Лайдонер, в частности, выражал уверенность в эстонско-финском братстве по оружию: «Финляндия нам помогла. И мы будем с финским народом и государством как во время мира, так и во время войны. Знайте же, если по воле судьбы нашим народам опять придется защищаться против врага, Эстония вступит в борьбу на стороне Финляндии» [Turtola, 2002: 166]. Речь Й. Лайдонера поставила финнов в неудобное положение, поскольку в это время они устанавливали контакты со Швецией по вопросам совместной обороны. Финская сторона предпочитала держать в строгой тайне военно-политическое сотрудничество с Эстонией, не подписывая военную конвенцию и прочие документы.

На рубеже 1930-х гг. руководство эстонских ВМС втайне сотрудничало с финскими вооруженными силами, чтобы добиться слаженности действий батарей береговой охраны по созданию огневого рубежа в Финском заливе. Это позволило бы взять под контроль фарватер и запретить Балтийский флот СССР в Кронштадте. Для реализации этого плана финские военные под руководством и на основе информа-

ции эстонского генерального штаба инициировали создание широкой минной позиции в наиболее узкой части Финского залива. Одновременно прилегающие участки побережья спешно оборудовались тяжелой артиллерией. Значительная роль отводилась использованию подводного флота.

Информация об этих приготовлениях и степени их готовности обнаружена в рассекреченных фондах Государственного архива Эстонии финским историком Яри Лескинен. По его утверждению, в конце лета 1939 г. стратегия совместной блокады Финского залива войсками Эстонии и Финляндии была отработана не только в теории, но и отточена на практике – в ходе войсковых учений. «Совместные планы финских и эстонских флотов достигли такой стадии, когда эстонские подводные лодки при возникновении войны присоединялись к финскому флоту под финским руководством» [Leskinen, 1997: 124].

В качестве примера можно упомянуть финско-эстонские военно-морские учения в Финском заливе летом 1939 г. Финские и эстонские подводные лодки отрабатывали совместные действия против прорыва «красных» военно-морских судов в прибрежные воды в районе Ханко. Подобные учения проводились в конце мая – начале июня 1939 г. и во второй половине июля. В ходе поездки обсуждались организационные вопросы и проблемы совместной обороны [Turtola, 2002: 168–169].

По описанию эстонского военного историка, «восстанавливались старые и строились новые артиллерийские батареи на Аэгна, Найссаар, Суурупи, в Мийдуранна, Рандвере и Леппнееме. Перед началом Второй мировой войны на островах и побережье вокруг Таллинна было 17 действовавших батарей береговой, противодесантной и противовоздушной обороны с общим количеством орудий в 52 единицы... Для связи и корректировки огня между батареями обеих стран по дну Финского залива был проведен телефонный кабель» [Копытин, 2011: 46–47].

Аналогичные данные приводят российские историки ВМФ. П.В. Петров пишет, что советские военные в 1940 г. имели следующие данные о батареях на заданном направлении: «на острове Аэгна (Вульф) – четырехорудийная двухбашенная 305-мм батарея, четырехорудийная 152-мм батарея и четырехорудийная 130-мм батарея; на острове Найссаар (Нарген) – две четырехорудийные 152-мм батареи, на полуострове Виймси (Вимс) – четырехорудийная 120-мм батарея и четырехорудийная 152-мм батарея и на полуострове Суурупи (Суруп) – трехорудийная 234-мм батарея и четырехорудийная 120-мм батарея» [Петров, 2016: 234].

Реорганизация власти прибалтийских стран привела к упразднению 30 июня 1940 г. военного союза Эстонии и Латвии и денонсации 3 июля 1940 г. Женевского договора 1934 г. Балтийская Антанта перестала существовать. Изначальная ограниченность этого союза, а именно неприсоединение к нему Финляндии, привела к ослаблению ее самой и прибалтийских государств. В результате Латвия, Литва и Эстония к началу Зимней войны были связаны с СССР договорами, де-факто ограничивавшими суверенитет [Новикова, Межевич, 2016].

Дальнейшие события, в т. ч. политические решения Москвы, договоры о базах, советизация, повлекли сначала аннулирование всех военных договоренностей, а затем смену политики Эстонии в отношении советско-финского конфликта. МИД республики вел себя сдержанно и сознательно понижал остроту протестов против

использования инфраструктуры страны для нанесения ударов по Финляндии [Межевич, 2001].

В выступлении Й. Лайдонера 1 января 1940 г. эстонско-финские отношения представлены следующим образом: «Мы пытались сделать все, что возможно. Когда у нас в сентябре был критический период, то министр иностранных сил Финляндии не нашел возможности принять посланника Эстонии, и последний попал на беседу к какому-то директору отдела, который очень долго и четко говорил, что Финляндия ничего не сможет сделать для Эстонии. Все эти разговоры, что Финляндия предлагала нам свою помощь, давно уже стали пустой болтовней и ложью. Не было ничего подобного и даже наоборот – Финляндия категорически заявила, что она ничего для нас сделать не может. С точки зрения Финляндии, ей с Востока опасность не угрожает. Так это и было. Мы-то понимали, что Ленинград будут оборонять не только с Юга, но и с Севера, и что граница с Финляндией там ближе, чем с Эстонией. У Финляндии было иное мнение, и ей со стороны была обещана щедрая помощь» [Арьякас и др., 1990: 147–148]. Президент К. Пятс, не найдя понимания в Хельсинки и осознавая, что перед лицом грядущей войны нужно избежать втягивания Эстонии в советско-финское противостояние, через генерала Й. Лайдонера предложил Советскому Союзу посредничество между СССР и Финляндией [Варес, Осипова, 1992].

Уроки истории для современной внешней политики в регионе

В 2023 г. статусы Финляндии и Швеции, их социально-экономические и политические возможности выглядят достаточно симметрично в отличие от ситуации в прошлом. Стокгольм предпочитал придерживаться нейтрального статуса, а также договоров с ведущими игроками, к числу которых Финляндия и Эстония не относились. Однако в настоящее время этих ограничений нет.

После распада Советского Союза роль Финляндии заключалась в политическом посредничестве между Россией и Западом, кульминационным моментом которого стало проведение встречи президентов В.В. Путина и Д. Трампа. Однако Хельсинки стремился стать и локомотивом интеграции балтийских стран в ЕС и НАТО. В итоге лоббирование интересов помогло Финляндии не только заработать благодарность Прибалтики, но и получить дивиденды от реализации «плана Перссона»¹. Этот план среди прочего предполагал:

- 1) развитие двусторонних экономических отношений с Финляндией, с одной стороны, и Латвией, Литвой, Эстонией – с другой;
- 2) действия единым фронтом в рамках Совета государств Балтийского моря (СГБМ);
- 3) восприятие Евросоюза как гаранта системы «мягкой безопасности» для государств, не являющихся членами НАТО.

¹ Премьер-министр Йоран Перссон, возглавивший правительство Швеции в 1996 г., стремился обеспечить экономическое благосостояние страны за счет усиления роли Скандинавии в мировых процессах.

Сегодня страны Прибалтики, став членами альянса, пытаются лоббировать антироссийские настроения в Финляндии.

Заключение

Печальный опыт советско-финской войны показывает значение этого географического направления для безопасности России. В результате Эстония вошла в состав СССР, а Финляндия потеряла часть территории, приняла участие во Второй мировой войне вначале на стороне Германии, а затем на стороне антигитлеровской коалиции. С 1950-х гг. – до начала 1990-х гг. климат взаимного доверия гарантировал СССР и Финляндии редкое сочетание экономических и политических предпочтений.

Распад СССР вызвал множество антироссийских высказываний. Новый подход предполагал, что с Россией можно не считаться. Уведомительный характер выхода Финляндии из Парижского мирного договора 1947 г. позволяет считать это решение не имеющим правовой силы.

С 4 апреля 2023 г. Финляндия – член НАТО. Структура системы безопасности Балтийского региона существенно изменилась. До недавнего времени стабильность гарантировалась тем, что пространством политического маневра обладали все. Нынешняя конфигурация пренебрегает этим принципом. Более того, появляются предпосылки повторения печального прошлого, когда СССР был поставлен в ситуацию, не предусматривающую мирного выхода из кризиса. Согласие Финляндии на размещение военных баз НАТО на территории страны в конце апреля 2023 г. закрывает вопрос о ренессансе прежних моделей отношений Москвы и Хельсинки не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе. Проблема регионального конфликта перешла в военную плоскость.

С точки зрения экономического роста наиболее эффективными были десятилетия советско-финского сотрудничества. Двусторонние отношения демонстрировали неуклонную положительную динамику и стали убедительным свидетельством позитивной взаимосвязи экономики и политики. С другой стороны, период военномобилизационной экономики (1920–1930-е гг.) невозможно назвать эффективным с точки зрения развития народного хозяйства Финляндии или Эстонии.

В будущем ситуация видится аналогичной. Независимо от тенденций развития европейской политики и экономики, народное хозяйство Финляндии и Эстонии обречено на стагнацию в условиях роста военных расходов и фактического прекращения внешнеторговых связей с Россией как в традиционных направлениях, так и в торговле услугами. Анализ долгосрочных тенденций развития Восточной Балтики позволяет предположить, что военно-политическое сотрудничество Эстонии и Финляндии приведет к их взаимному экономическому ослаблению, а отсутствие взаимодействия с Россией сделает этот процесс необратимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арьякас К., Арумяэ Т., Арумяэ Х., Хелме Р. (сост.) (1990) *От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы*. Периодика, Таллин, Эстония. 215 с.

Варес П., Осипова О. (1992) *Похищение Европы или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века*. Издательство эстонской энциклопедии, Таллин, Эстония. 366 с.

Ильмярв М. (2009) Эстония и Швеция в межвоенный период (1919–1940). *Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века*. Под ред. А.А. Комарова, Е.Л. Назаровой, Т.А. Пушкиной, Ю.Л. Михайловой. ИВИ РАН, Москва. С. 160–166.

Ильмярв М. (2012) *Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940)*. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», Москва. 806 с.

Копытин И. (2011) *Очерки об истории Эстонской армии 1918–1940 гг.* MTÜ Tribune, Таллин, Эстония. 64 с.

Межевич Н.М. (2001) Проблема безопасности Балтийского флота в контексте вопроса о причинах советско-финляндской войны 1939–1940 гг. *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. № 2. С. 55–57.

Мельтюхов М.И. (1999) Нарастивание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1940 гг. *Отечественная история*. № 3. С. 46–70.

Министерство иностранных дел СССР (1990) *Полпреды сообщают...: Сб. док. об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. – август 1940 г.* Международные отношения, Москва, СССР. 544 с.

Новикова И.Н., Межевич Н.М. (2016) Финляндия и НАТО: как забвение уроков прошлого может привести к их повторению. *Управленческое консультирование*. № 4. С. 27–39.

Новикова И.Н., Межевич Н.М., Тараканова А.Д. (2016) Финляндия в НАТО: дискуссия 2015–2016 годов и позиции политических партий. *Прибалтийские исследования в России*. Под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, Калининград. С. 146–154.

Петров П.В. (2016) *Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941 гг.* Русский фонд содействия образованию и науке, Москва. 693 с.

Симонян Р.Х. (2011) Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты, *Государство и право*. № 11. С. 106–114.

Andersons E. (1984) *Latvijas vēsture 1920–1940 Ārpolitika II*. Daugava, Stockholm, Sweden. 698 p.

Åselius G. (2005) *The rise and fall of the Soviet Navy in the Baltic, 1921–1941*. Frank Cass, London, UK. 280 p.

Jaanson K. (2001) The Baltic Sea region in international relations of the twentieth century: The seminal nature of the interwar period. *Journal of Baltic Studies*. No. 32(3). P. 267–288.

Lehti M. (1999) *A Baltic League as a construct of the new Europe: envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War*. Lang, Frankfurt am Main, Germany. 550 p.

Leskinen J. (1997) *Vaiettu Suomen silta: Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton varalta vuosina 1930–1939*. Suomen Historiallinen Seura, Helsinki, Finland. 462 p.

Partei Ajaloo Instituut (1963) *Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Часть 2, 1920–1940 годы*. Эстгосиздат, Таллин, Эстония. 459 с.

Turtola M. (2002) *Presidentti Konstantin Päts. Viro ja Suomi eri teillä*. Otava, Keuruu, Finland. 286 с.

Finnish–Estonian Defence Cooperation. Lessons of 1939–1940 for the USSR and Their Modern Interpretation

N.M. Mezhevich

Doctor of Sciences (Economics), Professor

Chief Research Fellow of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: mez13@mail.ru;

I.N. Novikova

Doctor of Sciences (History), Professor

Dean of the Faculty of International Relations of Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Sankt-Petersburg, Russia, 199034

E-mail: irina-nowikowa@mail.ru

Abstract. The article focuses on the issues of bilateral relations between Estonia and Finland in the 1920s and 1930s in the context of modern foreign policy and military cooperation between two countries. The authors consider these relations in terms of modern threats to Russia's security in the northwest and Finland's entry into NATO. Close attention is given to the current military-political situation in the region. A set of methods of comparative studies in political and historical dimensions was implemented. The purpose of the study is to show the continuity of models of military-political cooperation in the Baltic region. The authors came to the conclusion that in the third decade of the 21st century the renewal of the previous model of cooperation between Estonia and Finland and its qualitative development in the context of the NATO strategy in the Baltic theatre are possible. Currently the only obstacle to deepening Finnish-Estonian cooperation in the military-political sphere is Russia's active position. The actualisation of discussions about historical experience of interactions with Russia will inevitably lead to drawing the lessons from 1939–1948 for Tallinn and Helsinki. This can provide the pragmatism of interactions between Russia, Finland, and Estonia in the long term.

Key words: Finland, Latvia, Lithuania, Estonia, USSR, Germany, WWI, WWII, the Baltic Sea

DOI: 10.31857/S0201708323060165

EDN: xyjqzc

REFERENCES

- Andersons E. (1984) *Latvijas vēsture 1920–1940 Ārpolitika II*, Daugava, Stockholm, Sweden.
- Ar'yakas K., Arumyaе T., Arumyaе Kh., Khelme R. (ed.) (1990) *Ot pakta Molotova-Ribbentropa do dogovora o bazah. Dokumenty i materialy* [From the Molotov-Ribbentrop Pact to the base's agreement. Documents and materials], Periodika, Tallinn, Estonia. (In Russian).
- Åselius G. (2005) *The rise and fall of the Soviet Navy in the Baltic, 1921–1941*, Frank Cass, London, UK.
- Il'myarv M. (2009) Estoniya i SHveciya v mezhvoennyj period (1919–1940) [Estonia and Sweden in the interwar period (1919–1940)], in Komarov A.A., Nazarova E.L., Pushkina T.A., Mikhailova Yu.L. (ed.) *Baltiya v kontekste Severnogo prostranstva. Ot Srednevekov'ya do 40-h godov HKH veka*, IVI RAN. Moscow, Russia, pp. 160–166. (In Russian).

Il'myarv M. (2012) *Bezmolvnaya kapitulyaciya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdu dvumya vojnami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-h godov do anneksii v 1940)* [Silent surrender. Foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two wars and the loss of independence (from the mid-1920s to annexation in 1940)], Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskij centr B. N. El'cina", Moscow, Russia. (In Russian).

Jaanson K. (2001) The Baltic Sea region in international relations of the twentieth century: The seminal nature of the interwar period, *Journal of Baltic Studies*, 32(3), pp. 267–288.

Kopytin I. (2011) *Ocherki ob istorii Estonskoj armii 1918–1940 gg* [Essays on the history of the Estonian Army 1918–1940], MTÜ Tribune, Tallinn, Estonia. (In Russian).

Lehti M. (1999) *A Baltic League as a construct of the new Europe: envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War*, Lang, Frankfurt am Main, Germany.

Leskinen J. (1997) *Vaiettu Suomen silta : Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton varalta vuosina 1930–1939*, Suomen Historiallinen Seura, Helsinki, Finland.

Mel'tyuhov M.I. (1999) Narashchivanie sovetskogo voennogo prisutstviya v Pribaltike v 1939–1940 gg. [The buildup of the Soviet military presence in the Baltic States in 1939–1940], *Otechestvennaya istoriya*, 3, pp. 46–70. (In Russian).

Mezhevich N.M. (2001) Problema bezopasnosti Baltijskogo flota v kontekste voprosa o prichinah sovetsko-finlyandskoj vojny 1939–1940 gg. [The problem of security of the Baltic Fleet in the context of the question of the causes of the Soviet-Finnish War of 1939–1940.], *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy*, 2, pp. 55–57. (In Russian).

Ministerstvo inostrannyh del SSSR (1990) *Polpredy soobshchayut...: Sb. dok. ob otnosheniyah SSSR s Latviej, Litvoj i Estoniej: Avgust 1939 g. – avgust 1940 g.* [Envoys report...: Sat. doc. on the relations of the USSR with Latvia, Lithuania and Estonia: August 1939 – August 1940], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR. (In Russian).

Novikova I.N., Mezhevich N.M. (2016) Finlyandiya i NATO: kak zabvenie urokov proshlogo mozhет privesti k ih povtoreniyu [Finland and NATO: how forgetting the lessons of the past can lead to their repetition], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4, pp. 27–39. (In Russian).

Novikova I.N., Mezhevich N.M., Tarakanova A.D. (2016) Finlyandiya v NATO: diskussiya 2015–2016 godov i pozicii politicheskikh partij [Finland in NATO: 2015–2016 discussion and positions of political parties], in Klemeshev A.P., Mezhevich N.M., Fedorov G.M. (ed.) *Pribaltiiskie issledovaniya v Rossii*, Izdatel'stvo Baltijskogo federal'nogo universiteta im. Immanuila Kant, Kaliningrad, Russia, pp. 146–154. (In Russian).

Partei Ajaloo Instituut (1963) *Ocherki istorii Kommunisticheskoy partii Estonii. CHast' 2, 1920–1940 gody* [Essays on the history of the Communist Party of Estonia. Part 2, 1920–1940], Estgosizdat, Tallinn, Estonia. (In Russian).

Petrov P.V. (2016) *Krasnoznamennyj Baltijskij flot nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: 1935 – vesna 1941 gg.* [The Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Great Patriotic War: 1935 – spring 1941], Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia. (In Russian).

Simonyan R.H. (2011) Okkupacionnaya doktrina v stranah Baltii: soderzhatel'nyj i pravovoj aspekty [Occupation doctrine in the Baltic States: substantive and legal aspects], *Gosudarstvo i pravo*, 11, pp. 106–114. (In Russian).

Turtola M. (2002) Presidentti Konstantin Päts. Viro ja Suomi eri teillä, Otava, Keuruu, Finland.

Vares P., Osipova O. (1992) *Pohishchenie Evropy ili Baltijskij vopros v mezhdunarodnyh otnosheniyah HKH veka* [The Abduction of Europe or the Baltic Question in the international relations of the twentieth century], Izdatel'stvo estonskoj enciklopedii, Tallinn, Estonia. (In Russian).

УДК 327

ЕВРОПА В КРИЗИСНОМ МИРЕ: НАРАСТАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗ ОДНОЗНАЧНЫХ РЕШЕНИЙ

© 2023 г. **ХУДОЛЕЙ Константин Константинович**

Доктор исторических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9*

E-mail: kkhudoley@gmail.com

Поступила в редакцию 20.07.2023

После доработки 26.08.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Аннотация. В статье на основании коллективной монографии «Европа в кризисном мире» под редакцией член-корр. РАН Ал.А. Громыко проведен анализ основных тенденций развития современной Европы в условиях мирового кризиса и глубокой трансформации международных отношений. Рассмотрен широкий комплекс проблем, включая место Европы в складывающейся расстановке сил в мире и усиление процессов децентрализации и региональной интеграции, сильные и слабые стороны европейской стратегии противодействия пандемии коронавируса, новую конфигурацию, сложившуюся в регионе ввиду выхода Британии из ЕС и развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Отмечены сложность и противоречивость процессов в экономической и социальной сферах Европы, которые ставят под вопрос вероятность углубления интеграции в рамках Евросоюза. Отдельно рассмотрены проблемы европейской безопасности и перспективы отношений России и Запада, включая европейские объединения и государства.

Ключевые слова: Европа, Европейский союз, Великобритания, Россия, США, ЕАЭС, европейская безопасность, пандемия коронавируса

DOI: 10.31857/S0201708323060177

EDN: xyrigx

Современный мир переживает кардинальные изменения, которые затрагивают различные сферы человеческой жизни и деятельности. Это в полной мере относится к Европе. После распада биполярной системы Евросоюз попытался повысить свою роль в мире, встав на путь углубления и расширения интеграционных процессов. При этом

Европа смогла добиться несомненных успехов, но и потерпела ряд неудач. ЕС не удалось превратиться во второй по влиянию полюс современного мира, к чему стремились влиятельные круги европейской элиты. Тем не менее от современной Европы, обладающей значительным потенциалом в различных сферах, по-прежнему многое зависит, и ее роль нельзя недооценивать. По этой причине появление монографии «Европа в кризисном мире», подготовленной коллективом сотрудников Института Европы РАН под редакцией член-корр. РАН Ал.А. Громыко, – своевременный и важный шаг в осмыслении этих сложных процессов как научными, так и общественно-политическими кругами.

Европа в современном мире

Первый комплекс проблем, рассмотренный в монографии, связан с анализом новых явлений, которые появились в мире в последнее время ввиду изменения роли великих держав и пандемии коронавируса.

Первая глава «Современный мир – разгон противостояния “великих держав”» (автор – Ал.А. Громыко) посвящена общей характеристике международных процессов. Это вполне обосновано, поскольку события в Старом Свете рассматриваются на фоне общемировых тенденций; современный мир глубоко воздействует на различные страны и регионы, как и некоторые новые явления и тенденции зародились именно в Европе.

Ал.А. Громыко убедительно доказывает, что начиная с экономического кризиса 2008 г. западная модель развития не функционирует так эффективно, как раньше. Внимание уделено теме децентрализации, которая наблюдается в различных сферах. Этот процесс может проходить по-разному и истолковываться как отрицательно, так и положительно. Исходя из этого сделан вывод, что центров принятия решений становится все больше [Громыко, 2022: 11]. Ал.А. Громыко подчеркивает сложность и неоднозначность подобных тенденций и явлений, т. к. децентрализация глобальных политических процессов способствует объединительным тенденциям на более низком региональном и трансрегиональном уровнях. Автор главы останавливается на «пренебрежительном отношении либеральных космополитических элит к другим менее обеспеченным и менее приближенным к власти слоям населения» [Громыко, 2022: 23]. Этот аспект особенно важен, поскольку в происходящих процессах немаловажную роль играют субъективные факторы, включая восприятие различных элит друг другом и населением.

Ал.А. Громыко считает, что в основе новой политической геометрии, сложившейся в мире, лежит треугольник «Китай – Россия – США», который в ряде случаев дополняется четвертым игроком – ЕС. При этом Вашингтон не заинтересован в такой конструкции и все больше противопоставляет себя Москве и Пекину. Возможно, для полноты картины необходимо учитывать еще одного актора – Индию. Нью-Дели смог создать мощную экономику и добиться крупных успехов в сфере науки и новых технологий и использует председательство в G20 для продвижения своего видения будущего. Дискуссионным является сюжет о роли сверхдержав. Их значимость в XXI в. постепенно снижалась, но говорить об окончании «века сверхдержав» пока преждевременно. В основе нынешних действий США, включая ши-

рокое применение санкций, лежит не возрастающая неуверенность Вашингтона в своих силах, а, наоборот, их переоценка.

Таким образом, в мире происходит глубокая трансформация международных отношений, в ходе которой намечается еще большее сближение США с европейскими союзниками. Однако это не означает, что Европейский регион не сохранит специфику на мировой арене, отражающую его интересы.

Достоинной внимания является глава (автор – М.В. Ведерников), посвященная европейским подходам к пандемии коронавируса. По проблемам влияния *COVID-19* на мировые дела уже написаны несколько оригинальных и глубоких работ [Лебедева, Кузнецов, 2022], однако этот сюжет еще не изучен всесторонне. Исследование М.В. Ведерникова – важный шаг вперед: оно позволяет глубже понять, как европейские государства и институты ЕС реагировали на внезапно возникшую проблему и какие выводы были ими сделаны. Автор главы подвергает серьезной критике Евро-союз за неготовность к пандемии коронавируса. Это во многом справедливо, но значение ошибок несколько преувеличено: ни одна международная организация, включая Всемирную организацию здравоохранения, не была готова к такому событию. Почти сто лет после эпидемии испанского гриппа ничего подобного не было. Лихорадка Эбола и другие подобные вспышки заболеваний проходили вне Европы и были достаточно быстро локализованы. Институты ЕС и почти все страны-члены заслуживают серьезной критики из-за явной недооценки проблем общественного здравоохранения (*Public Health*). Более или менее серьезно к этому относились только в Британии, которая еще до брексита стала сближаться по этим вопросам не с континентальной Европой, а с США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией.

В континентальной Европе проблемам *Public Health* до пандемии коронавируса уделялось недостаточно внимания. Было бы также интересно проследить, как менялась политика вакцинации под влиянием появления и распространения того или иного штамма. Несмотря на критические высказывания, ЕС все больше начинает ориентироваться на американскую модель. По наблюдениям ученых СПбГУ, специализирующихся по проблемам биологии и медицины, замечен интерес европейцев к деятельности Центров по контролю и профилактике заболеваний (*Centers for Disease Control and Prevention*). На данном этапе окончательное решение в Брюсселе еще не принято, да и после этого потребуются немало времени для его реализации. Однако тенденция очевидна.

Модели развития вне ЕС

Первоначально ЕС был центром интеграционных процессов в Европе, и понятия Евросоюз и Европа практически отождествлялись. Сейчас ситуация значительно сложнее. В регионе уже сформировались две альтернативные модели развития – Британия и интеграционные объединения постсоветских государств.

Британия, как отмечает К.А. Годованюк, вновь оказалась в «уникальном положении амбициозного международного игрока, рассчитывающего на укрепление собственных позиций на мировой арене, противопоставляя себя Брюсселю не только как субъект международных экономических отношений, но и мировой политики» [Громыко, 2022: 27]. По этой причине важнейший элемент (сердцевина) британского внешнеполитического дискурса – акцент на самостоятельной акторности на мировой

арене. Лондон делает это порой демонстративно, желая показать разрыв с прошлым. В этом оценки К.А. Годованюк отличаются от мнения Е.В. Хахалкиной, считающей современные подходы британских правящих кругов продолжением доктрины У. Черчилля в современном оформлении [Хахалкина, 2021]. Разработчики британской внешней политики тяготеют к неореалистической школе международных отношений (отсюда возросшее внимание к «жесткой силе») и развивают свои подходы в духе неолиберальной парадигмы с акцентом на продвижение западных ценностей. Лондон стремится одновременно сохранить западноцентричную систему международных отношений и укрепить свою позицию в ней. Это выражается в претензиях на глобальную роль с акцентом на Евро-Атлантику (фактор геополитики) и Индо-Тихоокеанский регион (фактор морской силы). К.А. Годованюк подробно анализирует последние инициативы Лондона и показывает, что на практике их эффект был ограниченным среди прочего из-за несовпадения интересов Британии и ряда других западных держав. Важен вывод о том, что Лондон отказался от роли моста между Вашингтоном и Брюсселем и утверждает себя в качестве самостоятельного центра принятия решений (или координации) в Евро-Атлантике.

Соединенное Королевство стремится выстраивать связи с континентальной Европой не только через ЕС, но и напрямую с отдельными странами и малыми группами стран, что не всегда вызывает у них понимание. Несмотря на значительные усилия, качественных сдвигов в сотрудничестве с Индией не произошло, а британская линия в отношении КНР находится в стадии формирования. Несомненно, что любое британское правительство будет продолжать поддержку Украины, стремиться к затягиванию конфликта, дискредитации России на международной арене и ее экономическому истощению путем наращивания санкций.

К.А. Годованюк делает вывод, что «в сложившихся условиях Британия на стратегическом уровне не сможет выступать самостоятельным центром принятия мирополитических решений» [Громыко, 2022: 47]. Сейчас это действительно так. Однако не следует принижать роль Лондона в формировании общей политики Запада. Важно рассмотреть, сохраняется ли такой фактор, как уважение к политическому опыту британских правящих кругов. В самые сложные моменты холодной войны Вашингтон запрашивал мнение Лондона, иногда единственного из своих союзников.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве рассмотрены в двух плоскостях – Евразийский экономический союз и Союзное государство России и Беларуси. Проанализировав соотношение выгод и издержек в рамках региональной интеграции, Н.Б. Кондратьева приходит к выводу, что «в ЕАЭС качественные и количественные эффекты будут нарастать помимо внедрения мер позитивной интеграции» и «однозначно положительным эффектом можно назвать укрепление за 7 лет деятельности ЕАЭС выявленных тенденций к увеличению потоков товаров, услуг, капиталов и труда» [Громыко, 2022: 328]. Отмечается, что в некоторых аспектах последствия интеграции могут быть неблагоприятными для отдельных стран. В связи с этим актуален анализ влияния на Евразийский экономический союз нынешней войны санкций. Положение государств – членов ЕАЭС в ней совершенно различно, и они почти не координируют политику по данной проблеме, предпочитая действовать самостоятельно. В перспективе это может привести к появлению новых серьезных проблем на пути интеграции.

Нестабильность современной международной обстановки влияет на Союзное государство России и Беларуси. Минску пришлось отойти от политики многовекторности и идеи выступать в качестве моста двух интеграций. Россия и Беларусь стали двигаться по пути реальной интеграции. Н.М. Межевич показывает, что эти процессы не могут быть простыми и быстрыми.

Автор главы ограничивается только одной фразой о «некоторых противоречиях между белорусским и российским руководством по поводу политической составляющей интеграции» [Громыко, 2022: 346]. Однако именно это в немалой степени сдерживает интеграционные процессы. Н.М. Межевич выделяет три возможных сценария будущего развития и делает вывод, что перспективы интеграции принципиально не отличаются, но темпы могут быть различными. При этом он считает, что определяющими факторами являются внутренние, а не внешние воздействия. Такой вывод излишне категоричен. Прежде всего, как отмечает сам автор, внутри российского и белорусского общества нет единства по ряду проблем интеграции, а в условиях конфронтации России и Запада, в которую вовлечена Беларусь, воздействие внешней среды будет возрастать с еще менее предсказуемыми последствиями.

Таким образом, в Европе сформировались две модели вне ЕС, которые будут развиваться по собственным траекториям. Британию и Евросоюз даже после брекзита многое по-прежнему сближает (НАТО, G7, экономические и другие связи, ориентация на США и т. д.), а противоречия ЕС и Соединенного Королевства с Россией и Беларусью (в отношении других членов ЕАЭС линия будет более гибкой и дифференцированной) в ближайшее время будут оставаться достаточно острыми.

Европейская экономика в новых условиях

Сдвиги и тенденции в мировой экономике серьезно сказываются на европейских странах. О.В. Буторина справедливо отмечает, что если исследованию интеграционных процессов посвящено большое количество литературы, то до брекзита дезинтеграция воспринималась как что-то незначительное и маловероятное. Важным выступает замечание, что «процесс дезинтеграции не может идти тем же путем, пусть и в обратном направлении, поскольку оба процесса не могут быть простым отрицанием друг друга» [Громыко, 2022: 82]. До настоящего времени неизвестны примеры, когда целое объединение или его отдельные члены отказывались от уже достигнутой степени интеграции, поскольку это связано с высокими политическими, репутационными и материальными издержками. Только невозможность осуществить переход к более высокой стадии интеграции может стать стимулом для роспуска объединения и его воссоздания на новой основе, хотя и в этом случае имеются различные варианты [Громыко, 2022: 92].

В этом контексте О.В. Буторина рассматривает сложный вопрос о пределах интеграции в рамках ЕС, подчеркивая принципиальную позицию о связи процессов глобализации и региональной интеграции. Объявленные в последние годы Евросоюзом двойной (экологический и цифровой) переход и новая промышленная стратегия призваны повысить шансы ЕС влиять на формирование нового мирового порядка и закрепить за ним лидерство в нескольких ключевых сферах. Однако эта линия сталкивается с многочисленными препятствиями, в т. ч. вызванными конфронтацией с Москвой,

поэтому вопрос о судьбе европейской интеграции (выйдет ли она на более высокий уровень, сохранится на нынешнем или произойдет усиление дезинтеграционной тенденции) остается открытым. О.В. Буторина оценивает перспективы европейской интеграции скептически и обращает внимание на низкий уровень интеграции рынка цифровых услуг. Кроме того, она отмечает, что «многие другие менее яркие события и тенденции дают основание говорить о замедлении интеграционной динамики и исчерпании интеграционного ресурса в его исконном понимании» [Громыко, 2022: 112]. Замедление интеграционных тенденций не вызывает сомнений, а вот тезис об «исчерпании интеграционного ресурса» представляется пока преждевременным.

Исследование о влиянии шоков на национальную торговлю в рамках Евросоюза, проведенное А.В. Котовым, Р.М. Плюсниным, А.Д. Васильченко, вызывает несомненный интерес, т. к. эта проблема недостаточно изучена. В главе значительное место уделено теоретическим вопросам и методологии. Авторы подчеркивают, что ориентированность стран Евросоюза на интеграционную группировку с годами возрастала. Наибольший рост индекса интровертности внутрирегиональной торговли у стран ЕС наблюдался в кризисные годы, а наибольший прирост показывали новые страны-члены [Громыко, 2022: 134]. Пандемия коронавируса также стимулировала развитие двух взаимосвязанных процессов: сдвиги в сторону усиления взаимосвязи в производстве, торговли и технологиях Евросоюза и Китая и все более выраженное стремление к сворачиванию производственно-сбытовых цепочек, к локализации их в пределах ЕС. Общий тон авторов в отношении будущего европейской интеграции оптимистичный, т. к. даже в годы кризиса и пандемии межрегиональная торговля развивалась, что выступает важным фактором стабильности объединения.

Зеленый курс, анализу которого посвящена глава В.Б. Белова, – самый амбициозным проект Евросоюза. Он предусматривает переход в течение 30 лет к климатически нейтральной экономике в условиях одновременной цифровой и энергетической трансформации и повышения на этой основе международной конкурентоспособности. Автор, подробно рассматривая новую промышленную стратегию ЕС, подчеркивает, что Брюссель в этой сфере взял курс на стратегическую автономию, увеличение независимости от внешних поставок критически важных материалов, комплексное развитие экосистемы и устранение барьеров внутри Европейского внутреннего рынка, цифровую трансформацию. Основное внимание уделено водородной стратегии как основе энергоперехода. Отмечается неоднозначность последствий пандемии, которые потребовали корректировки Европейской промышленной политики, но одновременно стимулировали процессы дигитализации [Громыко, 2022: 141, 146]. По оценкам автора, не наблюдается заметных успехов в сфере применения искусственного интеллекта. В.Б. Белов указывает на многочисленные трудности и проблемы с реализацией водородной стратегии, включая не только производства, но и хранение и транспортировку H_2 , отсутствие гарантированных погодных условий для бесперебойной и надежной работы ветряных и солнечных энергоустановок, сложности с поиском международных партнеров, ошибки еврочиновников и т. д.

Общий вывод состоит в том, что курс ЕС на повышение конкурентоспособности будет реализовываться с поправками и уточнениями. Однако ситуация не столь однозначна. В первую очередь речь идет о том, сможет ли ЕС добиться такой степени независимости

от внешних поставок критически важных материалов, таких как нефть, газ, уран и др. В нынешних условиях, в т. ч. из-за санкций ЕС против энергетического сектора России и политической нестабильности в ряде стран Африки, добиться в этом стратегической автономии будет сложно, если вообще возможно. На текущем этапе заметно, как отдельные страны, особенно Южной Европы, предпочитают делать упор на развитие собственных ресурсных стратегий, а не на совместные решения [Маслова, Шебалина, 2023].

Одна из наиболее дискуссионных проблем – это изменение климата. Цели объединения, изложенные в документах «Зеленый курс» и «*Fit for 55*», привлекли внимание амбициозностью и решительностью. Однако, как показывает С.А. Рогинко, по ряду позиций эти проекты оказались нереалистичными. В частности, сказывается усталость общества от многочисленных дискуссий, отсутствие единого подхода в научном мире. Самое главное – это нежелание жертвовать своим благосостоянием. Политическая элита ЕС, особенно во Франции, где в ответ на введение углеродного налога возникло массовое движение «желтых жилетов», явно недооценила возможность сопротивления снизу. В результате первоначальный рывок в деле сокращения выбросов обеспечен экономически доступными и технологически надежными решениями, но в дальнейшем Евросоюз был вынужден обратиться к более дорогостоящим и менее надежным способам.

Далее планируется переход к стратегиям, опирающимся на технологии, которые могут появиться в будущем. Однако энергетические проблемы, возникшие сейчас, заставили ЕС действовать более осторожно и реалистично, в частности согласиться на развитие атомной и газовой энергетики. Это придает уже другой контекст проблеме обеспечения независимости от внешних поставок критически важных материалов, например урана. Одновременно Брюссель ищет пути ускоренного отказа от российских энергоносителей. Автор убедительно подводит к выводу, что Евросоюз не откажется от климатической повестки, но заявленные цели, скорее всего, не будут достигнуты, а виновником будет объявлена Россия.

Таким образом, экономическая политика и перспективы ЕС во многом остаются неясными. Вероятность дезинтеграции или распада Евросоюза почти отсутствует, но открытым остается вопрос о возможности выхода на более высокий уровень интеграции. В любом случае экономику ЕС ждут в ближайшие годы сложные времена. Не исключено, что европейские элиты попытаются возложить ответственность за эти трудности на Россию. Раньше экономические связи с РФ рассматривались как способ решения проблем Евросоюза. Теперь ситуация совершенно иная, что может стать серьезным препятствием для восстановления отношений в будущем.

Социальные проблемы

Глубокие изменения в мире повлияли на социальную сферу Европы, которая до последнего времени отличалась высокой степенью эффективности. Первая группа изменений связана с трансформацией социальных моделей, чему посвящено исследование Л.С. Биссон. Автор справедливо отмечает, что в реальности в Европе существует несколько моделей государства всеобщего благосостояния: либеральная, консервативная, социал-демократическая и средиземноморская, в которой важную роль в социальной поддержке играет семья. Кроме того, выделена модель бывших

социалистических стран, которым до сих пор присущи черты перехода от плановой к рыночной экономике. Экономический кризис 2008 г. стимулировал «перезагрузку» идеи Социальной Европы. Всем государствам ЕС, несмотря на различия в моделях, присущ определенный набор установок, вытекающий из их членства. Л.С. Биссон подчеркивает, что «наднациональное законодательство ЕС играет значительную роль в расширении трудовых прав граждан ЕС» [Громыко, 2022: 203]. Это может стать фактором поддержки населением институтов ЕС. Кризис 2008 г. и пандемия стали серьезными испытаниями, которые европейские социальные системы выдержали, но многие проблемы и вызовы сохраняются. Запрос на Социальную Европу среди граждан ЕС растет. Более того, некоторые элементы Европейской социальной модели оказали воздействие на политику США и Бразилии (укрепление социальной защиты и охват медицинского обслуживания). Этот момент очень важен. Несмотря на то что главной тенденцией сближения является заимствование Европой американских стандартов и практик, в ряде случаев имеет место движение в другом направлении.

Проблемы изменения социальной структуры европейского общества, рассмотренные Р.Н. Лункиным, – ключевые для понимания происходящих в ЕС процессов. Автор главы выделяет следующие разделительные линии / кливажи как основные:

- сторонники традиционной занятости против нетрадиционной (элита является «онлайн-классом» и по большей части управляет бизнесом, общественными и государственными структурами, а физический труд характеризует слои, которые недовольны своим социальным положением и мировоззрением ЕС);
- сторонники границ против сторонников открытости (эта проблема связана с различными вопросами: миграцией, выбором между глобальной экономикой и протекционизмом, суверенитетом, идентичностью страны, общества, культуры и общечеловеческими ценностями);
- сторонники консервативной морали против этики морального релятивизма (дискуссии вызывает вопрос о семейных ценностях, но он не единственный).

По оценкам Р.Н. Лункина, новые кливажи не отменяют старые (город – деревня, центр – периферия и т. д.), но они показывают социальное ядро недовольных. Их характеризуют физический труд, приверженность протекционизму и традиционное сознание. Эти черты исторически были присущи крестьянскому сословию и сейчас вернулись в новых формах. Вывод автора состоит в том, что если мнение недовольных не будет учтено, то это усилит ценностный раскол в ЕС, а в долгосрочной перспективе может привести к серьезным политическим последствиям. С этим нельзя не согласиться. Рост числа недовольных уже создал массовую базу для евроскептиков. Последние за 10–15 лет превратились в фактор, который нужно учитывать среди прочего партиям, находящимся у власти. Однако остаются открытыми вопросы, с чем связан подъем традиционного сознания, присущего крестьянству, в странах с преобладанием городского населения и как долго он продлится.

Схожие проблемы подняты в главе А.А. Рожина, по мнению которого новые социально-экономические конфликты возникают по следующим вопросам: коронавирусная политика ЕС и отдельных государств, гражданские права и экономическое благосостояние, миграционный кризис, а также реакция населения на санкции против России и их последствия [Громыко, 2022: 250]. Основное внимание уделено первому и

четвертому вопросу и протестной активности таких групп, как профсоюзы, рабочий класс и молодежь, которые ввиду уязвимости и способности к самоорганизации являются движущими силами протеста. А.А. Рожин показывает, как проблема пандемии постепенно оттеснила на второй план все другие и привела к значительному росту недоверия к институтам Евросоюза и отдельных государств. Результатом стало распространение фейков и теорий заговора, еще более ухудшивших атмосферу в обществе. Неоднозначны последствия украинского кризиса и обострения международной обстановки. С одной стороны, жители ЕС проявили солидарность по вопросам помощи Украине и беженцам, с другой – ощутили негативное влияние санкций. [Громыко, 2022: 273]. В то же время едва ли можно согласиться с мнением автора, что солидарность с Киевом является эмоциональной и со временем будет угасать. Эмоциональный элемент важен, но в Европе сильны опасения, что она будет вовлечена в военный конфликт. Поддержка Украины рассматривается именно в контексте предотвращения подобного развития событий. В частности, примечательна растущая военно-политическая вовлеченность Франции на восточных рубежах ЕС и НАТО [Chikhachev, 2023].

Проблемы европейской безопасности

В главе Д.А. Данилова обстоятельно проанализирована эволюция евроатлантической политики по проблемам европейской безопасности. Автор уделяет большое внимание США и отмечает, что в деятельности Д. Трампа и Дж. Байдена есть не только различия, но и общие черты и даже преемственность. Кратко, но точно представлены новые элементы политики США в отношении Британии (создание *AUKUS*¹), Польши и ряда других европейских государств. Д.А. Данилов считает, что стратегии европейской безопасности России и Запада уже длительное время различны и в какой-то момент превратились в противоположные. В то же время спорным является утверждение, что различия существовали с самого начала. По нашему мнению, в рамках Хельсинкского процесса во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. была создана хорошая база для взаимовыгодных отношений всех стран, включая Россию и Запад, а отход от основ сотрудничества начался позднее.

Д.А. Данилов подробно рассматривает цели Запада в отношении России, однако в его анализе имеются спорные моменты. Представляется, что как в момент распада СССР, так и после (до начала специальной военной операции) на Западе не было единой политики в отношении РФ, в т. ч. позиции о месте Москвы в системе европейской безопасности. Различия как по тактическим, так и по принципиальным вопросам были велики, и политика Запада была скорее компромиссом, а иногда и просто сочетанием различных подходов. При этом циклы принятия решений по этим проблемам в России и на Западе в ряде случаев не совпадали, что создавало дополнительные трудности и помехи. Эти сюжеты еще не в полной степени освещены в отечественной науке и требуют дополнительной разработки.

Д.А. Данилов делает вывод, что «развитие российско-евроатлантических отношений в какой-то мере напоминает классическую теорию экономических циклов: кризис-подъем(рост)-застой-падение-кризис-восстановление» [Громыко, 2022: 247]. Од-

¹ *AUKUS* – в АУКУС входят Австралия, Британия и США. – прим. ред.

нако в последние годы их сложно охарактеризовать как ход маятника (это больше относится к периоду 1991–2004 гг.). Здесь следовало бы указать, какие конкретно интересы России игнорировал Запад. Только пренебрежение к мнению Москвы и недооценка потенциала не могли стать главной причиной нынешней конфронтации. В этом контексте более детального рассмотрения заслуживает политика США в отношении Украины. Д.А. Данилов считает, что особых интересов у Вашингтона там нет. Ценность Украины для США действительно невелика. Однако Россия с самого начала заявляла, что целью СВО являются не только изменения на Украине, но и желание «покончить с курсом США на доминирование в мире»¹. Отказываться от своего положения в мировой политике Вашингтон не собирается, поэтому сейчас ставки выше, чем в годы Корейской войны, когда обе сверхдержавы не сомневались в основах Ялтинско-Потсдамской системы, а конфликтовали по вопросу разграничения сфер влияния. В связи с этим шансы на перемирие по примеру Кореи 1953 г. сейчас невелики.

П.А. Шариков концентрирует внимание на сочетании национальных и коллективных подходов к проблемам кибербезопасности. Автор показывает, что данными вопросами первоначально занималось НАТО. Видимо, Евросоюз начал с противодействия дезинформации и только затем перешел к вопросам кибербезопасности. Важно подчеркнуть, что автор акцентирует внимание на борьбе с дезинформацией в ходе предвыборных кампаний, в то время как у ЕС имеется опыт работы с неполитической дезинформацией, например разоблачением фейков о пандемии коронавируса [Колотаев, 2021]. Оценки автора деятельности НАТО несколько противоречивы. С одной стороны, П.А. Шариков пишет, что «в 2014 г. впервые лидеры государств-членов НАТО согласились, что кибератака может стать основанием для применения статьи 5 Североатлантического договора» [Громыко, 2022: 308], с другой – далее отмечает: «судя по всему, в среднесрочной перспективе отношение к кибератакам как гибридным формам агрессии сохранится» [Громыко, 2022: 313]. Очевидно, что НАТО также находится в процессе выработки своего подхода. Между членами альянса существуют различия, поэтому их следует рассмотреть более подробно. Однако самым большим недостатком данной главы является то, что в ней практически не обозначена проблема искусственного интеллекта.

Россия и Европа: что впереди? (Вместо заключения)

В книге нет специальной главы об отношениях России с ЕС, другими европейскими объединениями и государствами, но в той или иной степени эти сюжеты присутствуют в монографии.

За последние десятилетия отношения России с Западом, включая Евросоюз и отдельные европейские государства, претерпели изменения, в рамках которых можно выделить следующие этапы:

¹ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу «Россия». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 11.04.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808917/ (дата обращения 04.09.2023).

- первый (1991 – 2003/4 гг.), когда Россия стремилась максимально сблизиться или стать членом европейских и евроатлантических структур, а возникающие проблемы рассматривались как второстепенные, оставшиеся с прежних времен;
- второй (2003/4 – 2014 гг.), когда РФ начала движение по отличной от США и ЕС траектории социально-экономического развития и стала демонстрировать недовольство тем, что ей предоставлена только консультативная роль в процессе принятия важнейших решений;
- третий (2014 – 2021/2022 гг.), когда между Россией и Западом возникла конфронтация в ограниченных пределах, которая наиболее точно характеризуется как «прохладная война». Главными аренами стали экономика (санкции и контрсанкции) и киберпространство при сохранении нормальных отношений в гуманитарной сфере;
- четвертый (2021/22 гг. – н. в.), когда возникла острая конфронтация, центральной точкой которой является Украина, и началась война на истощение [Khudoley, Raś, 2021; Khudoley, 2022].

За это время полностью изменилось восприятие России и ЕС друг друга [Zaslavskaya, 2017]. Заявления Москвы и Брюсселя о стратегическом партнерстве даже в лучшие времена были некоторым преувеличением, но отражали стремление сторон к максимальному сближению. Теперь европейская элита открыто заявляет, например, в Стратегическом национальном обзоре Франции (ноябрь 2022 г.), что ее отношения с Россией перешли от «латентной конкуренции к открытой и длительной конфронтации», и именно НАТО (а не ОБСЕ или другая организация) является «основной и необходимой рамкой для коллективной безопасности в Европе»¹. Со своей стороны, Россия отнесла почти все европейские страны к числу недружественных.

В связи с этим встает вопрос, как будут развиваться взаимодействия в будущем. В условиях, когда в отношениях США, ЕС и Британии доминирует тенденция к большей координации усилий во всех областях, вероятность, что Евросоюз будет действовать автономно на российском направлении, невелика. Однако это не означает, что Вашингтон не будет учитывать мнение союзников при принятии важнейших внешнеполитических решений. Политическая позиция европейских союзников (даже в условиях повышения внимания к КНР и региону Тихого океана) достаточно важна, и ни одна американская администрация, демократическая или республиканская, не будет ее игнорировать.

В настоящее время наиболее вероятный вариант развития событий – продолжение войны на истощение. Большинство конфликтов, происходивших в мире в последние десятилетия, заканчивались в течение нескольких недель или месяцев. Те из них, в которых интенсивные военные действия шли более года, обычно затягивались на длительный срок [Charap, 2023]. Скорее всего, это произойдет и с украинском конфликтом, но степень интенсивности противостояния будет колебаться в определенных рамках.

¹ Revue nationale stratégique. SGDSN. 2022. URL: http://www.sgdsn.gouv.fr/communiqués_presse/revue-nationale-strategique-2022/ (дата обращения: 04.09.2023).

Нельзя не согласиться с Ал.А. Громыко, что современная борьба на истощение «повышает вероятность прямого столкновения ядерных держав» [Громыко, 2022: 26]. Вероятность постепенного смягчения конфронтации и урегулирования как конфликта на Украине, так и общих противоречий между Россией и Западом на данном этапе минимальна. Тем не менее анализировать будущее посткризисное существование необходимо¹. Россия, европейские объединения и страны-соседи заинтересованы в нормальных деловых отношениях. Восстановление или частичная реставрация старой модели, скорее всего, невозможно. Для создания новой концепции необходим тщательный анализ исторического опыта, как позитивного, так и негативного, и глубокое понимание процессов, происходящих в Европе, чему несомненно способствует рецензируемая монография.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (ред.) (2022) *Европа в кризисном мире*. Весь мир, Москва. 376 с. DOI 10.55604/9785777708953

Колотаев Ю.Ю. (2021) Европа и Европейский союз в контексте информационных угроз постковидного мира. *Современная Европа*. № 7. С. 143–151. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021135143>

Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. (ред.) (2022) *Мировая политика в эпоху COVID-19*. Аспект-Пресс, Москва. 316 с.

Маслова Е.А., Шебалина Е.О. (2023) «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 25–33. DOI: 10.15211/vestnikieran220232533

Хахалкина Е.В. (2021) «Глобальная Британия»: от идеи к воплощению. *Современная Европа*. № 1. С. 21–32. DOI: 10.15211/soveurope120212132

Charap S. (2023) An Unwinnable War. Washington Needs an Endgame in Ukraine. *Foreign Affairs*. July/August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/unwinnable-war-washington-endgame> (accessed: 04.09.2023).

Chikhachev A.Y. (2023) France's Strategy in the Baltic Region: Military and Political Aspects. *Baltic Region*. No. 1. P. 4–17. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-1

Khudoley K. (2022) New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? *Strategic Analysis*. Vol. 46. No. 6. P. 571–584. DOI: 10.1080/09700161.2022.2149980

Khudoley K., Raš M. (2021) The History of Russia-European Union Relations. *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues*. Ed. by T. Romanova, M. David. Routledge; Taylor & Francis Group. P. 15–25.

Zaslavskaya N.G. (2017) Russia's perception of the European Neighbourhood Policy: A constructivist explanation. *Theorizing the European Neighbourhood Policy*. Ed. by S. Gstöhl, S. Schunz. Routledge; Taylor & Francis Group. P. 83–101.

Europe in the Crisis World: Pressing Issues, Unobvious Solutions

K.K. Khudoley

*Doctor of Sciences (History), St. Petersburg State University,
199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya Emb., 7-9*

E-mail: kkhudoley@gmail.com

¹ Громыко Ал.А. России и Западу нужно готовиться к постконфликтному сосуществованию. РСМД. 24.06.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossii-i-zapadu-nuzhno-gotovitsya-k-postkonfliktnomu-sosushchestvovaniyu/?sphrase_id=103578631 (дата обращения: 29.08.2023).

Abstract. The article analyses the main trends in the development of modern Europe in the context of the world crisis and the profound transformation of international relations based on the collective monograph “Europe in a Crisis World” edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Al.A. Gromyko. A wide range of problems is considered, including Europe's place in the emerging new balance of power in the world and the strengthening of decentralisation and regional integration processes, the strengths and weaknesses of the European strategy to counter the coronavirus pandemic, the new configuration that has emerged in Europe due to Britain's withdrawal from the EU and the development of integration processes in the post-Soviet space. A particular emphasis is given to the complexity and contradictory processes in Europe's economic and social spheres, calling into question the likelihood of deepening integration within the EU. The problems of European security and the prospects of relations between Russia and the West, including European associations and states, are considered separately.

Keywords: Europe, European Union, Great Britain, Russia, USA, EAEU, European security, coronavirus pandemic

DOI: 10.31857/S0201708323060177

EDN: xyrigx

REFERENCES

- Charap S. (2023) An Unwinnable War. Washington Needs an Endgame in Ukraine, *Foreign Affairs*, July/August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/unwinnable-war-washington-endgame> (accessed: 04.09.2023).
- Chikhachev A.Y. (2023) France's Strategy in the Baltic Region: Military and Political Aspects, *Baltic Region*, 1, pp. 4–17.
- Gromyko Al.A. (ed.) (2022) *Evropa v krizisnom mire* [Europe in the Crisis World], Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hahalkina E.V. (2021) “Global'naya Britaniya”: ot idei k voploshcheniyu [“Global Britain”: From Idea to Implementation], *Sovremennaya Evropa*, 1, 21–32. (In Russian).
- Khudoley K. (2022) New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? *Strategic Analysis*, 46 (6), 571–584.
- Khudoley K., Raś M. (2021) The History of Russia-European Union Relations, in Romanova T., David M. (ed.) *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations: Structures, Actors, Issues*, Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 15–25.
- Kolotaev Y.Y. (2021) Evropa i Evropeiskii soyuz v kontekste informatsionnykh ugroz postkovidnogo mira [Malicious Information Threats of a Post-Covid World in Europe and the European Union], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 143–151. (In Russian).
- Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. (eds.) (2022) *Mirovaya politika v epokhu COVID-19* [World Politics in the Age of COVID-19], Aspekt-Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Maslova E.A., Shebalina E.O. (2023) “Sredizemnomorskaya karta” v evropeiskoi politike Italii [“Mediterranean Card” in Italy's European Policy], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, pp. 25–33. (In Russian).
- Zaslavskaya N.G. (2017) Russia's perception of the European Neighbourhood Policy: A constructivist explanation, in Gstöhl S., Schunz S. (ed.) *Theorizing the European Neighbourhood Policy*. Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 83–101.

УДК:327, 339.926

ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В МОРСКИЕ ПОРТЫ СТРАН ЕС

© 2023 г. **ЯНЬБИНЬ У.**

Соискатель факультета мировой политики, МГУ М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1

E-mail: *yanbinwu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 15.04.2023

После доработки 29.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Объект исследования статьи – китайские инвестиции в портовую инфраструктуру стран ЕС. На основе изучения разработанных КНР и ЕС документов сделан анализ мотивов вложения финансовых средств в портовую инфраструктуру и текущего состояния проектов КНР в Европе с китайской точки зрения. Представлен взгляд Евросоюза на китайские капиталовложения и их перспективы. В последние годы объем китайских инвестиций в портовую инфраструктуру стран ЕС увеличился, а роль портов как центров экономического и торгового сотрудничества Пекина и Брюсселя стала более заметной. Однако в Евросоюзе усиливается негативная оценка этих тенденций. Некоторые государства опасаются, что инвестиции из Китая повлияют на их собственные позиции в судоходной отрасли, вызовут политические разногласия внутри интеграционного объединения, будут иметь далеко идущие геополитические последствия и могут угрожать безопасности. Автор считает, что, инвестируя в порты ЕС, Китай руководствуется исключительно экономическими и торговыми интересами и выступает за активное развитие взаимовыгодного портового сотрудничества.

Ключевые слова: инвестиции в портовую инфраструктуру, ЕС, КНР, китайско-европейские отношения, экономика, безопасность

DOI: 10.31857/S0201708323060189

EDN: ybowkv

Развитие портовой инфраструктуры – важный компонент инициативы КНР «Пояс и путь». В последние годы Китай вложил значительные средства в развитие портов в Европе. Многие европейские страны рассматривают инвестиции в порто-

вую инфраструктуру из КНР¹ как возможность для развития, однако некоторые утверждают, что тем самым Пекин усиливает влияние в Европе, создает серьезные экономические и политические риски и потенциально угрожает безопасности ЕС. Однако китайские специалисты считают, что капиталовложения направлены на получение коммерческой выгоды и реализацию экономических интересов Китая и не могут иметь политический характер [Zou, Sun, 2021]. Что касается развития отношений КНР и ЕС в сфере экономики и торговли, ученые в целом согласны, что Брюссель становится все более чувствительным к инвестиционной деятельности Пекина. Возникает явление пансекьюритизации (*pan-securitization*) [Liu, 2019; 2022]. На фоне усиления глобальной конфронтации КНР и США и углубления координации американо-европейского политического курса в отношении Китая изучение текущего состояния и восприятия китайско-европейского портового сотрудничества имеет большое значение для инвесторов и транснациональных компаний.

Текущее состояние китайских инвестиций в портовую инфраструктуру стран ЕС

В конце 2022 г. КНР стала третьим по важности партнером Евросоюза по экспорту товаров и крупнейшим импортером в ЕС². В 14-м пятилетнем Плане национального экономического и социального развития и видения Китая до 2035 г.³ особое внимание уделено созданию нового международного сухопутно-морского торгового коридора [Кашин и др., 2021]. Тесные торговые отношения КНР и ЕС и потенциал рынка последнего привлекают китайских инвесторов в портовую инфраструктуру [Liu, Ma, 2022].

В последние годы государственные предприятия КНР осуществили значительные инвестиции и строительство портов в Греции, Италии, Испании, Франции, Бельгии, Нидерландах, Германии и других странах ЕС. Китай активно расширяет двустороннее судоходное сотрудничество и инвестиции в портовую инфраструктуру в европейском регионе, связывая их со все более диверсифицированными железнодорожными транспортно-логистическими проектами «Транс-Евразия Логистика» (*Trans-Eurasia Logistics*) и «Китайско-Европейская морская и железнодорожная логистика» (*Ocean-Rail Logistics*) в рамках инициативы «Пояс и путь», для построения взаимосвязанного партнерства КНР и ЕС [Zou, 2022].

¹ В данной статье под китайскими инвестициями в портовую инфраструктуру в основном понимается приобретение акций, строительство и эксплуатация портов государственными предприятиями КНР.

² Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#China_largest_partner_for_EU_imports_of_goods_in_2022 (дата обращения: 12.04.2023).

³ The 14th Five-Year Plan (2021-2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China. The State Council of the People's Republic of China. 2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 11.04.2022).

Китайские компании заинтересованы в инвестициях в порты среднего размера с выгодным географическим положением с целью их расширения и дальнейшего превращения в крупные транспортно-логистические центры [Гемужева, 2019]. В Южной Европе Греция, Италия и Испания – основные страны-реципиенты портовых инвестиций китайских компаний. В частности, значительные средства вложены в порт Пирея в Греции. Китайская компания «Чайна Оушен Шиппинг (Груп) Компани» (*China Ocean Shipping (Group) Company, COSCO*)¹ приобрела 67% акций контейнерного терминала порта² и использует его в качестве международного перевалочного узла, что сделало Пирей крупнейшим контейнерным портом Восточного Средиземноморья. Грузы следуют по маршруту КНР – Средиземноморье, далее из Пирейского порта отправляются наземным транспортом через страны Юго-Восточной Европы в страны Центральной и Восточной Европы, что позволяет оптимизировать временные затраты [Van der Putten, 2016]. Сокращение дистанций морского транспорта и удобство железнодорожных перевозок определили успех проекта «Порт Пирей + морская и железнодорожная логистика» [Sang, 2019]. В 2013 г. транспортная компания «Чайна Мерчантс Порт» (*China Merchants Port, CMPort*) расширила международную деятельность, приобретя 49% акций «Терминал Линк» (*Terminal Link*) – дочерней компании «СиЭмЭй СиДжиЭм Груп» (*CMA CGM Group*), включая часть акционерного капитала и права эксплуатации портов в таких странах, как Франция, Мальта и Греция³. В 2016 г. *COSCO* совместно с компанией «Циндао Порт Груп» (*Qingdao Port Group*) купила 40% акций контейнерного терминала порта Вадо (Италия) и участвовала в его строительстве и эксплуатации⁴. В 2017 г. *COSCO* приобрела 51% акций испанской компании «Ноатум Порт Холдингс» (*Noatum Port Holdings, NPH*) и стала принимать участие в эксплуатации ее терминалов в портах Валенсии и Бильбао⁵. Логистический маршрут между этими портами проходит через Мадрид, соединяет Средиземное море и Атлантический океан и обеспечивает диверсификацию наземных и морских транспортных проектов КНР и ЕС. Кроме того, в рамках проекта «Китайско-Европейская морская и же-

¹ Одна из крупнейших транспортных компаний в мире. Штаб-квартира расположена в Шанхае.

² В 2008 г. *COSCO* подписала с греческой стороной концессионное соглашение сроком на 35 лет. В 2010 г. она учредила компанию «СиОуЭсСиОУ Шиппинг Порте Пайриэс Терминал Лимитид» (*COSCO Shipping Ports Piraeus Terminal Ltd, PCT*) для управления пирсами II и III. В 2016 г. *COSCO* приобрела 67% акций Управления порта Пирея и в августе того же года приступила к управлению. Новая компания «СиОуЭсСиОУ Шиппинг Пайриэс Порт Лимитид» (*COSCO Shipping Piraeus Port Limited, PPA*) расширила бизнес в Греции и начала эксплуатировать также паромные, круизные и нефтегазовые терминалы, заниматься судоремонтом и судостроением.

³ Официальный сайт China Merchants. URL:

https://www.cmhk.com/main/a/2020/c27/a40180_41704.shtml (дата обращения: 06.04.2023).

⁴ Официальный сайт COSCO. URL:

https://www.coscoshipping.com/art/2016/10/17/art_6864_51874.html (дата обращения: 06.04.2023).

⁵ Официальный сайт COSCO. URL:

https://www.coscoshipping.com/art/2017/6/12/art_6864_59824.html (дата обращения: 10.04.2023).

лезнодорожная логистика» создана новая транспортная ветка в Центральной Европе из Триеста в Будапешт через Словению¹.

В западноевропейском регионе китайские компании инвестируют в основном в порты Франции, Бельгии, Нидерландов и Германии. Гонконгская компания «Хатчисон Вампоа Порт Холдингс Лимитед» (Hutchison Whampoa Port Holdings Limited) через дочернюю компанию «Юропиан Контейнер Терминал Компани» (*European Container Terminal Company*) управляет контейнерными терминалами «Юромакс» (Euromax) и «Дельта» (Delta) в Роттердаме². У *Hutchison Whampoa* также есть проекты терминалов в портах Дуйсбурга (Германия), Антверпена (Бельгия) и Венло (Нидерланды). *COSCO*, в результате приобретения 35% акций контейнерного терминала *Euromax* в порту Роттердама в 2016 г., участвует в эксплуатации крупнейшего узлового порта в Северо-Западной Европе³. В 2017 г. *China Ocean Shipping (Group) Company* получила долю в «Маэрск Терминал» (APMT) в бельгийском порту Зебрюгге и контрольный пакет акций в размере 85,45%⁴. В 2021 г. *COSCO* собиралась приобрести 35% акций контейнерного терминала «Толлерорт» (CTT) в порту Гамбурга⁵, однако правительство Германии одобрило покупку только 24,99% акций⁶. ФРГ – центр торговли Евросоюза с Китаем. Порты Гамбурга и Дуйсбурга – основные транзитные пункты на маршруте Китай – Европа и места соединения морского и сухопутного путей.

Китайские портовые инвестиционные проекты в странах ЕС охватывают практически все регионы: от Пирея в Греции до Гамбурга в Германии, от Средиземного моря до Северного моря. Тесные экономические и торговые связи Китая и Евросоюза – движущая сила обширных инвестиций, которые показывают, что ЕС – важная часть глобальной стратегии крупных государственных транспортных компаний КНР.

Восприятие китайских инвестиций в портовую инфраструктуру стран ЕС

По мнению российских экспертов, европейско-китайские отношения испытывают «эффект перелива», но если раньше сотрудничество в торгово-инвестиционной сфере «переливалось» в партнерство в политических и стратегиче-

¹ Официальный сайт COSCO. URL:

https://www.coscoshipping.com/art/2022/6/27/art_6864_273348.html (дата обращения: 10.04.2023).

² Официальный сайт ECT Hutchison Ports. URL: <https://www.ect.nl/en/terminals> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Официальный сайт COSCO. URL:

https://www.coscoshipping.com/art/2016/5/11/art_6864_48218.html (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Официальный сайт COSCO. URL:

https://tech.coscoshipping.com/art/2017/9/13/art_7232_64145.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ Официальный сайт COSCO. URL:

https://www.coscoshipping.com/art/2021/9/22/art_21744_216725.html (дата обращения: 05.04.2023)

⁶ COSCO buys 24.9% stake in Hamburg terminal. China Daily. 27.10.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202210/27/WS635a4376a310fd2b29e7eddf.html> (дата обращения: 05.04.2023).

ских вопросах, то теперь возросшая политизация воздействует на экономику [Кашин и др., 2022]. Другими словами, тема безопасности серьезно влияет на отношения Китая и ЕС.

Таблица 1

Модели восприятия европейцами роли портовых инвестиций КНР

Модель восприятия	Основные аспекты	Примеры
Кооперативное развитие (преобладающее мнение в прошлом)	Привлечение дополнительных инвестиций для модернизации европейских портов и ускорения экономического роста в европейских странах	Строительство и эксплуатация Пирейского порта
Конкуренция на рынке (преобладающее мнение сегодня)	Рыночная конкуренция с европейскими компаниями и влияние компаний КНР на доминирующее положение европейских компаний в атлантическо-средиземноморской торговле	Приобретение китайскими компаниями (<i>COSCO</i> , <i>CMPort</i> и др.) акций крупных европейских компаний
Политические разногласия и угрозы безопасности (прогноз преобладающего мнения в будущем)	Влияет на единство европейской политики в отношении КНР, угрожает европейской безопасности, скрывает военные цели за китайскими инвестициями в европейские торговые порты	Порт Риеки, Хорватия Порт Гамбурга, Германия

Составлено автором на основе данных СМИ.

Существует три основных взгляда на китайские инвестиции в портовую инфраструктуру стран ЕС (Табл. 1). В некоторых странах считают, что инвестиции КНР способствовали развитию инфраструктуры Евросоюза и помогли национальным экономикам, находящимся в кризисе [Prodi, 2015], в частности Греции и Италии. Например, китайские инвестиции в порт Пирея привнесли динамизм в экономическое развитие региона, обеспечив более 2,6 тыс. рабочих мест и косвенно повлияв на создание 10 тыс. рабочих мест¹.

Представители портовых логистических центров Западной Европы считают, что компании КНР изменили и даже нарушили структуру местного европейского рынка, повлияв на развитие европейских компаний и портов [Ekman, 2018]. Китайские инвестиции в транспортную сферу Средиземноморского побережья Европы способствовали скачкообразному развитию и повышению роли портов Южной Европы в европейском и международном судоходстве. Проекты Китая изменили сложившиеся торговые потоки и логистические схемы, что привело к дисбалансу интересов внутри ЕС. КНР пока не угрожает доминированию европейских предприятий на рынке. Пор-

¹ Business environment guide for enterprises investing abroad in countries (regions). China Council for the Promotion of International Trade. 2020. URL: <https://www.ccpit.org/image/1/dfe25b55fd164d44a1444dd6a5ea728e.pdf> (In Chinese). (дата обращения: 05.04.2023).

товые и судоходные компании, такие как «ЭйПиЭм Маэрск» (*APM-Maersk*), «Медитерранеан Шиппинг Компани» (*Mediterranean Shipping Company, MSC*), *СМА CGM*, «Хапаг-Ллойд» (*Hapag-Lloyd*) и «Юрогейт» (*Eurogate*), по-прежнему выступают лидерами в области инвестиций и развития портов в Европе и в мире.

Инвестиции в портовую инфраструктуру становятся важным фактором в отношениях КНР и государств – членов ЕС, таких как Греция, Италия и Испания, и усиливают опасения Брюсселя, что китайские проекты окажут негативное влияние на интеграционные процессы [Anthony et al., 2021]. Капиталовложения КНР в европейские порты рассматриваются как инструмент влияния на политику и все чаще воспринимаются Евросоюзом как вызов. Брюссель считает, что коммерческая деятельность китайских государственных компаний имеет скрытые цели «оборонного характера» [Kirsch, 2023]. В последние годы Еврокомиссия и Европарламент неоднократно заявляли о необходимости разработки единой и согласованной стратегии в отношении Китая, согласно которой все государства-члены должны нести ответственность за обеспечение соответствия сотрудничества с КНР законам, правилам и политическому курсу ЕС¹. Поскольку китайские компании все больше инвестируют в портовые проекты в Европе, Брюссель испытывает беспокойство по поводу потенциального расширения китайского военного присутствия в европейских странах. Несмотря на отсутствие публично заявленных планов превращения европейских портов в военные базы, китайские военные корабли заходили с дружеским визитом в Пирейский порт, что вызывает опасения ЕС в связи с возможностью появления китайских военных объектов в таких странах, как Греция [Duchatel, 2019]. Одна из причин подозрений Евросоюза заключается в том, что некоторые европейские порты, управляемые китайскими компаниями, являются логистическими центрами НАТО². Опасения по поводу безопасности продолжают увеличиваться на фоне усиления глобальной конкуренции КНР и США. Растет вероятность, что Евросоюз вслед за США будет ограничивать китайские инвестиции в портовую инфраструктуру.

Негативное восприятие странами ЕС китайских портовых инвестиций становится все более выраженным. С одной стороны, Евросоюз рассматривает китайские вложения в геополитическом контексте, исходя из тезиса о конкуренции великих держав, и не признает наличие общих интересов с КНР в сфере развития портов. С другой – на восприятие европейских стран оказывают влияние США, которые опасаются, что китайские инвестиции могут ослабить позиции Вашингтона в регионе.

¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council: elements for a New EU Strategy on China. European Commission. 22.06.2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0030&from=EN> (дата обращения: 29.04.2022); EU-China: A Strategic Outlook. European Commission. 12.03.2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019JC0005&from=EN> (дата обращения: 15.04.2023).

² Chinese strategic interests in European ports. 02.2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/739367/EPRS_ATA\(2023\)739367_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/739367/EPRS_ATA(2023)739367_EN.pdf) (дата обращения: 28.04.2023).

По этим причинам проекты компаний КНР в Европе имеют геополитическое значение, выходящее за рамки двусторонних отношений.

Заключение

Портовая инфраструктура – ключевой элемент развития отношений КНР и ЕС в экономической и торговой сферах, которые открывают возможности для дальнейшего сотрудничества. В последние годы китайские инвестиции способствовали укреплению дружественных отношений некоторых стран ЕС с Китаем и улучшили восприятие Пекина, однако оценка инвестиционной деятельности КНР зависит не только от внутренних, но и от внешних факторов.

Глубокие изменения в международной обстановке, в частности противостояние КНР и США и кризис на Украине, усилили неопределенность в китайско-европейских отношениях. В области идеологии, высоких технологий и новых отраслей промышленности Брюссель все в большей степени координирует свои действия с Вашингтоном, а Пекин и Москва продолжают укреплять сотрудничество в области торговли, энергетики и финансов. Превращение этих тенденций в политический статус-кво вызывает в ЕС сомнения. Евросоюз неоднократно подчеркивал, что «снижение риска» (*derisking*) в отношениях с Китаем не означает «разрыва» (*decoupling*). Однако политика Брюсселя и расплывчатость концепции «снижение риска» угрожают китайским инвестиционным проектам в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гемуева К.А. (2019) Китайские инвестиции в транспортную инфраструктуру ЕС: стимул для развития двусторонней торговли? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 6. С. 152–169.

Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Литвинов А.А., Поташев Н.А. (2021) *Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР*. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, Москва. 24 с. URL: <https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).

Кашин В.Б., Шейн С.А., Мельникова Ю.Ю., Красикова Л.В., Поташев Н.А. (2022) *Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнерство?* Рабочая тетрадь. № 65. НП РСМД, Москва. 40 с.

Anthony I., Zhou J., Yuan J., Su F., Kim J. (2021) China – EU Connectivity in an Era of Geopolitical Competition. *SIPRI Policy Paper*. Issue 59. 50 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/sipripp59.pdf> (accessed: 15.11.2021).

Duchatel M. (2019) Blue China in the Mediterranean, Beyond Port Management. *Italian Institute for International Political Studies*. 04.02.2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/blue-china-mediterranean-beyond-port-management-2216> (accessed: 15.11.2021).

Ekman. A. (2018) *China in the Mediterranean: An Emerging Presence*. Notes de l'Ifri. Ifri, Paris, France. 21 p. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_mediterranean_2018_v2.pdf (accessed: 29.11.2022).

- Kirsch S. (2023) *The BRI in Europe-Opportunities for a Transatlantic Response*. Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School, Cambridge, USA. 64 p.
- Liu W., Ma X. (2022) Maritime Silk Road port cooperation boosts the establishment of China-EU Blue Partnership. *Research and Explore*. Issue 3. P. 108–111. (In Chinese).
- Liu Z. (2019) *Europe and the "Belt and Road" Initiative: Responses and Risks*. China Social Science Press, Beijing, China. 137 p. (In Chinese).
- Liu Z. (2022) The "Pan-Securitization" of EU Connectivity Policy and Sino-European Cooperation. *Theory Journal*. Issue 1. P. 72–81. (In Chinese).
- Prodi R. (2015) A Sea of Opportunities: The EU and China in the Mediterranean. *Mediterranean Quarterly*. Vol. 26. Issue 1. P. 1–4.
- Sang X. (2019) Problems and Potential Risks of China's Port Investment in Europe: the Port of Piraeus as an Example. *International Forum*. Issue 3. P. 22–36. (In Chinese).
- Van der Putten F.P. (2016) Infrastructure and Geopolitics: China's Emerging Presence in the Eastern Mediterranean. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Issue 4. P. 337–351.
- Zou Z., Sun D. (2021) China's Seaport Diplomacy in the Eastern Mediterranean: Features, Dynamics and Prospects. *China: An International Journal*. Issue 4. P. 100–120.
- Zou Z. (2022) China's Port Investment in Europe and China-EU Interconnectivity Partnership. *Pacific Journal*. Issue 12. P. 64–75. (In Chinese).

China's Investment in EU member-states' Seaports

U. Yanbin

External PhD Student of the Faculty of World Politics

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

E-mail: yanbinwu@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the Chinese port investment in the EU countries and analyses the motivation and current situation behind it from the Chinese perspective as well as explains the European perception of investment and its future prospect. The study is based on the Chinese and European official documents and Chinese scholars' articles. In recent years, the number of Chinese port investment projects in European countries has been increasing, and the role of ports as hubs in China-EU economic and trade cooperation has become more prominent. However, the negative perception of Chinese port investment in the EU also gradually increases. The EU is concerned that Chinese port investments will challenge the market dominance of European companies in the port shipping sector and cause political division within the EU, even with far-reaching geopolitical implications and security problems. Chinese academics generally believe that China's investment in EU ports is purely a matter of its own economic and trade interests rather than security considerations, and advocate that China and EU should actively promote port cooperation, follow the path of spatial integration and integration of interests, and build a multi-party community of interests for China-EU port cooperation, and require Europe to abandon the direct influence of external factors and commit to fostering a positive interaction between China and EU. It is necessary for Europe to work towards an effective cooperation between China and the EU on economic development issues and political security issues instead of creating a malicious confrontation.

Keywords: port investment, EU, China, China-European Union relations, economy, security

DOI: 10.31857/S0201708323060189

EDN: ybowkv

REFERENCES

- Anthony I., Zhou J., Yuan J., Su F., Kim J. (2021) China – EU Connectivity in an Era of Geopolitical Competition, *SIPRI Policy Paper*, 59. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/sipripp59.pdf> (accessed: 15.11.2021).
- Duchatel M. (2019) Blue China in the Mediterranean, Beyond Port Management, *Italian Institute for International Political Studies*, 04.02.2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/blue-china-mediterranean-beyond-port-management-2216> (accessed: 15.11.2021).
- Ekman. A. (2018) *China in the Mediterranean: An Emerging Presence*, Notes de l' Ifri, Ifri, Paris, France. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ekman_china_mediterranean_2018_v2.pdf (accessed: 29.11.2022).
- Gemueva K.A. (2019) Kitayskie investitsii v transportnyuyu infrastrukturu ES: stimul dlya razvitiya dvustoronney trgovli? [Chinese investments in the EU transport infrastructure: an incentive for the development of bilateral trade?], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 6, pp. 152–169. (In Russian).
- Kashin V.B., Pyatachkova A.S., Smirnova V.A., Litvinov A.A., Potashev N.A. (2021) *Kitayskie eksperty o novom pyatiletnem plane KNR* [Chinese experts on the new Five-year plan of the People's Republic of China], HSE, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kashin V.B., Shein S.A., Mel'nikova Yu.Yu., Krasikova L.V., Potashev N.A. (2022) Evropeyskiy soyuz i Kitayskaya Narodnaya Respublika: (ne) strategicheskoe partnerstvo? [The European Union and the People's Republic of China: (not) a strategic partnership?], *Rabochaya tetrad'*, 65, NP RSMD, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kirsch S. (2023) *The BRI in Europe-Opportunities for a Transatlantic Response*. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, Cambridge, USA.
- Liu W., Ma X. (2022) Maritime Silk Road port cooperation boosts the establishment of China-EU Blue Partnership, *Research and Explore*, 3, pp. 108–111. (In Chinese).
- Liu Z. (2019) *Europe and the “Belt and Road” Initiative: Responses and Risks*, China Social Science Press, Beijing, China. (In Chinese).
- Liu Z. (2022) The “Pan-Securitization” of EU Connectivity Policy and Sino-European Cooperation, *Theory Journal*, 1, pp. 72–81. (In Chinese).
- Prodi R. (2015) A Sea of Opportunities: The EU and China in the Mediterranean, *Mediterranean Quarterly*, 26(1), pp. 1–4.
- Sang X. (2019) Problems and Potential Risks of China's Port Investment in Europe: the Port of Piraeus as an Example, *International Forum*, 3, pp. 22–36. (In Chinese).
- Van der Putten F.P. (2016) Infrastructure and Geopolitics: China's Emerging Presence in the Eastern Mediterranean, *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 4, pp. 337–351.
- Zou Z. (2022) China's Port Investment in Europe and China-EU Interconnectivity Partnership, *Pacific Journal*, 12, pp. 64–75. (In Chinese).
- Zou Z., Sun D. (2021) China's Seaport Diplomacy in the Eastern Mediterranean: Features, Dynamics and Prospects, *China: An International Journal*, 4, pp. 100–120.

IN MEMORIAM

Элен Каррер д'Анкос
(06.07.1929 – 05.08.2023)

Мировое научное сообщество понесло при-
скорбную утрату. 5 августа 2023 года сконча-
лась видный историк, политолог и лингвист
Элен Каррер д'Анкос.

Элен Каррер д'Анкос занимала пост посто-
янного секретаря Французской академии на
протяжении почти четверти века, была избрана
иностранном членом РАН и входила в состав
международного совета журнала «Современная
Европа» с момента его создания.

На протяжении 94-летней яркой, богатой со-
бытиями жизни она всегда оставалась верной
многообразным семейным истокам и изначально
избранным нравственным и политическим цен-
ностям.

Элен Каррер д'Анкос родилась 6 июля 1929 г.
в Париже в семье грузинского экономиста и
философа Георгия Зурабишвили, который эми-
грировал из России после Гражданской войны.

Нынешний президент Грузии Саломе Зурабишвили, начавшая свою политиче-
скую карьеру кадровым дипломатом в МИД Франции, является ее двоюродной
сестрой. С материнской стороны дед Элен Каррер д'Анкос – генерал российской
императорской армии фон Пекен с русско-немецкими корнями.

Элен Каррер де'Анкос изучала русский язык, историю и литературу в школе
при православной церкви св. Александра Невского на улице Дарю в Париже, вы-
шла замуж за француза и приняла его гражданство, окончила элитный Институт
политических наук, где впоследствии стала профессором истории.

Элен Каррер де'Анкос успешно защитила докторскую диссертацию о судьбах
узбекских эмигрантов в Российской империи от Александра II до Ленина. Она
получила широкую известность благодаря книге «Расколовшаяся империя»
(1978 г.), где был выдвинут прогноз о перспективе распада СССР под воздействи-
ем не столько внешних факторов, связанных с холодной войной, сколько внут-
ренних центробежных тенденций из-за контраста демографической динамики



РСФСР и мусульманских республик Средней Азии. Хотя этот тезис не подтвердился (процесс распада СССР начался не с восточной, а с западной периферии – стран Балтии, Украины), книга принесла автору репутацию одного из наиболее авторитетных специалистов на Западе по истории, культуре и политике России и славянского мира в целом.

Элен Каррер де'Анкос преподавала в университете Париж-I, а также в университетах США, Японии, Канады. В 1990 г. она стала членом, а спустя 9 лет первой женщиной – постоянным секретарем Французской академии, которая с XVII в. призвана хранить, обогащать и совершенствовать язык и культуру страны как на родине, так и за рубежом.

Перу Э. Каррер д'Анкос принадлежат десятки научных и публицистических трудов, вышедших в свет в разных странах мира: «Ленин – революция и власть», «Сталин – порядок через страх», «Конфискованная власть», «Большой брат: Советский Союз и советизированная Европа», «Русская трагедия: очерк о политическом убийстве», «Слава наций, или конец советской империи», «Победоносная Россия», «СССР – от революции до смерти Сталина», «Национальный вопрос в Советском Союзе и России», «Николай II – прерванный переход», «Екатерина II: золотой век для России», «Александр II: весна России», «Генерал де Голль и Россия», «Россия и Франция: от Петра Великого до Ленина» и т. д.

Научная и педагогическая карьера Э. Каррер д'Анкос получила продолжение в общественно-политической деятельности. В 1994–1999 гг. она была избрана депутатом Европарламента по списку голлистов и либералов (Объединение в поддержку республики – Союз за французскую демократию), поддерживала кандидатуру Р. Барра на президентских выборах 1988 г.

4 октября 2023 г. в парижском Доме инвалидов состоялась торжественно-траурная церемония в память об Элен Каррер д'Анкос, в ходе которой президент Франции Э. Макрон отметил «исключительную судьбу женщины, которая прошла через столетие, ознаменовав собой эпоху и сумев передать её историю тысячам своих читателей». Со своей стороны, президент РФ В.В. Путин с глубоким чувством напомнил о своих беседах с этой «великой француженкой», которая была большим другом России¹.

¹ *Рубинский Юрий Ильич* – д.и.н., профессор, руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН.



Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

